STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2017

#3 (23) || May

№3 (23) || май

ISBN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2017-23-3-1-259

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

канд. филол. наук доцент Д.С. Мухортов

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Технический редактор Екатерина Федорова

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьеңулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013
© 2013–2017. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2017 Stephanos

Stephanos

Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences Docent D.S. Mukhortov
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak
(Executive Secretary)
Technical Editor Ekaterina Fedorova

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishevska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

<i>Каверина В.В.</i> Пореформенная орфография: история нормирования.....	11
<i>Егорова И.Д.</i> Лингвостилистические особенности поэмы Ф.Н. Глинки «Иов. Свободное подражание книге Иова».....	25
<i>Трацяк З.І.</i> Спецыфіка ўвасаблення Першай сусветнай вайны ў беларускай літаратуры	36
<i>Lutar M.</i> Učbeniki Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik in 'Skupni evropski jezikovni okvir'	45
<i>Калугина М.Л.</i> А.П. Чехов и его современники: сближения и отталкивания.....	54
<i>Антанасиевич И.</i> Сербские истории русских художников.....	65

Материалы и сообщения

<i>Инь Ван, Михайлова М.В.</i> Что читали и о чем спорили на вилле Бельведер? (по страницам «Грасского дневника»)	79
<i>Ивинский Д.П.</i> Пометы кн. П.А. Вяземского на полях «Писем русского путешественника»	85
<i>Вранеш А.</i> Фотијев <i>Myriobiblon</i> – извориште библиографије.....	96
<i>Филатова Г.А.</i> Способы передачи оценочных смыслов для выражения отношения к действию (на материале романа Р. Желязны «Ночь в одиноком октябре» и его русских переводов).....	101
<i>Филатов А.В.</i> Творчество Н.С. Гумилева в аспекте мифопоэтики: исследовательские тенденции и перспективы.....	107
<i>Филатов А.В.</i> Содержание понятия «адамизм» и состав адамического мифа Н.С. Гумилева.....	117
<i>Добровольская В.В.</i> Готовимся преподавать РКИ	126
<i>Юэхань Ван.</i> К вопросу о фонетических и лексических трудностях при изучении русского языка китайскими учащимися	131

Программы

<i>Волошина О.А.</i> «История лингвистических учений». Вспомогательные материалы по курсу	138
--	-----

Библиографии

<i>Воропаев В.А.</i> Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 2016	190
<i>Воропаев В.А.</i> Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя (2014–2016)	214

Научная жизнь

<i>Ивинский Д.П.</i> Научная конференция к 225-летию со дня рождения князя П.А. Вяземского (1792–1878).....	218
---	-----

События. Имена. Судьбы

<i>Старостина Е.</i> День Святого Патрика на филологическом факультете МГУ.....	223
---	-----

Заметки. Впечатления

Интервью с Марией Александровной Бургановой	226
---	-----

Критика. Библиография

<i>Никуличева Д.Б.</i> Чекалина Е.М. Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. М.: МАКС Пресс, 2017. 196 с.	240
<i>Белова Т.Н.</i> «Литература русской эмиграции»: подводя итоги	243
<i>Ганина Н.А.</i> Эрфуртская историзованная Библия: издание и исследования Рудольфа Бентцингера	254
<i>Шешкен А.Г.</i> Ильина Г.Я. Библиография переводов хорватской литературы на русский язык. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 78 с.	257

Content

Papers

<i>Kaverina V.V.</i> A History of Normalizing Russian Spelling: From One Reform to Another	11
<i>Yegorova I.D.</i> Linguostylistic Characteristics of Fedor Glinka's Poem "The Book of Job. Free Paraphrase of the Book of Job"	25
<i>Tratsiak Z.I.</i> Specifics of World War I Depiction in Belarusian Literature	36
<i>Lutar M.</i> Centre for Slovene as a Second and Foreign Language Textbooks and the 'Common European Framework of Reference for Languages'	45
<i>Kalugina M.L.</i> Chekhov and His Contemporaries: Rapprochement and Repulsion	54
<i>Antanasievich I.</i> Serbian Stories of Russian Artists	65

Communications and Materials

<i>Wang Yin, Mikhaylova M.V.</i> Turning the Pages of the Grasse Diary: What They Read and Discussed at the Belvedere Villa	79
<i>Ivinsky D.P.</i> Count Pyotr Vyazemsky's Marginalia on "The Letters of the Russian Traveller" by N.M. Karamzin	85
<i>Vranesh A.</i> Photius' Myriobiblon: The Roots of Bibliography	96
<i>Filatova G.A.</i> The Means of Transferring the Evaluative Meanings for Expressing the Attitude to Actions (in Terms of the Novel by R. Zelazny «A Night in the Lonesome October» and Its Russian Translations)	101
<i>Filatov A.V.</i> N. Gumilev's Works in the Aspect of Mythopoetics: Investigation Ten- dencies and Prospects	107
<i>Filatov A.V.</i> The Content of the Concept "Adamism" and Texts of N. Gumilev Containing the Adamic Myth	117
<i>Dobrovolskaya V.V.</i> The Making of the Teacher of Russian as a Foreign Language	126
<i>Wang Yuehan.</i> Helping Chinese Students to Master Russian Phonetics and Lexicology	131

Programs

<i>Voloshina O.A.</i> "History of Linguistic Studies". Auxiliary Materials for the Course	138
--	-----

Bibliography

<i>Voropaev V.A.</i> The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him in Russian. 2016	190
--	-----

<i>Voropaev V.A.</i> List of Synopsis: Theses on N.V. Gogol' Works (2014–2016)	214
---	-----

Academic Life

<i>Ivinsky D.P.</i> Scientific Conference on the 225 th Anniversary of the Birth of Prince P.A. Vyazemsky (1792–1878)	218
---	-----

Events. Names. Destiny

<i>Starostina E.</i> St. Patrick's Day at the Faculty of Philology (Lomonosov Moscow State University)	223
---	-----

Notes. Impressions

Interview with Maria Burganova	226
--------------------------------------	-----

Critique. Bibliography

<i>Nikulicheva D.B.</i> Chekalina E.M. Semantic Aspects of Swedish Grammar: A Systemic-functional and Contrastive-typological Analysis. Moscow. MAKS Press, 2017. 196 p.....	240
<i>Belova T.N.</i> "Literature of Russian Emigration": Summing up	243
<i>Ganina N.A.</i> The Erfurt Popular Bible: Edition and Studies by Rudolf Bentzinger	254
<i>Sheshken A.G.</i> Ilyina G.Ya. Bibliography of Translations of Croatian Literature into Russian. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2016. 78 p.	257

*Редакция журнала Stephanos
поздравляет декана филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
главного редактора журнала,
профессора Марину Леонтьевну Ремнёву
с вручением государственной награды
Российской Федерации – ордена Дружбы.*

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 215 от 18 мая 2017 года за «заслуги в научной деятельности, развитии образования, подготовке квалифицированных специалистов и многолетнюю добросовестную работу» декан филологического факультета МГУ, заведующая кафедрой русского языка филологического факультета, доктор филологических наук, профессор Марина Леонтьевна Ремнёва награждена орденом Дружбы.

Возглавляя филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Марина Леонтьевна Ремнёва проводит разностороннюю работу по налаживанию и укреплению связей между Московским университетом и учебными организациями разных стран. В сферу научной и учебной деятельности факультета вовлечены 50 крупнейших университетов и филологических центров мира, в числе которых университеты Германии, Испании, Франции, Италии, Швейцарии, Португалии, Греции, США, Южной Кореи, Болгарии, Латвии.

Под руководством Марины Леонтьевны на факультете был открыт Центр Баллистики, основана кафедра византийской и новогреческой филологии. На факультете преподаются 25 современных языков и регулярно проводятся конференции, вовлекающие ведущих специалистов в области изучения культуры, языка и литературы каждой из стран.

Активная деятельность Марины Леонтьевны на благо укрепления культурных, образовательных и творческих связей между странами была неоднократно отмечена наградами и грамотами. Среди них – Памятный знак «Самарский крест» (от Организационного комитета празднования 135 годовщины Освобождения Болгарии от османского ига, 2013 г.), Почетная грамота Министерства образования и науки Латвийской республики «за значимый вклад в развитие латтонистики в сфере образования и науки, за подготовку специалистов по латышскому языку и популяризацию латышской культуры» (2013 г.), медаль «За вірність заповітам Кобзаря» за значительный вклад в поддержку и популяризацию украинской культуры от Украинского фонда культуры (2014 г.), Благодарственная грамота Филологического факультета Белградского университета (2015 г.).

Государственная награда – свидетельство признания заслуг Марины Леонтьевны как ученого и как руководителя, цель и результат деятельности которого – просвещение.

Статьи

Articles

К СТОЛЕТИЮ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

В.В. Каверина

Пореформенная орфография: история нормирования

Аннотация: В статье рассматривается история нормирования русской орфографии после реформы 1917–1918 гг. вплоть до появления «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. Важными этапами этого нормирования стали издательские справочники и проекты сводов орфографических правил, созданные в 1930-е гг. Особое внимание уделяется московскому и ленинградскому проектам 1933 г., а также проекту 1939 г., который явился непосредственным предшественником принятых в 1956 г. правил. В статье проводится сравнение рекомендаций проектов друг с другом и с правилами 1956 г. Данное сопоставление позволяет сделать выводы о том, как решались спорные вопросы русской орфографии, стоявшие перед кодификаторами в первой половине XX в., в правилах 1956 г., которые действовали более полувека и легли в основу полного академического справочника 2006 г.

Ключевые слова: нормирование русской орфографии в XX в., реформа орфографии 1917–1918 гг., проекты правил русской орфографии 1930-х гг.

Abstract: The paper discusses the stages of normalizing Russian spelling from the 1917–1918 reform all the way through to the year 1956 which brought “A Set of Spelling and Punctuation Rules”. It is claimed that the 1930’s was a crucial period as it brought guides to publishing and drafted sets of spelling rules. The paper studies the drafts through the prism of the 1956 final version so as to get a better understanding of baffling questions and to see how the rules entered into the comprehensive academic reference-book released in 2006.

Key words: Russian spelling norms, 1917–1918 spelling reform, drafted sets of spelling rules

Проблеме упорядочения русского письма были посвящены многочисленные дискуссии 1860–880-х гг., результатом которых стал труд Я.К. Грота «Русское правописание» 1885 г. [Грот 1885], в котором автор ограничился регламентацией уже сформировавшихся в узусе правил. Правописание «по Гроту» было рекомендовано Императорской Академией наук, но уже в то время многие выступали за

реформирование и упорядочение русского письма, особенно за упрощение графики. В самом начале XX в. было предложено множество проектов, но все они так и остались нереализованными. Реформа 1917–1918 гг. коснулась в основном графики. Декретами Наркомпроса от 23 декабря 1917 г. и Совнаркома от 10 октября 1918 г. были устранены «лишние» буквы и ъ в конце слов. Кроме того, были решены частные орфографические вопросы: упорядочено правописание приставок на <з>, некоторых адъективных и местоименных флексий, а также сформулированы правила переноса [Григорьева 2004: 293–295]. Однако нового свода правил с учетом данных изменений создано не было.

Обсуждение вопросов орфографии продолжалось и после реформы, но ни один из проектов не был принят, в частности – самый крупный проект Главнауки 1930 г. А книгоиздательская деятельность нуждалась в нормализации письма, поэтому издательства и типографии начали выпускать справочники для «внутреннего» пользования, руководствуясь своими соображениями. Так, в 1933 г. было выпущено два орфографических справочника: в Москве («Орфография, пунктуация и техника корректуры» А.Б. Шапиро и М.И. Уарова [Шапиро, Уаров 1933]) и в Ленинграде («Технико-орфографический словарь-справочник» под ред. Н.Н. Филиппова [Филиппов 1933]). По словам С.П. Обнорского, в «Технико-орфографическом словаре-справочнике» под ред. Н.Н. Филиппова «в известной мере признается факт традиционности и историчности нашей орфографической системы», а в издании «Орфография, пунктуация и техника корректуры» А.Б. Шапиро и М.И. Уарова «отражается догматическая точка зрения на соответствующие задачи унификации письма» [Обнорский 1934: 462]. В результате «в одном издании язык признается как он есть, а в другом – каким он должен быть» [Обнорский 1934: 462]. Таким образом, «большинство спорных вопросов решены в них в полном несогласии. Различие во взглядах на принципы унификации правописной системы неизбежно породило узаконенный этими справочниками разнобой, например, в ленинградском издании – *колач*, *коропуз*, в московском – *калач*, *карапуз*» [Бреусова 2000: 45].

В 1933 г. были образованы сразу две орфографические комиссии: Московская орфографическая комиссия под председательством профессора Д.Н. Ушакова при Ученом совете Наркомпроса и Ленинградская комиссия под председательством А.С. Орлова при Академии наук. Так как между Московской и Ленинградской комиссиями имелись расхождения, то в 1935 г. была создана объединенная орфографическая комиссия при Академии наук под общим председательством наркома просвещения А.С. Бубнова. Эти учреждения одновременно в 1936 г. издали два проекта «Свода орфографических правил» в Ленинграде под руководством А.С. Орлова и в Москве под руководством Д.Н. Ушакова. Таким образом, в СССР появлялись два во многом противоречащих друг другу свода правил.

Для устранения разногласий в 1939 г. была образована Правительственная комиссия под председательством народного комиссара просвещения П.А. Тюркина. По данным Е.И. Бреусовой, «данная комиссия была не только более авторитетной, чем комиссия Главнауки, но и более разнородной по своему составу. В нее вошли и писатели (замечание, сделанное в 1930-е гг. относительно обязательного введения писателей в состав комиссии, было учтено) [Бреусова 2000: 45–46]. Результатом работы комиссии стали два проекта свода правил, вышедшие последовательно в 1939 г.: «Свод орфографических и пунктуационных правил: Проект» [Свод 1939] и «Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением

краткого словаря. 2-я редакция: Проект» [Правила 1939], которые так и остались нереализованными, так как началась война.

Возобновившаяся после войны орфографическая дискуссия наконец привела к созданию в 1956 г. «Правил русской орфографии и пунктуации» [Правила 1956] – первого полного справочника нового правописания. Правила 1956 г. стали первым полным общепринятым сводом русской орфографии после «Русского правописания» Я.К. Грота.

Представляется интересным сопоставить московский и ленинградский справочники 1933 г., а также последний проект 1939 г., непосредственно предшествовавший своду 1956 г., чтобы уяснить, как в последнем были решены спорные вопросы орфографии первой половины XX в.

1. ГЛАСНЫЕ И/Ы ПОСЛЕ Ц

В ленинградском справочнике говорится только о заимствованных словах, где пишется *и*, исключения приводятся также из области иноязычий: *цыган, цынга, цырюльник, цыфирь* с пометой «напр.», что предполагает возможность расширения списка [Филиппов 1933: 67–68]. Московский справочник упоминает о русских и обрусевших словах и флексиях, где надо писать *ы* (списка слов и примеров не приводится), а к правилу о словах иностранных делает примечание: «В случаях сомнения, возникающего вследствие колебания в написании слов этой категории, следует писать после *ц* гласную *и*. Например: *цифра* (но *цыфирь*), *цибик, цимбалы* [Шапиро, Уаров 1933: 12].

В проекте 1939 г. говорится только об употреблении *ы*, причем называется два случая: в окончаниях и суффиксе *-ын-* и «в следующих словах и производных от них: *цыбик, цыбуля, цыган, цыгарка, цыкать, цынга, цыновка, цыпка, цыплёнок, цыц, панцырь*» [Правила 1939: 24]. В 1956 г. формулировка повторяет проект 1939 г., однако список исключений сокращен до четырех слов (*цыган, на цыпочках, цыплёнок, цыц*) и добавлена информация о том, что в остальных случаях пишется *и* [Правила 1956: 7]. Таким образом, правила 1956 г. используют также решения московского справочника.

2. ГЛАСНЫЕ О/Е ПОСЛЕ Ц

В ленинградском справочнике находим такое правило: «После буквы *ц* в слогe под ударением ставится *о*; напр.: *лицо, кольцо* и *бойцов*. При отсутствии ударения ставят *е*; напр.: *зеркальце, перцем, лицевать*. Исключения: *танцовать, гарцовать*» [Филиппов 1933: 67]. Московский справочник подобного правила не содержит, оно включено в параграф о правописании *о/е* после шипящих, где в неотглагольных образованиях регламентировано под ударением *о*, без ударения *е* и приведены примеры: *марганцовый* (но *марганцевый*); а в глаголах и образованных от них словах после *ц* пишется *о* независимо от ударения, с примерами: *танцовать, гарцовать* [Шапиро, Уаров 1933: 13].

Правила 1939 г. в целом ориентируются на справочник Филиппова: под ударением после *ц* пишется только *о*, без ударения только *е* (*цокать, лицо, овцой, облицовка, прицел, ценный, полотенце, пальцем, танцевать, танцор*), без ударения *о* может встречаться только в заимствованиях (*палаццо*). Исключения *танцевать, гарцевать* не названы [Правила 1939: 24]. В своде 1956 г. это правило в целом выглядит так же, только появляется пункт о том, что неударяемое *о* пишется в слове *цокотуха* [Правила 1956: 9]. Авторы свода 1956 г., приводя это исключение, опираются на родственное слово *цокот*. В своде 1939 г. это слово отсутствует по

неясным причинам, хотя оно вводится в широкое употребление с 1924 г., когда Корней Чуковский написал «Муху-цокотуху», а вообще слово *цокотуха* приводит еще В.И. Даль [Даль 2001: 378].

3. ГЛАСНЫЕ О/Е ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ В КОРНЯХ

Ленинградский справочник выбирает довольно странный критерий для этого правила: *о* пишется «в открытых слогах, т. е. таких, в которых за гласным не следует согласный звук (*шопот, шорох, чопорный, жоха* [от *жох*], и т. д.); после *дж* в словах иностранного происхождения *Джонка, Джорджоне*)». Слова, пишущиеся через *е*, даются небольшим и неполным списком: «*еще, учеба, тяжелый, жеваный, дешевый, щелочь* и др.» [Филиппов 1933: 67]. Московское же издание формулирует правило с опорой на фонетику: «В корнях существительных под ударением, где слышится звук *о* и где в современной орфографии после *ж, ш, ч, щ* наблюдаются колебания, следует писать *о*. В качестве основной формы, из которой при этом следует исходить, нужно брать им. падеж ед. числа. Например: *жорнов, жолудь, ожог* (но *жёны* при *жена* и т. п.), *шолк, шопот, шорох, чорт, чолка, чоботы, трущоба*». Кроме того, здесь предлагается написание *дешовый* [Шапиро, Уаров 1933: 12–13]. В паре *жёны – жена* содержится намек на привычное нам правило, однако другие примеры демонстрируют обратное.

Проект 1939 г. содержит два списка слов, в одном из которых перечислены случаи употребления *о* «в следующих словах отчасти в корневом положении, отчасти в малопроизводительных или затемненных суффиксах: *зажора* (и *зажор*), *обжора, жолкнуть, жом, шорох, шов, чокаться, чопорный*, имена существительные *ожог, поджог* и т. п. (в отличие от форм прош. времени *ожег, поджег* и т. п.), *изжога*, кроме того *шомпол, шорник*; некоторые просторечные и диалектные слова: *чохом, ужо* (в значении *потом, после*, ср. литературное *уже* с *е*), *вечор* (в значении наречия, ср. имя существительное *вечер*), *жох, сам-шост* (известно и произношение с *е*: *сам-шест*) и др.; *крыжовник, трущоба, трещотка*, также *трущобный, трещоточный* и т. п.» [Правила 1939: 25]. Второй список содержит слова с *е* «как в корневом положении, так и в малопроизводительных или затемненных суффиксах (при наличии чередований в произношении ударяемого *о* с неударяемым гласным *е*, не *о*, под ударением). Примеры: *желоб* (мн. ч. *желоба*, прил. *желобчатый*), *желудь* (род. множ. *желудей*, прил. *желудовый* и *желудевый*), *желчь, желтый* (*желтеть, желтизна*), *жернов* (множ. ч. *жернова*)...» [Правила 1939: 25]. Список включает более 40 примеров, среди которых упомянутые в справочниках 1933 г. с написанием через *о* слова: *жёрнов, жёлудь, шёпот, чёрт, чёлка, чёботы*. Кроме того, список предваряет правило о чередовании с неударяемым *е*.

Правила 1956 г., очевидно, опираются на проект 1939 г. Слово *дешевый* здесь проверяется глаголом *дешеветь*, в отличие от рекомендаций московского справочника. К списку слов-исключений на *о* прибавляются *чащоба, Печора, шоры* [Правила 1956: 8–9].

4. ГЛАСНЫЕ О/Е ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ В СУФФИКСАХ

Справочник Филиппова объединяет все правила правописания *о/е* после шипящих в одном пункте, где о суффиксах сказано совсем немного и некорректно: «в) перед суффиксом *-ок* (*сверчок, кружок, мужичок* и пр.); г) перед суффиксом *-нк-* (*девчонка*)... Исключения: *е* после шипящих под ударением ставится: 1) в глагольных окончаниях и суффиксах *-е*; напр.: *течешь, замороженный, отмежевываться*; 2) в суффиксе *-енок*; напр.: *волченек, зайченек*» [Филиппов 1933: 67]. Шапиро и

Уаров структурируют правило более подробно, выделяя в суффиксах прилагательных позицию после *ч* и *щ*, где рекомендуют писать *ё*: *кочёвка, парчёвый, хощёвый*. Кроме того, *е* полагается «в суффиксах и флексиях глаголов и образованных от них причастий и существительных... Например: *разжесывать, затушевывать, выкорчевывать, бережешь, течешь, взбешенный, береженный, ученый, лощеный, лишенный, танцовщица, растушевка, жженка, ночевка*» [Шапиро, Уаров 1933: 13].

В проекте 1939 г. правило о суффиксах сформулировано еще более полно, при этом перечислены суффиксы, где под ударением пишется *о*: *-ок-, -он-* в род. падеже (*кишок, ножон*); *-ок-* (*рожок, петушок, облучок*), *-онок-, -онк-* (*книжонка, ручонка, мышонок*), *-овк-* (*размежовка, корчовка, ночовка*), *-ов-* (*ежовый, грошовый, дешовый, дешовка, поножовщина, хощовый, грушовка*), *-овыва-* (*затушовывать, перекошовывать*). Напротив, *ё* пишется в суффиксе *-ёр-* в иноязычных словах типа *акушер, дирижёр, вояжёр, стажёр* и др. [Правила 1939: 25–26].

В правилах 1956 г. также приводятся суффиксы с *о* под ударением, однако относительно проекта 1939 г. сделаны следующие изменения: суффикс *-овк* приобретает вид *-ёвк-* и становится, таким образом, одним из пунктов правила написания *ё* в глаголах, то же происходит и с суффиксом *-овыва-*, который теперь пишется как *-ёвыва-* [Правила 1956: 8]. Здесь продолжается линия справочников 1933 г. Из примеров на *-ов-* исчезают слова *дешовый, дешовка*, здесь они приводятся в примерах написаний корней через *ё*: *дешевый, дешевка* [Правила 1956: 8–9]. Такое написание рекомендовал справочник Филиппова. Из примеров на суффикс *-ок-* имен существительных мн. ч. в род. падеже убирается форма *ножон* [Правила 1956: 8], которая пишется вариативно в зависимости от ударения: *ножны – ножен, ножны – ножон* [Правила 1956: 145]. На вариативность написания при смене ударения обращали внимание Шапиро и Уаров. Авторы свода 1956 г. разграничили отглагольные и отыменные образования: в отглагольных – *ё*, в отыменных – *о*, о чем писали в обоих справочниках 1933 г. и забыли в проекте 1939 г. В правописании *ё* появляются пункты о косвенных падежах местоимения *что* [Правила 1956: 9]. Таким образом, на формирование данного правила оказали влияние все три исследуемых предшественника свода 1956 г.

5. ГЛАСНЫЕ И/Ы ПОСЛЕ ПРИСТАВОК

В ленинградском справочнике находим такое правило: «Представка, оканчивающаяся твердым согласным, в сочетании с начальным *и* основы слова дает *ы* (напр.: *без + известный = безызвестный; под + итожить = подытожить*); в словах заимствованных, а также в русских словах, применяющихся лишь в научной литературе, изменение гласного звука основы на письме не изображается (напр.: *без + идейный = безидейный, без + индукционный = безиндукционный, под + интегральный = подинтегральный, об + извествленный = обизвествленный, сверх + империализм = сверхимпериализм, пред + история = предистория*)» [Филиппов 1933: 70]. Такие же математические формулы использованы и в московском справочнике, но никаких исключений здесь не приводится [Шапиро, Уаров 1933: 15].

Проект 1939 г. разграничивает написания исконно русских слов и заимствований: *ы* пишется только после русских приставок в соответствии с произношением (кроме *взывать*), *и* – после иноязычных приставок (*панисламизм, субинспектор, контригра*), русских приставок *меж-, сверх-* (*межирригационный, сверхизысканный*), русских приставок при иноязычных корнях (*безидейный, безинтересный, предистория*) [Правила 1939: 24]. В отличие от проекта 1939 г. и справочника Фи-

липпова, правила 1956 г. не различают русские и нерусские корни и не выделяют термины в связи с правописанием гласных после приставок [Правила 1956: 10].

6. БУКВА Э

В справочнике под редакцией Филиппова употребление буквы э регламентируется в разделе о правописании заимствований в середине слов после гласных: *Эразм, пиэмия, Дауэс, Оуэн, пуэбло*. В остальных случаях пишется *е*: *септицемия, пенсне, Юманите, тред-юнион*. Кроме того, приводятся исключения: *мэр, нэр, сэр* и производные от них, а также «слова, образованные при помощи суффиксов *-иент-* (*-иенц-*), набирать через *е* (а не *э*). Напр.: *ингредиент, коэффициент, аудиенция*». Здесь же говорится о правописании греческих слов с начальным сочетанием *ев-* (*евгеника, евкалипт*) и сложных слов со второй частью на *э* (*панэллинизм, квинтэссенция*) [Филиппов 1933: 77]. Напротив, Шапиро и Уаров рекомендуют: «Ввиду наблюдаемых колебаний в употреблении букв *э* и *е*, в словах иностранного происхождения следует придерживаться такого правила: во всех случаях, где современная орфографическая практика допускает и *э* и *е*, писать букву *е*. Например: *мэр* и *мер* – писать *мер*; *кафэ* и *кафе* – писать *кафе*; *купе* – писать *купе*; *диэз* и *диез* – писать *диез*; *Лакмэ* и *Лакме* – писать *Лакме*; *Эвклид* и *Евклид* – писать *Евклид* [Шапиро, Уаров 1933: 11].

В проекте 1939 г., как и в справочниках 1933 г., акцентируется внимание на том, что *э* пишется в заимствованных словах, однако здесь добавлена информация о том, что *э* употребляется и в начале русских слов: *этот, этакий, этак, экий, эк, эй, эх, эва, эге*. В заимствованиях в начале слова и не после *и* или *йота*, в отличие от московского справочника, проект рекомендует выбирать *э* (*экзамен, эра, этаж, статуэтка, маэстро, поэзия*), и «во всех случаях колебания в традиционном написании иноязычных слов в отношении начальных *е* или *э* предпочтительно написание с *э*, например: *эвкалипт* (а не *евкалипт*), *элин* (а не *еллин*)» [Правила 1939: 26–27]. Пункт правила относительно правописания *э* после согласных сформулирован некорректно: вначале указано, что *э* пишется «внутри слова после согласных», а после – «во всех прочих случаях после согласных пишется не *э*, а *е*» [Правила 1939: 27]. И только из списка примеров становится понятно, что *э* пишется после приставок или части сложного слова (*бромэтил, квинтэссенция, полиэдр*), а *е* – в корне (*адекватный, стенод*). В своде 1956 г. эта неясность устраняется: после согласных пишется *е*, кроме слов *нэр, мэр, сэр* [Правила 1956: 10]. Таким образом, основные положения правила правописания *э* были сформулированы в проекте 1939 г., при этом были отвергнуты идеи адаптации заимствований путем написания *е* в начале слова и после согласных.

7. СУФФИКСЫ *-ЕЧК-/-ЕЧ-К-* И *-ИЧ-К-*

В ленинградском справочнике данные суффиксы не рассматриваются. В московском издании они рассматриваются как «суффиксы, вносящие оттенок уменьшительности (и большей частью ласкательности)», при этом сочетание суффиксов *-иц-* и *-к-*, при соединении которых получается искомое *-ичк-*, рассматривается как один суффикс *-ичк-* с примером *плотичка* от *плотица* (плотва) [Шапиро, Уаров 1933: 21].

В проекте 1939 г. данная ошибка повторяется: это правило занимает несколько строчек, где рассмотрен только суффикс *-ичк-*, суффикс *-ечк-* появляется лишь на последней строчке вообще без объяснений, а в виде списка слов: *Сонечка, времечко, кошечка, точечка* [Правила 1939: 17]. В своде говорится, что суффикс

-ичк- пишется только в словах, образованных от слов с суффиксом -иц- (*лестничка* – *лестница*), но в этом слове нет суффикса -ичк-, есть корень *лестнич-* и суффикс -к- [Тихонов 1990: 553] или два суффикса -нич- и -к- [Тихонов 1996: 246]. Другое дело, что сочетание -ичк- можно проверять наличием -иц- в производящем слове, но этого авторы проекта 1939 г. не указали. Правила 1956 г. повторили те же неточности, но были добавлены новые примеры (*пуговичка* – *пуговица*, *ножнички* – *ножницы*), которые доказывают наличие суффикса -иц- в производящей основе [Правила 1956: 15]. Но это может быть как суффиксом, так и сочетанием двух суффиксов, авторы же не только смешали эти два случая, но и противоречат самим себе. Вначале они указывают, что -ечк- пишется «в существительных женского и среднего рода, которые образуются от слов, имеющих в род. падеже мн. ч. суффикс -ек- с беглым *е*» [Правила 1956: 14], и первым приводят пример *нянечка* – *нянька*. Таким образом, авторы правильно выделяют один суффикс в слове *нянечка*, но подают этот пример как образец сочетания суффиксов. Другие примеры корректны с точки зрения процитированного правила, но не имеют отношения к орфографии суффикса -ечк-: *лечка* – *лейка*, *печечка* – *печка*. В этих словах нет суффикса -ечк-, здесь два суффикса: -еч- и -к-. Суффикс -ечк- выделяется в других примерах из правил 1956 г.: *Ванечка*, *Олечка* и *времечко*, *семечко* [Правила 1956: 14]. Таким образом, ни в одном из рассмотренных нами сводов нет корректного правила правописания данных суффиксов, и если в справочнике 1933 г. и проекте 1939 г. неверно выделяется только суффикс -ичк-, то в правилах 1956 г. это касается и суффикса -ечк-.

8. СУФФИКСЫ -ИНК-/ -ИН-К- И -ЕНК-/ -ЕН-К

В ленинградском справочнике о суффиксе -инк- содержится довольно противоречивая информация: он «встречается в словах, содержащих суффикс -ин- (напр.: *проталинка*, *скважинка*). Кроме того, в исключении к правилу о суффиксе -еньк- говорится о сочетании -енк-, которое ошибочно называется суффиксом: «В словах на -ня с предшествующим согласным или -й применяется суффикс -енк- (напр.: *басенка*, *вишенка*)» [Филиппов 1933: 82]. В московском издании указан только суффикс -инк- с корректным примером *соринка* [Шапиро, Уаров 1933: 20; Тихонов 1996: 541].

В проекте 1939 г. правило выглядит так: «От сочетания суффиксов -ин- и -к- следует отличать соединение основы, оканчивающейся на *ен-*, с суффиксом -к-, например: -ин- + -к- – *проталина* – *проталинка*, *скважина* – *скважинка*, *соломина* – *соломинка*; -енк- – *башня* (род. множ. – *башен*) – *башенка*; *песня* (*песен*) – *песенка*; *вишня* (*вишен*) – *вишенка*; *сосна* (*сосен*) – *сосенка*; *Коломна* (*коломенский*) – *коломенка* [Правила 1939: 17]. Более корректной представляется формулировка правила в своде 1956 г.: «-инк- пишется в существительных, образованных от слов на -ина, например: *проталина* – *проталинка*, *скважина* – *скважинка*, *соломина* – *соломинка*; -енк- пишется в существительных уменьшительных женского рода, образующихся от слов с основой на -н- и имеющих в род. падеже мн. ч. беглое *е*, например: *башенка* (*башня* – *башен*), *песенка* (*песня* – *песен*), *вишенка* (*вишня* – *вишен*), *сосенка* (*сосна* – *сосен*)» [Правила 1956: 15]. Здесь можно не размышлять о том, является ли суффиксом исход -ин в слове *проталинка*. Кроме того, в правила 1956 г. добавлен пункт о правописании существительных, обозначающих лиц женского пола (*нищенка*, *француженка*, *монашенка*), отдельно сказано об орфографии слова *лесенка* [Правила 1956: 15].

9. СУФФИКСЫ *-ОНЬК-*, *-ЕНЬК-*

В справочнике под редакцией Филиппова о суффиксах *-еньк-*, *-оньк-* сказано только, что они «придают слову ласкательный оттенок (напр.: *тятенька*, *маменька*, *Васенька*, *девонька*)». Далее приведены исключения, первое из которых регулируется правилом правописания сочетания *-енк-*: «В словах на *-ня* с предшествующим согласным или *-й* применяется суффикс *-енк-* (напр.: *басенка*, *вишенка*)» [Филиппов 1933: 82]. А вот второе исключение напрямую относится к данному правилу: «В словах *Лизанька*, *лисанька*, *кисанька* применен суффикс *-аньк-*, а не *-оньк-*» [Филиппов 1933: 82]. Шапиро и Уаров лишь указывают данные суффиксы в перечне тех, что придают словам «оттенок уменьшительности (и большей частью ласкательности)», и приводят примеры: *девонька*, *косонька*, *маменька*, *рученька* [Шапиро, Уаров 1933: 21].

В проекте 1939 г. говорится, что *-оньк-* пишется при твердой основе (*берёзонька*, *бабонька*, *Лизонька*, *волосоньки*), а *-еньк-* – при мягкой основе или основе на *ж*, *ш*, *й* (*Петенька*, *Серёженька*, *душенька*, *Зоенька*,). Отдельно регламентированы, но исключениями не названы написания: *заенька*, *паенька*, *баеньки*, *маменька*, *папенька* [Правила 1939: 17]. В отличие от проекта 1939 г., Правила 1956 г. ограничиваются замечанием, что в ласкательных именах могут быть только *о* или *е*, но не рассматривают их употребление, только изменяют написание слов *заенька*, *паенька*, *баеньки* в *заинька*, *паинька*, *баиньки*, описывая их как исключения [Правила 1956: 15], хотя не очень понятно, зачем надо было делать исключения из пишущихся по правилу слов. Оба свода упоминают слово *милостынька*, но проект 1939 г. выносит его в отдельный пункт: «от существительных с суффиксом *-оньк-* следует отличать образования от основ на *-ынь-* с присоединением суффикса *-к-*» [Правила 1939: 17], тогда как в правилах 1956 г. *милостынька* помещается вместе с *заинька*, *паинька*, *баиньки*, что не совсем удачно [Правила 1956: 15]. И наконец, оба свода не указывают на образования с основами на *-ень-/ -онь-* с суффиксом *-к-* типа *деревенька*, *яблонька*. В данном случае *-ень-/ -онь-* является частью другой морфемы, гласная в которой проверяется род. падежом мн. ч.: *деревня* – *деревень* – *деревенька*.

10. СУФФИКСЫ *-УШК-*, *-ЮШК-* И *-ЫШК-*, *ИШК-*

Ленинградский справочник обращает внимание в первую очередь на окончания слов с данными суффиксами: «Слова, содержащие эти суффиксы, оканчиваются на *-а* или на *-о*. Окончание *-о* имеют существительные среднего рода (*солнышко*, *пальтишко*, *горюшко*) и существительные мужского рода, обозначающие неживые предметы (напр.: *холмишко*, *дворишко*). Окончание *-а* имеют существительные женского рода (напр.: *дубинушка*, *землюшка*, *землишка*) и существительные мужского рода, обозначающие людей и животных (напр.: *старинушка*, *старичишка*, *волчишка*)» [Филиппов 1933: 81]. О распределении данных суффиксов сказано одно: «Суффикс *-ышк-* без ударения на *ы* встречается только в существительных среднего рода» [Филиппов 1933: 81]. В московском же издании больше внимания уделяется значению, которое придают словам данные суффиксы: «оттенок уменьшительности (и большей частью ласкательности)» у суффиксов *«ушка, юшка, ушек, ышко – хлебушка, зверюшка, дядюшка, камушек... , солнышко»*, «оттенок пренебрежительности» вносят суффиксы *«ишка, ишко – волчишка, домишко, городишко, письмишко»* [Шапиро, Уаров 1933: 21–22]. Заметим приведенное здесь написание *хлебушка*, которое впоследствии получило окончание *-о*.

Проект 1939 г. представляет такое правило: в среднем роде – *-ышко, -юшко* (*пёрышко, солнышко, полюшко*), в женском роде – *-ушка, -юшка* (*бабушка, матушка, волюшка*), в мужском роде – *-ышек* (*воробышек, колышек, пупырышек*), в одушевленных именах – *-ушка* (*дедушка, бабушка, соловушка*), в неодушевленных именах – *-ушко* (*хлебушко*) [Правила 1939: 17]. Свод 1956 г. целиком заимствует это правило из проекта 1939 г., но рассеивает ошибочное впечатление, что это правило упорядочено. Действительно, «отдельные существительные мужского рода употребляются с суффиксами *-ышек, -ушек, -ешек*, например: *колышек, воробышек и воробушек, хлебушек* (также *хлебушко*), *камешек и камушек, краешек*. Отдельные существительные среднего рода употребляются с суффиксом *-юшк-*, например: *горюшко, полюшко, морюшко*. Кроме того, в существительных мужского, среднего и женского рода может употребляться суффикс *-ишк-(-ишка, -ишко)*, вносящий уменьшительно-пренебрежительное значение, например: *фанфаронишка, сараишко, платьишко, именишко, шинелишка* (ср. *плутишка, воришка, дворишко, пальтишко*) [Правила 1956: 15–16]. Вместе с тем в проекте 1939 г. говорится лишь о трех словах, пишущихся не по правилу: *краешек, камешек, ремешок* [Правила 1939: 17], что, как видно, не так.

11. ДВОЙНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ИСКОННО РУССКИХ СЛОВАХ¹

В справочнике под редакцией Филиппова сначала сформулировано общее правило употребления двойных согласных: «Сочетание одинаковых согласных должно быть оправдано либо морфологически (т. е. составом слова), либо фонетически (чтобы показать долгий согласный звук), напр.: *жуужжать* [Филиппов 1933: 68]. Далее эти положения раскрываются на конкретном языковом материале: «Удвоения первого рода имеют место в следующих случаях:

а) при сочетании согласного префикса (представки) с таким же согласным основы, напр.: *под | данство, без | земельный, контр | революция, ком | мунист*;

б) при уподоблении согласного представки согласному основы (по существующим правилам это происходит в русских словах с представками *без-, воз-, из-, низ-, раз-, роз-, чрез-, через-*), напр.: *бес | семянка, вос | сесть, ис | сечь, рас | селина, рос | сыпь* (аналогичное явление имеет место и в словах, заимствованных из иностранных языков, напр.: *кор | ректор, ат | тракция*);

в) при сочетании одинаковых согласных корня и суффикса, напр.: *плен | ник, искус | ство*;

г) при уподоблении двух рядом стоящих согласных корня, напр.: *жжсет* (вместо *жсет*)» [Филиппов 1933: 68].

К этому и так очень подробному правилу сделано три примечания: о тенденции «к замене двойного согласного в словах иностранного происхождения одиночной согласной», отсылка к другому параграфу об удвоенном *нн* в прилагательных и причастиях и о том, что «нет оснований удваивать *з* в слове *разорить* (произошло от древнеславянского *орити*)». Кроме того, перечислены исключения: «Начертания с тремя одинаковыми буквами слова *рассорить (расссорить)* и двумя *жс* слов *возжжения (возжжение)* и *возжженный* практика не признает [Филиппов 1933: 68]. Отметим, что последнее слово – *возжженный* дано здесь не в скобках, и «правильный» вариант *возженный* не написан вовсе. В отличие от ленинградского издания, справочник Шапиро и Уарова общего правила не формулирует, здесь содержится только правило о двойных согласных в заимствованиях.

¹ Здесь рассматриваются также слова старославянского происхождения.

В проекте 1939 г. подробно перечислены случаи употребления двойных согласных, сначала на границе морфем. Они пишутся:

а) на стыке приставки и корня, если приставка заканчивается, а корень начинается с одного и того же согласного: *поддержать, ввести, сыпать, восстановить, контрреволюция*;

б) в сложносокращенных словах: *Моссовет, главврач*;

в) при сочетаниях корня и суффикса в прилагательных и наречиях, когда корень кончается, а суффикс начинается одной и той же согласной: *длинный (длина), каменный (камень), русский (Русь), искусство (искус-н-ый)*;

г) в глаголах прошедшего времени при сочетании основ на с с глагольной частицей -ся; *спасся, несся* [Правила 1939: 35].

Отдельный параграф посвящен орфографии слов *вожжи, дрожжи, можже-вельник, жужжать, жжет, жженный* и одного с ними корня [Правила 1939: 37]. Таким образом, здесь не восприняты идеи предшественников о запрете на двойное *ж*. Далее следуют замечания о том, что если есть чередование *зг – жж, зд – жж*, то следует писать не двойное *ж*, а *жж*, например: *брюзжат (брюзга), мозжечок (мозг), приезжат (приезд), позже (поздно), загромозжу (загромоздить)*, а также *брезжить* (ср. старинное *брезг* – рассвет), а также о правописании слова *дождь* и производных от него (*дождик, дождевой, дождливый* и т. п.) [Правила 1939: 37].

Важным представляется параграф о том, что «не пишется больше двух одинаковых согласных подряд, хотя бы это и требовалось составом слова, например: *рассориться (рас + ссориться), одесский (одесс + ский), прусский (прусс + ский)*» [Правила 1939: 37].

Все эти правила почти дословно повторяются в своде 1956 г. [Правила 1956: 29–30].

12. ПРАВОПИСАНИЕ ОДНОГО И ДВУХ Н

Во всех четырех источниках данное правило рассматривается очень подробно, с учетом частеречной принадлежности нормируемых слов. Однако оно мало отличается от действующего ныне, поэтому останавливаться на нем нет смысла. Отметим лишь разный состав исключений в исследуемых сводах. Так, в справочнике присутствуют исключения *стеклянный, оловянный, деревянный и ветреный* [Филиппов 1933: 84]. Московское издание упраздняет исключение *ветренный*, оно приведено в примерах на написание суффикса -енн- [Шапино, Уаров 1933: 23]. Еще дальше идет проект 1939 г. – здесь устранены все исключения: слово *ветренный*, как и в московском справочнике, стоит в списке слов с суффиксом -енн-, а о трех других сделано странное примечание к правилу о суффиксе -ян-(-ан-): «Так же следует писать прилагательные *деревянный, оловянный, стеклянный*, которые обычно произносятся с долгим *н*» [Правила 1939: 35]. Таким образом, в отношении списка исключений правила 1956 г. следуют за ленинградским справочником.

13. ДВОЙНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ЗАИМСТВОВАНИЯХ

В ленинградском справочнике нет отдельного правила, посвященного двойным согласным в заимствованиях, о них говорится в общем правиле и приводятся примеры: *контр | революция, ком | мунист, кор | ректор, ат | тракция*, причем морфемное членение в русском языке возможно только для слова *контрреволюция* [Филиппов 1933: 68].

Московский справочник регламентирует правописание двойных согласных только в корнях слов иностранного происхождения, причем решение предла-

гает довольно кардинальное: «Ввиду наблюдаемых колебаний в употреблении двойных согласных в корнях слов иностранного происхождения следует придерживаться такого правила: во всех случаях, где современная орфографическая практика допускает и две согласных и одну, писать одну согласную. Например: *аллея* и *алея* – писать *алея*; *терраса* и *тераса* – писать *тераса*; *аллюминий* и *алюминий* – писать *алюминий*; *агрегат* и *агрегат* – писать *агрегат*; *аккредитив* и *акредитив* – писать *аккредитив*; *коэффициент* и *коэффициент* – писать *коэффициент*; *официальный* и *официальный* – писать *официальный*. Однако в целях установления возможного единообразия в написании слов данной категории следует относительно их правописания чаще обращаться к орфографическому словарю» [Шапино, Уаров 1933: 12]. Заметим, что только три слова из приведенных здесь сейчас пишутся без удвоения – *алюминий*, *агрегат* и *официальный*.

Проект 1939 г. сначала формулирует общие принципы употребления двойных согласных в заимствованиях: «Двойные согласные, имеющиеся в оригинальном написании иноязычных слов, сохраняются в их русском написании:

а) в случаях широкого интернационального распространения слова с двойной согласной и наличия связи между двойной согласной и составом слова;

б) в случаях нахождения двойной согласной в таком положении в слове (причем принимаются во внимание и падежные формы существительных), которое способствует ее длительному произношению» [Правила 1939: 37].

На основании этих положений структурируется подробное правило написания двойных согласных в заимствованиях. Двойные согласные пишутся:

а) во всех научных терминах греческого происхождения (*аллегория*, *грамматика*, *ипподром*, *кристалл*, *симметрия*, *параллель*, *эллипсис*);

б) в словах латинского происхождения при сочетании приставки и корня, особенно в научных и технических терминах (*аннулировать*, *ассоциация*, *иллюминация*, *коммерция*, *эффект*);

в) в словах любого происхождения в положении после ударяемой гласной между двумя гласными или в конце слова и производных от них (*балл* и *баллотировать*, *ванна*, *вилла*, *грипп*, *группа* и *группировать*, *касса* и *кассир*, *доллар*, *класс*, *комиссия*, *миссия*, *прогресс* и *прогрессивный*, *профессия* и *профессиональный*, *сессия*, *тонна*); исключения из этого правила устанавливаются в словарном порядке (*литера*, *рапорт* и др.);

г) в именах собственных и образованных от них именах нарицательных (*Аввакум*, *Аполлон*, *Голландия*, *Руссо*, *Пруссия* и *пруссак*, *Россия* (слово, воспринятое в этой форме из греческого языка), *цеппелин*, *галлицизм*);

д) в словах, определяемых в словарном порядке, не подходящих под выше-приведенные пункты, с прочно установившейся традицией написания двойной согласной (*баррикада*, *кассация*, *беллетристика*, *миллиметр*, *миллион*, *пассив*, *территория*, *террор*, *эссенция*)» [Правила 1939: 38–39].

Двойные согласные не пишутся:

«а) когда в данном слове (если оно не имя собственное) есть уже одна пара сохраняемых в русском написании удвоенных согласных, например: *ассессор* (а не *ассессор*), *беладонна* (а не *белладонна*), *комиссия* (а не *коммиссия*), *терраса* (а не *террасса*), но *Боккаччо*;

б) в положении перед согласной при сочетании приставки и корня, например: *аббревиатура* (а не *аббревиатура*), *акклиматизация* (а не *акклиматизация*), *атрибут* (а не *аттрибут*)» [Правила 1939: 39].

Очевидно, что данное правило вряд ли может быть применимо на практике, оно лишь выявляет основные закономерности использования удвоений в заимствованиях. Не случайно к этому параграфу дается примечание: «Правила данного параграфа, требующие для своего применения специальных филологических знаний и допускающие к тому же ряд исключений, предназначены в первую очередь для составителей специальных словарей (орфографических, терминологических и иных), а также для лиц, впервые вводящих в русскую письменную речь термины из других языков, и не устраняют необходимости для широкой массы пишущих обращаться во всех сомнительных случаях к орфографическому словарю» [Правила 1939: 37]. Не случайно в правилах 1956 г. все эти подробности не перечисляются, а в параграфе о правописании двойных согласных в заимствованиях содержится только отсылка к словарю [Правила 1956: 32].

После правила о правописании заимствований в проекте 1939 г. стоит параграф, касающийся всех слов с двойными согласными: «В производных образованиях от иноязычных основ, оканчивающихся на две одинаковые согласные, двойные согласные перед русскими суффиксами сохраняются, например: *группа* – *группка*, *группочка*, *иногруппный*; *тонна* – *пятитоннка*; *труппа* – *труппка*; *программа* – *программка*, *программный*; *киловатт* – *киловаттный*; *Калькутта* – *калькуттский*; *класс* – *классный*; *колонна* – *колоннка*, *колонночка*; *гунн* – *гуннский*; *балл* (единица меры, оценки) – *пятибалльный*; *галл* – *галльский*; *парцелла* – *парцелльный*; *Малакка* – *Малаккский полуостров*. Но пишется: *кристальный* (хотя *кристалл*), *финка*, *финский* (хотя *финн*) [Правила 1939: 39]. Данное правило почти дословно повторяется в своде 1956 г. [Правила 1956: 29–32], добавлены лишь исключения: *колонка* (хотя *колонна*), *пятитонка* (хотя *тонна*), *оперетка* (хотя *оперетта*) – и примечание: «в первой части сложносокращенных слов, которая представляет собой основу, оканчивающуюся двойной согласной, пишется только одна согласная, например: *грамзапись*, *группком* [Правила 1956: 32].

Предпринятое сопоставление сводов 1930-х гг. и правил 1956 г. показало, что из справочников 1933 г., безусловно, более удачным является ленинградский, хотя и он не лишен некоторых противоречий и иногда регламентирует слишком архаичные написания (вспомним слова Обнорского о «традиционности и историчности»). Вместе с тем некоторые изменения, предлагаемые в московском издании, оказываются настолько кардинальными, что не представляются возможными (например, устранение *э* и удвоений в заимствованиях). Очевидно, что проект 1939 г., подготовленный коллективом ученых с участием учителей и писателей, явился большим шагом вперед по сравнению с изданиями 1933 г., хотя и он не лишен недостатков (например, непоследовательность в правиле о суффиксах после шипящих, странная формулировка примечания об исключениях *деревянный*, *оловянный*, *стеклянный*). Многие правила этого проекта были использованы при создании свода 1956 г., актуальность которого сохраняется по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

Бреусова Е.И. Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ: Дисс. ... канд. фил. наук. Омск, 2000. 267 с.

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М. : Элпис, 2004. 456 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: С–V. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 576 с.

Обнорский С.П. Русское правописание и язык в практике издательств // Известия АН СССР. 1934. № 6. С. 455–483.

Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением Краткого словаря. 2-я редакция: Проект. М.: Учпедгиз, 1939. 136 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. 176 с.

Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я.К. Гротомъ. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. 120 с.

Сводь орфографических и пунктуационных правил: Проект. М.: Учпедгиз, 1939. 96 с.

Технико-орфографический словарь-справочник / Под ред. Н.Н. Филиппова. Л.: Ленинградское областное издательство, 1933. 231 с.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 1: А–П. М.: Русский язык, 1990. 704 с.

Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. М.: Школа-Пресс, 1996. 704 с.

Шапиро А.Б., Уаров М.И. Орфография, пунктуация и техника корректуры: Справочник для работников печати. М.: ГИЗЛЕГПРОМ, 1933. 208 с.

REFERENCES

Breusova E.I. (2000) The Work on the Improvement of Russian Spelling in the post-October Period and the Problems of the General Theory of the Reforms of Spelling: Thesis. Omsk. 267 p.

Grigorieva T.M. (2004) Three Centuries of Russian Orthography (18–19-ies). Moscow. Elpis Publ. 456 p.

Dahl V.I. The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vols. Vol. 4: C–V. Moscow. OLMA-PRESS Publ. 2001. 576 p.

Obnorsky S.P. Russian Spelling and the Russian Language in the Practice of Publishing Houses. *Izvestia AN SSSR*. 1934. No 6, pp. 455–483.

The Rules for Spelling and Punctuation. With the Short Dictionary. The 2nd edition: Project. Moscow. Uchpedgiz Publ. 1939. 136 p.

The Rules for Spelling and Punctuation. Moscow. 1956. 176 p.

The Russian Spelling: A Guide Compiled by... academician Ya.K. Grot. St.-Petersburg. 1885. 120 p.

The Codes of Spelling and Punctuation Rules: Project. Moscow. Uchpedgiz Publ. 1939. 96 p.

The Technical-spelling Dictionary-reference / Ed. N.N. Filippov. Leningrad. 1933. 231 p.

Tikhonov A.N. The Word-formative Dictionary of the Russian Language: In 2 vols. Vol. 1: A–П. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1990. 704 p.

Tikhonov A.N. (1996) The Morpheme-orthographic Dictionary. Moscow. Shkola-Press Publ. 704 p.

Shapiro A.B., Uarov M.I. (1933) Spelling, Punctuation and Technique of Correction: A Handbook for Print Workers. Moscow. GIZLEGPROM. 208 p.

Сведения об авторе:
Валерия Витальевна Каверина,

докт. филол. наук
доцент
кафедра русского языка
филологический факульте
МГУ имени М.В. Ломоносова

Valeria V. Kaverina,
Doctor of Philology
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kaverina1@yandex.ru

**A HISTORY OF NORMALIZING RUSSIAN SPELLING:
FROM ONE REFORM TO ANOTHER**

И.Д. Егорова

Лингвостилистические особенности поэмы Ф.Н. Глинки «Иов. Свободное подражание книге Иова»

Аннотация: В статье рассматриваются лингвостилистические особенности стихотворного переложения Книги Иова, сделанного Ф.Н. Глинкой. Раскрытие душевного состояния лирического героя поэмы осуществляется через разнообразные лексические и синтаксические средства. Основную роль, особенно в пейзажных зарисовках, играют метафора и близкое ей сравнение. Посредством этих тропов, а также разного рода повторов – корневых и словесных – Глинка показывает внутренние переживания Иова. В главах, повествующих о душевных и физических страданиях Иова, широко использованы экспрессивная лексика, синонимы и антонимы, а также риторические вопросы и восклицания, которые усиливают эмоциональный тон повествования. Отмечена роль в организации стиха таких средств художественной выразительности, как анафора, аллитерация, ассонанс, риторический вопрос. Затронут вопрос авторской пунктуации.

Ключевые слова: лингвостилистические особенности, метафора, сравнение, повтор, экспрессивная лексика, аллитерация, ассонанс, анафора, риторический вопрос, побудительные предложения

Abstract: The article explores linguistic and stylistic characteristics of the poetic paraphrase of the Book of Job by Fedor Glinka. The state of mind of the poem's narrator is revealed by means of his vocabulary and syntax. Metaphor and simile play the main part, especially in the descriptions of landscapes. Glinka uses these tropes as well as various repetitions – both root and word ones – to show the inner suffering of Job. Chapters describing the mental and physical suffering of Job contain evocative vocabulary, synonyms and antonyms as well as rhetorical questions and exclamations that intensify the emotional tone of narration. The article discusses such literary devices as anaphora, alliteration, assonance, and rhetorical question that help to organize the poem. Authorial punctuation is discussed as well.

Key words: linguistic and stylistic characteristics, metaphor, simile, repetition, evocative vocabulary, alliteration, assonance, anaphora, rhetorical question, imperative sentences

Декабристские воззрения Ф. Глинки, призывы к борьбе с самодержавием, деятельность в тайных обществах послужили причиной его ссылки в Петрозаводск в 1826 г., хотя он и не принимал непосредственного участия в восстании дека-

бристов. В этот период олонечкой ссылки тематика его стихов меняется. В них звучит тоска по родному краю, по свободе, жалобы на горькую судьбу ссыльного, уныние и грусть, рассуждения о жизни и смерти. Он называет себя страдальцем и описывает свою «многострадальную жизнь» в «Иов. Свободное подражание книге Иова», над которой начал работать во второй половине 1820-х гг. и закончил в начале 1830-х (предисловие датировано 20 июля 1834 г.). В ней поэт сделал попытку переложить слогом стиха одну из главных Книг Библии.

В этой Книге повествуется о том, что Иов из земли Уц был благочестивым и добродетельным человеком, всегда почитал Бога и был покорен Его закону, поэтому достойно наслаждался блаженной жизнью. Сатана решается искусить его, и Бог соглашается: Иов лишается детей, всех благ, на него насылается проказа – и Иов взывает к божественной справедливости. Своим несокрушимым терпением, основанным на вере, он победил дьявола, заслужил право беседовать с Богом, и Бог возвратил ему здоровье, снова одарил его богатством и дал ему столько же детей, сколько было у него прежде. Судьба Иова своего рода прототип человеческой судьбы на земле. Древнееврейскому народу было свойственно убеждение, что блага жизни и счастье даются человеку за добродетельную жизнь. И если блага жизни у него отнимаются, значит, человек согрешил. Принять безвинное страдание при таком подходе трудно.

Как и «Опыты священной поэзии», это свободное переложение священного текста Книги Иова, отличающееся от своего источника. «Писатель не следует буквально за библейским текстом, организует повествование по собственной эстетико-смысловой логике (пролог, пейзажные самостоятельные картины, драматизация повествования, расширение пространства действия и заполнение его собственным поэтическим миром, эпилог), сохраняя при этом смысл канонического текста и прибегая в отдельных местах к прямому цитированию библейских стихов в своем сочинении»¹. По мнению В.П. Зверева, эту религиозную поэму прежде всего «следует рассматривать не как автобиографическое произведение и не в политическом контексте эпохи, а в контексте духовного становления автора и православной традиции русской литературы»². В «Иове» намечаются многие темы, становящиеся главными в философской лирике Глинки 1840–1870-х гг.

В.Г. Базанов же считает, что «грустная повесть об Иове то и дело перекликается с медитациями олонечкого ссыльного, и очень часто грань между библейским эпосом и лирикой стирается, объективное сливается с субъективным, и наоборот. Из лирического дневника прямым образом переходят в поэму отдельные строки, и поэма вбирает в себя стилистические и фонетические особенности медитативного стиля глинковской лирики»³.

В поэме, как и в «Опытах священной поэзии», много выразительных, поэтических картин природы, полных красочных метафор и сравнений. Они не только выступают как самостоятельные пейзажные зарисовки, но и помогают раскрыть душевное состояние героя. Например, вторая глава, в которой говорится о прибытии друзей Иова, открывается описанием неба над «страной оазисов и пальм»:

Сквозь синий воздух – *реки злата*
И реки пурпура лились,
И от востока до заката

¹ Зверев В.П. Фёдор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. С. 506.

² Там же.

³ Базанов В.Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л., 1961. С. 414–415.

Без грома молнии неслись
 И над оазами сияли
 (Тревожа сон пустынных птиц)
Разливы пылкие зарниц;
 Или *серебряные* звезды
*Блиста*ли радостью очей
 На круглом густо-синем своде;
 Или, как *млечная река*,
 На *яхонт* неба облака
Взбегали: виделись пещеры,
 Картины гор и городов,
 И *выступали* дромадеры,
 Глотая звезды...¹

Эта картина полна красок и света: *синий* воздух, *густо-синий* свод, реки *злата* и *пурпура*, *сияющие* зарницы, *серебряные* звезды, *яхонт* (старинное название рубина, реже – сапфира) неба, звезды *блиста*ли, белоснежные облака, «как *млечная река*». Развернутые метафоры («звезды блиста^{ли} радостью очей»; «сияли разливы пылкие зарниц»; «реки злата и реки пурпура лились») сменяются сравнениями («как млечная река») и поэтическими образами («и выступали дромадеры, глотая звезды» – традиционный поэтический образ восточных поэтов, представлявших облака верблюдами, пожирающими звезды).

Похожие картины находим в XXVIII главе и в эпилоге:

Вдали стена зубчатых скал;
 Над нею – купол бирюзовый,
 Под дымкой легких облаков,
 Летучих чад златого утра,
 Слитых из роз и перламутра...
 (Гл. XXVIII)

Поля Аравии и горы
 Лобзает **синий небосклон**.
 Цветут **младые мандрагоры**,
Мускат, алой и **анемон**;
 Цветет миндаль благоуханный...
 (Эпилог)

Те же радостные краски – синяя, бирюзовая, розовая, золотая, перламутровая, развернутые метафоры, дающие описание неба («облаков, летучих чад златого утра, слитых из роз и перламутра»; «поля... и горы лобзает **синий небосвод**»). Ощущение радости подчеркивается аллитерацией на сонорные: в первом отрывке на [л] и [м], во втором – на [л], [н], [м]. Поэт сосредоточивает свое внимание на описании небес как обители Бога, используя для изображения небесных чертогов разные стилистические средства – от звукописи до развернутых метафор.

Яркими красками рисует автор животный мир в XXVIII главе; например, приводится такое описание «пустынного змея»: «радуги играют на зеркальном его хребте: багрянцем, синевом и златом сияя в панцире кольчатом»; или роя насекомых: «дождем из *яхонтов* живых и злата – то сеется, то вьется рой *златолазурных* насекомых». Земные пейзажи, хотя и выражают те же чувства, чаще создаются минимумом слов и средств:

¹ Здесь и далее «Иов» цит. по изд.: Глинка Ф.Н. Сочинения / Сост., послесл. и коммент. В.И. Карпеца. М.: Советская Россия, 1986. Страницы указаны в скобках.

Тиха пустыня. Воздух ясен.
(Гл. XXVIII)

Весна... В долинах раем веет.
Как сад, пустыня зеленеет,
Тиха, роскошна и светла.
(Эпилог)

Другие оттенки – черный и кроваво-красный – выбирает Глинка, рисуя предгрозовую картину, предвещающую появление Бога:

Вдруг что-то черное мелькнуло,
Как язва, на краю небес,
Растет, растет, все ближе, ближе,
И солнце, *потеряв* лучи,
Побагровело, *зашаталось*
И *покатилось* в море туч,
Как тусклый шар, налитый кровью...

Используя те же приемы – метафору и сравнение, но другие образы, поэт передает чувство страха, которое овладело Иовом. Усиливает это чувство и словесный повтор: «Растет, растет, все ближе, ближе...». Предгрозовая тишина, «как в гробе», сменяется грозой, в описании которой преобладает огненно-красный цвет: «в выси – пожар»; «ураган огнистый», «красные моря песчаны». Сравнения и метафоры (*вьюгой взрылась гладь песка; суетливо побежали... владыки грозного гонцы – ручьи молнии; красные моря песчаны горами поднял*) усиливаются звукоподражанием, создаваемым аллитерацией и ассонансом («**Взвиваясь, вихри засвистали,** / **И** вьюгой **взрылась** гладь песков...»); «Все мчится **ураган** / **Крутой**, огнистый, **бурный**, **рьяный**...»), а также нанизыванием однородных членов («ураган / **Крутой**, **огнистый**, **бурный**, **рьяный**»; «Вдруг протяжный / *Вой, свист, дождь, буря, вихрь и град* / *Кипят, теснятся и спешат*»).

В III главе, в которой Иов ропщет, проклиная час своего рождения, ключевыми словами, отражающими эмоциональный тон повествования, являются *скорбь, тоска, мрак, мучения, смерть, страх*. Их многократные повторы, синонимические замены, риторические вопросы и восклицания усиливают экспрессию описания душевных и физических страданий Иова:

Погибни день, когда из **чрева**
На **гибель** вышел я на свет,
И ночь, которая сказала:
«Се, в **чреве** зачат человек!»
.....
И ночь, в которую я зачат,
С тем днем, в который я рожден,
Изглади, Господи! **изглади**
Из книги тайныя Своей,
Из лет, из круга годового!..
.....
Да **заклянет** тот день, ту ночь,
Кто для **заклятий** мощь имеет..
.....
Зачем ты светишь, Божий день?
Чтоб нам показывать, как люди
Томятся, плачут и грустят?
.....

Я трачу жизнь, теряю силу,
И сам себе свою могилу,
Тоскуя, вырыть бы я рад,
И гроб почел бы я за клад!..

Философские вопрошания Иова, его взывание к Богу, безутешные жалобы находят отклик в душе поэта. Несчастья собственной жизни заставили его осознать, что без веры в справедливость рухнет вся система нравственных ценностей.

Глинка использует разнообразные лексические и синтаксические средства для того, чтобы рассказать о несчастной судьбе страдальца. Главную роль играет экспрессивно окрашенная лексика: *страдалец, мученик, скорбь, гибель, гибнущий, злосчастный, лютый, томиться, плакать, грустить, тоска, слезы, могила, гроб, страх, страшно* и другие.

Многочисленные повторы корней, синонимы и антонимы, подчеркивающие общий семантический признак, яркие сравнения (например, *как кедр, надломленный грозою; рыкаю громче гладных львов; словно ток на дне кремнистом, в моей груди кипит тоска*) доводят эмоциональное напряжение до предела: *Горю и зябну... страшно!.. страшно!!!*

Так как Иов призывает Бога к ответу, то преобладают анафорические риторические вопросы:

Зачем тот день, **зачем** – с той ночью
Мне дали свет увидеть сей?
Зачем я не родился мертвым?
Зачем не умер я – родясь?!

.....
Зачем молилась обо мне?!

.....
Земли небывший населенец,
Зачем я в чреве не погиб...

.....
Зачем ты светишь, Божий день? –

и побудительные предложения, оформленные восклицательным знаком, подчеркивающим чувства, бушевавшие несчастного:

Да будет мрачен он, как полночь,
И душен, как полдневный зной!

.....
Да будет ночь сия бесплодна,
Да будет вся она – болезнь!..

.....
Да ни единая жена,
В часы погибельной той ночи,
Страдальца в чреве не зачнет!

.....
Да заклянет тот день, ту ночь,
Кто для заклятий мощь имеет....

Полные и частичные повторы усиливают, подчеркивают упаднические настроения поэта:

Я буду, буду всё, с тоскою,
Всё беспрерывно изливать <,>
Всю ярость беспредельной скорби:
Скажу и выскажу векам...

.....
Мое всё тело – **струп** и **струп**...

.....
Как облак дымчатый редет
И **исчезает** в высоте,
Так я **исчезну**!

Корневой повтор с различными приставками начинает и заканчивает градационный ряд:

...Я весь **разбит**,
Изломан, раздроблен, **убит**...

Эмоциональное описание беспокойного, страшного сна, представленное в виде периода, заставляет автора необычно оформить вторую часть этой стилистической фигуры – понижение: эта часть произносится не с понижением, а с повышением тона голоса, как риторическое восклицание, что фиксируется двумя восклицательными знаками:

То окружен я пустотою,
То черная, в пустыне, ночь
Полна страшилищ: вот их очи
Огнем неистовым горят,
Они в меня вонзают взоры;
То реки с клокотом шипят,
То с грохотом валятся горы –
Всё на меня!!

Такой авторский знак препинания, выражающий сильные чувства и эмоции, встречается в тексте не единожды. Как авторский знак, как фигура умолчания, передающая тревогу, смятение, душевные переживания, часто употребляется многоточие:

Всё тело рушится мое:
То вдруг его облягут раны,
То заживут... И вдруг опять
Моя растрескается кожа
И, гноем налив, болит...
Жизнь, смерть, день, ночь... всё стало смутно...

Восклицательный знак, употребляемый в вопросительных предложениях, также передает акцентированные чувства:

Сомкну ли ночью я глаза
(Страдальцу ночь – долга, как вечность!),
Я пробужусь и говорю:
Когда ж рассвет? Ах, скоро ль утро?!
Приходит утро – я опять,
Вздыхая, вопию: где ж вечер?!

Тире между подлежащим и сказуемым во вставной конструкции – тоже авторский знак, фиксирующий смысловую паузу и заставляющий расставить логические ударения и на подлежащем и на сказуемом. Ср. также знаки препинания на месте нуля знака:

Что – я?..
...Не снять бы всех его грехов –
Из жалости к сей бедной жизни!!

Таким образом, авторская пунктуация в данном тексте помогает читателю услышать и прочувствовать всю боль олоневского ссыльного.

Страдания Иова описываются в нескольких главах с использованием тех же стилистических средств: метафор (*глаза растаяли от слез; засыпать мразом последний жар моей души; под зноем мук; вонзаят взоры; меня изгладят из живых; воду жизни из ваших вычерпать речей* и др.); сравнений (*я брошен бурей, как обломок в грозе морей от корабля; мои бывшие дни мелькнули, будто в зыбких красках мелькает нить за челноком; страдальцу ночь – долга, как вечность; как раб, боящийся лозы; и весь я – как под бурей трость* и др.), антитезы (*друзья, богатые умом, меня в безумьи не вините; о горе, я живой – мертвец; ему и тьмы света*), градации (*я весь разбит, изломан, раздроблен, убит; с мятежным шумом, стоном, ревом*), среди которых ведущими являются сравнение, повторы и экспрессивно окрашенная лексика.

Надо отметить, что метафора, близкое ей сравнение, а также разного вида повторы в поэме являются главными способами организации стиха, призванными отобразить различные внутренние состояния лирического героя.

Поэт, тонко чувствующий звуковую сторону стиха, очень часто прибегает к аллитерациям и ассонансам, которые не только передают звуки природы, но и привлекают внимание к смыслу слов:

но жребий
Их – общий всем: как колос сельный,
Пожнёт их смерть своей косой!!

Пошли орла в разлив лазурный,
Он встретит взором солнца луч,
Крылом прорежет область туч...

Узря, все звезды заиграли,
Зарделися, заликовали...

Надень узду на ураган,
Смири подземных бурь ударь...

Вотще и горы подкопал,
Вотще и землю вопрошает:
Богатства мудрости – не в ней!

И Тот, Кто правит бурей духом,
К страдальцу скорбному притек
И над его дрожащим слухом
Слова гремящие изрек...

По звездным царствам, по лазури,
По златозарной вышине...

В XXIV главе Ф. Глинка, не прибегая к иносказанию, открыто критикует несправедливость, царящую на земле. Богатые, – не боясь наказания ни земного, ни небесного, – не считая бедных людьми, спокойно обирают их:

Преступники живут **спокойно**,
Спокойно у сирот берут
Последний родовой участок,
Спокойно чуждые стада
В свои загоны загоняют
И с ветхих рубищ нищеты
Последний лоскут отдирают!
Так бедных мучат, забыв,
Что те – их братья, те же люди!
Но их считают ли людьми?

Их души, в которые страшно заглядывать, черны, «там все нечисто, все темно! / Они – греха живые гробы...». Тогда как бедные влачат жалкое существова-

ние и только под покровом ночи могут «на полях, уже пожатых, Забытый колос подобрать И пропитать своих младенцев...»:

Как часто острый, горный дождь
Покров убогий пробивает, –
И мать, прижав к груди дитя,
На хладный камень упадет,
Изнеможенная, без сил!..

В этих описаниях главным средством выразительности является значение слов, усиленное словесными и корневыми повторами. Однако, характеризуя имеющих власть и богатство нечестивцев, Ф. Глинка использует иносказание:

И дерзко, парус распусая,
Несутся по морю разврата,
Спеша умчаться, унести
От тихой ясности душевной
В крутой, мятежный ураган,
И от живых потоков сладких –
В безводье, в знойные пески!..

Его лирический герой обращается к Богу в поисках справедливости, восклицая: «Так где ж над злыми правда здесь?!» Единственным выходом, избавляющим от угнетения, от страданий, Иову представляется смерть – «покой счастливый под хладным черепом земли», которая уравнивает всех: «Там все равны – рабы и князи: / Богач бок о бок с нищим лег».

Там нет насилий, чужд там страх;
Различья нет там земнородным;
Для узников – нет кандалов,
Нет кабалы там для рабов,
Никто не стонет от трудов...
Все – долгий отдых и свобода...

(Гл. III)

Основным приемом является противопоставление, построенное на антонимах *раб – князь, богатый – нищий, труд – отдых, прохладный – палящий, кабала – свобода, темнота – свет*.

В главах, в которых Глинка рассказывает от лица Бога о сотворении мира, напротив, приемы очень разнообразны, от звукописи до стилистических фигур. Например, в описании рождения океана использованы иносказание, восходящая грация (*с мятежным шумом, стоном, ревом*), ассонанс на [о] и [у] и аллитерация на [р] и [л]:

С мятежным шумом, стоном, ревом,
Хотел он звёзды в небе смять,
И жадным бурнопенным зевом
Младую мать свою пожрать...
Я принял на руки младенца.
И, бурный вопль его смиря,
Я спеленал дитя в туманы
И уложил его в постель,
Огородив ее берегами,
И люльку Я завесил мглами...

Ассонанс на [о] и [у] и аллитерация на [р] создают звуковую картину стонущего рева волн, а звук [л] встречается в тех строках (7, 8 и 10), где говорится об укрощении океана, причем в них звук [р] отсутствует.

И хотя Иов под бременем своих тяжких страданий и несправедливых обвинений своих друзей проклял даже день своего рождения, но среди самого ропота в нем ярко просвечивает величие души его и надежда на милость Бога. За терпение и смирение Иову было возвращено все, что он потерял. Ветхозаветный герой, и вместе с ним сам поэт, пытается понять, возможен ли мир без справедливости, – и справедливость восстанавливается. Говоря об этом, поэт дарит человеку надежду на обретение справедливости на земле:

.....Он
Испытан Богом был – испытан строго:
Пустыня вся, страдальца слыша стон,
Дивилась, как он мог стерпеть так много!!
Но Бог воззрел и – все бывшее сон! –
Темнит нас грех, но чистит огонь страданий,
И сладок плод от горьких испытаний!..

Глинка говорит, что горестные жизненные обстоятельства, способность к страданию не следует рассматривать как наказание, они способствуют совершенствованию души, укреплению духа.

Патриотические чувства у Глинки одухотворены христианской верой, для него Отечество и православие были неразделимы: «Звучание лирического голоса в произведениях Ф.Н. Глинки поднимается до патетических высот благодаря не только мастерской и искусной огранке патриотических мыслей и порывов, но и той духовной силе и пламенной вдохновенности, которые черпались им в живительном источнике православной веры»¹.

В творчестве Ф.Н. Глинки представлены разные виды классической и романтической поэзии, они проникают друг в друга, поэтому жанры высокой поэзии несут отпечаток элегического псалма, а в философских элегиях и медитациях слышны отголоски одической поэзии. Отсюда и разнообразие художественных приемов и средств – от иносказания до фольклорных элементов. Поэт редко использует одно какое-то средство, чаще всего в его стихотворениях соединяются лексические, фонетические и синтаксические средства выразительности. В военных песнях поэт выражает патриотические чувства при помощи противопоставлений, построенных на общеязыковых и контекстуальных антонимах, при помощи синонимов, корневых повторов, сравнений, метафор². В духовной лирике, пронизанной преимущественно чувством тоски, покаяния, нравственного несовершенства человека, на первый план выступают слова-символы, иносказания, разного рода сравнения, антитеза³.

Конечно, жанровая принадлежность во многом определяет выбор стилистических приемов, но для большинства стихотворений характерны иносказание и связанные с ним слова-символы, метафора и сравнение, антитеза, различные повторы, звукопись. Все эти средства нужны Ф.Н. Глинке для того, чтобы пробудить

¹ Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. М., 2002. С. 234.

² Егорова И.Д., Летучева В.П. Лингвостилистические особенности военных стихов Ф.Н. Глинки // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2014. С. 17–27.

³ Егорова И.Д. Слова-символы в псалмодической поэзии Ф.Н. Глинки // Жанр. Стиль. Образ: Актуальные вопросы современной филологии: межвузовский сборник статей с международным участием. Киров, 2016. С. 54–60.

у читателя чувство патриотизма и любви к своему краю, своему народу, чтобы привить ему лучшие христианские добродетели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов В.Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л.: Гос. издательство художественной литературы [Гослитиздат], 1961. 471 с. С. 139–164; 409–438 (разделы «Федор Глинка» и «К истории декабристской романтической поэмы (Карельские поэмы Федора Глинки)»).
2. Глинка Ф.Н. Сочинения. М.: Советская Россия, 1986. 352 с.
3. Зверев В.П. Творчество Ф.Н. Глинки в контексте православной традиции русской литературы первой половины XIX в.: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. 610 с.
4. Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. 541 с.
5. Егорова И.Д. Слова-символы в псалмодической поэзии Ф.Н. Глинки // Жанр. Стил. Образ: Актуальные вопросы современной филологии: межвузовский сборник статей с международным участием. Киров, 2016. С. 54–60.
6. Егорова И.Д., Летучева В.П. Лингвостилистические особенности военных стихов Ф.Н. Глинки // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 2014. № 2(26). С. 17–27.
7. Сергеева О.А. Путь к свету как одной из высших истин в поэзии Ф.Н. Глинки // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Н. Захаров. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 96–110.
8. Федосеева Е.Н. Жалобы библейского Иова в поэтической интерпретации Е.А. Боратынского // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2008. № 4. С. 166–172.

REFERENCES

1. Bazanov V.G. (1961) Essays on Decembrists' Literature. Poetry. Moscow; Leningrad. Goslitizdat Publ. 471 p. (See pages: 139–164; 409–438; the parts: «Fedor Glinka», «To the history of the Decembrist romantic poem (Karelian poems of Fedor Glinka)»).
2. Glinka F.N. (1986) The Collected Works. Moscow. Sovetskaya Rossiya Publ. 352 p.
3. Zverev V.P. (2002) F.N. Glinka's Creative Works in the Context of the Orthodox Tradition of Russian Literature of the first half of the XIXth century. The Thesis (Doctor of Philology). Moscow. 610 p.
4. Zverev V.P. (2002) Fedor Glinka – Russian Religious Writer. Moscow. Pashkov dom Publ. 541 p.
5. Yegorova I.D. Word-symbols in Glinka Psalmodic Poetry. In: Genre. Style. Image: The Actual Problems of Contemporary Philology: The Intercollegiate Collection of Articles with International Participation. Kirov. 2016, pp. 54–60.
6. Yegorova I.D., Letucheva V.P. Linguostylistic Peculiarities of Military Poems by F.N. Glinka. *Izvestia of Smolensk State University*. Smolensk. 2014. No 2(26), pp. 17–27.
7. Sergeeva O.A. The Path to Light as One of the Highest Truths in F.N. Glinka Poetry. In: In: The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th centuries: Collection of Scientific Works / Ed. V.N. Zakharov. Issue 4. Petrozavodsk. Petrozavodsk State University (PetrSU) Press. 2005, pp. 96–110.
8. Fedoseeva E.N. Biblical Job's Complaints in the Poetic Interpretation of E.A. Boratynsky. *Bulletin MGOU. Series "Russian Philology"*. 2008. No 4, pp. 166–172.

Сведения об авторе:
Ирина Дмитриевна Егорова,
канд. филол наук
доцент
Смоленский государственный университет

Irina D. Yegorova,
PhD
Assistant Professor
Smolensk State University
galamaga81@mail.ru

**LINGUOSTYLISTIC CHARACTERISTICS OF FEDOR GLINKA'S POEM
"THE BOOK OF JOB. FREE PARAPHRASE OF THE BOOK OF JOB"**

З.І. Трацяк

Спецыфіка ўвасаблення Першай сусветнай вайны ў беларускай літаратуры

Анатацыя: Артыкул прысвечаны беларускай літаратуры пра Першую сусветную вайну, што ўяўляе тэматычнае поле, якое на сённяшні дзень патрабуе дэталёвага разгляду. Падкрэсліваецца, што на мяжы XX і XXI ст. паступова фарміруецца корпус мастацкіх тэкстаў, якія маюць каштоўнасць для нацыянальнай традыцыі адлюстравання падзей 1914–1918 гг. Асаблівае месца ў беларускім пісьменстве займае творчасць М. Гарэцкага, які ў сярэдзіне 1910-х гг. адным з першых у новай беларускай літаратуры пачаў распрацоўку ваеннай тэматыкі. Заўважана, што Першая сусветная часам увасаблялася як прадвесце рэвалюцыйных падзей і грамадзянскага супрацьстаяння (кнігі М. Зарэцкага, Я. Коласа, К. Крапівы, М. Лынькова і інш.). У 1920–1930-х гг. айчынная літаратура пра 1914–1918 гг. працавала ў трох тэматычных накірунках: падзеі на фронце, у бежанстве, у тыле. У другой палове XX ст. дадзеная тэма паўстала на старонках твораў В. Адамчыка, У. Гніламёдава, Г. Далідовіча, В. Карамазова, І. Шамякіна.

Ключавыя словы: беларуская літаратура, Першая сусветная вайна, Грамадзянская вайна, дакументальна-мастацкая проза, франтавая, бежанская і тылавая літаратура

Abstract: The article is devoted to Belarusian literature about World War I. It is a thematic field which nowadays requires a detailed research. It is emphasized that since the turn of the 20th century a unity of fictional texts valuable for the national tradition of 1914–1918 literary depiction has been formed. M. Haretsky's works play a special part in Belarusian literature. In the middle of the 1910s the author one of the first in the national prose writing started the development of the war theme. It is pointed out that World War I sometimes was depicted as a portent of revolutionary events and civil struggle (books by M. Zaretsky, Ya. Kolas, K. Krapiva, M. Lynkou). In the 1920–1930-ies Belarusian literature about the First World War worked in three fields: events at the front, in the rear, depiction of a refugee life. In the second part of the 20th century the theme was developed by V. Adamchik, U. Hnilamodau, H. Dalidovich, V. Karamazau, I. Schamyakin.

Key words: Belarusian literature, World War I, Civil War, documentary-fictional prose, front, refugee and rear literature

XX ст. – асаблівы час для развіцця беларускай літаратуры, якая паслядоўна ўвасабляла новыя пласты рэчаіснасці, эксперыментавала з актуальнымі мастацкімі формамі, актуалізавала асобныя набыткі мінулага. У сувязі з гістарычнымі перыпе-

тыямі надзвычайная ўвага надавалася ваеннай тэматыцы: творцы ёміста ўвасобілі асноўныя ўзброеныя канфлікты, у якіх бралі ўдзел беларусы (ад згадак пра Руска-японскую вайну і разгляду Першай сусветнай да ўзнаўлення баявых дзеянняў у Афганістане). Сусветную вядомасць беларускай літаратуры прынеслі ў тым ліку і проза, паэзія і драматургія, прысвечаныя Вялікай Айчыннай. Знакавай стала спадчына А. Адамовіча і В. Быкава. І. Шаблоўская, разважаючы пра айчынныя мастацкія дасягненні, заўважыла, што «ўсё часцей ваенныя падзеі... даюць штуршок да філасофскага асэнсавання падзей другой сусветнай вайны ў маштабах космасу чалавечага быцця, з аднаго боку, і прасторы ўсёй планеты – з другога» [Шаблоўская 2007: 161].

Беларуская літаратура пра Першую сусветную вайну доўгі час заставалася «ўцяні»: чытацкая і даследчыцкая ўвага канцэнтравалася на кнігах, якія ўвасаблялі падзеі Грамадзянскай вайны і Вялікай Айчыннай. Існавала нават меркаванне, што «імперыялістычныя вайна ў нашай беларускай літаратуры... адбілася досыць слаба. Калі ня лічыць вершаў Купалы, Коласа, Бядулі і інш., напісаных у часе вайны, ды некалькіх дробных апавяданняў, то мы больш нічога ня маем» [Аліг 1926: 103]. Такая парадаксальная думка сфармулявана ў рэцэнзіі Аліга (гл. часопіс: Маладняк. 1926. № 9) на кнігу «На імперыялістычнай вайне» М. Гарэцкага.

Аднак сам корпус вершаў згаданых вышэй мастакоў слова ўраджае разнастайнасцю тэматыкі, прыёмаў увасаблення крызісных з'яў, ашчадным пераасэнсаваннем-актуалізацыяй фальклорных вобразаў, эксперыmetaмі з формай твора. Верагодна, што аўтар цытаванай рэцэнзіі меў на ўвазе наступныя паэтычныя здабыткі: «Мяцежнік» (1914), «Ад крыві чырвонай» (1914), «Не мы...» (1914), «І будзе на палях трывожная работа» (1914), «Браты» (1914), «Арліхі» (1914), «І сотнямі тысяч» (1915), «Юда жэніцца» (1915), «То не хаты, а курганы...» (1916), «Штатан смерці» (1917), «Сухавеі» (1917), «Ты слязамі і крыжамі...» (1917), «У зімовую ноч» (1917), «Вайна» (1918) З. Бядулі; «Вецер» (1914), «Божы мой! Калі паўстане...» (1915), «Новаму году» (1915), «Думкі салдата» (1916) «На рэчцы» (1916), «На чужыне» (1916), «Поле» (1917), «Ворагам» (1917) Я. Коласа; «Песні вайны» (1914), «1914-ты» (1915), «Крыўда» (1915), «Груганы» (1915) «Вясна 1915-ая» (1915) Я. Купалы.

«Некалькімі дробнымі апавяданнямі» хутчэй за ўсё лічыліся творы М. Гарэцкага «Літоўскі хутарок» (1915), «Генерал» (1916), «На этапе» (1916), «Рускі» (1925), што на сённяшні дзень успрымаюцца як бяспрэчная класіка беларускай малой прозы. Ва ўсё той жа рэцэнзіі Аліга чытаем: «Калі ў сусветнай літаратуры мы маем цэлы шэраг “чалавечых дакументаў” аб імперыялістычнай вайне, як “Агонь” А. Барбюса, “Чалавек добр” Франка, “Трыумфальное шествие” Смоліна, “Народ на вайне” Федарчэнка і шмат іншых, то ў беларускай літаратуры пакуль такіх твораў ня было» [Аліг 1926: 104]. Гэтае меркаванне ў яго шматлікіх мадыфікацыях захавала сваю прыцягальнасць для навукоўцаў бадай што да канца XX ст.

У такіх умовах «выключэннем» выглядала ваенная проза М. Гарэцкага¹, што доўгі час літаральна аднаасобна годна сведчыла пра распрацоўку тэмы Першай сусветнай у беларускай літаратуры. Склалася ўражанне, што «частыя войны і рэвалюцыі адвучылі нас трымаць сувязь з мінулым... Азірацца далёка. Ганарыцца. Спяшаліся

¹ Гарэцкі Максім Іванавіч (1893–1938) – беларускі мастак слова, грамадскі дзеяч і навукоўца. Жыццёвы шлях пісьменніка скончыўся ў 1938 г. у г. Вязьме: «тройка» НКУС вынесла смяротны прысуд. Напрыканцы 1920-х гадоў М. Гарэцкага арыштавалі ў сувязі з беспадстаўным абвінавачаннем ва ўздзеле ў працы міфічнага «Саюза вызвалення Беларусі». Рэабілітаваны ў 1957 г.

забыцца, сцерці сляды, таму што захаваныя сведчанні маглі стаць доказам, часта каштавалі жыцця» [Алексіевіч 2016: 117]. Пасля рэабілітацыі М. Гарэцкага ў 1957 г. адбылося паступовае вяртанне яго тэкстаў у чытацкую і навуковую прастору. Сапраўды, акрамя згаданых вышэй апавяданняў, аўтар паспрабаваў увасобіць падзеі 1914–1918 гг. у творах розных жанраў: замалёўкі «Пакінутыя хаты» (1921), «Фантазія» (1921), «Сібірскае абразкі» «Уцекачы» (1923), «Палонны» (1926), аповесці «Дзве душы» (1918–1919), «Ціхая плынь» (1917–1930), «Камароўская хроніка» (1931–1939), дакументальна-мастацкі твор «На імперыялістычнай вайне (Запіскі салдата 2-й батарэі N-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы)» (1926), раман «Віленскія камунары» (1931–1932), філасофска-алегарычныя творы «Лявоніус Задумекус» (1931–1932), «Скарбы жыцця» (1932–1935, 1937?), п'еса «Жартаўлівы Пісарэвіч» (1925). Сімптаматычна, што ў большасці выпадкаў аўтар апавядаў пра падзеі 1914–1918 гг. у кантэксце папярэдніх (асобныя раздзелы «Камароўскай хронікі» і «Ціхай плыні») і наступных («Дзве душы», «Віленскія камунары») гістарычных трансфармацый.

Дакументальна-аўтабіяграфічная кніга «На імперыялістычнай вайне» – відаць, самы знакаміты твор у беларускім мастацтве слова, прысвечаны падзеям Першай сусветнай. М. Гарэцкі пайшоў на незвычайны для айчыннай літаратуры таго часу эксперымент, спалучыўшы пад адной вокладкай розныя тыпы аповеду: эпістоларны, дзённікавы і выклад матэрыялу ад імя першай асобы. У творы зліліся статычны (роздумы персанажа пра ўласны духоўны стан, быццё грамадства, лёс беларусаў) і дынамічны (адлюстраванне ваенных падзей) кампаненты кампазіцыі. Пачынаючы з раздзела «Катастрофа», аповед падпарадкоўваўся вольнаму руху думкі. У некаторых эпізодах (раздзел «Пабыўка») аўтар адлюстраваў сферу падсвядомага. Паводле П. Васючэнкі, «дэфармацыі грамадскага жыцця, звязаныя з вайной, абумоўліваюць зварот... да нерэалістычных спосабаў творчасці» [Васючэнка 2014: 77].

Канцэпцыя спалучэння дакументальнага і мастацкага, прапанаваная М. Гарэцкім, пацвердзіла сваю жыццяздольнасць: у другой палове XX ст. сімбіёз розных апаведных стратэгий зноў быў запатрабаваны беларускай ваеннай літаратурай. Згадаем працы А. Адамовіча «Я з вогненнай вёскі...» і «Блакадная кніга» (у суаўтарстве з Я. Брылём, У. Калеснікам і Д. Граніным). Дарэчы, мастак слова быў адным з удумлівых даследчыкаў спадчыны М. Гарэцкага. Пазней падобныя тэндэнцыі сталі відавочнымі, напрыклад, у творах лаўрэата Нобелеўскай прэміі 2015 г. С. Алексіевіч, якая ў кнізе «У вайны не жаночы твар» назвала А. Адамовіча сваім настаўнікам [Алексіевіч 2016: 9]. Працуючы над цыклам «Галасы Утопіі» аўтарка сутыкнулася з сітуацыяй, калі «экстрэмальная рэальнасць экстрэмальна ж пераўзыходзіць, падаўляе гіпатэтычную мастацкую фантазію на адпаведныя тэмы» [Сінькова 2017: 67].

Навукоўцы спрабавалі знайсці фактары, якія б вычарпальна вытлумачылі спецыфічную рэпрэзентацыю падзей Першай сусветнай вайны ў беларускай літаратуры, тым больш, што мастакі слова спазналі яе спусташальны патэнцыял. Я. Купала і З. Бядуля, напрыклад, пэўны час знаходзіліся ў прыфрантавой Вільні. Пазней, калі войска ворага падступіла да горада, Я. Купала вырашыў эвакуіравацца ў Расію, а З. Бядуля вярнуўся ў Пасадзец (мястэчка на Лагойшчыне), праз некалькі месяцаў выехаў у Мінск, займаўся справамі Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны. У 1916 г. Я. Купалу залічылі ў спецыяльны дарожна-будаўнічы батальён. Я. Колас быў змобілізаваны на службу на пачатку вайны. Пазней ён скончыў Аляксандраўскае вайсковае вучылішча і ў званні прапаршчыка яго накіравалі на Румынскі фронт. Аднак на месца службы ён не трапіў, бо

захварэў на ліхаманку. Гэта літаральна некалькі біяграфічных рыс, якія пацвярджаюць глыбіню ведання ваеннай рэчаіснасці беларускімі аўтарамі.

Грамадска-палітычныя змены 1917 г. прадвызначылі вектар развіцця літаратурнага працэсу ў першай трэці XX ст. Будаўніцтва камунізму не спрыяла распрацоўцы тэматыкі, звязанай з сусветнай (імперыялістычнай, несправядлівай, буржуазнай) вайной. Я. Колас у паэме «На шляхах волі» маляўніча акрэсліў сітуацыю: «Мой крытык возьме строгі тон, / Ухілаў знойдзе ў ёй мільён / І несучаснасць самой тэмы, / Дакор кіне, што я – немы, / Глухі на зовы нашых дзён. / І скажа: “Досыць нам блукання / Па збітых, пройдзеных “шляхах”, / Пішы аб сённяшніх франтах! / Давай героіку змагання, / Сучаснасць, волі гартаванне, / Трыумфы новых перамог!”» (курсіў наш. – З.Т.) [Колас 1976: 290]. Калі пакінуць у баку вобразнасць мастацкага тэксту, то сутнасць працэсу, услед за А. Адамовічам, мажліва сфармуляваць наступным чынам: «Першая сусветная вайна для савецкай літаратуры 20-х і 30-х гадоў... адхінута... падзеямі рэвалюцыі і грамадзянскай вайны. І кнігі пра тую сусветную вайну... пры наяўнасці ўсіх высокіх якасцей згубіліся сярод велізарнай колькасці таксама выбітных... твораў, прысвечаных падзеям рэвалюцыі і грамадзянскай вайны» [Адамовіч 1982: 25].

Нягледзячы на адносную незапатрабаванасць тэматыкі, звязанай з падзеямі Першай сусветнай, у 1920-1930-я гг., беларускія літаратары не абміналі гэтую напаятабуіраваную праблему, інкарпаруючы яе ў творы, дзегалоўны акцэнт рабіўся на іншых сацыяльных працэсах. Часцей за ўсё вайна паўставала як апошняя кропля, што ў рэшце рэшт выклікала рэвалюцыйную хвалю на прасторах былой Расійскай імперыі, абуджала нязнаныя раней стваральныя і разбуральныя сілы («Набліжэнне» (1934) З. Бядулі, «Затока ў бурах» (1928) Я. Відука, «Сокі цаліны» (квадры III, IV) Ц. Гартнага, «Сцежкі-дарожкі» (1927) М. Зарэцкага, «Крывавы вір» (1923), «На шляхах волі» (1926–1935, 1955–1956) Я. Коласа, «На чырвоных лядах» (1933) М. Лынькова, «Бацькаўшчына» (1931) і «Пошукі будучыні» (1943) К. Чорнага). Поруц з уласна беларускім матэрыялам мастакі слова разглядалі быццё былых ваенных супернікаў – шараговых жыхароў Германіі («Варта на Рэйне» (1927–1928) А. Гародні, «Герой нацыі» (1934) Э. Самуйлёнка).

Паказальна, што ў асобных выпадках пісьменнікі ўсё ж дазвалялі сабе выказаць прыхаваныя сумненні ў вартасцях новага грамадскага ладу. Спрактыкаваны чытач успрымаў не толькі тэкст, але і падтэксты, якія наладжвалі дыялог аўтара з удумлівым рыцыпіентам нават у падцэнзурныя часы. Напрыклад, З. Бядуля пакінуў фінал аповесці «Набліжэнне» адкрытым. Такая магчымасць «запраграмавана» назвай кнігі: да беларускага мястэчка набліжалася не толькі татальная вайна, але і рэвалюцыя, гады калектывізацыі, індустрыялізацыі і рэпрэсій. Нягледзячы на тое, што персанажы спадзяваліся на лепшую будучыню, надыходзячае між волі асацыявалася з новымі нягодамі. Не менш значны і той факт, што А. Гародня – знешне апантаны змагар за сацыялізм – у аповесці «Варта на Рэйне» разважаў пра рэвалюцыю не на радзіме, а ў Германіі, пакідаючы ў баку знаёмыя і таму занадта жажлівыя праявы класавай барацьбы.

Апавядаючы пра Першую сусветную вайну, М. Гарэцкі не пакідаў тэмы пошукаў беларусамі нацыянальнай ідэнтычнасці і аднаўлення дзяржаўнасці. Справа гэтая была надзвычай небяспечнай у грамадстве, дзе ішоў эксперымент па стварэнні інтэрнацыянальнага адзінства савецкіх людзей. Ужо напрыканцы 1920-х гг. пісьменнік «калі і згадваўся, дык абавязкова ў суправаджэнні такіх небяспечных на той час эпітэтаў, як нацдэм, нацыянал-фашыст» [Мушыньскі 2014: 28], а яго творы паступова хаваліся ў спецсховах.

Сімптаматычна, што айчынныя літаратары (сучаснікі ваенных падзей 1914–1918 гг.) не абмяжоўвалі аповед выключна назіраннямі шараговага за канвеерам вайны. Яны звярталі ўвагу на драматычнае жыццё цывільнага ў бліжнім тыле, пад кайзераўскай акупацыяй, у выгнанні. Наогул тэма бежанства напрацягу XX ст. набудзе надзвычайную актуальнасць у сувязі з самымі трагічнымі старонкамі беларускай гісторыі. Як заходнееўрапейскія і амерыканскія пісьменнікі-антымілітарысты (Р. Олдынган, Э.М. Рэмарк, Э. Хемінгуэй, А. Цвэйг), беларускія мастакі слова пазбавілі вайну флёру ўзнёсласці і містыцызму, дэгераізавалі некаторыя яе праявы, пераасэнсавалі такія філасофскія катэгорыі як справядлівасць, сэнс жыцця, гуманізм. Канцэптуальнай падаецца распрацоўка магістральнай апазіцыі «свой – чужы». Імклівыя гістарычныя працэсы разбуралі стэрэатыпнае мысленне, вымушалі персанажа самастойна высвятляць, адкуль ішла небяспека (ад немца-салдата, казака, імперскіх улад і г. д.).

Беларуская літаратура пра Першую сусветную, на наш погляд, падзяляецца на тры выразнаакрэсленыя групы: франтавую, бежанскую і тылавую (часам яны судакранаюцца ці ўзаемапранікаюць). Франтавая проза апавядае пра салдата, які ўпершыню ў гісторыі сутыкнуўся з татальнай вайной, што вызначала тэматычныя дамінанты падобных твораў: адлюстраванне франтавога побыту, атак і контрудараў, жыцця на маршы, знаходжання ў бліжнім тыле з прычыны лёгкага ранення ці даручэння камандавання. Акрамя дакументальна-мастацкіх запісак «На імперыялістычнай вайне», апавядання «Генерал», асобных раздзелаў «Камароўскай хронікі» М. Гарэцкага згадаем аповесць «Варта на Рэйне» і апавяданне «У поплавах» А. Гародні. Колькасна (але не якасна) дадзеная плынь саступае бежанскай і тылавой літаратуры.

Веды пра вайну персанажа-бежанца саступаюць вопыту салдата-акопніка. Дзейная асоба вымушана трымаць нястачы, знаходзіцца пад абстрэлам, змагацца за жыццё блізкіх. Дадзеная плынь вызначаецца і шэрагам спецыфічных тэм: адлюстраванне казацкіх пагромаў («Набліжэнне» З. Бядулі), шляхоў у выгнанне (згаданая вышэй аповесць З. Бядулі, апавяданне «Літоўскі хутарок», запіскі «На імперыялістычнай вайне», урыўкі з рамана «Віленскія камунары» М. Гарэцкага, другая і трэцяя кадры рамана Ц. Гартнага «Сокі цаліны»), уладкаванне і жыццё на чужыне (Сібірскі абаразок «Уцекачы» і п'еса «Жартаўлівы Пісарэвіч» М. Гарэцкага, апавяданне «Туды, на Нёман» Я. Коласа) і інш.

Тылавая плынь вызначаецца матывам вайны «недзе там» (пецябургскія раздзелы ў рамане Ц. Гартнага «Сокі цаліны», урыўкі «Камароўскай хронікі» М. Гарэцкага). Персанаж незнаёмы з праявамі тэхналагізаваанай бойні. Асноўныя крыніцы, што фарміравалі яго ўяўленні, – прэса, чуткі, якія даходзілі з тэатру баявых дзеянняў, аповеды бежанцаў, лісты з фронту (каштоўнасць набывалі тыя з іх, што не трапілі да цензара). Вайна адбівалася на жыцці чалавека, які вымушана назірае за далейшым расслаеннем грамадства, знаёміцца з «дасягненнямі» імперскай прапаганды. Калі салдат успрымаўся як апарат, запраграмаваны на забойства, то цывільны, што працаваў на фабрыцы ці заводзе, функцыянаў як механізм, што забяспечваў франтавы канвеер сродкамі масавага знішчэння.

Паказальна, што айчынная проза яднала франтавую, бежанскую і тылавую плыні (аповесць «Набліжэнне» З. Бядулі). Гэта харакэрна для выпадкаў, калі размова ішла пра беларускія тэрыторыі, што па волі гісторыі з зацішнага тылу ператварыліся ў прыфрантавую паласу ці лінію фронту – эпіцэнтр лёсавызначальных падзей.

Беларуская літаратура пра Першую сусветную спазнала відавочны ўплыў паэтыкі ваеннай прозы Л. Талстога. Паводле А. Адамовіча, многія творцы «перш чым трапіць у акопы і набаявыя пазіцыі, ужо перажылі Аўстэрліц, Барадзіно, Севастопальску абарону...» [Адамовіч 1980: 47]. Гэтыя веды дапамагалі хутчэй выкрышталізаваць-сфармуляваць уласную пазіцыю ў дачыненні да вайны татальнага тыпу. З. Бядуля, М. Гарэцкі, Я. Колас, Я. Купала, К. Чорны ўдумліва чыталі спадчыну рускага мастака слова, звярталі надзвычайную ўвагу на розныя прыёмы мастацкага псіхалагізму, што дазволілі Л. Талстому сказаць уласнае слушнае слова пра чалавека на вайне.

У той жа час беларускія мастакі слова былі супраць механічнага пераймання асобных здабыткаў прэзаіка. М. Гарэцкі паспрабаваў уявіць, як можа выглядаць такая стылізацыя: «Я пайшоў працаваць у канцылярыю... і па дарозе, восеннай, цёмнай, бязлюднай, думаў: каб цяпер ляцеў снарад і адарваў бы мне палец на левай руцэ, – я чарціў бы праваю і паказаў бы рану толькі скончыўшы заказаную мне камандзірам працу. Хай бы ведалі, які я... Зразумела, што я зараз і ляю сам сябе за падобныя разважанні, і дзівіўся, чаму падобнае глупства лезе ў галаву: ці то пад уплывам чытанай мною раней расійскай літаратуры, ці то яшчэ з якіх прычын...» [Гарэцкі 1985: 372]. Глупствам М. Гарэцкаму, вядома ж, здалася не расійская літаратура пра вайну, якая шчыльна асацыявалася з імем Л. Талстога, а яе павярхоўнае прачытанне і безаглядныя спробы культываваць літаральна ўсе яе здабыткі на абсалютна новай глебе Першай сусветнай.

Наступныя пакаленні беларускіх літаратараў не забываліся на падзеі 1914–1918 гг., якія паўставалі на вялікай часовай адлегласці. Гэта дазволіла вызначыць ролю Першай сусветнай у кантэксце нацыянальнай гісторыі XX ст.: рэвалюцыі 1905–1907 гг., 1917 г., станаўлення дзяржаўнасці, Польшка-савецкай вайны (1919–1921), калектывізацыі, беларусізацыі, рэпрэсій 1930–1940-х гг., Вялікай Айчыннай, пасляваеннага ўздыму гаспадаркі, Чарнобыля. Вялікая панарама народнага жыцця паўстала на старонках твораў вялікіх прэзаічных жанраў: «Чужая бацькаўшчына» (1977) В. Адамчыка, «Петраград – Брэст» (1981–1983) І. Шамякіна, «Пабуджаныя» (1984–1987) Г. Далідовіча, «Бежанцы» (1990) В. Карамазава, «Расія» (2007) У. Гніламёдава.

Згадкі пра Першую сусветную раскіданы па кнігах, прысвечаных Вялікай Айчыннай вайне. Паводле В. Быкава, апавед пра падзеі XX ст. патрабаваў узнёўлення пэўнага грамадска-палітычнага кантэксту, які тлумачыў жыццёвы шлях персанажаў, матывы іх учынкаў. На самым пачатку літаратурнай дзейнасці працуючы над апавяданнем «У ліхую часіну» (1959), пісьменнік лаканічна і ёміста ахааратарызаваў Першую сусветную як бясконцыя «акопы, атакі, шрапнель, кроў, гразь і вошы. Лясныя беларускія прасторы – Аўгустоў, Сувалкі, Ваўкавыск, гора бежанцаў, руіны гарадоў і жах германскай навалы» [Быкаў 2009: 273]. Пазней у апавяданні «Чырвоныя пятліцы» прэзаік засведчыў, як палітычная сітуацыя змяняла адносіны грамадства да 1914–1918 гг. Галоўны герой разважаў пра лёс сваёй сям’і так: «...Усё ж час нялёгкі, рознае можа здарыцца. Як здарылася з бацькам, забітым у шаснаццатым на імперыялістычнай вайне. Калі б забілі на грамадзянскай... стаў бы гонарам для сына, а так чым ганарыцца. Загінуў за інтарэсы капіталістаў і памешчыкаў...» [Быкаў 2005: 403]. Адчуваецца, што апавядальнік не пагаджаўся са спрошчанай трактоўкай падзей 1916 г. Яго не столькі дзівілі ўтылітарна скіраваныя выказванні персанажа, колькі насцярожвалі змены, якія рыхтавалі перагляд сямейных каштоўнасцей і шырэй усёй папярэдняй гісторыі.

Айчынная мастацкая прастора актыўна ўзбагачалася і перакладамі твораў пра Першую сусветную вайну. Па-беларуску загучалі кнігі аўтараў-выхадцаў з Еўропы («(CHCI=CH)3AS (льюізіт) або адзіная справядлівая вайна», 1931, І. Бехера; «Прыгоды ўдалага ваякі Швэйка ў сусьветную вайну», 1931, Я. Гашака; «Аповесць аб вечным міры», 1931, і «Дабердо», 1941, М. Залкі; «На Заходнім фронце без перамен», 1931, Э.М. Рэмарка) ці іншых частак былой Расійскай імперыі («У царскіх пагонах», 1930, В. Бабушкіна; «На крыжы», 1931, М. Громава; «Вялікі перавал», 1930, С. Заяцкага; «Магіла невядомага салдата», 1934, У. Лідзіна; «Запіскі салдата», 1931, Д. Оськіна; «Іншакраінны легіён», 1936, В. Фінка).

Акрамя ўласна мастацкага матэрыялу, навукоўцу можа зацікавіць беларускі бежанскі наратыў. Паводле Л. Шчавінскай: «народны наратыў – новы і пакуль мала даследаваны літаратуразнаўцамі абсяг масавай творчасці» [Шчавінская 2006: 83].

Беларуская літаратура пра Першую сусветную, створаная яе сучаснікамі (удзельнікамі, відавочцамі), складваецца ў жанрава і тэматычна разгалінаваную сістэму, што чакае параўнальна-тыпалагічнага вывучэння. Адлюстраванне падзей 1914–1918 гг. у сінхроннай па часе беларускай савецкай прозе, паэзіі і драматургіі не было прыярытэтным. Дадзеная тэма адыходзіла на перыферыю, бо актуальным лічыліся творы пра рэвалюцыю, грамадзянскую вайну і першыя дзесяцігоддзі сацыялістычнага будаўніцтва. Айчынныя мастакі слова, якія ў 1920–1930-я гг. XX ст. пісалі пра Першую сусветную, засяродзіліся на будзённых з’явах: мабілізацыі, знаёмстве з акупным побытам і сродкамі масавага знішчэння, шпітальным жыццём, масавым бежанстве. У сукупнасці твораў пра 1914–1918 гг. дэталёва разгледжана, як час, абставіны, вопыт персанажаў трансфармавалі вобраз ворага (ад варвара-чужынца да спакутаванага вайной аднадумца, сябра).

ЛІТАРАТУРА

Шаблоўская 2007 – *Шаблоўская І.* Амерыканскі War Novel і беларуская ваенная проза (Тэрмін і яго змест) // Сусветная літаратура ў беларускай прасторы. Рэцэнцыя. Тыпалогія. Кантакты. Мінск: Радыёла-плюс, 2007. С. 160–162.

Аліг 1926 – Аліг [Рэцэнзія] // Маладняк. 1926. № 9. С. 103–104.

Алексиевич 2016 – *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. М.: Время, 2016. 352 с.

Васючэнка 2014 – *Васючэнка П.* Першая сусветная вайна і беларускі літаратурны сімвалізм // Першая сусветная вайна ў народнай памяці і мастацкім адлюстраванні. Мінск: Права і эканоміка, 2014. С. 77–81.

Сінькова 2017 – *Сінькова Л.* «Звышлітаратура» як ідэя Алеся Адамовіча і практыка Святланы Алексіевіч // Аксиологический диапазон художественной литературы. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. С. 67–69.

Колас 1976 – *Колас Я.* На шляхах волі Збор твораў: У 14 т. Т. 10. Мінск: Мастацкая літаратура, 1976. С. 179–429.

Адамовіч 1982 – *Адамовіч А.* Война и деревня в современной литературе. Минск: Наука и техника, 1982. 199 с.

Мушынскі 2014 – *Мушынскі М.* Роздум пра заўтрашні дзень гарэцказнаўства // Максім і Гаўрыла Гарэцкія: жыццё і творчасць. Мінск: Выдавец Віктар Хурсік, 2014. С. 28–33.

Адамовіч 1980 – *Адамовіч А.* «Браму скарбаў сваіх адчыняю...». Мінск: Выдавецтва БДУ, 1980. 224 с.

Гарэцкі 1985 – *Гарэцкі М.* На імперыялістычнай вайне // Гарэцкі М. Збор твораў: У 4 т. Т. 3. Мінск: Мастацкая літаратура, 1985. С. 5–128.

Быкаў 2009 – *Быкаў В. У ліхую часіну* // Быкаў В. Поўны збор твораў: У 14 т. Т. 7. Мінск: Саюз беларускіх пісьменнікаў; М.: ТАА «Выдавецтва “Время”», 2009. С. 271–281.

Быкаў 2005 – *Быкаў В. Чырвоныя пятліцы* // Быкаў В. Поўны збор твораў: У 14 т. Т. 1. Мінск: Саюз беларускіх пісьменнікаў; М.: ТАА «Выдавецтва “Время”», 2005. С. 375–408.

Щавинская 2006 – *Щавинская Л. Белорусский народный нарратив о беженстве в Первую мировую войну: путь в Россию* // Белорусско-российский диалог (Культура и литература Беларуси XX–XXI вв.). М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 83–96.

REFERENCES

Shablouskaya I. American War Novel and Belarusian War Prose (The Term and Its Contents). In: Shablouskaya I. World Literature in Belarusian Space. Reception. Typology. Contacts. Minsk. Radyjola-plus Publ. 2007, pp. 160–162.

Alih [Review]. *Maladniak*. 1926. No 9, pp. 103–104.

Alexievich C. (2016) War's Unwomanly Face. Moscow. Vremya Publ. 352 p.

Vasyuchenka P. World War I and Belarusian Literary Symbolism. In: World War I in Public Memory and Artistic Depiction. Minsk. Prava i Ekanomika Publ. 2014, pp. 77–81.

Sinkova L. 'Overliterature' as Ales Adamovich's Idea and Sviatlana Alexievich's Practice. In: Axiologic Range of Fiction. Vitebsk. VSU named after P.M. Mascherov Press. 2017, pp. 67–69.

Kolas Ya. On the Roads to Freedom. In: Kolas Ya. Collected Works: In 14 vols. Vol. 10. Minsk. Mastatskaya Litaratura Publ. 1976, pp. 179–429.

Adamovich A. (1982) War and Countryside in Modern Literature. Minsk. Nauka i Tekhnika Publ. 199 p.

Mushynski M. Thinking about the Future of Haretsky's Studies. In: Maksim and Gawrila Haretsky: Life and Creative Work. Minsk. Viktor Khursik Publishers. 2014, pp. 28–33.

Adamovich A. (1980) 'I Open my Treasure House...'. Minsk. BSU Publishers. 224 p.

Haretsky M. At the Imperialistic War. In: Haretsky M. Collected Works: In 4 vols. Vol. 3. Minsk. Mastatskaya Litaratura Publ. 1985, pp. 5–128.

Bykau V. In Evil Times. In: Bykau V. The Complete Set of Works: In 14 vols. Vol. 7. Minsk. Sayuz Belaruskikh Pismennikau Publ.; Moscow. Vremya Publishers. 2009, pp. 271–281.

Bykau V. Red Buttonholes. In: Bykau V. The Complete Set of Works: In 14 vols. Vol. 1. Minsk. Sayuz Belaruskikh Pismennikau Publ.; Moscow. Vremya Publishers. 2005, pp. 375–408.

Shchavinskaya L. Belarusian Folk Refugee Narration during World War I: A Road to Russia. In: Belarusian-Russian Dialogue (Belarusian Culture and Literature in the 20–21st centuries). Moscow. Institute of Slavic Studies (RAS) Press. 2006, pp. 83–96.

Сведения об авторе:
Зоя Ивановна Третьяк,
канд. филол. наук
доцент
кафедра мировой литературы и иностранных языков
историко-филологический факультет
Полоцкий государственный университет (Республика Беларусь)

Зоя Іванаўна Трацяк,
кандыдыт філалагічных навук
дацэнт

кафедра сусветнай літаратуры і замежных моў
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт (Рэспубліка Беларусь)

Zoya I. Tratsiak,
PhD

Associate Professor
Department of World Literature and Foreign Languages
Historical-Philological Faculty
Polotsk State University (Belarus)
zoya.tretyak@rambler.ru

SPECIFICS OF WORLD WAR I DEPICTION IN BELARUSIAN LITERATURE

Mateja Lutar

Učbeniki Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik in 'Skupni evropski jezikovni okvir'¹

Povzetek: 'Skupni evropski jezikovni okvir' je dokument, v katerem so med drugim opredeljeni opisniki, kaj se mora uporabnik neprvega jezika naučiti, da bi lahko uporabljal jezik za sporazumevanje. Razvrščanje po opisnih lestvicah je uporabno predvsem za preverjanje in certificiranje znanja, posledično pa so s tem povezana učna gradiva, zato sodobne založniške smernice narekujejo trend označevanja, za katero stopnjo znanja je primerno posamezno gradivo. Kdo naj bi učno gradivo uvrstil in predvsem kako, je nerešeno vprašanje, zato smo na Centru za slovenščino kot drugi in tuji jezik sestavili delovno skupino, ki bo uvrščala Centrove učbenike. Oblikovali smo metodologijo uvrščanja in uvrščevalni obrazec ter naredili izbor učbenikov za uvrščanje. Pri začetnem uvrščanju smo se srečevali z nekaterimi izzivi, saj smo imeli na voljo 57 ocenjevalnih lestvic. Dogovorili smo se, da bomo naloge številčili, pripisali podatek, po kateri lestvici jih uvrščamo, kompleksnejše naloge, ki predvidevajo različne dejavnosti, bomo uvrščali po lestvicah glede na zahtevane dejavnosti, po individualnem uvrščanju bomo rezultate primerjali in argumentirali razloge za uvrstitve ter na koncu ponovno premislili o končni skupni uvrstitvi posamezne naloge. Rezultati uvrščanja so uporabni v več pogledih, npr. oznako uvrstitve bomo pri ponatisih dodali na naslovnico učbenika. Ugotovili smo, da je produkcija učnih gradiv enakomerno razporejena po različnih stopnjah zahtevnosti ter da so posamezne učne dejavnosti ustrezno zastopane znotraj izbranega učnega gradiva, kar je verjetno rezultat strokovnih izkušenj avtorjev, recenzentov in urednikov. Uvrščanje gradiv bi bilo v prihodnje smiselno pred izdajo učbenika, hkrati pa bomo pridobljena spoznanja lahko uporabili pri načrtovanju novih gradiv.

Ključne besede: 'Skupni evropski jezikovni okvir', uvrščanje učbenikov, učbeniki za slovenščino kot drugi in tuji jezik, Center za slovenščino kot drugi in tuji jezik

Abstract: 'The Common European Framework of Reference for Languages' (CEFR) is a document that, among other things, defines what foreign language learners need to learn to be able to use a language for communication. Classifying in relation to a descriptive scale is particularly useful when testing and certifying knowledge, and so teaching material is linked to this, which is why modern publishing guidelines demand

¹ Стаття написана на основании доклада, представленного на Международной научной конференции «Словенский язык, литература и культура в славянском и европейском контексте» (филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, 28–29 ноября 2016 г.).

the use of labels indicating which level of knowledge particular material is suitable for. Who should rank the material and how is an unresolved issue, and so at the Centre for Slovene as a Second and Foreign Language we put together a working group to grade the Centre's textbooks. We came up with a method of classification and an appropriate form, and carried out a selection of textbooks. In the initial stages of ranking we encountered a number of challenges, since we found that we had 57 different evaluative scales available. We agreed that we would separately number learning tasks and indicate which scale we were using, while more complex tasks involving different activities we would place on the scale on the basis of the activity demanded; after individual evaluation, we would compare results and offer arguments for our evaluation; finally, we would reassess together the final ranking of individual tasks. The evaluations were useful from a number of perspectives: for instance, the scale ranking will in future be printed on the cover of textbooks. We established that our production of teaching material was evenly distributed among the different levels of difficulty and that individual learning activities were appropriately represented within the selected material, which is probably also a result of the relevant experience of the authors, peer reviewers and editors. In the future, ranking on the scale would make sense before the textbook is published and we shall make use of the acquired knowledge in the planning of new materials.

Key words: Common European Framework of Reference for Languages, ranking of textbooks, textbooks for Slovene as a second or foreign language, Centre for Slovene as a Second and Foreign Language

1. UVOD

Svet Evrope je leta 2001 izdal dokument *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment*, ki je bil leta 2011 preveden v slovenščino – *Skupni evropski jezikovni okvir* (v nadaljevanju SEJO¹). V dokumentu je opisano in opredeljeno, kaj se morajo uporabniki neprvih jezikov naučiti oz. katere spretnosti morajo razviti, da bodo lahko uporabljali jezik za sporazumevanje in delovanje, pri oblikovanju opisnikov pa so upoštevali tudi kulturni kontekst jezika. Dokument tako postavlja jezikovni okvir in znotraj njega opredeljuje ravni jezikovnega znanja, ki omogočajo (mednarodno) primerljivost programov jezikovnega izobraževanja, učnih gradiv, preverjanja in certificiranja jezikovnega znanja v neprvih jezikih. Prav primerljivost znanja, ki jo določajo opisniki posameznih ravni jezikovnega znanja, je med drugim razlog, da se je vse več evropskih držav, izobraževalnih institucij in založnikov zadnja leta intenzivno ukvarjalo z umeščanjem svojih jezikovnih programov, izpitov in učnih gradiv na ravni znanja po SEJO.

Sodobnim smernicami uvrščanja smo sledili tudi v Centru za slovenščino kot drugi in tuji jezik (v nadaljevanju Center za slovenščino), in sicer so od leta 2010 do 2014 potekale različne dejavnosti, povezane predvsem z uvrščanjem preverjanja in certificiranja znanja glede na lestvice SEJO, ki so primerljive z drugimi evropskimi državami, pa tudi z uvrščanjem obstoječih učnih gradiv za slovenščino. Učna gradiva smo želeli opremiti z oznako, za doseganje katere stopnje znanja je primerno posamezno gradivo.

Pri oblikovanju načina, kako uvrščati posamezna gradiva, nam je z nasveti in izkušnjami pomagala dr. Ina Ferbežar, vodja Izpitnega centra in med drugim soavtorica javno veljav-

¹ Prevod dokumenta je v skladu z dogovorom Sveta Evrope izdalo Ministrstvo RS za šolstvo in šport, Urad za razvoj šolstva. *Skupni evropski jezikovni okvir: učenje, poučevanje, ocenjevanje* je v slovenščino prevedla Irena Kovačič, uredila Ina Ferbežar.

nega izobraževalnega program za odrasle *Slovenščina kot drugi in tuji jezik* (2014), ki je bil z odredbo Ministrstva za izobraževanje, znanost in šport RS sprejet leta 2015¹. Dragocene pripombe in predloge so prispevali vsi člani delovne skupine, izzive, s katerimi smo se srečali pri uvrščanju učbenikov Centra za slovenščino, predstavljamo v nadaljevanju.

2. DELOVNA SKUPINA ZA UVRŠČANJE UČNIH GRADIV CENTRA ZA SLOVENŠČINO

Delovno skupino je sestavljalo sedem članov²: šest članov ima različne izkušnje s poučevanjem slovenščine kot drugega in tujega jezika (avtorstvo in priprava učnih gradiv, poučevanje odraslih in mladostnikov, testiranje in ocenjevanje znanja, uredniško delo), en član pa ima izkušnje s poučevanjem in didaktiko tujega jezika, je avtor učnih gradiv ter ima pregled nad gradivi za učenje angleščine kot drugega in tujega jezika.

Zasnovo okvirnega delovnega načrta, kako bo potekalo uvrščanje učnih gradiv, smo pripravili člani delovne skupine oz. sodelavci Centra za slovenščino. Opirali smo se na izkušnje, pridobljene tekom prenove, uvrščanja in certificiranja izpitov (2011–2014), in upoštevali dodatne predloge in pomisleke vseh članov delovne skupine. Naredili smo izbor gradiv, katere učbenike bomo uvrščali, in sicer: *Slovenska beseda v živo 1a*, *Slovenska beseda v živo 1b*, *Slovenska beseda v živo 2*, *Slovenska beseda v živo 3a*, *Slovenska beseda v živo 3b*, *A, B, C ... 1, 2, 3, gremo*, *Gremo naprej*, *Naprej pa v slovenščini*, *S slovenščino nimam težav*.

Člani delovne skupine so dobili izbrani učbenik, lestvice z opisniki SEJO (57 lestvic) in ocenjevalni obrazec. Ocenjevalni obrazec je bil razdeljen glede na dejavnosti (poslušanje, branje, govorjenje, pisanje)³, ki smo jih ocenjevali po nalogah znotraj vseh enot v posameznem učbeniku, podali smo skupno oceno naloge in enote. Najprej je vsak član delovne skupine uvrščal naloge individualno, potem smo se srečali in pregledali uvrstitve po nalogah ter diskutirali o mestih, kjer smo se razhajali. V primeru odstopanj med uvrščevalci smo argumentirali odločitve za posamezno uvrstitev in nato nalogo ponovno uvrstili, skupna uvrstitev je bila povprečje vseh uvrstitev z možnostjo, da je naloga uvrščena na vmesno stopnjo (npr. med A2 in B1).

3. IZZIVI IN DILEME V POSTOPKU UVRŠČANJA UČNIH GRADIV

Pred začetkom uvrščanja učnih gradiv smo izdelali metodologijo in uvrščevalni obrazec, ki smo ju med uvrščanjem izpopolnili z namenom, da bi bili pri uvrščanju čim bolj enotni in uvrstitve zanesljivejše. V nadaljevanju so predstavljeni izzivi, s katerimi smo se srečali med uvrščanjem, in spoznanja, ki jih je treba upoštevati pri nadaljnjem uvrščanju novih gradiv in interpretaciji rezultatov.

3.1. Številnost lestvic in obrazec za uvrščanje

Čeprav smo imeli za uvrščanje na voljo 57 ocenjevalnih lestvic, se je ravno veliko število lestvic pokazalo kot prva omejitev. Vsak ocenjevalec je glede na nalogo sam presodil, katera lestvica bi bila najustreznejša za uvrstitev posamezne naloge. Tako smo naloge uvrščali po različnih lestvicah, zato so se rezultati včasih nekoliko razhajali. Metodo uvrščanja učnih gradiv bi v tej fazi lahko dopolnili in se dogovorili za izbor

¹ Pred tem je bil veljavni program *Slovenščina za tujce, program*, sprejet leta 2000, http://programoteka.acs.si/PDF/slo_za_tujce.pdf.

² Delovno skupino so sestavljali dr. Ina Ferbežar, izr. prof. dr. Nataša Pirih Svetina, dr. Mihaela Knez, dr. Damjana Kern, Tanja Jerman in red. prof. dr. Janez Skela – vsem se za sodelovanje lepo zahvaljujem.

³ Dejavnosti za tvorjenje pisnih besedil in govorno sporazumevanje smo ocenjevali glede na vprašanje oz. navodilo naloge in pričakovani odgovor ter pri tem skušali določiti najnižjo raven znanja, ki jo je treba doseči, da lahko rešimo nalogo.

leštvic, po katerih bomo uvrščali posamezne dejavnosti. Izboru nismo naredili, ker se v prvi fazi nismo želeli omejiti, hkrati se je ob tem odpiralo podvprašanje, kako bomo uvrstili posamezno nalogo, če jo bomo uvrščali po različnih lestvicah. Subjektivna izbira lestvice sicer odpira vprašanje metodološke ustreznosti, hkrati so rezultati uvrstitev presenetljivi, saj smo naloge večinoma zelo usklajeno uvrstili, kljub temu da pri uvrščanju nismo vsi izhajali iz iste lestvice. Pri uvrstitvah, kjer smo se razhajali, smo argumentirali svoje odločitve in ponovno premislili o uvrstitvi posamezne naloge, ki je bila dokončno umeščena s soglasjem članov delovne skupine. Po uvrščanju prvega učenika smo se še dogovorili, da vsak ocenjevalec pripiše podatek, po kateri lestvici je uvrščal nalogo, kadar je v dilemi, pa še komentar¹.

	Poslušanje	Branje	Govorjenje	Pisanje	Enota v celoti in komentar
1. enota					
2. enota					
3. enota					
4. enota					
5. enota					
6. enota					
Dejavnost v celoti					

Slika 1: Primer ocenjevalnega obrazca

Enota	Naloga	Poslušanje	Branje	Govorjenje	Pisanje	Komentar
1. enota						
	1		A2+	A2–B1		
	2a		A2+ (str. 93)	A2+ (str. 82, 105)		
	2b			A2+		
	3a		B1 (str. 93)			
	3b		A2+ –B1–			
	3c				B1 (A2, str. 120)	
	4			A2+ –B1–		
	5	A2+ (A2–, A2–, A2+, B1+)				
	6			od A2 naprej (str. 94)		
	7a		B1– (str. 94), A2+ (str. 93)			
	7b				A2	
	8			od B1–		
Skupaj						

Slika 2: Primer izpolnjenega ocenjevalnega obrazca (Naprej pa v slovenščini, 1. enota)

¹ Člani delovne skupine so sprva uvrstitev naloge pripisovali kar neposredno v učbenik k sami nalogi, prav tako podatek o tem, katero lestvico so uporabili za uvrščanje. Na obrazec so napisali splošen komentar in utemeljitev skupne uvrstitve učenika.

3.2. Naloge za uvrščanje

Drugi izziv in dilema so mestoma predstavljale same naloge. V nekaterih primerih je bilo (1) navodilo naloge kompleksnejše in zahtevnejše kot naloga sama, zato smo se odločili, da v takih primerih uvrstimo navodilo in nalogo ločeno. Tudi (2) naloge za pisno ali govorno produkcijo so zahtevale usklajevanje ocenjevalcev, saj se glede na navodilo naloge predvidena minimalna raven znanja lahko razlikuje od pričakovane glede na zahtevnost drugih nalog (npr. na vprašanje je možno odgovoriti z eno besedno zvezo ali kompleksnejše, t. i. odprti tip naloge), zato smo se odločili, da v takih primerih določimo najnižjo možno raven znanja, ki jo je treba doseči, da lahko rešimo nalogo. Predmet debate so bile tudi (3) kombinirane naloge, za katere smo pri uvrščanju morali uporabiti dve popolnoma različni lestvici, npr. naloga predvideva pisno ali govorno produkcijo, igranje vlog, argumentacijo ipd., pred tem je treba prebrati določeno kompleksnejše besedilo ali iztočnice. V takih primerih smo torej ločeno uvrstili navodilo oz. prvi del naloge, drugi del naloge, namenjen produkciji, pa po modelu določanja minimalne ravni znanja, ki jo moramo doseči, da rešimo nalogo. Na enak način smo uvrščali naloge s (4) kompleksnimi navodili.

Pri učbenikih za začetniško učenje so svojevrsten izziv predstavljale naloge za slušno razumevanje, saj nismo imeli ustrezne lestvice oz. lestvice za uvrščanje slušnega razumevanja ne predvidevajo opisnikov na najnižji ravni (A1), torej bi vse naloge za slušno razumevanje morali uvrstiti na višjo raven (A2). S tem se soglasno nismo strinjali in smo naloge po presoji uvrstili tudi na stopnjo A1, čeprav zanje ni predvidenega opisnika. Pri tem je treba dodati dejstvo, da so ob nalogah za poslušanje v večini primerov zapisana besedila, dialogi, torej je možno ob poslušanju nalogo tudi brati, na kar pogosto nakazujejo že navodila tipa *Poslušajte in preberite*. Po izkušnjah z organiziranimi oblikami poučevanja se besedilo pri tovrstnih nalogah ne bere pred poslušanjem.

Težave z uvrščanjem smo imeli prav tako (5) z nalogami za utrjevanje, vadenje, ponavljanje določenih struktur, saj za uvrščanje tovrstne dejavnosti sploh ni predvidene ustrezne lestvice. V takih primerih smo se zanašali na osebne in strokovne izkušnje s poučevanjem, avtorstvom in delom z učnimi gradivi.

3.3. Individualno delo in delo v skupini

Uvrščanje je potekalo individualno – vsak član delovne skupine je uvrstil posamezno nalogo glede na lestvico, ki se mu je za posamezno nalogo zdela najustreznejša, ter podal skupno oceno ali opažanje o gradivu. Ob delovnih srečanjih smo primerjali rezultate uvrstitev in debatirali o dvomih, ki so se pojavljali med uvrščanjem. Skupen pregled uvrstitev je bil dobra dopolnitev individualnega dela vsaj v dveh pogledih. Kot prvo smo podali nekatere pomisleke in se tako dogovorili, kako uvrščati kompleksnejše ali sestavljene naloge. S tem smo dopolnili metodologijo uvrščanja in uvrščevalni obrazec, da so rezultati postali preglednejši in lažji za primerjanje¹. Kot drugo smo rezultate uvrstitev za vsako nalogo pregledali in v primeru, da so se rezultati razhajali, smo argumentirano podali razloge za uvrstitev. Po slišanih argumentih so člani delovne skupine ponovno premislili in uvrstili posamezno nalogo, kar je bila potem končna uvrstitev, ki smo jo upoštevali pri skupnem uvrščanju. Vse naloge smo dejansko pregledali dvakrat, hkrati pa smo zaradi različnih izkušenj uvrščevalcev dobili širši vpogled in razumevanje konkretnih vsebin v različnih okoliščinah.

¹ Nekateri učbeniki npr. niso imeli oštevilčenih nalog, zato smo se dogovorili za številčenje nalog, da so bili rezultati uvrščanja preglednejši.

4. REZULTATI UVRŠČANJA UČNIH GRADIV

Sodobne smernice označevanja učnih gradiv so nas spodbudile, da smo začeli s projektom uvrščanja, ki smo ga zastavili s širšimi cilji in predvsem kot pregled obstoječe produkcije učnih gradiv. Uvrščanje učnih gradiv se je pokazalo kot pozitivna izkušnja v več pogledih, med drugim tudi kot potrditev dosedanjega dela na področju izdajanja učnih gradiv za učenje slovenščine kot drugega in tujega jezika. Člani delovne skupine smo izkušnje s slovenščino kot drugim in tujim jezikom pridobili pri različnih dejavnostih, ki so med sabo povezane in usklajene. Na to nakazuje dejstvo, da smo pred uvrščanjem in natančnim pregledom posameznega učbenika po subjektivnih merilih podali skupno uvrstitev učbenika, torej nekakšno hipotezo, na katero stopnjo menimo, da se bo uvrstilo izbrano učno gradivo. Hipoteze so se v večini primerov potrdile, saj so se naša predvidevanja pred uvrščanjem v veliki meri ujemala s končno natančno uvrstitvijo posameznega učnega gradiva.

Naslednja in prav tako pozitivna potrditev našega dela je bilo spoznanje, da smo v dobrih petnajstih letih sprva manj formalno in kasneje bolj formalno načrtovali produkcijo učnih gradiv z željo, da bi z učnimi gradivi pokrili celotno vertikalo od začetnega, nadaljevalnega in izpopolnjevalnega učenja za različne naslovnike. Učna gradiva v osnovi razdelimo na učbenike za kratke in dolge tečaje oz. glede na predvideno število ur, ki ga potrebujemo, da predelamo določeno učno gradivo. Rezultate uvrščanja ponazarja shematični prikaz (Slika 3), iz katerega je razvidno, da imamo učna gradiva za kratke in dolge oblike tečajev praktično na vseh ravneh po lestvicah SEJO, od A1 do C1. Učna gradiva dopolnjujejo delovni zvezki in različni učni pripomočki, ki niso bili predmet uvrščanja.

Lestvice po SEJO	Učbeniki za kratke tečaje	Učbeniki za dolge tečaje	Vaje, učni pripomočki
0	Slovenščina ekspres 1		Žepna slovenščina, JPS!, Fonetika 1, Slika jezika, Oblike v oblakih, Povej naprej, Pogovarjajmo se naprej, S slovenščino po svetu, Pot do izpita, Zbirke testov
A1	A, B, C ... 1, 2, 3 gremo	Slovenska beseda v živo 1a	
A2	Gremo naprej s slovenščino nimam težav	Slovenska beseda v živo 1b	
B1	Naprej pa v slovenščini	Slovenska beseda v živo 2	
B2		Slovenska beseda v živo 3a	
C1	Jezikovod	Slovenska beseda v živo 3b	
C2			

Slika 3: Učbeniki, uvrščeni glede na 'Skupni evropski jezikovni okvir'

Postopek uvrščanja učnih gradiv je kompleksnejši, kot smo sprva predvidevali. Metodološko smo ga že dopolnili z usklajevanjem in dogovori o pripisovanju podatkov, po kateri lestvici se uvršča posamezna naloga, ter številčenjem nalog zaradi boljše primerljivosti rezultatov. V prihodnje bi naredili še ožji izbor lestvic, po katerih bi uvrščali naloge. Izkazalo se je, da je rubrika komentar dobrodošla, saj imajo posamezne učne vsebine posebne učne cilje, naloge so večdelne ali pa smo v dvomih pri izbiri lestvic ipd., zato so komentarji odlično izhodišče za debato. Usklajevanje uvrščanja v okviru delovne skupine je nepogrešljiv sestavni del celotne skupne uvrstitve učnega gradiva, saj je o nekaterih situacijah treba premisliti in uskladiti nadaljnji potek dela, da so rezultati uvrščanja primerljivi.

Izpopolnjena oblika ocenjevalnega lista prinaša informacije o tem, kako so posamezne dejavnosti (npr. branje, razumevanje, pisanje, poslušanje) zastopane v posameznem gradivu. Nalogo smo uvrstili na ustrezno lestvico glede na dejavnost in ob koncu uvr-

ščanja dobili vpogled, v kolikšni meri so zastopane posamezne dejavnosti in kako je stopnjevana zahtevnost posamezne dejavnosti od začetka do konca učbenika. Rezultati so zanimivi za primerjavo z analizama anketnih vprašalnikov o zadovoljstvu učnih gradiv CSDTJ (Pisek, Lutar 2010–2011; Jerman, Lutar 2012)¹, izvedenima med izobraževanjem za lektorje, ki poučujejo v okviru programov Slovenščina na tujih univerzah in Tečajih slovenščine.

Pregled učnih gradiv ni le vrednotenje obstoječega stanja, ampak je lahko tudi premislek o uravnoveženosti posameznih učnih vsebin, ki je uporaben za načrtovanje učnih vsebin v prihodnje in kot priporočilo za avtorje, recenzente. Kritičen pregled učbenikov z distance in pregled ocenjevalnih listov uvrščevalcev daje vpogled tudi v stopnjevanost zahtevnosti v posameznem učbeniku. Večinoma so učbeniki od začetka do konca izkazovali sistematično stopnjevanje zahtevnosti, nekateri so nas nekoliko presenetili, saj so bile enote na koncu učbenika ali vsaj nekatere naloge v zaključnih enotah uvrščene na isto ali celo nižjo raven kot enote na začetku učbenika.

Na kratko lahko povzamemo, da smo s postopkom uvrščanja dobili nekaj spodbudnih potrditev in uporabnih spoznanj: glede na strokovne izkušnje smo pripravili gradiva, ki pokrivajo celotno vertikalno zahtevnosti gradiv, dejavnosti znotraj gradiv pa so relativno uravnoveženo zastopane. Shematična razporeditev gradiv prav tako potrjuje, da je načrt za dopolnjevanje učnih gradiv ustrezno načrtan.

5. ... V PRIHODNJE

Želimo si, da bi z delovno skupino sodelovali tudi v prihodnje, in sicer v fazi prednatisom učnega gradiva, saj so rezultati uvrstitve posameznih nalog priložnost za dodatne izboljšave in sistematično stopnjevanje zahtevnosti učnega gradiva. Strokovne debate delovne skupine razširijo vpogled na učna gradiva, predvsem z izkušnjami zunanjih članov, ustrezno argumentirane pripombe pa so tehtno izhodišče za nadaljnje uredniško in avtorsko delo. Težko je sicer določiti, v kateri fazi nastajanja gradiva je uvrščanje najprimernejše, saj je treba najti ravnotežje med vsebinskimi argumenti in finančno realizacijo izdaje učnega gradiva. Sam postopek uvrščanja smo metodološko že dopolnili, v prihodnje bomo le zamejili izbor lestvic, po katerih bomo uvrščali naloge.

Želimo si, da bi na vseh stopnjah lahko ponudili dodatna gradiva ter tako zagotavljali izbirnost znotraj določene ravni znanja. Izbirnost učnih gradiv ni edini cilj, ponudbo učnih gradiv namreč želimo dopolniti na enak način še z gradivi, ki bi bila namenjena otrokom in mladostnikom, in različnimi učnimi pripomočki ter vajami za utrjevanje znanja.

Oznaka na naslovnici učbenika je trenutno zanimiva za založnike, prodajalce in uporabnike, vendar se moramo zavedati, da je učbenik le eno od sredstev v procesu učenja in da je odvisno predvsem od uporabnika, kako učinkovito bo izrabil vsebino.

VIRI

Ferbežar I., Pirih Svetina N., Lutar M. (2014) The Common European Framework of Reference: a reference to Slovene. *Linguistica LIV/1*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 277–291.

¹ Decembra 2010 sta Staša Pisek in Mateja Lutar sestavili anketni vprašalnik o zadovoljstvu z učnimi gradivi. V anketi so sodelovali lektorji programa Slovenščina na tujih univerzah v okviru decembrskega izobraževanja, v anketo so bili vključeni tudi lektorji, ki poučujejo na Tečajih slovenščine. Staša Pisek je odgovore zbrala in shematično uredila s pomočjo Petre Likar Stanovnik. Leta 2012 sta Tanja Jerman in Mateja Lutar pripravili anketni vprašalnik o priložnostih za učitelje, ki dopolnjujejo posamezno učno gradivo.

Ferbežar I., Kern D., Likar Stanovnik P., Pirih Svetina N. (2014) *Slovenščina kot drugi in tuji jezik, Izobraževalni program za odrasle*. www.mizs.gov.si/fileadmin/mizs.../odrasli.../SDTJ_program_zadnja_3.dec14_01.pdf. Str. 1–46.

Jerman T., Lutar M. (2012) *Rezultati ankete o priročnikih za učitelje*. Ljubljana: interno gradivo CSDTJ (osebni arhiv).

Letna poročila Centra za slovenščino kot drugi in tuji jezik. (2011–2015). Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.

Liberšar P., Petric Lasnik I., Pirih Svetina N., Ponikvar A. (2015) *Naprej pa v slovenščini*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 1–136.

Markovič A., Halužan V., Pezdirc Bartol M., Škapin D., Vuga G. (2013) *S slovenščino nimam težav*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 1–78.

Markovič A., Stritar M., Jerman T., Pisek S. (2013) *Slovenska beseda v živo 1a*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 1–124.

Markovič A., Stritar M., Jerman T., Pisek S. (2013) *Slovenska beseda v živo 1b*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 1–136.

Markovič A., Škapin D., Knez M., Šoba N. (2012) *Slovenska beseda v živo 2*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 1–152.

Markovič A., Knez M., Šoba N., Stritar M. (2011) *Slovenska beseda v živo 3a*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 1–148.

Markovič A., Knez M., Šoba N., Stritar M. (2011) *Slovenska beseda v živo 3b*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 1–148.

Petric Lasnik I., Pirih Svetina N., Ponikvar A. (2011) *Gremo naprej*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 1–120.

Pirih Svetina N., Ponikvar A. (2010) *ABC ... 123, gremo*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete. Str. 1–152.

Pisek S., Lutar M. (2010/11) *Rezultati ankete o učbenikih CSDTJ*. Ljubljana: interno gradivo CSDTJ (osebni arhiv).

Skupni evropski jezikovni okvir. (2011) Prevedla Irena Kovačič (poglavja 1–5), uredila Ina Ferbežar. Ljubljana: Ministrstvo RS za šolstvo in šport, Urad za razvoj šolstva. Str. 1–288.

Uvrstitveni listi in ocene. (2011–2014) Ljubljana: interno gradivo CSDTJ (osebni arhiv).

Сведения об авторе:

mag. Mateja Lutar,
vodja programa Založništvo
Center za slovenščino kot drugi in tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko
Filozofska fakulteta
Univerza v Ljubljani (Slovenija)

mag. Матей Лутар,
руководитель образовательной программы «Издательская деятельность»
отделение словенистики
факультет гуманитарных наук
Люблянский университет
Центр словенского языка как второго / иностранного

Mag. Mateja Lutar,
Head of the Programme Publishing
Centre for Slovene as a Second and Foreign Language

Department for Slovene Studies
Faculty of Arts, University of Ljubljana
mateja.lutar@ff.uni-lj.si

**CENTRE FOR SLOVENE AS A SECOND
AND FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOKS
AND THE 'COMMON EUROPEAN FRAMEWORK
OF REFERENCE FOR LANGUAGES'**

М.Л. Калугина

А.П. Чехов и его современники: сближения и отталкивания

Аннотация: В статье систематизируются представления о литературных связях Чехова с его современниками, чье влияние он испытал на своем творчестве и на кого влиял сам. Выявляются самые близкие, с точки зрения эстетической стратегии писателя, «спутники» Чехова.

Ключевые слова: Чехов, Потапенко, Леонтьев-Щеглов, Немирович-Данченко, письма, воспоминания

Abstract: The article systematizes some concepts of Chekhov's literary connections with his contemporaries, whose influence on his work he experienced and on whom he influenced himself. In the article the closest Chekhov's "satellites", in terms of the aesthetic strategy of the writer are identified.

Key words: Chekhov, Potapenko, Leontiev-Shcheglov, Nemirovich-Danchenko, letters, memoirs

«Спутники Чехова», его литературные современники, равно как и предшественники, – тема совсем не новая, а скорее, напротив, хорошо разработанная в литературоведении и театроведении¹. В частности, это относится к так называемой «артели восьмидесятников», из которой во многом вышел и сам Чехов. Это такие имена как И.Н. Потапенко, И.Л. Леонтьев-Щеглов, А.С. Лазарев-Грузинский, М.П. Чехов (младший брат А.П. Чехова), В.И. Немирович-Данченко и др. Хорошо известен также и тот факт, что Чехов очень скоро «перерос» многих своих литературных сверстников и собратьев по перу и стал тем, кем он остался навсегда в истории русской и мировой литературы, – последним классиком XIX века.

«Чехова – художника и человека – формировало мучительное противостояние восьмидесятичной идее фатальной среды», – верно заметил по этому поводу В.А. Келдыш². Писателю в дальнейшем удалось преодолеть это противостояние, выбиться из него, хотя, конечно, он и оставался во многом человеком своего времени. В этой связи интересным представляется изучение связей Чехова с его старшими современниками. Многие из них стали для него близкими людьми на

¹ См.: А.П. Чехов и его время. М.: Наука, 1977. 359 с.; Катаев В.Б. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова / Под ред. В.Б. Катаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 548.

² Келдыш В.А. Русский реализм XX века. М.: Наука, 1975. С. 73.

всю жизнь. Это такие деятели литературы, как Н.А. Лейкин, Д.В. Григорович, А.Н. Плещеев, Л.И. Пальмин, Я.П. Полонский, А.С. Суворин и др. О некоторых из них мы скажем подробнее.

Николай Александрович Лейкин (1841–1906) сыграл большую роль в жизни и становлении творчества Чехова в самом начале его литературного поприща. Чехов познакомился с Лейкиным в 1882 г. в Москве, еще до окончания Московского университета. В газете «Осколки» Лейкиным было опубликовано множество ранних юмористических рассказов Чехова, который был одним из ведущих авторов газеты: в 1884–1885 гг. он получал там основную часть своего литературного заработка и был наиболее выгодным, интересным и читаемым автором для Лейкина. Но необходимо отметить, что последний смотрел на литературу в большей мере как на ремесло, и Чехов в его глазах был талантливым молодым человеком, которого надо всячески учить литературному делу. Чехова в конечном счете это не могло устраивать, и поэтому он впоследствии отошел от Лейкина и всей «массовой прессы» 1880-х гг., хотя во многом был сформирован ею. Рассказы Чехова среди других публикаций «Осколков» выглядели, по выражению Ю. Соболева, как «рассыпанные на сером сукне алмазы»¹. Тем не менее Чехов, будучи уже знаменитым писателем и обеспеченным человеком, несмотря ни на что, вплоть до конца 1890-х гг. поддерживал отношения с Лейкиным, считая «Осколки» «своей купелью», а Лейкина своим «крестным батькой»², хотя в зрелые годы уже тяготился фельетонно-репортерской и юмористической тематикой: «Я, пожалуй, могу написать про думу, мостовые, про трактир Егорова... Да что тут осколочного и интересного?» – писал он Лейкину в письме от 22 марта 1885 г.³

Серьезных же произведений Чехова, в частности повесть «Степь», с которой во многом начинается настоящий Чехов, Лейкин не понял и не оценил, считая его только лишь сочинителем мелких юмористических рассказов. Чехов остался для него совершенно непонятным и чуждым.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822–1899), в 1880-е гг. бывший своего рода «патриархом» русской литературы, как известно, одним из первых обратил внимание на крупный талант Чехова и призвал его в первом письме к нему от 25 марта 1886 г. не размениваться на мелочи и приняться за работу над крупным произведением. Но крупного произведения, как понимал это Григорович, в жанре романа, традиционного для русской литературы XIX в., Чехов так и не написал никогда: это не было в конечном счете в характере его дарования. По этому поводу есть интересное, хотя, быть может, и не совсем бесспорное соображение современной исследовательницы Е.Д. Толстой-Сегал: «Характерно, что в середине девяностых, когда Чехов все-таки обращается к традиционной форме романа на биографической оси (“Три года”, “Моя жизнь”), ни тонкость описательного языка, ни животрепещущая тема не спасают его от разочаровывающего монологизма, скуки, провисания сюжета. Цикл коротких рассказов, соотнесенных по принципу контрапункта, – так называемая “маленькая трилогия” – выводит его из тупика»⁴. «У Вас настоящий талант, – талант, выдвигающий вас далеко из круга литераторов нового поколения», – писал Григорович Чехову⁵. Чехов был тронут и взвол-

¹ Соболев Ю.В. Чехов. Статьи, материалы, библиография. М.: Федерация, 1930. С. 35.

² Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 87.

³ Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1984. С. 143.

⁴ Толстая Е. Поэтика раздражения. М.: Радикс, 1994. С. 149.

⁵ Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1984. С. 276

нован этим письмом, он ответил Григоровичу прочувствованным посланием, в котором назвал его своим «благовестителем».

Лично Чехов познакомился с Григоровичем в декабре 1885 г., в свой первый приезд в Петербург, и вскоре между ними началась дружба и переписка. Поначалу Григорович оказывал большое влияние на Чехова и его литературную работу. Приезжая в Москву, Григорович неизменно бывал у Чехова, в частности в его «Доме-Комоде» на Садовой-Кудринской. Все члены семьи Чехова, как вспоминал об этом его младший брат Михаил Павлович Чехов, очень полюбили этого высокого, красивого, импозантного старика, настоящего русского барина, светского, остроумного человека.

Чехова-писателя Григорович считал прямым продолжателем Тургенева, прежде всего рассказы и повести 1880-х гг. – «Егерь», «Володя», «Степь» и др. Однако поздние произведения Чехова, и прежде всего пьесы, Григоровичу, как писателю старой школы, казались странными и непонятными. Вспомним, что новаторскую сущность Чехова-драматурга не оценил даже Лев Толстой. Это непонимание постепенно привело к отчуждению. В письмах Чехова к разным лицам то и дело проскальзывали скептические и даже прямо отрицательные интонации по отношению к Григоровичу, он высказывался о нем даже как о «виртуозно неискреннем» человеке. Однако это не помешало Чехову до конца жизни в целом с уважением и благодарностью относиться к Григоровичу как к одному из наставников в годы своей нелегкой литературной молодости.

Чехов и знаменитый издатель газеты «Новое время», прозаик и драматург Алексей Сергеевич Суворин (1834–1912) – очень большая, разноаспектная тема. Интересно и показательно, что Суворину принадлежит одна из самых верных и точных характеристик Чехова – человека и писателя, зафиксированная одним из литературных сверстников Чехова И.Л. Леонтьевым-Щегловым: «...кремень-человек и жестокий талант по своей суровой объективности»¹. Такая оценка, нельзя не отметить, в корне разнилась со многими расхожими суждениями о Чехове.

Дом Суворина стал для Чехова постоянным местопребыванием во время поездок в Петербург. «Разлившая чаша» – кратко определил писатель однажды «стиль» этого гостеприимства. Однако «помимо естественной благодарности за поддержку и гостеприимство, Суворин вызывал у Чехова и интерес вообще», – читаем в книге А.М. Туркова «А.П. Чехов и его время»². Вот именно этот-то «интерес вообще» и способствовал укреплению многолетних отношений между Чеховым и Сувориным, о чем можно судить по обширной переписке этих двух столь различных и по возрасту, и по характеру людей. Письма Чехова к Суворину – это наиболее яркие образцы «почтовой прозы» Чехова, если воспользоваться известным выражением В.Я. Лакшина. Чехов очень трезво относился к своему старшему современнику. В письме к И.Л. Леонтьеву-Щеглову из Феодосии (июль 1888 г.) содержится во многом исчерпывающая оценка Суворина: «В искусстве он изображает из себя то же самое, что сеттер в охоте на бекасов, т. е. работает чертовским чутьем и всегда горит страстью. Он плохой теоретик, наук не проходил, многого не знает, во всем он самоучка, – отсюда его чисто собачья неиспорченность и цельность, отсюда и самостоятельность взгляда. Будучи беден теориями, он поневоле должен был развить в себе то, чем богато наделила его природа, поневоле он

¹ Литературное наследство. Т. 68. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 484.

² Турков А.М. Чехов и его время. М.: Советский писатель, 2003. С. 229.

развил свой инстинкт до размеров большого ума»¹. Чехов с огромным вниманием и пиететом относился к Суворину и его газете, где было напечатано большое количество его произведений. Политическая же физиономия «Нового времени», которую М.Е. Салтыков-Щедрин определил знаменитой фразой «Чего изволите?», как вспоминал впоследствии А.В. Амфитеатров, почти не касалась «ее сотрудников по художественной литературе, и от них к этой части (политической) газеты приспособления отнюдь не требовалось»².

Не будет преувеличением сказать, что ни в каких других письмах, как именно и почти только в письмах к Суворину, Чехов – замкнутый, сдержанный и ироничный человек, для многих современников так до конца и оставшийся непонятым, – раскрывался с предельной откровенностью: нигде он так открыто не провозглашал своих литературно-эстетических взглядов и мнений по самым разнообразным предметам. Именно в многочисленных письмах к Суворину мы находим наибольшее количество высказываний Чехова о литературе, о своих литературных планах и замыслах, о разнообразных явлениях жизни вообще, о писателях прошлого и современных литераторах, без чего невозможно никакое знание творческой биографии Чехова. Меткий глаз Чехова-художника и человека, его философия, его исключительно трезвый, лишенный каких бы то ни было иллюзий ум предстают в его письмах к Суворину почти исчерпывающим образом. Чехов хотя и не до конца симпатизировал Суворину и не «дружил» с ним в обычном смысле этого слова, как он дружил со многими другими своими современниками, однако же всецело ему доверял – и в этом состоит в определенном смысле парадокс этой во многом загадочной дружбы.

Из «спутников» Чехова, его сверстников также следует обратиться к имени Игнатия Николаевича Потапенко (1856–1929), одного из самых популярных и плодотворных беллетристов и драматургов чеховского времени. Чехов был с ним коротко знаком с 1889 г., их отношения, невзирая на различие талантов и писательских индивидуальностей, были начисто лишены какой-либо дисгармоничности, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка. Потапенко взял на себя хлопоты по постановке чеховской «Чайки» в петербургском Александринском театре в 1896 г. Он был свидетелем ее знаменитого провала. Как писатель Потапенко мало интересовал Чехова, не был ему близок; по всей вероятности, Чехов не считал его значительной литературной величиной. В письмах Чехова почти отсутствуют какие-либо высказывания о произведениях Потапенко. Но что касается Потапенко, то он, известный своим «многописанием», очень высоко ставил чеховскую лаконичность и был горячим поклонником чеховского творчества.

В своих воспоминаниях «Несколько лет с А.П. Чеховым» Потапенко говорил об «изящной», «очаровательной» душе Чехова, но в то же время отмечал, что это был достаточно закрытый человек, не выносивший «подглядывания» в свою жизнь, благодаря чему у Чехова, по мнению Потапенко, не было друзей и он внутренне был очень одинок. «Его всегдашнее спокойствие, ровность, внешний холод какой-то казавшейся непроницаемой броней окружал его личность. <...> В ней (в чеховской душе. – М.К.) наряду с великодушием и скромностью жили и гордость, и тщеславие, рядом с справедливостью – пристрастие. Но он умел как истинный мудрец управлять своими слабостями, и оттого они у него приобретали характер достоинств. Удивительная сдержанность, строгое отношение к высказы-

¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 297.

² Амфитеатров А.В. Собр. соч. Т. XXXV. СПб.: Шиповник, [Б.г.]. С. 234–235.

ваемым мнениям, взвешивание каждого слова придавали какой-то особенный вес его словам, благодаря чему они приобретали характер приговора»¹. Пожалуй, Потапенко удалось, как мало кому другому, понять особенности внутреннего мира своего великого современника и приятеля.

В течение многих лет Чехов был близко связан с писателем-восемидесятником Иваном Леонтьевичем Леонтьевым-Щегловым (1856–1911), состоял с ним в длительной и содержательной переписке. С ним у Чехова, несмотря на «разность литературных положений» и «всяческие житейские превратности»², было много общего. Леонтьев-Щеглов был свидетелем возникновения замыслов многих известных чеховских произведений, о чем он впоследствии рассказал в своих воспоминаниях. Чехов, несмотря на свою известную закрытость и замкнутость, охотно делился со своим литературным собратом творческими планами, много говорил о том, что его волновало. Это были сюжеты будущих рассказов и повестей, таких как «Тиф», «Скрипка Ротшильда», «Скучная история», «Попрыгунья» и др. Леонтьев-Щеглов, как и Потапенко, принимал близкое участие в подготовке к сценическому воплощению «Чайки», с которой, как известно, начинается театр Чехова. Театру вообще уделялось очень много внимания в разговорах и переписке писателей. Чехов очень обостренно ощущал рутинность, во многом истерпанность и обветшалость старых театральных форм и в особенности театральных нравов. Так, в письме к Леонтьеву-Щеглову от 16 или 17 ноября 1888 г. Чехов призывал своего корреспондента: «Пишите пьесы – спасение театра в литературных людях»³. Именно в этом Чехов видел один из важнейших путей обновления сцены. А в другом письме к Леонтьеву-Щеглову от 20 декабря 1888 г. Чехов сравнил театр со змеей, сосущей кровь, и писал далее: «Пока у вас беллетрист не победит драматурга, до тех пор я буду есть вас и предавать ваши пьесы проклятию»⁴.

Интересно, что в тех рассказах Чехова, где речь идет о театре и «тружениках сцен» – актерах: «О драме» (1884), «Тапёр» (1885), «Хористка» (1886) и др., – театр предстает, по наблюдению современных исследователей, как «символ притворства, фальши, символ антижизни», они наполнены «чеховской глубиной проникновения в конфликты и парадоксы русской жизни, где человек, имеющий несчастье принадлежать к сфере искусства и не достичь вершин успеха, бесправен и унижен уже потому, что он принадлежит к этой сфере и на нем клеймо социальной отверженности»⁵.

Примерно так изображал театральные нравы в своем беллетристическом творчестве Леонтьев-Щеглов, и в этом смысле здесь наблюдается явная перекличка с Чеховым, несмотря на всю «разность литературных положений». В драматургии же Леонтьева-Щеглова, при всей ее традиционности и почти полной забытости сейчас, определенно намечены те же мотивы неудовлетворенности современной сценой, которые наиболее законченно проявились в чеховской «Чайке» и опосредованным образом ранее – в «Иванове», свидетелем создания и неожиданного успеха которого на петербургской Александринской сцене был Леонтьев-Щеглов в 1889 г.

¹ Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1952. С. 219.

² Там же. С. 112.

³ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 3. М.: Наука, 1975 С. 73.

⁴ Там же. С. 99. Ср.: «Современный театр – это мир бестолочи, тупости и пустозвонства» (из письма от 1888 г.; там же. С. 68).

⁵ Штейнгольд А.М., Табориская Е.М. Феномен театра А.Н. Островского и А.П. Чехова // Studia Metrica et Poetica: Сб. статей памяти Петра Александровича Руднева. СПб.: Академический проект, 1999. С. 237.

Следует сказать и еще об одном писателе и современнике Чехова – Александре Семеновиче Лазареве-Грузинском (1861–1927), также сотрудничавшем в «Осколках», «Будильнике», «Петербургской газете» и других изданиях, в которых много печатался Чехов. По специальности Лазарев-Грузинский был педагогом. Он начал выступать в печати в середине 1880-х гг. и с Чеховым познакомился тогда же, в 1886 г. Чехов относился к нему по-товарищески и всячески стремился поддерживать его дарование и литературные успехи. В письмах он часто давал ему советы относительно литературного мастерства, содержавшие в себе истинные блестящие чеховского ума и таланта. В письме к Лазареву-Грузинскому от 20 октября 1888 г. Чехов сделал очень важное, принципиальное признание: «Я счастлив, что указал многим путь к толстым журналам, и теперь не менее счастлив, что по моей милости те же самые многие могут рассчитывать на академические лавры. Все мною написанное забудется через 510 лет, но пути, мною проложенные, будут целы и невредимы»¹.

Находясь под впечатлением одной из встреч с Чеховым, Лазарев-Грузинский в письме к писателю Н.М. Ежову от 29 марта 1887 г. определил Чехова как «большого мастера слога и сравнений». Например, Чехов «совершенно справедливо говорит, что <...> нельзя <...> черное называть черным прямо, белое белым прямо»², а следует искать какие-то опосредованные точные и выразительные детали, которые только и могут быть подлинно художественными. Интересно, что это было одним из первых критических мнений о Чехове.

Общаясь в течение ряда лет с Чеховым, Лазарев-Грузинский, подобно Леонтьеву-Щеглову, оказывался свидетелем возникновения разных чеховских сюжетов, в том числе неосуществленных и утраченных. Однажды Чехов предложил Лазареву-Грузинскому совместно писать водевиль «Гамлет, принц датский», что, однако, не состоялось. Об этом Лазарев-Грузинский приводит ценные сведения в своих воспоминаниях о знакомстве и встречах с Чеховым, а также в статье «Пропавшие романы и пьесы Чехова»³.

Ведя речь о современниках и «спутниках» Чехова, невозможно обойти вниманием Татьяну Львовну Щепкину-Куперник (1874–1952), поэтессу, драматурга, известную переводчицу, писательницу-беллетриста, а также автора превосходных, ставших классическими мемуаров о людях литературы и театра, в которых значительное место занимают воспоминания о встречах и дружбе с Чеховым. Как беллетрист Щепкина-Куперник испытала безусловное влияние Чехова, что наиболее выразительно проявилось в ее рассказах, объединенных в сборники «Незаметные люди» и «Ничтожные мира сего» (1899). Название первого сборника, как нетрудно заметить, напоминает заглавие известного сборника чеховских рассказов «Хмурые люди» (1886).

В рассказах Щепкиной-Куперник проходит галерея именно незаметных людей, часто обиженных жизнью, страдающих, поэтому здесь явно можно усмотреть присутствие чеховских интонаций и отголосков его тем, мотивов, настроений. Это заметил и высказал в своей рецензии на сборники Щепкиной-Куперник Леонид Андреев на страницах московской демократической газеты «Курьер», которую хорошо знал Чехов на рубеже веков.

¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 3. М.: Наука, 1976. С. 47.

² Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1952. С. 520.

³ См.: Энергия: Сборник. Кн. 3. Пг., 1914.

Щепкина-Куперник поддерживала дружеские отношения с Чеховым и его семьей, часто в середине 1890-х гг. гостила у Чеховых в Мелихове, была там своим человеком. Чехов в свою очередь с большим вниманием относился к творчеству молодой одаренной писательницы, уважая в ее лице профессионального литератора (что в целом не было характерно в ту пору по отношению к женщинам, занимавшимся литературным трудом вообще). Но для Чехова это было очень характерно. Как не вспомнить его знакомство и переписку с Л.А. Авиловой! Чехов призывал молодую писательницу к отказу от «готовых» слов, словесных штампов и прочей безвкусицы, которая была столь ему ненавистна и с которой он неустанно боролся. Кроме того, он стремился развить у Щепкиной-Куперник способность к объективному изображению героев (что было для него самого непреложным законом литературного творчества), и если сочувствовать, сострадать им, то не говорить ни в коем случае об этом напрямик. Положительно отзывавшись об одном из рассказов Щепкиной-Куперник, «Одиночество»: «Рассказ положительно хорош, и нет сомнения, Вы умны и бесконечно хитры. Меня больше всего тронула художественность рассказа»¹, – Чехов отметил сходство героини рассказа с С.П. Кувшинниковой, черты которой отразились в образе Ольги Ивановны Дымовой из его рассказа «Попрыгунья». А в письме из Ялты от 26 декабря 1898 г. Чехов писал Щепкиной-Куперник: «Когда пришлете мне Вашу книжку стихов? Кстати о стихах: Ваше стихотворение в “Н<овом> в<ремени>” (монастырь)² просто прелесть, одно великолепии»³.

Чехов был одним из самых дорогих воспоминаний для Щепкиной-Куперник в течение всей ее долгой жизни, а она пережила Чехова почти на полвека.

Среди деятелей театра, современников Чехова, заметное место принадлежит в его биографии Александру Ивановичу Сумбатову-Южину (1867–1927) и особенно Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко (1858–1943). В скобках заметим, что оба знаменитых театральные деятели были родственниками: они были женаты на родных сестрах – Южин на Марии Николаевне, а Немирович-Данченко на Екатерине Николаевне Корф.

В конце 1880-х гг. Чехов заявил о себе как драматург. Были опубликованы и поставлены на сцене его пьесы: «Медведь», «Предложение», «Свадьба», «Иванов», «Леший» – предтеча будущего «Дяди Вани». После этого наступил перерыв. И только под влиянием уговоров друзей и знакомых, в частности Южина, в середине 1890-х гг. Чехов вернулся к написанию пьес для театра и создал «Чайку». По своим эстетическим позициям Чехов и Южин отличались друг от друга самым противоположным образом. Как драматург и как актер Южин был адептом романтической приподнятости, ярких красок, без всяких полутон, которые были столь характерны для Чехова. Об этом хорошо писал их общий приятель Немирович-Данченко, вспоминая спор, произошедший между Чеховым и Южиным в одной из московских литературно-артистических компаний: «Южин любил в романе образы яркие и сценичные, Чехов любил даже в пьесе образы простые и жизненные. Южин любил исключительное, Чехов – обыкновенное. Южин – грузин, прекрасный сын своей нации, темперамента пылкого, родственного испанскому, любил эффекты открытые, сверкающие, Чехов, чистый великоросс, – глубокую закрытость страстей, сдержанность. А самое важное в этом споре: ис-

¹ Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит.-ра, 1984. С. 80.

² Стихотворение называется «На кладбище».

³ Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 2. С. 88

кусство Южина звенит и сверкает так, что вы за ним не видите жизни, а у Чехова за жизнью, как он ее рисует, вы не видите искусства. Право, это спорили Малый театр с каким-то новым, будущим, еще даже не зародившимся»¹.

Однако эта противоположность эстетических позиций не мешала ни дружеским отношениям между Чеховым и Южиным, ни глубокому взаимопониманию и взаимоуважению. Южин очень высоко ценил творчество Чехова, и, в частности, ему принадлежит восторженный отзыв о рассказе «Мужики». «Удивительно высок и целен твой талант в “Мужиках”, – писал Южин Чехову в мае 1897 г. – Ни одной слезливой, ни одной тенденциозной ноты. И везде несравненный трагизм правды, неотразимая сила стихийного шекспировского рисунка; точно ты не писатель, а сама правда»². А в другом письме от 21 марта 1909 г. Южин признавался: «Я, например, <...> совсем не лажу с твоим мировоззрением, а люблю твои вещи, пожалуй, больше всего, что написано за последние 25 лет. <...> Так заклеить научное мещанство, как ты это сделал в “Дяде Ване”, как ты это делаешь повсюду, вряд ли удастся теми приемами, какие практикует Горький»³.

Восторженно отзываясь о чеховских «Чайке» и «Дяде Ване», Южин имел серьезные намерения поставить их на сцене Малого театра, считая, что художественный театр несколько обедняет драматургию Чехова, для которой требовался, по его мнению, театр актера, каким всегда был Малый театр, а не театр режиссерских изысков. Но этому не суждено было осуществиться – жизнь пьесам Чехова дал именно Художественный театр.

В связи с предполагавшейся, но не состоявшейся постановкой пьесы «Леший» на сцене Малого театра в 1889 г. Чехов в одном из писем к Южину высказал, – правда, в столь свойственном ему шутиливом тоне, – совсем нешуточную тревогу: «после “Макбета”, когда публика настроена на шекспировский лад, эта пьеса («Леший». – М.К.) рискует показаться безобразной. Право, видеть после красивых шекспировских злодеев эту мелкую грошовую сволочь, которую я изображаю, – совсем не вкусно»⁴. И это было в самом деле так. Но при этом следует отметить, что пьесам Чехова также присуща театральность, но иная, чем свойственна той же драматургии Южина с ее яркими контрастами и страстями. Именно таковой была театральность «Чайки», «Дяди Вани», а затем «Трех сестер» и «Вишневого сада». В связи с этим нам представляется существенным следующее замечание одного из самых тонких и вдумчивых исследователей творчества Чехова – профессора Г.А. Бялого, который писал: «Любопытно, что у Аркадиной и Тригорина артистический профессионализм проникает в жизнь, в личные отношения. Когда Тригорин начинает “безумствовать”, Аркадина укрощает его профессионально разыгранной театральной сценой с коленопреклонением, целованием рук и соответствующими случаю словами, причем, самыми банальными. Здесь действует гипноз любовных слов, а не их оригинальность»⁵. Именно в этом и заключается одна из сторон этой новой театральности, которую привнес в театр Чехов своей новаторской драматургией.

Чехов и Немирович-Данченко оба писатели-восемидесятники, почти одновременно выступившие в печати и бывшие еще в домхатовскую эпоху литератора-

¹ Немирович-Данченко В.И. Из прошлого. М.: Гослитиздат, 1938. С. 54.

² Переписка А.П. Чехова: В 2 т. Т. 2. С. 137.

³ Там же. С. 143.

⁴ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 3. М.: Наука, 1976. С. 302.

⁵ История русской драматургии. Вторая половина XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1987. С. 452.

ми-единомышленниками. Их личное знакомство произошло в середине 1880-х гг., когда они вместе сотрудничали в журнале «Будильник». Оба они вышли из московской прессы 1880-х гг., как это обычно говорится применительно к сверстникам Чехова. Во многих беллетристических произведениях Немировича-Данченко («Губернаторская ревизия», «Старый дом», «Сны»), как отмечалось неоднократно в исследовательской литературе, явственно звучат чеховские интонации, чеховское отношение к людям и жизни, – словом, большая внутренняя связь с Чеховым. На склоне лет, уже подводя итоги и оценивая значение Чехова в своей жизни, Немирович-Данченко писал в своих мемуарах «Из прошлого»: «Я вспоминаю о Чехове неотрывно от той или другой полосы моих личных, писательских или театральных переживаний. Мы жили одной эпохой, встречали одинаковых людей, одинаково тянулись к схожим мечтам, и потому понятно, что новые краски, новые ритмы, новые слова, которые находил для своих рассказов и повестей Чехов, волновали меня с особенной остротой. Мы как будто пользовались одним и тем же жизненным материалом для одних и тех же целей»¹.

Но все же главным, что связывало этих двух сверстников и современников, был, конечно, театр и надежды на его грядущее обновление, острая неудовлетворенность тогдашним состоянием сцены. Но Немирович-Данченко тем не менее был вполне традиционным беллетристом и драматургом в духе своего времени, и характерно, что поначалу чеховские театральные новации, начавшиеся с пьесы «Леший», не вполне были им поняты. В письме к Чехову от 6 ноября 1889 г. он обмолвился о «невладении Чеховым “сценическими требованиями”»². Но в то же время и как драматург, и как театральный критик уже в 1890-х гг. Немирович-Данченко наиболее важной считал жизнеспособность пьесы, отсутствие каких бы то ни было нарочитых эффектов при театральном ее воплощении, тем самым еще когда Художественного театра и в помине не было, во многом прочувствовал основные принципы будущего мхатовского театрального искусства.

Как драматург Немирович-Данченко имел известное имя, его лучшие пьесы в течение почти 20 лет (с 1882 по 1901 г.) шли на разных сценах, в том числе и в Художественном театре. Наиболее значимыми его пьесами считаются «Новое дело», «Цена жизни», «В мечтах» – преимущественно в этих своих драматургических произведениях он во многом (возможно, параллельно с Чеховым, а также, по всей видимости, испытав его влияние как более крупного таланта, нежели он сам) предвосхитил новые театральные открытия, осуществленные на рубеже веков МХТом: настроение, подтекст, «подводное течение», – проявившееся в большой скрытой психологической насыщенности конфликта, т. е. то, что так законченно проявилось в драматургии Чехова, имевшей огромное влияние на все искусство XX в. Так, в пьесе «Новое дело» умная тонкая насмешка, которой овеяна в комедии история гибели дворянского гнезда Столбцовых, напоминает чем-то «Вишневый сад» Чехова³.

Таким образом, Немирович-Данченко является одним из самых близких «спутников» Чехова.

¹ Немирович-Данченко В.И. Из прошлого. М.: Гослитиздат, 1938. С. 12.

² Там же. С. 14.

³ См.: Евнин Ф.И. Вл.И. Немирович-Данченко. Повести. Пьесы. М.: ГИХЛ, 1958. С. 16.

ЛИТЕРАТУРА

- Амфитеатров А.В.* Собр. соч. Т. XXXV. СПб. [Б.г.].
- Евнин Ф.И.* Вл.И. Немирович-Данченко. Повести. Пьесы. М.: ГИХЛ, 1958. 478 с.
- История русской драматургии: Вторая половина XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1987. 660 с.
- Катаев В.Б.* Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX века) // Спутники Чехова / Под ред. В.Б. Катаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 5–48.
- Келдыш В.А.* Русский реализм XX века. М.: Наука, 1975. 279 с.
- Литературное наследство. Т. 68. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 974 с.
- Немирович-Данченко Вл.И.* Из прошлого. М.: Гослитиздат, 1938. 298 с.
- Переписка А.П. Чехова: В 2 т. М.: Худ. лит-ра, 1984.
- Соболев Ю.В.* Чехов. Статьи, материалы, библиография. М.: Федерация, 1930. 345 с.
- Толстая Е.* Поэтика раздражения. М.: Радикс, 1994. 398 с.
- Турков А.М.* Чехов и его время. М.: Советский писатель, 2003. 461 с.
- Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
- Чехов в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1952. 568 с.
- А. П. Чехов и его время. М.: Наука, 1977. 359 с.
- Штейнгольд А.М., Табориская Е.М.* Феномен театра А.Н. Островского и А.П. Чехова // *Studia Metrica et Poetica*: Сб. статей памяти Петра Александровича Руднева. СПб.: Академический проект, 1999. С. 236–246.
- Энергия. Сборник 3 / Под ред. Александра Амфитеатрова. СПб., 1914. 380, [4] с.

REFERENCES

- Amphitheatrov A.V. The Complete Works. Vol. 35. St.-Petersburg.
- Evnin F.I. (1958) Vl.I. Nemirovich-Danchenko. The Long-Short Stories. Plays. Moscow. 478 p.
- History of Russian Drama: The Second Half of the 19th – the early 20th century. Leningrad. Nauka Publ. 1987. 660 p.
- Kataev V.B. (1982) Chekhov and His Literary Environment (the 80-ies of the 19th century). In: *Satellites of Chekhov* / Ed. by V.B. Kataev. Moscow. Lomonosov Moscow State University Press. 1982, pp. 5–48.
- Keldysh V.A. (1975) Russian Realism of the 20th century. Moscow. Nauka Publ. 279 p.
- Literary Heritage. Vol. 68. (1960) Moscow. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 974 p.
- Nemirovich-Danchenko Vl. I. (1938) From the Past. Moscow. Goslitizdat Publ. 298 p.
- Correspondence of A.P. Chekhov: In 2 vols. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1984.
- Sobolev Yu.V. (1930) Chekhov. Articles, Materials, Bibliography. Moscow. Federacia Publ. 345 p.
- Tolstaya E. (1994) Poetics of Irritation. Moscow. Radiks Publ. 398 p.
- Turkov A.M. (2003) Chekhov and His Time. Moscow. Sovetsky Pisatel. 461 p.
- Chekhov A.P. The Complete Works and Letters: In 30 vols. Moscow. Nauka Publ. 1974–1983.

Chekhov in Memoirs of His Contemporaries. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1952. 568 p.

A.P. Chekhov and His Time. Moscow. Nauka Publ. 1977. 359 p.

Shteyngold A.M., Taborisskaya E.M. (1999) The Phenomenon of the Theater of A.N. Ostrovsky and A.P. Chekhov. In: Studia Metrica et Poetica: The Collection of Articles in Memory of Peter Alexandrovich Rudnev. St.-Petersburg. Academicheskoy Proekt Publ. 1999, pp. 236–246.

Energiya: The Collection 3 / Ed. by Alexander Amfiteatrov. St.-Petersburg. 1914. 380, [4] p.

Сведения об авторе:
Марина Львовна Калугина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina L. Kalugina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
ri-n@mail.ru

Chekhov and His Contemporaries: Rapprochement and Repulsion

И. Антанасиевич

Сербские истории русских художников

Аннотация: Статья посвящена вкладу русских художников-эмигрантов в формирование в 1930-е гг. в искусстве Королевства Югославии нового жанра рисованного повествования – комикса, или, по-сербски, «стрипа» (от comics strip). Проанализирован вклад в рождение жанра Юрия Лобачева, Николая Навоева, Сергея Соловьева, Константина Кузнецова и др. художников. Особенности их творчества раскрыты на примере интерпретации сюжетов народного эпоса и сказок.

Ключевые слова: белградский круг художников русской эмиграции, рисованные истории, сказка, народный эпос, монтаж, юмор

Abstract: The article deals with the contribution of Russian artists-emigrants at Kingdom of Yugoslavia in the 1930s to the formation of the new genre – comics, or, in Serbian “strip” (comics strip). The participation of Yuri Lobachev, Nikolay Navoev, Sergei Soloviev, Konstantin Kuznetsov and the other artists in the development of the new genre is analyzed. The peculiarities of their creativity on the example of the adaptation in comics the texts of the different genres, including of the folk epic and fairy tales are revealed.

Key words: Belgrade circle of artists of Russian emigration, comics, fairy tale, folk epic, montage, humor

Исторически сложилось, что в России (и позже в Советском Союзе) не прижились ни слово комикс, ни сама сюжетная история в картинках, и чаще всего, когда говорят о комиксах, упоминают, что в истории европейского комикса¹ «никогда не было заметных русских имен»². Причины такого «неприятия комикса»³ разноо-

¹ Многие исследователи считают, что именно европейская традиция рисованной истории не дала ей «сползти» на уровень литературы для детей (в чем упрекают американский комикс, считая, что его популярность затормозила развитие европейских традиций и собственно жанра графической истории). Ныне в пагубном влиянии на европейскую традицию обвиняют японскую манга.

² Кондратьев Василий. Бумажная опера: Комиксы в русской жизни, или Русская жизнь в комиксах: к столетию проблемы // Русский журнал. 1998. 19.06 (old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-06-19/kondrat.htm).

³ «...Все временные рекорды неприятия комикса побила Россия. Сто лет существования комикса, этого девятого по счету искусства, прошли мимо нее. За ее пределами – стомиллионные тиражи, ежедневное чтение целых наций; в России – одиночные выстрелы» (см.: Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. Эссе. М., 1996. С. 430–447).

бразны и связаны как с идеологией, так и с самой историей развития предкомиксовых форм¹.

Да, русской комикс как явление развивался неоднозначно, и, как бы мы ни пытались отнести к комиксу различные формы, где текст и картинка взаимодействуют, говорить о том, что комикс как явление состоялся и его развитие было поступательным, увы, не получается.

Впрочем, в истории европейского комикса были русские имена: основы комикса одной страны – Югославии, которая сделала довольно значительный вклад в историю европейского комикса, – заложили русские художники. Русский комикс все же состоялся, правда, не в России, а за ее пределами.

Русская эмиграция сделала много для Королевства Югославия: архитектура и мостостроительство, балет и опера, театральное искусство, лесоводческое дело и медицина, машиностроение и философия – всюду встречаются русские имена.

А когда речь идет о развитии такого жанра, как рисованная сюжетная история, то русских имен там настолько много, что возникает искушение назвать югославский комикс периода до Второй мировой войны русским явлением.

В так называемый «белградский круг» художников, которые начали рисовать то, что в Югославии называлось стрип (так здесь сократили американское *comics strip*, взяв из него вторую часть), включают следующие имена: Джордже Юрий Лобачев, Николай Навоев, Сергей Соловьев, Константин Кузнецов, Джордже Джука Янкович, Алексей Ранхнер, Иван Шеншин, Себастьян Лехнер, Мича Димитриевич².

Девять художников – шесть русских эмигрантов. Нужно отметить, что рисованные истории появились в Королевстве Югославия одновременно с появлением подобной традиции в Европе: первый комикс-журнал вышел из печати во Франции 21 октября 1934 г. («*Le journal de Mickey*», издатель Поль Винклер), и в тот же день в Югославии на страницах «Политики» вышел первый комикс под названием «Тайный агент Икс-9». Неделями раньше стартовал итальянский журнал подобного профиля – «*L'avventuroso*» (искатель приключений) – флорентийского издателя Марио Нербини. То есть мы видим, что королевская Югославия вполне уверенно чувствовала себя в рамках европейской традиции рисованного рассказа.

Рассматривая историю появления комикса в королевстве Югославия, пытаюсь выделить, описать и систематизировать основные специфические черты, присущие ей, а также перечислить темы, механизм и способы сюжетной переработки известных литературных текстов, которые «переводились» на другой художественный язык, переходили в сферу иной художественной формы, мы прежде всего отметим, что механизмы адаптации текстов, ставших основой для комикса, универсальны и близки многим механизмам, так же создающим свои новые художественные формы с опорой на исходную форму другого искусства: экранизация, новеллизация и пр.³

Впрочем, хоть мы и называем перенесение текста в новую для него графическую форму словом *адаптация*, но все же должны заметить, что термин *адаптация* не совсем определяет смысл той операции, которой подвергается художественный текст, когда его не просто визуализируют, но делают поликодовым, т. е. не просто переводят в новую форму, которая требует нового «чтения», но

¹ См. об этом подробнее в: Антанасиевич И. К истории советского комикса // Славистика. 2016. № 20. С. 533–540.

² В «белградский круг» по разным причинам не включают имена еще трех русских художников – авторов комиксов: Всеволода Гулевича, Владимира Жедринского и Николая Тищенко.

³ См.: Антанасиевич И. Русская классика в картинках. Белград, 2015.

и делают эту форму функционально иной. Эта «инаковость» текста и вызывает наибольшее число споров, причем не только тогда, когда речь идет о комксах, но и тогда, когда мы говорим о других формах визуализации художественных текстов, например экранизациях.

Сложность анализа механизмов подобных переводов заключается в том, что в науке пока еще не выработана система объективных критериев, которые позволяли бы охарактеризовать отношения художественного текста с его визуальной реализацией. Точно определиться мешает сама природа преобразований, которая обусловлена именно функциональной спецификой той формы, в которую транспортируется текст (фильм ли это или комикс / графический роман). Следовательно, специфика комикса / графического романа требует иного, чем экранизация, структурирования повествования и, при внешнем сходстве (фрагментарность) и функциональности (средство массовой коммуникации), все же будет к тексту относиться иначе, превращая его в иную форму, которая имеет свой механизм рецепции, отличающийся даже от того, который существует в кинематографии, поскольку кино обладает вербальной составляющей. То есть такая адаптация, подчиняясь законам комикса как «открытой семиотической системы, включающей в себя набор лингвистических знаков и элементов визуального ряда»¹, меняет не только коммуникативную направленность текста, но и символы внутри текста.

Анализ рисованной литературы как инновативной формы сложен, поскольку исследователь или опирается на анализ графики комикса, или исследует исключительно текст. Причем подобные исследования вынужденно изобилуют определениями сравнительного характера, и комикс описывается на основе существующих видов искусства, что ошибочно само по себе, и об ошибочности такого подхода предупреждал еще Ю. Тынянов: «Называть кино по соседним искусствам столь же бесплодно, как эти искусства называть по кино: живопись – “неподвижное кино”, литература – “кино слова”. Особенно это опасно по отношению к новому искусству. Здесь сказывается реакционный пессимизм: называть новое явление по старым. Искусство между тем не нуждается в определениях, а нуждается в изучении»².

Сложность анализа адаптаций художественных текстов, переведенных на язык комикса и несколько пренебрежительное отношение к самому процессу транспозиции, который стереотипно воспринимается как упрощение, связаны с тем, что упускается самый важный момент, а именно то, что, когда речь идет о комиксе / графическом романе, забывается тот факт, что это креолизованный текст, или же текст, имеющий собственную структурную организацию, где графика и текст взаимосвязаны и равноправны, т. е. это уже не просто текст, сопровождающий картинку, – все сигнификативное пространство новой формы представляет собой единое целое, что, кстати, является основным отличием комикса как «рассказа в картинках» от книжной иллюстрации как «картинки к рассказу».

Что же касается общего взгляда на тексты, которые получили свою рисованную версию в югославской прессе того времени, то одного перечисления достаточно, чтобы понять, что выбор текстов для адаптации был во многом достаточно индивидуальным и от редакторской политики зависел лишь отчасти. Но все равно зависел: например, мы знаем, что издатель Александр Ивкович от своих художников требовал произведений на основе народных легенд и сказок, поскольку такие

¹ Полякова К.В. Становление семиотической системы американского комикса и японского манга. СПб., 2004.

² Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 330.

комиксы активно продавались. Поэтому многие комиксы, вышедшие в тридцатые годы в Югославии, представляли собой обработку народной эпики.

Именно народная эпика – частая тема самого известного русского художника комиксов Юрия / Джордже Павловича Лобачева (выступал также под псевдонимом Стрип). Лобачев был не только художником, но и автором сценария и создал более десятков текстов. Рисованные романы по произведениям сербского народного творчества Лобачеву особенно удавались: именно он создаст чудесные комиксы, которые читает уже не одно поколение, а многие из них собраны в отдельные альбомы. Так, в 1990-е гг. издательство «Дечје новине» издало несколько альбомов, собрав в них сербскую комикс-эпiku Лобачева: «По следам народных фантазий» («Трагом народне маште»), «Шесть столетий тому назад» («Пре шест столећа») и др.¹ Сказки и легенды «Баш-Челик», «Женитьба царя Душана», «Башня ни на небе, ни на земле» («Чардак ни на небу ни на земљи»), «Конец града Пирлитора» («Пропаст града Пирлитора»), «Биберче» – и это лишь небольшая часть названий из творческого наследия Лобачева.

Восхищаясь его интерпретациями сербских легенд, исследователь истории сербско-

Рис. 1. Рисунок из комикса «Баш Челик»

го комикса Жика Богданович пишет: «Обогащая, углубляя и расширяя оригинальную фольклорную историю, Лобачев предстает перед нами как превосходный интерпретатор: <...> особая атмосфера, ясное видение драматической ситуации, прекрасное владение изобразительными средствами, полными символов – все это свидетельствует о зрелом художественном самосознании»².

Интересно, что Лобачев и в качестве иллюстратора (а он был одним из ведущих иллюстраторов в то время в Сербии)³ использует все возможности комикса как художественной формы, увлеченно соединяя рисунок и текст, иногда включая в издание и собственно комикс. Например, для учебника третьего класса начальной школы он не только делает рисунки, но и создает ребусы, а также включает в книгу

учебный комикс о первом сербском просветителе святом Савве (Растко Неманиче) и, таким образом, становится и первым автором образовательного комикса на Балканах.

¹ Прежде всего благодаря энергии Жики Богдановича, который активно занимался историей югославского комикса.

² Богдановић Ж. Чардак ни на небу ни на земљи: Рађање и живот београдског стрипа 1934–1941. Београд, 2006. С. 65

³ Подробнее см.: Антанасиевич И. Русские художники – иллюстраторы серии «Золотая книга» // Часопис Руски архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС / Југославији. Серија: Историја српске књижевне периодике. Књ. 27. Београд, 2015. С. 577–605.

Несколько иной подход к народной эпике у художника Николая Навоева: он не сколько обрабатывает народные сюжеты, воссоздавая их в рисунке, сколько придумывает на основании народных легенд новые истории, которые стилистически полностью совпадают с оригиналом. Помощь в этом ему оказывал сценарист Бранко Видичем. Навоев вместе с Видичем вдвоем пересказали чуть ли не всю историю Балкан, правда сделав ее куда более авантюристской: «Молодой Бартуло, сын пирата из Дубровника» («Млади Бартуло, син дубровачког гусара»), «Смерть Смаил Аги-Ченгича» («Смрт Смаил Аге Ченгића»), «Женитьба Максима Чарноевича» («Женитба Максима Чарнојевића»), «Комнен Байрактар» («Комнен Бајрактар») «Сын Гайдука» («Хајдуков син») и т. д.

Эмоциональный, размашистый и четкий рисунок, яркие экспрессивные портреты – все это привлекало читателей. Навоев был тонким знатоком пластической анатомии, что позволяло создавать героев, чьи лица

Рис. 2. Комикс из учебника для третьего класса.
Автор: Живоин Карић

Рис. 3. Обложка комикса
«Молодой Бартуло,
сын пирата из Дубровника»

умели передавать все оттенки эмоций: гнев, презрение, высокомерие, ярость, влюбленность и пр. Основную особенность комикса, а именно – изображение в движении, Навоев сохраняет и когда речь идет о портрете, показывая героев (даже второстепенных) в момент сильного эмоционального переживания, что делает его героев такими живыми и такими запоминающимися. Отказавшись от ремесленного повторения, Навоев создал целую галерею персонажей, каждый из которых обладал своей индивидуальностью. Поэтому лица его героев часто использовались в рекламе и украшали титульные обложки журналов, привлекая читателя.

По примеру Лобачева, Навоев для создания определенной атмосферы, мог использовать и псевдонимы: например, в авантюрно-мистических произведениях он представал перед читателями как *Nick Woody*, а романах

югославской тематики он часто сербизировал свое имя, превращая его в фамилию – *Н. Николаевич*.

Несколько реже к сербской теме обращался Константин Кузнецов – самый главный «сказочник» белградского круга художников. Он был создателем прекрасных графических версий сказок: это и пушкинские «Сказка о золотом петушке» («Сказка о златном петлићу») и «Сказка о царе Салтане» («Бајка о цару Салтану»), и ершовский «Конек-горбунок» («Коњић-грбоњић») и сказки из сборника «Тысяча и одна ночь» – «Синдбад-мореход» («Синдбад мореполовац»), «Аладдин и волшебная лампа» («Аладин и чаробна лампа»), «Али-Баба и сорок разбойников» («Али Баба и 40 хајдука»), «Портняжка» («Принц кројач»), «Волшебная флейта» («Чаробна фрула»), «Багдадский вор» («Багдадски лопов»). Но к балканской теме (тексты для них составлял Кузнецову известный сценарист Бранко Видич и популярный писатель Светислав Лазич) он обратился лишь дважды: так появились романы «Королевич Марко» («Краљевић Марко») и «Князь Милош» («Књаз Милош»), причем основаным собственно на легендах и народных преданиях был лишь комикс о Королевиче Марко. Особенностью текстов Кузнецова является сознательное создание собственных правил, где рисунок особым образом будет согласовываться с текстом. Так, зная законы комикса, где сокращение количества «этажей» (уровней) и, соответственно, числа кадров не только создает пространственную масштабность, но и влияет на время, «растягивая» его, Кузнецов сознательно (особенно это видно применительно к эпике) создает внутри комикса, то, что Ухтомский определит как «закономерную связь пространственно-временных координат»¹, а в литературе это соединение пространства и времени, требующее соблюдения ритма действия, Бахтин будет именовать хронотопом, т. е. той формально-содержательной категорией, которая определяет жанр².

Таким образом Кузнецов сделает свой рассказ более эпическим, привнесет в него особую изобразительную повествовательность, включит присутствие, хоть и неявное, обязательного для сказки рассказчика-«сказочника». Для этого художник использует множество приемов, например, мало используемый в комиксе прием «объединения» кадров текстом: причем он не только соединяет кадры авторским или же закадровым текстом, так называемыми caption-ами или «кирпичами», но и диалоги размещает так, что они соединяют кадры, создавая тем самым нужную для восприятия сказки дистанцию, где читатель одновременно и включен в процесс и помнит, что сказка ложь, присхोдившая давным-давно за тридевять земель в тридесятом царстве, и рассказывается ему, слушателю, чтобы для намека и урока.

Рис. 4. Кадр из комикса «Королевич Марко»

¹ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб., 2002.

² Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234–407.

В виде сказки рассказан и вышедший из-под его карандаша самый скандальный сербский комикс-аллегория «История о несчастном короле» («Прича о несрећном краљу»), где за маской Старого короля скрывается король Александр Карагеоргиевич, Молодой король – это престолонаследник Петр II, Винстон Черчилль представлен в образе Западного министра, Йосип Броз Тито – в виде Разбойника, а Сталин – в образе Северного владыки.

Рис. 5. Кадр комикса «История о несчастном короле»

Комикс долгое время был запрещен, и его републикация стала возможна только в 1990-е гг. благодаря стараниям исследователя Здравка Зупана. Конечно, данный комикс адаптацией назвать очень сложно, поскольку он представляет собой, с одной стороны, авторскую реакцию на события, происходящие в регионе, а с другой – пропагандистский текст. Кузнецов придерживался антикоммунистических взглядов и активно сотрудничал в журналах, которые финансировала фашистская Германия: например, печатался в журналах, поддерживающих правительство Недича¹, «Колючий поросенок» («Бодљикаво прасе») и «Мали забавник», «Коло», а также числился художником пропагандистского отделения «S», которое действовало на территории оккупированной Сербии. Кроме того, имя Кузнецова (а также имя еще одного художника-эмигранта – Алексея Ранхнера) упорно связывают с плакатами, нарисованными для так называемой антимасонской выставки в Белграде².

Многие исследователи истории комикса в Югославии пропускают имя Николая Тищенко. К комиксу Тищенко действительно обращался лишь несколько раз (и поэтому его имя не включено в список «золотого белградского круга», но он со-

¹ Милан Недич – министр обороны Королевства Югославия, премьер-министр «Правительства национального спасения». По окончании войны отдан под суд в обвинении государственной измене и покончил жизнь самоубийством.

² Плакаты создавались для издательства «Юго-Восток». Ныне хранятся в историческом архиве Белграда. См.: Ракович Б. У службы стрипа и – окупатора // Политика. 1996. № 9(VIII). С. 9.

здал несколько великолепных комиксов, два из которых представляют сербскую эпиду. Славу Тищенко принесла его деятельность карикатуриста. В тридцатые годы Тищенко работал в русском сатирическом журнале «Бух!», а также сотрудничал с сербской газетой «Политика» и с сербским сатирическим журналом «Ошишани јеж» («Стриженный еж»), где со временем стал ведущим карикатуристом. Его четкие, лаконичные и узнаваемые карикатуры, которые он подписывал *Тэн* (с вариантами *Тен*, *Теп*) заинтересовали югославского комикс-издателя Александра Ивковича, который предложил Тищенко попробовать себя в новом жанре. Тищенко согласился, но и здесь остался карикатуристом-пародистом, поскольку первый его комиксом был скорее похож на сборник карикатур. Роман «Шуточные приключения сыщика Х-9» – пародия на известный криминалистический комикс Алекса Реймонда «Детектив Х-9».

Рисовать пародию на комикс в то время, когда жанр только формируется, – смелость невероятная, но Тищенко блистательно справился с этой задачей, создав образы смешные и запоминающиеся, а включение в текст балканских реалий вызвало бурный читательский интерес.

И хоть пародия Тищенко имела успех, но Ивкович оказался недоволен и предложил автору использовать темы местного фольклора: легенды, предания, народные шутки. Выбирая из богатой сокровищницы народных легенд: героических, иногда страшных, но почти всегда величественных, – Тищенко, карикатурист по природе, все же предпочел рассказать балканскому читателю совсем не героическую, а плутовскую историю об Эре – хитреце из герцеговинского фольклора, этаким балканском Ходже-Насреддине, который из всех ситуаций и житейских неурядиц спасается не посредством меча, а используя неисчерпаемые запасы остроумия и оптимизма.

Но и этот роман не устраивает Ивковича, который от автора ждет большего, и, чтобы оправдать его чаяния, Тищенко (еще во время создания комикса о хитром Эре) начинает работу над романом о герое сербского фольклора – юнаке Банович Страхиине.

Рис. 6. Кадр из комикса «Банович Страхиия» (с автографом автора)

Именно эта серьезная работа приносит ему популярность и... уводит в иллюстрацию: его приглашают иллюстрировать книги для детей и юношества в серии библиотеки «Плава птица» («Синяя птица»). Нужно сказать, что многие русские художники (Лобачев, Жедринской и др.) и даже архитекторы (например, крупнейший русский архитектор Белграда Григорий Иванович Самойлов¹) пробовали себя

¹ Проектировал крупные государственные сооружения: Югославский банк внешней торговли, машиностроительный факультет Белградского университета и др.

в иллюстрации. Но именно Тищенко выработал свой особенный, узнаваемый и оригинальный стиль, который очень нравился тогдашнему читателю и является классическим примером сербской довоенной иллюстрации.

Еще один художник, который не включается в «золотой белградский круг», Всеволод Гулевич, – прекрасный живописец-баталист. Именно он в тридцатые годы по заказу белградского Военного музея составляет большой акварельный альбом, включающий шесть десятков рисунков, иллюстрирующих историю сербской военной формы и вооружения со времен прихода сербов на Балканы, который высоко оценивается не только любителями живописи, но и историей: «Опираясь на исторические данные, литературу и фрески, Всеволод Гулевич реконструировал вид, одежду и оружие воинов разных исторических эпох, сделав из живописи энциклопедию униформы и оружия»¹. Тогда же он оформил и расписал акварелью «Книгу дарителей» Военного музея, которая хранится в музее и по сегодняшний день. Тяготел Гулевич к портретной живописи: из-под его кисти появились портреты сербских князей и королей. А к комиксу Гулевич обратился неожиданно и, можно сказать, в силу обстоятельств. Его деятельность в качестве комикс-художника была короткой – всего девять месяцев, но плодотворной. Комиксы он начинает рисовать в довольно сложное для страны время – в годы немецкой оккупации Белграда. Именно тогда журнал «Мали забавник», который выходил на деньги коллаборационистского правительства Милана Недича, привлёк Гулевича в качестве своего художника. Впрочем, имя Гулевича как автора не появлялось в журнале, который скрывал информацию о своей редакционной коллегии, поскольку все сотрудничающие с журналом опасались мести граждан, враждебно настроенных к коллаборационистам. Кроме Гулевича в журнале работал и Константин Кузнецов, который помогал Гулевичу, объясняя ему на первых порах тайны ремесла. Так появился роман «Меч судьбы» («Мач судбине») об истории средневековой истории Сербии, который выходил с продолжениями в период с 1943 по 1944 г. и остался незаконченным.

Рис. 7. Кадры из комикса «Меч судьбы»

¹ Подробнее см.: Зупан Здравко о каталоге выставки Љубице Дабих «Руски уметници емигранти у Војном музеју» – Зупан З. Всеволод Гулевич: www.rastko.rs/strip/zupan_guljevic_c.html

Как мы видим, адаптация произведения в рисованный роман требует учитывать основные типологические характеристики рисованного романа, которые, если отталкиваться от особенностей формы (фрагментарность и принцип монтажа), на уровне жанра дает форму достаточно синкретичную, соединяющую в себе высокие и низкие жанры, т. е. являет собой жанровую диффузию и в таком виде включается в более широкий культурологический контекст. Причем при анализе адаптаций необходимо помнить о том, что все «тело» комикса представляет политекстуальное образование, насыщенное не только внутритекстовыми аллюзиями, но и графическими и культурологическим реминисценциями. Поэтому тематика, которую выбирает автор, также определяет композицию комикса, формирует его структуру.

Кроме того комикс требует активного участия читателя, который должен быть не просто созерцателем или читателем, но созерцателем и читателем одновременно, к тому же знающим, понимающим и воспринимающим те инновативные формы, которые являются обязательными для рисованной литературы: «Комикс намного ближе к литературе, чем к кинематографу и мультипликации, в связи с активной перцептивной деятельностью реципиента, который должен, читая присутствующие тексты и переходя взглядом от одного кадра к другому, суметь воссоздать в своем восприятии весь мир звуков и движений, производимых персонажами и предметами... Таким образом, мы видим, что среди других экранных искусств комикс требует большей активности реципиента, который для адекватного восприятия вербо-иконического сообщения должен заняться сотворчеством, маркирующим коммуникативность комикса»¹.

Довольно долго такие моменты не учитывались еще и потому, что любая визуализация художественного произведения автоматически воспринималась как часть такого явления, как американский образовательный комикс, который получил распространение в 1950-е гг. и показал себя настолько отрицательным явлением, что даже возник термин «тормознутая грамота» (англ. *Retard(ed) literacy*). Да, конечно, история комикса и его связь с образованием имеет свои традиции, причем традиции довольно долгие и, несомненно, связанные с самой историей рисованной литературы как явления: достаточно вспомнить роль детских иллюстрированных журналов в развитии комикса или то, что один из первых комиксов – рисованная история Тепфера – возник именно как образовательно-воспитательное средство. Но коммерциализация комикса, которая началась в период формирования крупных монополий, таких как *Marvel* и *DC Comics*, привела к тому, что комикс стал еще и формой обязательного обучения и его стали обвинять в упадке интереса к чтению, что породило и ныне продолжающуюся дискуссию и о пользе / вреде комиксов как средства обучения.

Пренебрежительное отношение к комиксу, особенно когда речь идет об адаптациях художественной классики, встречается и ныне, как бывало оно и в период его возникновения, в данном случае – в югославской периодике тридцатых годов.

Например, в белградском журнале «Искусство и критика» («Уметност и критика») за 1939 г. появилась статья с названием «В защиту народной поэзии», анонимный автор которой восклицает с огорчением: «...комикс и народная поэзия! Индустрия искусственной фантастики с современным реквизитом! Прошлым летом мы уже наблюдали изнасилование одной эпической песни “Женитьба цара

¹ Козлов Е.В. Коммуникативность комикса в текстуальном и семиотическом аспектах. Волгоград, 1999.

Душана»¹... А теперь в «Политикином забавнике» выходит комикс «Баш-челик» по сказке, а недавно выходила и комикс-хроника «Конец града Пирлитора» по мотивам народной поэзии... Какой абсурд, какое незнание сути искусства или, вернее, какая дерзкость по отношению к культурному наследию!.. вечная витальность поэтических замыслов в том, чтобы оставить в своих наивных рассказах, полных магической веры, место воображению, чтобы слушатель мог по суггестии волшебных поэтических слов и фигур представить себе миры, о которых когда-то мечтало человечество... Трехголовые герои, крылатые кони, чуда и чудовища, возникшие в фантазии народа, не могут быть конкретными личностями – они символы желаний, символы мечты молодого еще человечества о свободе, о силе... Эта мечта не подлежит репродукции, тем более такой абсурдной, как современная техника рисования, которая сама по себе не что иное, как художественная порнография...»².

Рис. 8. Трехголовый герой Джорджа Лобачева в комиксе «Конец града Пирлитора»

Известный филолог Петар Митропан в тексте, напечатанном в альманахе «Просвета» в том же 1939 г., анализируя комикс как особую структуру, верно отмечает, что «комикс по своей природе представляет действие в картинках, требует наличия определенной темы и специфично эту тему перерабатывает; требует, если можно выразиться кинематографическим термином, – драматизации действия, требует напряжения, акции, быстрой смены ситуации». Но он приходит к неожиданному выводу, что комикс вследствие этого «непоследователен и нелогичен, поэтому он использует фантастику как элемент, поэтому он требует жестоких и кровавых действий и подвигов, поэтому идет глорификация героев гангстерского и детективного мира».

Такое непонимание природы комикса связано с тем явлением, которое Б. Гройс

объяснил в своей концепции искусства как валоризацию профанного: «Профанная среда крайне неоднородна, она состоит из вещей, которые не признаются культурными институтами, обеспечивающими хранение культурной памяти. Но именно профанная среда, состоящая из всего неценного, незаметного, неинтересного, внекультурного, преходящего, является резервуаром для потенциально новых форм и ценностей»³.

А комикс тем и ценен, что старается расширить возможности семиотической системы: он активно включает новые знаки в систему, и активно использует знаки комиксовой семиотики вне границ текста комикса, открыт для новых тем, умело

¹ Здесь и далее автор упоминает комиксы Лобачева.

² Цитируется по: Зупан З., Драгинчић С. Историја југословенског стрипа 1, Нови Сад 1986: www.rastko.rs/strip/1/zupan-draginacic_1/umesto-zakljucka.html

³ Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. С. 183.

подчиняя потребностям комикса художественные приемы других видов искусства. Поэтому изучать комикс необходимо только как открытую систему, и сам феномен комикса и художественных приемов, им используемых, следует рассматривать в контексте восприятия культуры как производной общества – и культуры как индустрии.

ЛИТЕРАТУРА

Антанасиевич И. К истории советского комикса // Славистика. 2016. № 20. С. 533–540.

Антанасиевич И. Русская классика в картинках. Белград, 2015. 278 с.

Антанасиевич И. Русские художники – иллюстраторы серии «Золотая книга» // Часопис Руски архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС / Југославији. Серија: Историја српске књижевне периодике. Књ. 27. Београд, 2015. С. 577–605.

Богдановић Ж. Чардак ни на небу ни на земљи: Рађање и живот београдског стрипа 1934–1941. Београд, 2006. 308 с.

Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. 374 с.

Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов. Эссе. М., 1996. С. 430–447.

Зупан З. Всеволод Гуљевич: www.rastko.rs/strip/zupan_guljevic_c.html

Зупан З., Драгинчић С. Историја југословенског стрипа 1, Нови Сад 1986: www.rastko.rs/strip/1/zupan-draginicic_1/umesto-zakljucka.html

Козлов Е.В. Коммуникативность комикса в текстуальном и семиотическом аспектах: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 235 с.

Кондратьев Василий. Бумажная опера: Комиксы в русской жизни, или Русская жизнь в комиксах: к столетию проблемы // Русский журнал. 1998. 19.06 (old.russ.ru/journal/ist_sovt/98-06-19/kondrat.htm)

Раковевић Б. У служби стрипа и – окупатора // Политика. 1996. № 9(VIII). С. 9.

Полякова К.В. Становление семиотической системы американского комикса и японского манга. СПб.: Питер, 2004. 160 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

REFERENCES

Antanasievich I. To the History of the Soviet Comics. Slavistika. 2016. No 20, pp. 533–540.

Antanasievich I. (2015) Russian Classics in Pictures. Belgrade. 278 p.

Antanasievich I. Russian Artists – Illustrators of the Series “Golden Book”. *Chasopis Ruski Arkhiv (1928–1937) i kultura Ruske Emigratsie u KraleVINi CXC / Yugoslaviyi. Seriya: Istoriya Srpske Knizhevne Periodike*. Vol. 27. Belgrade. 2015, pp. 577–605.

Bogdanovich Zh. (2006) Attic in the Sky or on Earth: The Birth and Life of the Belgrade Comic. 1934–1941. Belgrade. 2006. 308 p.

Groys B. (1993) Utopia and Exchange. Moscow. Znak Publ. 374 p.

Erofeev V. (1996) In the Labyrinth of Accursed Questions. A Collection of Essays. Moscow, pp. 430–447.

Zupan Z. Vsevolod Guljevich: www.rastko.rs/strip/zupan_guljevic_c.html

Zupan Z., Draginichich S. The History of Yugoslavia Comics 1, Novi Sad 1986: www.rastko.rs/strip/1/zupan-draginicic_1/umesto-zakljucka.html

Kozlov E.V. (1999) Communicativeness of the Comics in the Textual and Semiotic Aspects: Thesis. Volgograd. 235 p.

Kondratiev Vasily. Paper opera: Comics in Russian Life, or Russian Life in Comics: by the Centenary of the Problem. *Russky Zhurnal*. 1998. 19 June (old.russ.ru/journal/ist_sovr/98-06-19/kondrat.htm).

Rakovechich B. On the Service of Comics and – the Invader. *Politika*. 1996. No 9(VIII), p. 9.

Polyakova K.V. (2004) The Formation of the Semiotic System of the American Comics and the Japanese Manga. St.-Petersburg. Piter Publ. 160 p.

Tynyanov Yu.N. (1997) Poetics. History of Literature. Cinema. Moscow. Nauka Publ. 576 p.

Ukhtomsky A.A. (2002) The Dominant. St.-Petersburg. Piter Publ. 448 p.

Сведения об авторе:
Ирина Антанасиевич,
доктор филологии
профессор
филологический факультет
Белградский университет
(Сербия)

Irina Antanasievich,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Belgrade University
(Serbia)

SERBIAN STORIES OF RUSSIAN ARTISTS

Материалы и сообщения

Communications and Materials

Ван Инь, М.В. Михайлова

Что читали и о чем спорили на вилле Бельведер? (по страницам «Грасского дневника»)

Аннотация: В работе рассматривается «Грасский дневник» писательницы, мемуаристки русского зарубежья Г.Н. Кузнецовой, ученицы и секретаря И.А. Бунина, с точки зрения истории становления творческой индивидуальности автора. На основе анализа дневниковых записей впервые предпринимается попытка определить и проанализировать круг чтения на вилле Бельведер во время написания «Грасского дневника». Выделяются три составляющие круга чтения обитателей виллы: 1) книги, рекомендованные И.А. Буниным, 2) книги бунинского окружения, 3) книги французских авторов. Автор приходит к выводу, что круг чтения и споры вокруг прочитанного стали важным элементом формирования мировоззрения и художественной принципов автора.

Ключевые слова: дневник, воспоминания, круг чтения, русское зарубежье, Бунин, Мопассан, Башкирцева, Достоевский, Берберова. Моруа, Поль Моран

Abstract: The article discusses the Grasse Diary by Galina Kuznetsova, the writer and memoirist of the Russian Diaspora, Ivan Bunin's follower and secretary, focusing on the evolution of the author's individuality. Research into the Diary has enabled us to see three circles of books which were read at the Villa by the residents – a) books, recommended by Ivan Bunin, b) books of Bunin's milieu, and c) books by French authors. The article concluded that the circle of reading and disputes around the books read became an important factor that influenced Bunin's worldview and literary preferences.

Key words: diary, memoirs, circle of reading, Russians abroad, Bunin, Maupassant, Bashkirtseva, Dostoevsky, Berberova, Maurois, Paul Moran

«Грасский дневник» (1927–1934) писательницы и мемуаристки русского зарубежья Галины Николаевны Кузнецовой (1900–1976) традиционно рассматривается исследователями как мемуарно-хронологическое повествование о жизни И.А. Бунина в 1927–1941 гг. и бытовой и интеллектуальной жизни русской эмиграции во Франции. «Грасский дневник» считается «литературным явлением» литературы русского зарубежья первой половины XX столетия: поражают удивительно точные психологические зарисовки и характеристики, тонкие и художественно выразительные картины природы, законченность композиции и оригинальность стиля. Тем не менее, как утверждает О.Р. Демидова, «при вни-

мательном и непредубежденном чтении дневник предстает перед читателем как история становления человеческой и творческой индивидуальности автора <...>, как хроника процесса обретения себя и обретения своего места в мире не столько благодаря, сколько вопреки бытийным условиям»¹. Заметим, что первое научное издание «Грасского дневника», подготовленное О.Р. Демидовой, вышло в свет только в 2009 г., и полноценное изучение его только начинается.

Круг чтения является важной составляющей мировоззрения и художественного мира автора. В этой связи нам представляется важным и необходимым установление и изучение круга чтения Г.Н. Кузнецовой, выявление закономерностей обращения автора к тем или иным источникам.

В первую очередь необходимо установить, как и чем определялся выбор книг для чтения Кузнецовой в период ее пребывания на вилле Бельведер в Грассе. Будучи секретарем и ученицей Бунина, Кузнецова, несомненно, в первую очередь прислушивалась к рекомендациям писателя. Можно считать, что происходило как бы «совместное чтение» с последующим обменом мнениями, к которому нередко подключалась и В.Н. Муромцева-Бунина. Яркий тому пример чтение в мае 1928 г. романа французского писателя Г. Норманди «Конец Мопассана», вышедшего в Париже в 1927 г.² Читали его, естественно, по-французски. И это чтение произвело на Бунина столь глубокое впечатление, что он написал по следам этой книги некий текст, с трудом поддающийся жанровому определению, – «Конец Мопассана», опубликованный в газете «Парижские новости»³. Текст этот представляет собою, по сути, пересказ наиболее ярких, запомнившихся эпизодов книги. Кузнецова по этому поводу замечает в дневнике, что Бунин все время делился с присутствующими прочитанным, нередко даже за столом, что говорит о потрясенности его как читателя. И эту информацию она завершает странным, на первый взгляд, предложением: «Из этих рассказов заключаю, что в каждом из нас есть сумасшедший» (запись от 17 мая 1928 г.)⁴.

Как можно расшифровать эту запись? Судя по рассказу «Конец Мопассана», автор подробно перечисляет все те бредовые идеи, которые обуревали французского писателя в конце жизни. Видимо, они настолько пугали Бунина, что он не боялся дублирования, повторений, хотя в его повествовании ужас идет по нарастающей. Фантазии Г. Мопассана становятся все изощреннее и кошмарнее, все его мысли вертятся вокруг смерти, самоубийства, краж и вообще преступлений. Возможно, страх сумасшествия преследовал и русского писателя, поэтому он все время возвращается мыслью к ужасающим переживаниям своего французского собрата по перу. Но вполне вероятно, что Бунин примерял конкретную мопассановскую судьбу на судьбу писателя вообще, как бы намекая на то, что ничто не может застраховать тебя от ужасающего конца: ни слава, ни внимание окружающих, ни твой ум, ни предшествующее здоровье. И, возможно, для Кузнецовой подобная сосредоточенность на болезни тоже являлась неким симптомом сумасшествия, которое оказывалось заразительным и для присутствующих. Кроме того, такая запись свидетельствует и о том, что она подспудно как бы опасалась подобных признаков и у себя, наблюдая их, как ей казалось, у Бунина. Во всяком случае, некоторый негативизм в замечании Кузнецовой ощущается.

¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. СПб.: Изд. дом «Мир», 2009. С. 2.

² Normandy G. La fin de Maupassant. Paris, 1927.

³ Парижские новости. 1928. № 2783. 4 нояб. С. 2–3.

⁴ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 81.

Не исключено, что внутренним противодействием вкусам и приоритетам Бунина было продиктовано и решение Кузнецовой написать работу о Марии Башкирцевой. Об этом есть сведения в ноябрьских записях ее дневника, где она признается, что работа продвигается с трудом: «Пишу Башкирцеву страшно медленно. Ташусь, как сквозь бурелом» (запись от 12 ноября 1928 г.). Но все же в конце месяца ей удается закончить работу, отослать ее в парижскую газету «Последние дни» и получить от помощника редактора Игоря Платоновича Демидова подтверждение, что она принята: «В.Н. была весела, стоила планы, готовилась делать покупки – утром пришло извещение от Демидова, что ее фельетон принят. Получила письмо и я: “Башкирцеву получил. Очень хорошо и, конечно, пойдёт”» (запись от 26 ноября 1928 г.)¹. К сожалению, нам пока не удалось найти этот материал на страницах газеты, чтобы подтвердить свои догадки, но думается, что все же Кузнецову не могли не задеть соображения Бунина о Башкирцевой, которыми он, конечно же, с нею делился. А эти соображения были таковы: «Все говорит о своей удивительной красоте, а на портрете при этой книжке совсем нехороша. Противное и дурацкое впечатление производит ее надменно-вызывающий, холодно-царственный вид. Вспоминаю ее брата, в Полтаве, на террасе городского сада. Наглое и мрачное животное, в башке что-то варварски-римское. Снова думаю, что слава Б<ашкирцевой> (основанная ведь больше всего на этом дневнике) непомерно раздута. Снова очень непр<иятный> осадок от этого дневника. Письма ее к Мопас<сану> задирчивы, притязательны, неуверенны, несмотря на все ее самомнение, сбиваются из тона в тон, путаются и <в> конце концов пустяковы. Дневник просто скучен. Французская манера писать, книжно умствовать; и все – наряды, выезды, усиленное напоминание, что были такие-то и такие-то депутаты, графы и маркизы, самовосхваление и снова банальные мудрствования»². Позже, уже в 1942 г., он переменит свое мнение, записав, что финал дневника «примирил» его с автором и он даже готов признать, что у бедной девушки была «действ<ительно> несчастная судьба»³.

Значит ли это, что ранее он дневник не дочитывал до конца? Или не поинтересовался тем, что написала о Башкирцевой Кузнецова? Затрудняемся ответить на эти вопросы, но полагаем, что он не мог не прочитать ее статью об авторе знаменитого дневника. Также вероятно, что и обратился он спустя 15 лет к этому дневнику потому, что что-то уже тогда крепко засело в его сознании.

Кузнецова же приступила к написанию работы, предположим почти с уверенностью, потому, что хотела воспротивиться, во-первых, мнению Бунина о независимости и надменности Башкирцевой, поскольку косвенно чувствовала в этих словах упрек себе, так как сама пыталась, хоть и робко, но отстоять собственную независимость. А во-вторых, мэтр явно хотел принизить привлекательность Башкирцевой, что тоже не могло не задевать Кузнецову, так как в этом она могла видеть стремление отвлечь ее внимание от ее собственной наружности. И, наконец, в-третьих, в указании на неподобающий тон в письмах Башкирцевой к Мопассану она могла прочитать требование относиться к Бунину с особым почтением, «не задираться», не проявлять «самоменения».

¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 105.

² Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. Т. 1. Франкфурт-на-Майне, 1977. С. 156–157.

³ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. Т. 3. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 139.

То есть можно сделать предположение, что его замечания по отношению к Башкирцевой она принимала на свой счет. И если не могла сопротивляться в реальной жизни, то пробовала это делать через «литературный дискурс», что подтверждается и нарастанием ее недовольства характером Бунина, прорывающегося на страницах «Грасского дневника» и еще более заметного в повести «Художник».

Собственное мнение о художественных произведениях у Кузнецовой возникает крайне редко, чаще всего в тех случаях, когда книга действительно поразила ее. Таким стал для нее роман А.Н. Толстого «Петр I». 15 октября 1930 г. она записывает: «Ездили с И.А. в Ниццу. Подъезжать к ней, да еще солнечным утром, всегда приятно – какое-то особенно голубое и глубокое подле нее море, на котором особенно прелестна белая стая чаек, почему-то всегда собирающихся в одном месте, довольно далеко от берега (смело можно сказать, что подобная зоркость взгляда воспитана учителем: описание очень напоминает строки из «Господина из Сан-Франциско» о развлечении пассажиров парохода – стрелять по голубям, белыми комочками падающим в лазурное море. – В.И., М.М.). В автобусе говорили об “Алешке Толстом” и о его Петре I.

Мне книга, несмотря на какую-то беглость, дерзость и, как говорит И.А., лубочность, все же нравится. В первый раз я почувствовала дело Петра, которое прежде воспринимала каким-то головным образом. Нравится она и И.А., хотя он и осуждает лубочность и говорит, что Петра видит мало, зато прекрасен Меншиков и тонка и нежна прелестная Анна Монс. “Все-таки это остатки какой-то богатырской Руси, – говорил он о А.Н. Толстом. – Он ведь сам глубоко русский человек, в нем все это сидит. И, кроме того, большая способность ассимиляции с той средой, в которой он в данное время находится. Вот писал он свой холопский 1918 год и на время писания был против этих генералов. У него такая натура”»¹.

Данный пример демонстрирует противостояние мнений Бунина и Кузнецовой. Перед нами собственное мнение автора «Грасского дневника». По замечанию, приведенному вскользь, можно судить о том, что Бунин, как всегда, раскритиковал роман другого писателя, причем сделал это, имея в виду и личность автора. Кузнецова же, напротив, признает талантливость романа. Несовпадение суждений – это своеобразный бунт против учителя, попытка самостоятельного мышления. Причем очевиден различный масштаб восприятия: Бунин судит как художник, ему ценны образы, выписанность характеров. Кузнецову же волнует общий замысел, иными словами, идейная наполненность книги, историзм мышления Толстого.

Негативное восприятие Буниным творчества Ф.М. Достоевского общеизвестно. Но для Кузнецовой оно внове, поэтому она подробно записывает беседу, в которой участвуют Бунин, Вера Николаевна, Леонид Зуров и Николай Рошин (см. запись от 18 декабря 1930 г.). Кузнецова подробно передает перипетии возникшего спора. Но при этом не комментирует реплики участников, т. е. то, что говорит Бунин о Достоевском, ею открыто не поддерживается. Скорее, она присоединяется к насмешкам, которым подвергается Рошин, и ей нравится запальчивость, в атмосфере которой проходит обсуждение «Бесов».

Важное место в восприятии Кузнецовой книг занимает общение с их авторами. Можно сказать, что она учится у них твердости и смелости, которых ей самой не хватает. В записи от 25 июня 1927 г. Кузнецова передает свой разговор с Н.Н. Берберовой: «Когда показывали гостям дом, Берберова задержалась в моей комнате и стала расспрашивать о моих литературных делах, причем рассказала,

¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 202.

что ее рассказ принят в ноябрьскую книжку “Современных записок”, т. е. в ту же, где должны быть мои стихи – а другой будет в “Звене”, в ближайшем номере. <...> Еще раз я подивилась тому, какая у нее завидная твердость воли и уверенность в себе, которую она при всяком удобном случае высказывает»¹. Берберова как автор, безусловно, пользуется у Кузнецовой симпатией. Тем не менее в дневнике нигде не встречается упоминания о том, что ее произведения были прочитаны. И Берберова скорее воспринимается как старший товарищ, как советчик в области создания произведений и их публикации. Приводится отношение не к произведениям Берберовой, а к ней самой, причем это отношение несколько отстраненное. Важно и описание четы Ходасевичей. Если на литературном Олимпе Берберова и В.Ф. Ходасевич отделены друг от друга, то в сознании Кузнецовой они представляют собой единое целое, редко упоминаются по отдельности. Факт этот становится тем примечательнее, что чета Ходасевичей примерно в это время уже рассталась, а Кузнецова по-прежнему не отделяет их друг от друга.

Важную роль в формировании творческой индивидуальности Кузнецовой играют и французские авторы. О чтении биографии Мопассана уже упоминалось. Кузнецова явно интересуется литературой той страны, где она формируется как писательница. «Читали вслух новую книгу Морана “Париж – Томбукту”, – записывает она 8 декабря 1928 г. – И.А. в конце концов, прочтя страниц пятьдесят:

– И это все, что он мог сказать об Анатоле Франсе? И зачем он вообще пишет о таких пустяках? А еще талантливый! “У меня болит живот”, “А если соединить козу со свиньей, то получится то-то”, “А негры с женами поступают так-то”... Все это оттого, что он опустошенный. И вообще, до чего пала современная литература! Ведь это знаменитость на всю Европу! Подумайте! И все-таки он лучше вашего Моруа! Это хоть настоящее художество (хотя и фельетон). А там микроскоп и искусственность...”².

Из бунинской реплики мы можем заключить, что книги Моруа были известны в Грассе. И хотя это еще не были его знаменитые биографии писателей, однако он уже стал признанным мастером психологического анализа в литературе. Поэтому важно, что Бунин не принимает такого «мелочного» психологизма, противопоставляет ему «размашистость» Поля Морана. И опять-таки важно, что он из книги, которая является по жанру травелогом, вычленяет именно характеристику, которую автор дает крупному писателю. И она его не устраивает. И это тоже можно расценить как «обучающий маневр». Бунин знает, что Кузнецова ведет дневник, и ему небезразлично, как она его запечатлеет...

Подобный взгляд Бунина на современную литературу поражает именно своей критической интенцией. Очевидно, что французским авторам с Буниным не слишком везет, и то, что Кузнецова как бы вопреки его суждениям усиленно читает французов, говорит о том, что она хочет выработать свое собственное мнение. Но бунинский подход к современникам отражает в большей степени жесткие требования его к самому себе. У Кузнецовой нет такой точки отсчета, поэтому она более снисходительна в своих оценках.

Приведенные примеры далеко не исчерпывают круг чтения, который зафиксирован на страницах «Грасского дневника». Но даже такое краткое перечисление подсказывает, что проживающие на вилле Бельведер в первую очередь читали книги, которые рекомендовались Буниным, но иногда обитатели виллы проявляли и самостоятельность в выборе. Но их вкус и предпочтения оказывались не очень значимы для будущего нобелевского лауреата.

¹ Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 41–42.

² Кузнецова Г.Н. Грасский дневник. С. 106–107.

ЛИТЕРАТУРА

Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. СПб.: Изд. дом «Мир», 2009. 512 с.

Парижские новости. 1928. № 2783. 4 нояб. С. 2–3.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. Франкфурт-на-Майне, 1977–1982.

Normandy G. La fin de Maupassant. Paris, 1927. 248, [8] p.

REFERENCES

Kuznetsova G.N. (2009) Grass Diary / Ed. O.R. Demidova. St.-Petersburg. Publication House “Mir”. 512 p.

Parizhskie Novosti. 1928. No 2783. 4 November, pp. 2–3.

Bunins Speak. The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and Other Archival Materials: In 3 vols. Frankfurt am Main, 1977–1982.

Normandy G. La fin de Maupassant. Paris, 1927. 248, [8] p.

Сведения об авторах:

Ван Инь,
аспирантка
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Китай)

Wang Yin,
Postgraduate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
(China)

Мария Викторовна Михайлова,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhaylova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru

**TURNING THE PAGES OF THE GRASSE DIARY:
WHAT THEY READ AND DISCUSSED AT THE BELVEDERE VILLA**

К 250-летию Н.М. Карамзина и 225-летию князя П.А. Вяземского

Д.П. Ивинский

Пометы кн. П.А. Вяземского на полях «Писем русского путешественника»

Аннотация: В статье публикуются, датируются и сопровождаются кратким комментарием пометы П.А. Вяземского на полях второго тома трехтомного собрания сочинений Н.М. Карамзина, в который вошли «Письма русского путешественника».

Ключевые слова: Карамзин, Вяземский, А.С. Шишков, Руссо, Вольтер, Лозанна, Женева

Abstract: The article provides insights into the notes by count Pyotr Vyazemsky in the margins of “The Letters of the Russian Traveller” from the second volume of “Selected Works by Nikolay Karamzin”.

Key words: Karamzin, Vyazemsky, A. Shishkov, Rousseau, Voltaire, Lausanne, Genève

В открывающей 24-ю (по нумерации Н.П. Барсукова) записную книжку не-датированной заметке, посвященной Карамзину и его «Письмам русского путешественника», Вяземский писал: «Когда бываю за границей, беру всегда с собой *Письма* Карамзина и перечитываю многие из них с особенным наслаждением. Люблю отыскивать, угадывать следы его, разумеется, давно стертые с лица земли. Поколения сменили поколение, которое он застал и видел. Гостиницы исчезли. Все приняло новый вид» (Вяземский, 10: 176–177).

Публикуемые ниже пометы Вяземского на полях второго тома «смирдинского» издания сочинений Карамзина, в который вошли «Письма русского путешественника» (Карамзин 1848, 2), могут рассматриваться как иллюстрация к этому признанию, впрочем более или менее случайная и отнюдь не исчерпывающая заявленную Вяземским тему его путешествий с «Письмами...».

Этот том, находящийся ныне в ОР РГБ (ф. 63, оп. 1, ед. хр. 2), является, по-видимому, свидетельством нереализованного замысла, заключавшегося в создании развернутого комментария к «Письмам...», который отразил бы путевые впечатления самого Вяземского, соотнесенные с текстом Карамзина; иначе говоря, это должно было быть *путешествие* с книгой о *путешествии* в руках, сочетавшее литературу и жизнь в движении времени, так сильно изменившего европейскую жизнь со времен Карамзина.

О том, что такого рода замысел действительно существовал, свидетельствует проделанная со «смирдинским» томом подготовительная работа: в книгу были вплетены белые листы бумаги, обрезанные по формату тома, очевидным образом предназначенные для заметок по ходу чтения в пути.

Заметок этих, однако, оказалось немного: несколько подчеркиваний в тексте и отчеркиваний на полях и еще меньше текстовых маргиналий, всегда предельно лаконичных¹.

Ключевая проблема, связанная с пометами Вяземского на «Письмах...», конечно, их датировка. В томе, обсуждаемом здесь, нет никаких датирующих признаков (кроме, разумеется, даты цензурного разрешения: 21 мая 1847 г. и даты на титульном листе: 1848 [Карамзин 1848, 2: II–III]).

Но косвенные указания, которыми можно воспользоваться, имеются.

Во-первых, если действительно Вяземский читал «Письма...» в пути, он, скорее всего, должен был делать это, «координируя» собственные перемещения с маршрутом Карамзина; следовательно, естественно предположить, что страницы «Писем...», посвященные Лозанне, читались Вяземским в Лозанне, а женевские в Женеве. Принимая эту нехитрую логику, просматриваем его пометы на «Письмах...» с соответствующей точки зрения и получаем предполагаемый маршрут его: из Лозанны в Женеву.

Во-вторых, в заметке, печатаемой ниже под номером <22>, сообщается о том, что Вяземский читал у Карамзина о происшествии, случившемся в месте впадения Арвы (Арва, Arve) в Рону (Rhône), через несколько дней после того, как сам там побывал. Так мы получаем недвусмысленное подтверждение нашего предположения о синхронизации Вяземским чтения Карамзина и своих переездов, а вместе с тем и возможность точной датировки предпоследней пометы Вяземского. 1 / 13 июня 1859 г., на следующий день после приезда в Женеву, он записывал в своей дорожной «книжке»: «Вчера был в театре. Les pauvres de Paris. La canaille est honnête et les honnêtes gens sont de la canaille. Вот тема. Ездили вечером к месту, называемому la Jonction, где сливается Рон и Арва, но сохраняют свой цвет. Вот что должно быть с Польшею и Россиею. Не требовать, чтобы Польша уничтожалась пред Россиею, а довольствоваться тем, чтобы она слилась с нею и рядом текла. Прелестное местоположение» (Вяземский, 10: 226).

Итак, последние записи и пометы вносились Вяземским в книгу в первых числах июня 1859 г.

Установив это, мы можем определить нижнюю границу датировки. В Лозанну Вяземский прибыл 18 октября 1858 г., а во время пути читал «Письма...», о чем записал на следующий день: «18. Приехали в Лозанну. 19. Дорогою читал *Письма Русского Путешественника*» (Вяземский, 10: 213). Дополнительным аргументом в пользу такой датировки служит упоминание Вяземского о смерти Луи Левада, случившейся «лет за 20», а именно 2 августа 1839 г. (см. ниже текст под № <4> и примеч. к нему)².

Заметки и отметки Вяземского могут быть разделены на несколько групп, границы которых, конечно, не являются слишком жесткими. Первая: здесь фиксируются те реалии из числа упомянутых в «Письмах...», в существовании или исчезновении которых он решил убедиться (<2>, <3>, <4>, <6>, <8>, <11>, <14>, <17>; возможно, также <5>); только один раз Вяземский «опередил» Карамзина, явившись к месту соединения Арвы и Роны до того, как прочел о нем в «Письмах» (<22>). Вторую составляет все то, что касается лексики и фразеологии «Пи-

сем...» (<1>, <10>, <12>, <15>, <18>, <21>). Третья – полемические, уточняющие или оценочные замечания, отнюдь не свидетельствующие, конечно, о намерении Вяземского пересмотреть высокий культурный статус «Писем...»; одна касается года рождения Карамзина (<13>), другая – его оценки стихов Скюдери и границ возможностей Карамзина как поэта (<16>), последняя содержит апологетическую оценку мастерства его как рассказчика (<23>). Наконец, четвертая связана с темами Руссо и Женевской республики, а вместе с тем, прямо или косвенно, с занимавшим Вяземского непростым вопросом о соотношении «руссоизма» и «вольтерьянства» Карамзина (<9>, <10>, <14>, <17>, <18>, <19>, <20>).

* * *

Все публикуемые пометы сопровождаются указаниями на страницы печатного издания и листы по архивной нумерации; если приводится только последняя, это означает, что помета была сделана на вплетенном в книгу листе. Подчеркивания в тексте и отметки на полях делались, в основном, карандашом, все текстовые заметки – чернилами. Карандашные пометы на полях двух типов – вертикальные линии (ниже передаются словом *отчеркнуто*) и отметки крестиком (ниже передаются словом *отмечено*). Во всех случаях сначала дается текст Карамзина, затем, если имеется, – текст Вяземского, после межстрочного интервала.

<1>

Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? (с. 1, л. 22).

В 1-м издании было, кажется потребностью души моей. Шишков в Старом и новом слоге критиковал это выражение и говорил, что надобно было бы сказать вожделением, или что-то этому подобное³ (слова Жуковского о Шишкове⁴ и сравнение его с луженою посудой⁵) (с. XII, л. 21 об.).

<2>

Мне хотелось остановиться в трактире *Золотого льва*; но на стук мой отвечали так: tout est plein. Monsieur, tout est plein! (все занято, государь мой, все занято). Я постучался в другом трактире, à la Couronne, но и там отвечали мне: tout est plein. <...> C'est impertinent ça (это бесстыдно!) сказал мой заступник: «подите за мною в трактир *Оленя*, где вас верно примут» (с. 297–298, л. 242–242 об. против названий каждого из трех трактиров на полях сделана отметка карандашом).

<3>

Друзья мои! когда Судьба велит вам быть в Лозане, то взойдите на террасу кафедральной церкви, и вспомните, что несколько часов моей жизни протекло тут в удовольствии и тихой радости! (с. 299, л. 244; отчеркнуто на полях карандашом и чернилами)⁶.

<4>

У меня было письмо к Г. Леваду⁷ (Натуралисту и Автору разных пьес, напечатанных в сочинениях Лозанского Ученого Общества). Дом и сад мне очень полюбились; в последнем встречаются глазам Латинские, Французские и Английские надписи, выбранные из разных Поэтов (с. 299, л. 244; отмечено на полях вертикальной чертой карандашом и горизонтальной чернилами).

Принадлежит теперь Mr Bugnion⁸, банкиру наследнику Леваду, который умер в преклонной старости лет за 20. – Дом перестроен – и разумеется, все надписи исчезли (л. 243 об.).

<5>

<...> восходящее солнце осветило меня первыми лучами своими. Это утро было одним из лучших в моей жизни! (с. 300, л. 244 об.; отчеркнуто на полях карандашом).

<6>

Вместе с Гм. Левадом был я в Café littéraire, где можно читать Французские, Немецкие и Английские журналы (с. 300, л. 244 об.; отчеркнуто на полях карандашом).

<7>

Здесь поселился наш соотечественник, Граф Григорий Кирилович Разумовский, ученый Натуралист⁹ (с. 301, л. 246; отчеркнуто на полях карандашом).

<8>

Сию минуту пришел я из кафедральной церкви. Там из черного мрамора сооружен памятник Княгини Орловой, которая в цветущей молодости скончала дни свои в Лозане, в объятиях нежного, неутешного супруга (с. 301, л. 246; отчеркнуто на полях карандашом).

<9>

Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенными во мне сими предметами, зная как я люблю Руссо, и с каким удовольствием читал с вами его Элоизу! (с. 304, л. 248 об.; отчеркнуто на полях карандашом).

<10>

Кто будучи в Женевской Республике, не почтен за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из Писателей нашего века (с. 318, л. 261 об.).

Должность, что-то странно¹⁰ (л. 262).

<11>

Не помню, писал ли я к вам, чтобы вы адресовали письма свои à la grande rue № 17 (с. 324, л. 268 об.; подчеркнуто и отмечено карандашом на полях).

<12>

Уже волны Тунского озера помчали лодку на влажных хребтах своих – или, просто сказать, они плыли и начинали мало помалу разговаривать (с. 328, л. 272 об.).

«Волны качали лодку на влажных хребтах своих» – поэтическое и верное выражение¹¹ – здесь же изысканное, потому что за тем следует: или просто сказать (л. 273).

<13>

Ныне минуло мне двадцать три года! (с. 337, л. 283).

Кажется, после объяснилось, что это ошибочно, и что он был годом старше или моложе¹² (л. 282 об.).

<14>

В здешней маленькой Республике начинаются несогласия. Странные люди! живут в спокойствии, в довольстве, и все еще хотят чего-то! (с. 342, л. 287 об.; подчеркнуто и отчеркнуто на полях карандашом).

И до ныне все то же. Все еще бушует буря в стакане¹³ (л. 288).

<15>

Скоро сделалась страшная выюга, и белая тьма совсем лишила меня зрения (с. 359, л. 307; подчеркнуто и отмечено на полях карандашом).

<16>

Известный Скюдери сочинил тогда следующие стихи (поднесенные им самой сестре Танкредовой):

Olimpe, le pourrai-je dire,
Sans exciter votre courroux?
Le grand coeur que la France admire,
Sembloit déposer contre vous.
L'invincible Rohan, plus craint que le tonnerre,
*Vit finir ses jours à la guerre*¹⁴,
Et Tancrede a le même sort.
Cette conformité qui le couvre de gloire,
Force presque chacun à croire,
Que la belle Olimpe avoit tort,
Et que ce jeune Mars, si digne de mémoire,
Eut la naissance illustre, aussi bien que la mort. –

(с. 365, л. 313; стих, набранный курсивом, отмечен карандашом на полях).

Любопытное замечание – а между тем у Карамзина много найдется таких прозаических стихов¹⁵ (л. 313 об.).

<17>

Недавно был я на острове С. Петра, где величайший из писателей осьмого-на-десять века укрывался от злобы и предрассуждений человеческих, которые, как Фурии, гнали его из места в место (с. 366, л. 313 об.; отчеркнуто на полях карандашом и отмечено карандашом рядом на вpletенном л. 314).

<18>

В лодке лежал старец почтенного вида, в Азиатской одежде; взоры его, устремленные на небеса, показывали великую душу, глубокомыслие, приятную задумчивость (с. 367, л. 316; подчеркнуто карандашом).

Известно, что Ж.<ан>Ж.<ак> носил одежду в роде армянской. – Отчего же армянской?¹⁶ (л. 315 об.).

<19>

«<...>заклучите меня на сем острове, если вы думаете, что дыхание мое для вас ядовито! Но перестаньте гнать несчастного! Лишите меня дневного света, и

только в ночное время позвольте мне бедному вздохнуть на свежем воздухе!». Нет, слабый старец должен проститься с любезным своим островом – и после того говорят, что Руссо был мизантроп! Скажите, кто бы не сделался таким на его месте? Разве тот, кто никогда не любил человечества! (с. 368, л. 316 об.; весь этот текст отчеркнут на полях карандашом).

<20>

Видно, что Карамзин гораздо более сочувствовал Руссо нежели Вольтеру¹⁷ (л. 317).

<21>

Я сидел в задумчивости, и вдруг увидел молодого человека, который, нахлучив себе на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мне приближался; в руках была у него книга (с. 368, л. 316 об.; подчеркнуто и отмечено на полях карандашом).

нахлучив?¹⁸ – (л. 317).

<22>

Там, где дикая Арва сливается с зеленою Роною, прогуливались два чужестранца, и разговаривали о жизни человеческой. Быстро, быстро течет она! сказал один из них, взглянул на стремительную Рону, и увидел – несущееся тело; большой камень остановил его (с. 378, л. 326).

Вероятно то место, которым я на днях так любовался и которое зовут здесь la Jonction (л. 327).

<23>

Причина, для чего Аббат возненавидел жизнь, по сие время неизвестна (с. 279, л. 329; отмечено карандашом на полях).

Мастерски написанный рассказ (л. 328).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Другое дело, что не все европейские наблюдения Вяземского, связанные им с Карамзиным и его «Письмами...», нашли отражение в этих пометах; ср., напр., заметку, сделанную в записной книжке вскоре после отъезда из Лиона в 1858 г.: «После Карамзина в Лионе протекло много крови и воды. Ужасы революции, бунты при Луи-Филиппе, наводнения» (Вяземский, 10: 215).

² Между серединой октября 1858 и началом июня 1859 г. был еще целый ряд поездок: уже 23 октября Вяземский приехал в из Лозанны в Женеву, 11 ноября из Женевы приехал в Лион, 13 ноября – в Марсель, 18 ноября выехал в Ниццу, 20-го, пообедав в Каннах, к вечеру прибыл в Ниццу, где остался надолго, регулярно выбираясь в Канны, а также по одному разу в Геную и в Турин, 15 мая 1859 г. выехал, а 16-го приехал в Марсель, чтобы 18-го выехать из него и ночевать в Арле, а 19-го приехать в Авиньон; затем последовали Ним, Монпелье, опять Ним, затем Лион, из которого Вяземский вернулся в Женеву не позднее 31 мая / 12 июня (Вяземский, 10: 213–226).

³ Ср.: «Свойственно ли по-Русски говорить: потребность души моей, и можно ли путешествие называть потребностью, надобностью, или нуждою души? Если Сочинителю мало показалось сказать: когда я любил путешествовать, то мог бы он премногими другими сродными языку нашему оборотами речь сию выразить, как например: когда душа моя питалась, услаждалась путешествиями; или когда путешествие было единым

из вожделеннейших желаний моих, и тому подобными» (Шишков 1813: 171; в изд. 1824 г. данная рекомендация отсутствует, ср.: Шишков, 2: 143).

⁴ Установить, какое именно из многочисленных суждений Жуковского о Шишкове припомнилось в этом случае Вяземскому, не представляется возможным. Однако рискнем предположить, что Вяземский имел в виду ставшее ему известным и запомнившееся особо суждение Жуковского о Шишкове, высказанное еще в письме к А.И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.: «Шишкова почитаю суеверным, но умным раскольников в литературе; мнение его о языке то же, что религия раскольников, которые почитают священные книги более за то, что они старые, а старые ошибки предпочитают новым истинам, и тех, которые молятся не по старым книгам, называют богоотступниками» (Жуковский 1895: 63). Ср. в последней записной книжке Вяземского среди набросков 1876 г.: «Шишков был не столько консерватор, сколько старовер. Он мыслил и писал двуперстно...» (Вяземский, 10: 288). О Жуковском и Шишкове см., в частности: Канунова, Янушкевич 1978; ср. лаконичный опыт обсуждения некоторых аспектов эволюции отношения Вяземского к Шишкову: Киселева 2007: 139.

⁵ Это сравнение принадлежит И.А. Крылову, что засвидетельствовано самим Вяземским, ср.: «Крылов говорил о Шишкове, как литераторе: следовать примерам его не должно, а пользоваться иными критиками его может быть полезно. Крылов обычно одевал мысль свою обликом аполога. Шишков в этом отношении, продолжал он, похож на человека, который доказывал бы, как опасно употреблять недостаточно луженую кухонную посуду, и стал бы советовать чаще лудить ее суриком. Мы видим из общей истории, что встречаются преобразователи, к которым можно вполне применить аполог Крылова» (Вяземский, 8: 197; ср.: Вяземский 1963: 270; см. также: Крылов 1982: 180, 421–422). Шутка Крылова получила широкое распространение, ср. фрагмент о Мицкевиче в записках К.А. Полевого: «Он не мог без смеха вспомнить, например, что Крылов сказал ему о Шишкове: “У этого человека ум вот какой: можно иногда послушаться его, когда он не советует чего-нибудь; но боже сохрани делать то, что он советует!”» (Полевой 1934: 208–209; то же: Крылов 1982: 184).

⁶ В заметке о «Письмах русского путешественника» Вяземский приводит тот же фрагмент и прибавляет: «Я исполнил желание его» (Вяземский, 10: 176).

⁷ Имеется в виду Луи Левад (Levad, Louis), 14.3.1748 – 2.8.1839, фармацевт, член многих ученых обществ, один из основателей Общества физических наук Лозанны (Société des Sciences Physiques de Lausanne, 1783–1790), хорошо знакомый и сотрудничавший, в рамках деятельности этого общества, с гр. Г.К. Разумовским (см. ниже, № <7>). На периферии культурной памяти Лозанны зафиксирован факт приглашения Левада «к русскому двору» (Gazette de Lausanne et Journal Suisse. 1939. № 210. P. 2) в качестве медика, в 1774–1775 гг. пользовавшегося гр. В.Г. Орлова (1743–1831), директора Академии наук в 1766–1774 гг. С последним Карамзин был хорошо знаком, во всяком случае известно, что он входил в круг его постоянных посетителей с 1813 г. (Орлов-Давыдов 1878, 2: 219); если допустить возможность отнести начало их общения к более раннему времени и наличие ряда общих знакомых (небезынтересно, например, что домашним воспитателем сына Орлова Александра был И.И. Шварц, лекции которого Карамзин слушал в Московском университете) и принять во внимание апологетическое отношение Орлова к Карамзину-литератору, а также короткое знакомство Орлова с И.И. Дмитриевым (Иванчин-Писарев 1831: 195), то вполне закономерным окажется предположение о том, что именно Орлов снабдил Карамзина письмом к Леваду. Вяземский был знаком с сыном Орлова графом Владимиром Григорьевичем (1777–1826) (Вяземский, 9: 78–79; более точный текст: Вяземский 1963: 123–124; см. также: АБТ, 6, 33–34) и внуком Орлова, автором только что упомянутой книги о нем, В.П. Орловым-Давыдовым (1809–1882) (Вяземский, 10: 254; письма Орлова-Давыдова к Вяземскому: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2482). Во всяком случае семья Орловых была частью той среды, к которой принадлежали Карамзин и Вяземский; неслучайно последний отмечает ска-

занное первым о печальной судьбе гр. Е.Н. Орловой (1758–1781), жены гр. Г.Г. Орлова (1734–1783), скончавшейся в Лозанне (см. ниже, № <8>).

⁸ Имеется в виду Шарль-Жюст Буньен (Bugnion, Charles-Juste) (1811–1897), банкир и энтомолог, собравший обширную библиотеку по этой отрасли знания.

⁹ Гр. Г.К. Разумовский (1759–1837). О его жизни в Лозанне: Семейство Разумовских, 2: 174–184.

¹⁰ Так во всех прижизненных изданиях; слово «должность» в «Письмах...» встречается неоднократно (Карамзин 1987: 55, 65, 85, 109, 143, 157, 158 [текст, который цитирует Вяземский], 163, 198, 201, 292, 328, 382). Близкое соседство заметок, относящихся к фрагментам «Писем...», посвященным Руссо и Вольтеру, конечно не случайно: размышляя об отношении Карамзина к Руссо и Вольтеру, Вяземский очень хорошо понимал, что история борьбы Вольтера с Руссо отразила целый ряд существенных внутренних конфликтов в «идеологии просвещения», отнюдь не потерявших своего значения в XIX в. Показательно, что именно в той записной книжке 1858–1859 гг., которая отразила интересующий нас здесь сюжет путешествия с «Письмами...» в руках, тема Руссо принадлежит к числу существенных (см., в частности: Вяземский, 10: 224) и при этом смыкается с темой Вольтера: 2 июня 1859 г., на второй или третий день после приезда в Женеву, Вяземский отправляется в Ферней, а 3 июня пишет о статье о Вольтере (Вяземский, 10: 227), которая открывается только что приведенной цитатой из «Писем...», после чего Вяземский поясняет, чем именно заинтересовало его подчеркнутое им слово «должность»: «"Кто, будучи в Женевской республике, не почтет за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из писателей нашего века?"»

В этих словах Русского Путешественника поразило меня слово должность. Теперь сказали бы мы долг, или обязанность. Конечно, лестно самолюбию каждого писателя отыскать неправильное выражение в Карамзине, как всякому астроному отыскать пятнышко в солнце. Это доказывает, что глаза хороши и телескоп хорош. Но полно пятнышко ли это? С Карамзиным надобно быть осторожным, он слова употреблял не наугад. Может быть, выражение Карамзина и правильно, и в духе языка нашего. Долг и должность имеют не одно значение. «Отпусти нам долги наши!» Тут не заменишь слово долги словом должность, равно как и в смысле долга, не лежащего на должнике. Слово обязанность было бы ближе к делу. Теперь выражение должность приняло исключительно официальное и служебное значение.

Как бы то ни было, и я почел за приятную обязанность или должность побывать еще раз в Фернее» (Вяземский, 7: 52).

¹¹ Выражение это, в отдаленной русской языковой перспективе восходящее к письменным памятникам средневековья (Срезневский, 3: 1409), оказалось востребовано многими литераторами, в т.ч. В.Б. Броневским («Записки морского офицера» [1819]), М.Ю. Лермонтовым («Герой нашего времени» [1840]), И.А. Гончаровым («Два случая из морской жизни» [1858]), С.В. Максимовым («Белое море и его побережья» [1858]), М. Горьким («Челкаш» [1895]), А.А. Блоком («Поэзия заговоров и заклинаний» [1908]), О.Э. Мандельштамом («Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» [1935]) – и самим Вяземским («Ухабы. Обозы» из цикла «Зимние карикатуры» [1828]).

¹² В первых публикациях текста, о котором идет речь, фигурировали «двадцать четыре года» (см. подробнее: Карамзин 1987: 434), а исправление было внесено по распоряжению Карамзина в текст изд. 1814 г. (Карамзин 1814, 3: 256) и сохранено в изд. 1820 г., ставшим третьим и последним прижизненным (подробнее: Погодин 1866: 429). 1765 г. датировали рождение Карамзина Н.И. Греч (Греч 1822: 277) и особенно настойчиво М.А. Дмитриев (в т.ч.: Дмитриев 1869: 65–66).

¹³ Основные особенности общественной жизни Женевской республики Вяземский понимал, но интересовался ею мало. Ср., впрочем, в его записной книжке заметки от 4

ноября 1859 г. о некоторых ее эпизодах, вполне соответствующих его словам о «буре в стакане»: Вяземский, 10: 213–215.

¹⁴ Сей стих можно поставить в пример слабых и непитетических стихов (курсив и примечание Н.М. Карамзина).

¹⁵ Ср. в статье Вяземского «Стихотворения Карамзина» (1866): «Он был поэт по чувству, по краскам и нередко по содержанию стихотворений своих; но не по внешней отделке. Стихотворец в нем, так сказать, не по силам поэту» (Вяземский, 7: 148).

¹⁶ Описка Вяземского; должно быть: азиатской. Отметим, что между лл. 315 об. и 316 вложен листок бумаги, естественным образом не учтенный в архивной пагинации и представляющий собой часть листа обычной школьной тетрадки советского времени, на котором синими чернилами, выпускавшимися в 1950–1970-е гг., написано следующее (сохраняем особенности пунктуации): «Видимо Вяземский, второй раз написал “армянской” ошибочно. Предполагаю, что надо читать так: “известно, что Ж. Ж. носил одежду в роде армянской. – Отчего же «азиатской»?». Мы полностью согласны с нашим предшественником, оставшимся нам неизвестным.

¹⁷ Ср. о «любви» Карамзина к Руссо в записной книжке 1858 г.: «Нельзя в Женеве не думать о Руссо. Карамзин посвятил ему несколько красноречивых страниц в своих письмах. Не сочувствуя многим политическим и религиозным мнениям Руссо, Карамзин любил его и много имел с ним общего» (Вяземский, 10: 183–184).

¹⁸ Так во всех прижизненных изданиях, ср.: Карамзин, 4: 25; то же: Карамзин 1987: 182. Ср. другой фрагмент «Писем...» с таким же написанием этого слова: Карамзин, 2: 162 (в этом случае в изд. Карамзин 1987 «нахлудив» было исправлено на «нахлобучив»).

ЛИТЕРАТУРА

- АБТ – Архив братьев Тургеневых. Вып. 1–6. СПб., 1911–1921.
- Васильчиков – *Васильчиков А.А.* Семейство Разумовских. Т. 1–5. СПб., 1880–1894.
- Вяземский – *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 1–12. СПб., 1878–1896.
- Вяземский 1963 – *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. 508 с.
- Греч 1822 – [*Греч Н.И.*] Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. 328 с.
- Дмитриев 1869 – *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти / Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. М., 1869. 300 с.
- Жуковский 1895 – Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу / Издание «Русского архива» по подлинникам, хранящимся в Императорской публичной библиотеке. М., 1895. 322 с.
- Иванчин-Писарев 1831 – [*Иванчин-Писарев Н.Д.*] О Графе Владимире Григорьевиче Орлове // Литературная газета, 1831. № 24. С. 194–196.
- Канунова, Янушкевич 1978 – *Канунова Ф.З., Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский – читатель и критик А.С. Шишкова // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск, 1978. С. 105–123.
- Карамзин – *Карамзин Н.М.* Соч. Т. 1–8. М., 1803–1804.
- Карамзин 1814 – *Карамзин Н.М.* Соч. Т. 1–9. 2-е изд., исправленное и умноженное. М., 1814.
- Карамзин 1848 – *Карамзин Н.М.* Соч. Т. 1–3. СПб.: Издание Александра Смирдина, 1848.
- Карамзин 1987 – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1987. 717 с.

Киселева 2007 – *Киселева Л.Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 137–147.

Крылов 1982 – И.А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. 503 с.

Орлов-Давыдов – *Орлов-Давыдов В.П.* Биографический очерк Графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. 1–2. СПб., 1878.

Погодин 1866 – *Погодин М.П.* О годе рождения Карамзина: (К М.А. Дмитриеву) // Утро: Литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1866. С. 429–432.

Полевой 1934 – Николай Алексеевич Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов XIX века. Л., 1934. 540 с.

Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

Шишков – *Шишков А.С.* Собр. соч. и переводов. Ч. 1–17. СПб., 1818–1839.

Шишков 1813 – *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. СПб., 1813. 437 с.

REFERENCES

AbT – Turgenev Brothers' Archive. Iss. 1–6. St.-Petersburg. 1911–1921.

Vasilchikov – Vasilchikov A.A. The Razumovsky Family. Vols. 1–5. St.-Petersburg. 1880–1894.

Vyazemsky – Vyazemsky P.A. The Complete Works. Vols. 1–12. St.-Petersburg, 1878–1896.

Vyazemsky 1963 – Vyazemsky P.A. Notebooks (1813–1848). Moscow. 1963. 508 p.

Grech 1822 – [Grech N.I.] A Short History of Russian Literature. St.-Petersburg. 1822. 328 p.

Dmitriev 1869 – Dmitriev M.A. The Trifles from the Reserves of My Memory. 2nd ed. Moscow. 1869. 300 p.

Zhukovsky 1895 – V.A. Zhukovsky's Letters to Alexander Ivanovich Turgenev. Moscow. 1895. 322 p.

Ivanchin-Pisarev 1831– [Ivanchin-Pisarev N.D.] On Count Vladimir Grigorevich Orlov. *Literaturnaya Gazeta*. 1831. No 24, pp. 194–196.

Kanunova, Yanushkevich 1978 – Kanunova F.Z., Yanushkevich A.S. V.A. Zhukovsky as the Reader and the Critic of A.S. Shishkov. In: V.A. Zhukovsky Library at Tomsk. Part 1. Tomsk. 1978, pp. 105–123.

Karamzin – N.M. Karamzin. The Collected Works. Vols. 1–8. Moscow. 1803–1804.

Karamzin 1814 – Karamzin N.M. The Collected Works. 2nd ed. Vols. 1–9. Moscow. 1814.

Karamzin 1848 – Karamzin N.M. The Collected Works / Ed. by Alexander Smirdin. Vols. 1–3. St.-Petersburg. 1848.

Karamzin 1987 – Karamzin N.M. The Letters of the Russian Traveler. Leningrad. 1987. 717 p.

Kiseleva 2007 – Kiseleva L.N. Dialogue of Vyazemsky and Zhukovsky on Holy Russia. In: «On the Boundary between the Voice and Echo»: Collection of articles in honor of Tatyana Vladimirovna Tsivyan. Moscow. 2007, pp. 137–147.

Krylov 1982 – I.A. Krylov in the Memoirs of his Contemporaries. Moscow. 1982. 503 p.

Orlov-Davydov – Orlov-Davydov V.P. A Biographical Sketch on Count Vladimir Grigoryevich Orlov. Vols. 1–2. St.-Petersburg. 1878.

Pogodin 1866 – Pogodin M.P. The Year of Karamzin's Birth: (To M.A. Dmitriev). In: Utro: The Literary and Political Collection Published by M. Pogodin. Moscow. 1866, pp. 429–432.

Polevoy 1934 – Nikolay Alekseevich Polevoy. Materials on the History of Russian Literature and Journalism of the 1830's. Leningrad. 1934. 540 p.

Sreznevsky – Sreznevsky I.I. Written Records-based Materials for the Old Russian Dictionary. Vols. 1–3. St.-Petersburg, 1893–1912.

Shishkov – Shishkov A.S. The Collected Works and Translations. Parts 1–17. St.-Petersburg, 1818–1839.

Shishkov 1813 – On the Old and New Style of the Russian Language. St.-Petersburg. 1813. 437 p.

Сведения об авторе:
Дмитрий Павлович Ивинский,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Dmitry P. Ivinsky,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dmitrij_ivinskij@mail.ru

**COUNT PYOTR VYAZEMSKY'S MARGINALIA
ON "THE LETTERS OF THE RUSSIAN TRAVELLER" BY N.M. KARAMZIN**

А. Вранеш

Фотијев *Myriobiblon* – извориште библиографије

Анстракт: Ученост и свестраност зналаца књиге, спојени са свешћу о потреби упознавања уметничких и научних остварења народа, условљавају настанак библиографије у византијско доба, оличен у Фотијевом делу *Bibliotheca* или *Myriobiblon*. *Bibliotheca* представља преглед 280 дела класичних аутора, укључујући и духовне хришћанске, и световне – историјске, филозофске, реторичке, медицинске, граматичке, прозне књижевне текстове, док је поезија потпуно запостављена. Свака библиографија у историјској перспективи открива зачињање свести о важности сопственог народа кроз бележење података о његовој духовној баштини. Након Фотија задуго није привлачила интересовање науци и просвећивању наклоњених појединаца, те се у у Европи укоренила тек у средњем веку, почивајући пре свега на верским критеријумима, учврстила у време Француске револуције и широко разгранала током 19. века. Рад је посвећен анализи Фотијевог *Myriobiblon*-а и његовом значају за развој библиографије.

Кључне речи: Фотије, *Myriobiblon*, *Bibliotheca*, библиографија

Анотација: Интерес к составлению библиографии в византийскую эпоху (*Bibliotheca*, или *Myriobiblion*, Фотия) был обусловлен возросшим уровнем образования и желанием познакомить современников с важнейшими художественными и научными достижениями. «*Bibliotheca*» представляет собой обзор 280 произведений классических авторов древности, включая тексты как духовного, так и светского содержания: исторические, философские, сочинения по риторике, медицине, грамматике – при полном отсутствии поэтических текстов. Любая библиография, рассматриваемая в исторической перспективе, раскрывает самосознание народа, его представление о собственной значимости, проявляющееся в стремлении зафиксировать свои знания о культурном наследии. В Европе библиографии стали составлять лишь в Средние века, причем руководствовались религиозными критериями; больше внимания библиографиям стали уделять во времена Французской революции, а широкое развитие она получила в XIX веке. В статье анализируется *Myriobiblion* Фотия и определяется его значения для становления и развития библиографии как отдельной отрасли знания.

Ключевые слова: Фотий, *Myriobiblion*, *Bibliotheca*, библиография

Abstract: The interest in making bibliographies in the Byzantine age, and Photius' *Bibliotheca*, or *Myriobiblon* as a striking example, can be attributed to the higher literacy rate of the people and a desire to introduce them to the most important artistic and scientific accomplishments of the time. *Bibliotheca* has overviews of 280 works by ancient classics, including religious and mundane texts on history, philosophy, rhetoric, medicine, and grammar, all except poetry. A bibliography studied through the historical perspective may show the national identity and consciousness manifested by the longing to hail the culture and wish to pass it on to new generations. In Europe bibliographies started to emerge only in the Middle Ages, and bibliographers normally adhered to the religious criterion. The French Revolution sparked further interest in bibliographies, and the 19th century made them widespread. The article discusses the role of Photius' *Myriobiblon* in the rise of bibliography as a field of knowledge.

Key words: Photius, *Myriobiblon*, *Bibliotheca*, bibliography

Ученост и свестраност зналаца књиге, спојени са свешћу о потреби упознавања уметничких и научних остварења, условљавају настанак библиографије у византијско доба, оличен у Фотијевом делу *Bibliotheca* или *Myriobiblon*. *Bibliotheca* представља преглед 279 дела класичних аутора, укључујући и духовне хришћанске, и световне – историјске, филозофске, реторичке, медицинске, граматичке, прозне књижевне текстове, док су поезија и филозофија скоро потпуно запостављене. О многим од њих данас сведоче управо ови библиографско-књижевно-критичко-историјско-енциклопедијске записи.

Библиографија је зачета у 5. веку пре наше ере, као поступак писања или преписивања књига. У складу са тим библиограф је био писац или преписивач књига. Након Фотија¹ библиографија задуго није привлачила интересовање науци и просвећивању наклоњених појединаца, те се у у Европи укоренила тек у средњем веку, почивајући пре свега на верским критеријумима. Поступак преписивања замењен је у 17. веку поступком описивања књига. Секретар и библиотекар француског кардинала Мазарена, Габријел Ноде, издаје попис политичких књига *Bibliographia politica* (1633) и *Bibliographia militaris* (1637), а његов ученик кармелићански свештеник Луј Жакоб де Сен Шарл дела *Bibliographia Parisina* (1645–1651) и *Bibliographia Gallica Universalis* (1646–1654), и у 18. веку, који својим библиографским делањем обележава Гијом Франсоа де Бир пописом ретких књига *Bibliographie instructive I–VII* (1763–1768, допуњено 1769–1782), био је епохално нов и суштински се супротстављао схватању библиографије као преписивачке делатности. Ваља нагласити да чувена енциклопедија Дидроа и Даламбера (1751) уопште не садржи појам библиографија, већ само термин библиограф који означава лице верзирано у познавању и

¹ Фотије (Greek: Φώτιος, *Phōtios*) (с. 820 – 6. фебруара 893) патријарх у Константинопољу од 858 до 867 и поново од 877 до 886. Проглашен за свеца у источној православној цркви. Рођачка линија води ка патријарху Тарасију, царици Теодори и патријарху Јовану VII Граматикосу. За време иконокластичких сукоба Фотије је у егзилу са родитељима. У време царице Теодоре предавао је граматику, реторику, филозофију и теологију. Захваљујући женидби свога брата са царичином сестром, Фотије је постао капетан гарде, а потом и главни краљевски секретар, након чега је вероватно и почео да саставља Миробиблион. Фотије је у својој духовној каријери инсистирао на јурисдикцији Византијске патријаршије. За њега се везује легенда о Девици Марији и Руско-византијском рату 860. године, као и расламсавање филиокластичког сукоба са католичком црквом. Смена Фотијаа и Игнација на патријаршијском трону није значила битну промену политике коју је Фотије зацртао, те је након Игнацијеове смрти његов повратак на трон био природна полседела текуће политике. Његове вештине и универзално знање препознавани су и у католичкој и у православној цркви.

дешифровању рукописа. Утилитарност библиографије никада није била оспоравана особина, па ипак је најнаглашенија код Камија и Еберта. Ками се седамдесетих година 18. века залагао да библиографија треба да служи прогресу науке и да омогући писцима да из библиотека извуку максималну корист. Фридрих Адолф Еберт, мада је библиографију ускогрудо видео само као зборник докумената за историју књижевности, ипак је истицао њену вредност и поузданост као мерила степена књижне културе и стваралаштва, делећи је на чисту библиографију, која проучава књиге као производ духовне културе и тежи обухватности, и примењену библиографију, за коју су књиге производ материјалне културе и предмет проучавања у складу са потребама сабирача. Библиографија се учврстила у време Француске револуције и широко разгранала током 19. века. Године 1885. Бертло Марслен у Великој француској енциклопедији уводи појам библиографије као науке о књигама са гледишта њиховог описивања и класификације. Дакле, још је 18. век библиографијом обједињавао сва теоретска, историјска, каталожка и меркантилна бављења књигом, што је овај појам изједначавало са библиологијом, науком о књизи.

Свака библиографија у историјској перспективи открива зачињање свести о важности сопственог народа кроз бележење података о његовој духовној баштини. Библиографија почива на принципима тачности, доследности и објективности, али је она у неким својим подврстама, нарочито у рекомандираној библиографији, сачувала могућност саопштавања личног утиска и препоруке. Библиографија је своју чврсту структуру, карактеристике и систематизацију развила тек у двадесетом веку.

Да ли је Миробиблион енциклопедија, књижевна историја или библиографија?

Енциклопедијска јединица представља преглед сажетих проверених, дакле научних чињеница, документованих библиографским и архивским референцама. Њена намена је да информише тачно, с пуном поузданошћу, без субјективности у закључивању.

Многе особине које су данас неодвојиве од библиографије и енциклопедистике не могу се препознати у Фотијевом Миробиблиону. Међутим, дело судимо из перспективе тада досегнутих теоријских спознаја, међу којима још не можемо говорити ни о библиографији, ни о енциклопедистици.

Библиотека¹, у чијим се уводним и завршним белешкама Фотије директно обраћа своме брату Тарасиусу шаљући му сажетке и оцене књига које је прочитао од своје младости до пре постављења на дужност на двор Абасида у Багдаду, од стране појединих истраживача била је сматрана компилацијом насталом у Багдаду. Тај закључак потпору има у реченици да је ангажовао секретара како би све сажетке сакупио. Неприхватљивост овог тумачења проистиче из чињенице да сам Фотије јасно брату ставља до знања када је књиге прочитао и да му сажетке о њима доставља у намери да му олакша њихово раздвајање и да га едукује, макар и недоследно и несистематично. Пола Лемерл је установио и да Фотију књиге које је у своме делу описао нису у Багдаду могле бити доступне, јер се династија Абасида није интересовала за историјске, књижевне, реторичке и граматичке радове, већ само за науку, медицину и филозофију. Уводне и закључне напомене и Томас Хаг назива библиографским, а саме описе сматра резултатом непосредног сећања по завршетку читања, у којима превлађује предметни уместо хронолошког принципа, где искључиво његова интересовања за литературу утичу на селекцију грађе. На чињеницу да је штиво више библиографско него књижевно-историјско

¹ Текст Библиотеке транскрибовао је на енглески Роџер Пирс (Roger Pearse), Ипсвич, ВБ, 3.07. 2002.

наводи недостатак препричавања моралистичких пасажа, компресија обимних тематских блокова и «изостављање митолошких, географских, стратешких, или анегдотских материјала, уз свесно задржавање историјских чињеница» (Хаг, 50). Такође, биографски пасажи су, по свој прилици, преузимани из других извора, али су критичке оцене оригиналне и значајно стилски обликоване хришћанским етичким вредностима.

А сажеци ће бити, објашњава Фотије даље брату, постављени у редослед како их његово сећање призива. Он познаје могућност предметног распореда и успостављања система предметних одредница за историјске догађаје и оне који се баве различитим питањима, али не сматра да би се тиме нешто значајно постигло. Ради тога своја запажања о књигама записује како их се сећа, тим редоследом и без подсећања на њихову садржину, већ понекад са недовољном поузданошћу. У библиографији оба поменута принципа равномерно и потпуно оправдано могу бити заступљена. Али, примењујући овај други принцип, кога у Библиотеци не можемо назвати хронолошким, већ хронологијом сећања, Фотије уводи делимично алфаветски принцип, који не подразумева апсолутни алфаветски распоред, већ да су сва дела једног аутора побројана засебно, једно за другим, увек са навођењем имена писца на првом месту. За библиографију је потребно постојање свести о доследној примени једног принципа. И свести о њеној корисности: да подсети на прочитано, да подстакне жељу за интелигентним истраживачким читањем. Сваки запис почиње речју прочитај, убедљиво, сугестивно, доследно. И сваки садржи све релевантне податке којих се Фотије о књигама сећа: наслов, аутора, приређивача, број томова, податак о посвети. Вишетомна дела описана су оквиру, сад већ слободније можемо да кажемо, аналитичке прегледне и анотиране библиографске јединице. Представљајући лексикографске резултате, Фотије обавезно читаоцу скреће пажњу на који начин је грађа сложена. Има и обичај да дела која се хронолошки настављају једна на друго, мада различитих аутора, постави у директан наследни поредак, као што су Еузебијусова и Сократова Еклезијастичка историја.

Систематичан и образован, Фотије је, закључивали су најчешће истраживачи, саставио специјалне речнике литературе, откривши наново свет античке књижевности, промовишући идеју критичког читања. До данас Мировиблион је остао јединствен рад средњовековне византијске литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Cavarnos, Constantine. *St. Photios the Great: Philosopher and Theologian*. Belmont, Mass: Institute for Byzantine and Modern Greek Studies, 1998. 84 p.

Papademetriou, George C. *Photian Studies*. Brookline, Mass: Holy Cross Orthodox Press, 1989. 80 p.

Photius, and Nigel Guy Wilson. *The Bibliotheca*. London: Duckworth, 1994. vii, 264 p.

Simeonova, Liljana. *Diplomacy of the Letter and the Cross: Photios, Bulgaria and the Papacy, 860s-880s*. Classical and Byzantine monographs, 41. Amsterdam: Hakkert, 1998. vii + 434 p.

Whelton, Michael. *Popes and Patriarchs: An Orthodox Perspective on Roman Catholic Claims*. Ben Lomond, Calif: Conciliar Press, 2006. 177 p.

Сведения об авторе:
др Александра Вранеш,
ред. проф.

Филолошки факултет
Универзитет у Београду

Александра Вранеш,
доктор филологије
професор
филозофски факултет
Београдски универзитет

Alexandra Vranesh,
Doctor Philology
Professor
Faculty of Philosophy
Belgrade University
aleksandra.vranes@gmail.com

PHOTIUS' MYRIOBIBLON: THE ROOTS OF BIBLIOGRAPHY

Г.А. Филатова

**Способы передачи оценочных смыслов
для выражения отношения к действию
(на материале романа Р. Желязны «Ночь в одиноком октябре»
и его русских переводов)**

Аннотация: В работе рассматриваются способы передачи оценочных смыслов для выражения отношения к действию. Материалом исследования является роман Р. Желязны «A Night in The Lonesome October» и его русские переводы. Повествователь в романе является одним из героев, но при этом активно размышляет над происходящими событиями и делится своими наблюдениями с читателями. Указанные особенности текста обуславливают субъективность повествователя и его пристрастность в суждениях и оценках.

Для выражения оценки в романе используется целый комплекс лингвистических средств. В тексте регулярно встречается оценочно окрашенная лексика и оценочные высказывания. Ядром комплекса являются качественные прилагательные и образованные от них наречия, а также глаголы с оценочной семантикой.

Переводной текст является репрезентативным материалом для подобного исследования, так как переводчики могут передавать смысл оригинала совершенно разными способами, кроме того, интенсивность оценки и вообще ее наличие или отсутствие может варьироваться по сравнению с оригиналом. Сопоставление разных русских переводов, с одной стороны, позволяет лучше понять природу оценочных суждений, а с другой – дает возможность объяснить разницу между восприятием разных переводов через лингвистическое обоснование.

Ключевые слова: оценочные смыслы, сопоставительный анализ, переводной текст, фантастическое повествование, фактор адресата

Abstract: This article is concerned with the analysis of linguistic tools that transfer evaluative meanings in phrases with names of acts. The illustrative examples of it are the novel by R. Zelazny “A Night in The Lonesome October” and its Russian translations. The narrator is also one of the heroes, but he values behavior and results of actions and often communicates with readers. There are means that define the attitude of narrator and help to provide readers with a specific impression.

The functional complex of such means include, for example, evaluative judgements and evaluative lexis. The centre of this complex is composed with the qualitative adjectives.

tives and adverbs, and also the verbs with evaluative semantics. The research is focused on cases of using such means and their realizations in translations.

Key words: evaluative meanings, comparative analysis, factor of addressee, fantastic narration, translation studies

Желание передать эмоции, впечатления, вызвать у читателя определенные ощущения и сформировать адекватную интерпретацию ситуации приводит автора к необходимости использовать различные выразительные средства. Это позволяет добиться ощущения непосредственного взаимодействия участников коммуникации. Для увеличения непринужденности разговора автор и переводчики используют языковые средства, помогающие воссоздать ситуацию речевого акта и языковую реакцию на нее.

В данной статье рассматриваются способы передачи оценочных смыслов для выражения отношения к действию как средство создания определенного впечатления у читателя. Материал исследования – роман Р. Желязны «A Night in the Lonesome October» и его русскоязычные переводы, выполненные Н.Х. Ибрагимовой («Ночь в тоскливом октябре») и А.В. Жикаренцевым («Ночь в одиноком октябре»).

Прежде чем приступить к анализу конкретных языковых средств и их функций, необходимо сделать несколько замечаний о сюжете и структуре романа.

В центре романа находится Игра – противостояние между двумя силами. Участники Игры не обычные люди и обладают своеобразными способностями, кроме того, у каждого из них есть разумное животное-спутник.

В романе присутствует ряд сюжетно равноправных персонажей, однако повествование ведется от лица одного из животных. Воспринимающим и повествующим сознанием в тексте наделен пес, точнее, демон в обличье собаки. Его комментарии относительно окружающей действительности сочетают в себе непосредственное восприятие собаки и сознательную рефлекссию человеческого сознания. Та же двойственность свойственна всем остальным животным.

Важным аспектом является форма повествования. Роман написан в виде дневника, и это позволяет повествователю казаться максимально естественным и правдоподобным: предполагается, что если это пишется «для себя», то это правда. Этим обуславливается высокая субъективность повествователя, которая приводит к тому, что роман насыщен оценочными высказываниями и эмоциональными показателями. Рассмотрим лингвистические способы выражения этих единиц.

Под оценкой в лингвистике обычно понимается вербально выраженный результат оценочной деятельности, т. е. «закрепленное в высказывании или элементах речевой системы отношение говорящего к предмету речи с точки зрения противопоставления положительное / отрицательное»¹. Это конвенциональные представления о мире и об отношениях предметов в нем². Несоответствие предлагаемой аксиологической идеи типичным представлениям привлекает внимание, заставляет адресата сообщения уловить отклонения от общепринятой ценностной нормы.

В силу своей субъективности повествователь регулярно использует оценочно окрашенную лексику и оценочные высказывания для выражения своего отношения, комментирования или трансляции читателю каких-либо положений, которые кажутся ему заслуживающими внимания. Наиболее часто в романе оцениваются действия, свои и чужие, поэтому в нашем исследовании мы сосредоточимся

¹ Гаджимурадова Б.Н. Некоторые особенности выражения оценки в художественном тексте // Текст. Структура и семантика. Т. 2. М., 2005. С. 274.

² Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002. С. 22–26.

именно на них. Действия или их результаты редко оцениваются по шкале «хорошо – плохо», что может быть связано с позицией говорящего, который в целом не склонен однобоко оценивать ситуацию.

Комплекс средств для передачи оценочных смыслов неоднороден, поскольку оценка может выражаться как одним словом, так и словосочетанием, и даже целым предложением. Таким образом, для выражения оценки или отношения к чему-либо в романе используется целый комплекс лингвистических средств. Ядром оценочных суждений являются прилагательные, образованные от них наречия и прямые номинации. Кроме того, оценочный компонент может быть включен в глагольную лексику, и в этом случае большое значение приобретает выбор конкретного слова при переводе оригинальной фразы.

Также оценка выражается с помощью сравнительных и описательных оборотов. Известно, что ассоциативное мышление эффективно работает только тогда, когда читатель имеет «предшествующий опыт восприятия вводимого для сравнения элемента», когда у него есть «определенные впечатления, а иногда даже эмоции и оценки, им вызванные»¹.

Перейдем к рассмотрению конкретных примеров.

R. Zelazny	Н. Ибрагимова	А. Жикаренцев
Graymalk descended at the corner and returned. «Nice try,» I said. «No, it wasn't. I was clumsy . She was fast. Damn.»	Серая Метелка спустилась с угла и вернулась ко мне. – Прекрасная попытка , – сказал я. – Нет. Я действовала неуклюже . Она оказалась проворней. Проклятье.	Серая Дымка спустилась по водосточной трубе и подошла ко мне. – Неплохая попытка , – одобрил я. – Да ну. Я была неуклюжа . Она быстро отреагировала. Черт!

В данном случае оценка дается эксплицитно с разной степенью положительной семантики. В версии Ибрагимовой *прекрасная попытка* указывает, что второй персонаж сделал всё наилучшим образом; в таком случае возникает оксюморон между этой оценкой, смыслом слова «попытка» и итогом действия персонажа – ничего не получилось. Версия Жикаренцева *неплохая* отражает реальную картину, а меньшая интенсивность признака по сравнению с другим переводом компенсируется обозначением локутивного акта с положительной семантикой – *одобрил*. Ответ второго персонажа содержит негативную оценку своих действий и несмотря на разное выражение (обстоятельство – именная часть сказуемого), имеет одинаковый смысл.

R. Zelazny	Н. Ибрагимова	А. Жикаренцев
«What should we do?» «Could you follow Needle back to the Count's place?» «Bats are damnablely erratic .» «I couldn't do it.	– Что будем делать? – Ты можешь проследить за Иглой до дома Графа? – Летучие мыши чертовски беспорядочно летают. – А мне это и подавно не удастся.	– И что нам теперь делать? – Ты не мог бы проследить Игла до прибежища Графа? – Летучие мыши чертовски ловки . – У меня-то вообще ничего не получится.

¹ Уржа А.В. Перцептивизация как элемент переводческой тактики // Гуманитарный вектор. 2014. № 4(40). С. 57–62.

По данному примеру хорошо видно, что интенсификатор *чертовски* ведет себя как энантиосемичный элемент и может использоваться как для положительной, так и для негативной оценки. В переводе Ибрагимовой усиливается негативная оценка, так как само наречие *беспорядочно* несет семантику отклонения от нормы. В переводе Жикаренцева, напротив, усиливается положительная оценка ловкости (хотя для сюжета данное качество летучих мышей скорее помеха).

R. Zelazny	Н. Ибрагимова	А. Жикаренцев
As I watched the Thing from the Circle finally fall, following a masterful upstroke , I turned my stronger emotions toward the perpetrator of the onslaught which had caused their release.	Наблюдая за тем, как после мастерского удара снизу Тварь из Круга наконец пала, я с гораздо более сильным чувством подумал о виновнике нападения, которое явилось причиной освобождения этих Тварей.	Мастерский выпад – и Тварь-из-Круга наконец рухнула на пол. Я же тем временем от всей души клял виновника грозы, явившегося непосредственной причиной того, что Твари вырвались на свободу.

Оценка дается конкретному действию, а разница в переводах заключается в способе выражения. В версии Жикаренцева данная часть предложения неизосемична, поскольку акциональное значение выражается неглагольной конструкцией. Девербатив передает динамику события (резкое движение) и помогает создать репродуктивное восприятие события у читателя. Оценка выражается эксплицитно эпитетом *мастерский*, который передает одобрительное и уважительное отношение повествователя к искусству ведения боя своего хозяина. В переводе Ибрагимовой девербатив **удар** является свернутой пропозицией, но при этом не оформляется как часть сложного предложения и поэтому не увеличивает динамику повествования, а даже, скорее, наоборот – переводит предложение в информативный регистр (этому также способствует модусная рамка предложения – *наблюдая за тем* [действием], *я подумал...*).

Перевод Жикаренцева во второй части фрагмента содержит экспрессивную характеристику локутивного акта – *клял*, которая передает больше эмоционального напряжения, чем *с сильным чувством подумал*.

R. Zelazny	Н. Ибрагимова	А. Жикаренцев
I yawned in the rude way dogs sometimes do .	Я грубо зевнул, как это иногда делают собаки.	Я довольно грубо зевнул – так зевать умеют только собаки .

Данное действие персонажа – это его попытка изобразить обычную неговорящую собаку в ответ на просьбу другого героя. Оценка действия связана с обобщением, отсылающим к читательскому опыту. Предполагается, что все читатели знают, что намеренный зевок во время диалога означает, что собеседнику разговор наскучил и человек хочет, чтобы другие об этом знали. Повествователь зевает, позволяя интерпретировать это в двух смыслах: как физиологическое действие собаки, которая не понимает человеческой речи, и как нежелание одного из собеседников коммуницировать с другим.

В обоих переводах оценка поведения выражена эксплицитно и проецируется на поведение человека. Поэтому наречие *грубо* применяется вполне оправданно. В переводе Ибрагимовой указана типичность, но не обыденность такого действия (*иногда делают*). В переводе Жикаренцева нет указаний на частоту, но само действие признается доступным только собакам.

R. Zelazny	Н. Ибрагимова	А. Жикаренцев
This morning, I learned from Larry that Mrs. Enderby had run off to town as soon as word of Rastov's death became current. Later in the day, the Great Detective had shown up to view the remains and the premises.	Сегодня утром узнал от Ларри, что миссис Эндерби сбежала в город, как только пронесся слух о смерти Растова. Позже, днем, появился Великий Детектив и осмотрел останки и дом.	Утром от Ларри я узнал, что, как только по округе разнеслась весть о смерти Растова, миссис Эндерби срочно подалась в город. Чуть позже, этим же днем, объявился Великий Сыщик, чтобы осмотреть останки и поискать улики.

Миссис Эндерби и Великий Сыщик – одно и то же лицо, но знают об этом только главный герой и читатель. Ироническое отношение повествователя к перевоплощениям другого персонажа подчеркивается выбором глагола с определенным стилистическим оттенком. Разница в подборе лексем может быть довольно тонкой, но, становясь переводческой стратегией, значительно влияет на понимание произведения и восприятие читателя.

Таким образом, оценка действий имеет большое значение для выражения мнения повествователя и указания читателю на эти суждения. Важно отметить, что оценка поступка или результата действия не сводится к аксиологическим полюсам «хорошо – плохо». Спектр оценивания в романе чрезвычайно широк, чему в том числе способствуют иронический подтекст и черный юмор.

Большинство оценочных суждений – объективные, т. е. относятся к свойствам самого предмета или ситуации, одновременно указывая на отношение повествователя к этим фактам. Расхождения в переводах связаны с выделением тех аспектов, которые подвергаются оцениванию.

Что касается разницы между переводами, то видно, что А.В. Жикаренцев чаще использует не нейтральные стилистические средства для достижения большей выразительности и придания тексту иллюзии ведения беседы с читателем. В его тексте больше глаголов с оценочно-экспрессивной семантикой. Кроме того, в переводе А.В. Жикаренцева чаще встречаются конструкции со значением категоричности. Перевод Н.Х. Ибрагимовой, напротив, во многих случаях более близок к оригиналу по своему формальному и семантико-синтаксическому строению.

ЛИТЕРАТУРА

- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002. 280 с.
- Гаджимурадова Б.Н. Некоторые особенности выражения оценки в художественном тексте // Текст. Структура и семантика. Т. 2. М., 2005. С. 274–276.
- Уржа А.В. Перцептивизация как элемент переводческой тактики // Гуманитарный вектор. 2014. № 4(40). С. 57–62.

REFERENCES

- Wolf E.M. (2002) The Functional Semantics of Evaluation. Moscow. 280 p.
- Gadzhimuradova B.N. Some Special Aspects of Expressing the Evaluation in the Literary Text. In: Text. Structure and Semantics. Vol. 2. Moscow. 2005, pp. 274–276.
- Urzha A.V. Perceptivization as the Feature of Translator's Tactics. *Gumanitarny Vector*. 2014. No 4(40), pp. 57–62.

Сведения об авторе:
Ганна Алексеевна Филатова,
магистрант
кафедра русского языка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ganna Filatova,
Graduate Student
Department of Russian Language
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
gphilatova@gmail.com

**THE MEANS OF TRANSFERRING THE EVALUATIVE MEANINGS
FOR EXPRESSING THE ATTITUDE TO ACTIONS
(IN TERMS OF THE NOVEL BY R. ZELAZNY «A NIGHT IN THE LONESOME
OCTOBER» AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS)**

А.В. Филатов

Творчество Н.С. Гумилева в аспекте мифопоэтики: исследовательские тенденции и перспективы

Аннотация: Статья представляет собой обзор векторов научной мысли в области исследования мифопоэтики Н.С. Гумилева. Символизм оказал решающее влияние на творчество и мифотворчество поэта, в том числе и после его перехода к акмеизму. Различные исследователи обращаются к анализу религиозных, оккультных, античных, историко-культурных и литературных мифов и мифологем в произведениях Гумилева. На примере библейского образа Адама доказывается, что наиболее оптимальным является комплексный анализ мифопоэтики Гумилева, учитывающий ее полигенетический характер. Перспективным направлением в этой области признается изучение мифотворческой концепции Гумилева в сравнении с аналогичными теориями символистов и исследование ценностного аспекта мифопоэтики.

Ключевые слова: мифопоэтика, миф, Н.С. Гумилев, символизм, акмеизм, Адам, аксиология

Abstract: The article presents the survey of the investigation tendencies in the field of study of N. Gumilev's mythopoetics. Symbolism exercised a decisive influence on the works and mythopoeism of the author, including his acmeistic texts. Various scholars analyse religious, occult, ancient, historical-cultural and literary myths and mythologems in Gumilev's works. Through the example of the biblical character of Adam it is proved that the complex analysis of Gumilev's mythopoetics is the best possible, because this approach takes into account its polygenetic character. A work-while direction in this field is the study of Gumilev's mythopoeism theory in comparison with Symbolists' theories and the study of the value aspect of his mythopoetics.

Key words: mythopoetics, myth, N. Gumilev, symbolism, acmeism, Adam, axiology

Исследование поэтики мифа в литературе модернизма – направлении, ознаменовавшем собой начало «парадигмы неклассической художественности»¹, – является важной областью современного литературоведения. В прошедшем столетии категория мифа оказалась в фокусе внимания многих гуманитарных наук и обрела статус междисциплинарной. По словам М.Ю. Лотмана и З.Г. Минц, «узко специальные работы по изучению мифа и обряда в этнологии и фольклористике <...> или анализ мифолого-ритуальной природы искусства в литературоведении оказались и породе-

¹ Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. Т. 1. М., 2004. С. 101.

нием общей «неомифологической» устремленности культуры XX века, и стимуляторами все новых обращений к мифу в искусстве»¹. Таким образом, научное изучение и художественное освоение мифа были параллельными и взаимообусловленными процессами, что породило ситуацию осознанного мифологизирования. Писатели и поэты не просто подражали древним, но создавали свои мифы, отражая в них собственные мировоззренческие и ценностные установки.

В русской литературе пальма первенства в эстетическом освоении и литературно-теоретическом осмыслении мифа принадлежит символизму, который «заложил основные принципы <...> нового мифологизма»². Миф в литературе Серебряного века не раз становился предметом исследования в литературоведении. Серьезный вклад в его изучение внесли такие ученые, как Л.К. Долгополов, Л.А. Колобаева, А.В. Лавров, М.Ю. Лотман, Д.М. Магомедова, Д.Е. Максимов, З.Г. Минц, В.В. Полонский, Е.Б. Скорospelова, И.П. Смирнов, В.Н. Топоров³ и др.

Особенно актуальным в этой области представляется рассмотрение мифопоэтики Н.С. Гумилева – поэта, «преодолевшего» символизм и создавшего новую литературную школу с принципиально иными (по крайней мере, на манифестарном уровне) художественными и мировоззренческими ориентациями. Тем не менее большое влияние на художественную манеру Гумилева оказали три русских символиста, каждый из которых представлял отдельную «подсистему» данного литературного направления. Во-первых, это В.Я. Брюсов, которого Гумилев называл своим учителем, продолжительное время вел с ним активную переписку и посвятил книгу стихов «Жемчуга» (1910). Брюсов представляет «декадентскую» ветвь символизма или, в терминологии З.Г. Минц, «бунтарский панэстетизм», «символизм-1». Во-вторых, Вяч.И. Иванов, хозяин знаменитой «башни», которую Гумилев впервые посещает в ноябре 1908 г., а в 1909 даже пригласит старшего поэта в африканское путешествие. По своим художественным установкам Иванов принадлежал к «младшим символистам»; согласно Минц – это «утопический панэстетизм», или «симво-

¹ Лотман Ю.М., Минц З.Г. Литература и мифология // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам XIII. Тарту, 1981. С. 51.

² Лотман М.Ю., Минц З.Г. Статьи о русской и советской поэзии. Таллинн, 1989. С. 58.

³ Долгополов Л.К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века. Л., 1985; Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988; Колобаева Л.А. Полифункциональность неомифологизма в творчестве символистов (В. Брюсов, Вяч. Иванов, И. Анненский) // Античность и русская культура Серебряного века: Предварительные материалы. М., 2008. С. 27–37; Колобаева Л.А. Философия и литература: параллели, переключки и отзвуки (Русская литература XX века). М., 2013. 224 с.; Лавров А.В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 137–170; Лавров А.В. Петербург до «Петербурга» в мифопоэтике и творчестве Андрея Белого // Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 143, 156; Лотман М.Ю., Минц З.Г. Статьи о русской и советской поэзии. Таллинн, 1989; Лотман Ю.М., Минц З.Г. Литература и мифология // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам XIII. Тарту, 1981. С. 35–55; Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997; Максимов Д.Е. О мифопоэтическом начале в лирике Блока // Максимов Д.Е. Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 199–239; Минц З.Г. «Миф о пути» и эволюция писателей-символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 140–143; Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 59–96, также см. работы в соавторстве с М.Ю. Лотманом; Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М., 2008; Скорospelова Е.Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003; Смирнов И.П. Место мифопоэтического подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 186–203; Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

лизм-2». Наконец, в-третьих, И.Ф. Анненский, директор Царскосельской гимназии во время учебы в ней Гумилева, а позже сотрудник журнала «Аполлон», творчество которого сопряжено с «той “модернистской” периферией символизма, которая связана с представлениями о “чистой” Красоте»¹ («символизм-3»). И хотя «зародыши постсимволизма как целого»² содержатся именно в последней подсистеме, поэтика Гумилева в общем и мифопоэтика в частности в той или иной степени усвоила эстетические воззрения трех ветвей символизма благодаря не только опосредованному, но и личному контакту молодого поэта с современниками.

Изучение мифологического³ пласта художественного наследия Гумилева тесно связано с выявлением художественных и философских принципов его творчества и имеет богатую историю. И хотя многие ученые в своих трудах обращаются к различным мифологиям, доказывая тем самым полигенетичность (термин В.М. Жирмунского, используемый Минц) мифопоэтики Гумилева, в этой сфере можно проследить несколько векторов научной мысли. Во-первых, это изучение религиозных подтекстов творчества Гумилева и его связей с религиозной мифологией и философией. На данное направление ориентированы в своих работах Ю.В. Зобнин, М.В. Смелова, Л.Г. Кихней, В.Н. Климчукова⁴, указывающие на христианско-православные источники образности поэта, а также С.Ю. Николаева⁵, находящая у Гумилева переключки с народно-апокрифической традицией. Во-вторых, это отражение в произведениях Гумилева оккультных, эзотерических образов и мифологем, которые проанализированы в трудах М. Баскера, Н.А. Богомолова, М. Йовановича, С.Л. Слободнюка⁶. Еще одно направление в гумилевоведении сфокусировано на анализе античных мифов в наследии поэта и представлено исследованиями Ю.Б. Бакулиной, А.Н. Дубовцева (который также рассматривает доантичные мифы у Гумилева) и Т.С. Зориной⁷. Наконец, нужно также сказать

¹ Минц З.Г. Об эволюции русского символизма. К постановке вопроса: тезисы // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 179.

² Минц З.Г. К изучению периода «кризиса символизма» (1907–1910) // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 221.

³ В данном случае «миф» понимается нами предельно широко, как любой нарратив, выполняющий функцию «кода» по отношению к другому тексту, и не ограничивается архаической мифологией.

⁴ Зобнин Ю.В. Творчество Н.С. Гумилева и Православие: Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2001; Смелова М.В. Роль христианства в картине мира Н. Гумилева // Ахматовские чтения. Тверь, 1995. С. 27–35; Смелова М.В. Онтологические проблемы в творчестве Николая Степановича Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 202 с.; Смелова М.В. Православная традиция в лирике Н.С. Гумилева // Художественные традиции в русской литературе. Тверь, 2003. С. 88–94; Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М., 2001; Климчукова В.Н. Лирическая поэзия Н.С. Гумилева: духовные основы, мифологические и литературные истоки: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

⁵ Николаева С.Ю. Сюжет об Адаме в поэзии Н.С. Гумилева // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века: Материалы регион. научн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Анны Ахматовой (III Ахматовские чтения). Тверь, 2002. С. 19–25.

⁶ Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000; Богомолов Н.А. Оккультные мотивы в творчестве Н. Гумилева // Н. Гумилев и Русский Парнас. СПб., 1992. С. 47–50; Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 113–145; Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и Русский Парнас. СПб., 1992. С. 32–46; Слободнюк С.Л. Русская литература начала XX века и традиции древнего гностицизма. СПб.; Магнитогорск, 1994.

⁷ Бакулина Ю.Б. Античные мотивы и образы в поэзии Н.С. Гумилева (лирика и драма «Актон»): Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2009; Дубовцев А.Н. Истоки мировой культуры в художественном мышлении Н.С. Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015; Зорина Т.С. Поэзия Н.С. Гумилева и античность: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.

об изучении историко-культурных и литературных мифов, к которым обращался в своем творчестве поэт. В аспекте культурно-географической мифологии Гумилева глубокие исследования проведены Е.Ю. Раскиной и С.Ю. Бердоносовой¹; анализ литературных мифологем затрагивается в работах А.А. Белобородовой, В.В. Десятова² (рассмотревшего ницшеанский подтекст произведений Гумилева), О.А. Клинга, Е.Ю. Куликовой и Т.В. Тадевосяна³. Перечисленные выше исследования не представляют полный список трудов по мифопоэтике Гумилева, но являются наиболее репрезентативными для того, чтобы охарактеризовать основные тенденции в этой области литературоведения.

Тем не менее рассмотрение мифологических образов с точки зрения одной тенденции может сильно редуцировать их семантику и породить конфликтные интерпретации. Это наглядно демонстрируют работы, посвященные анализу фигуры Адама, а также связанных с ним библейских мотивов и образов в творчестве Гумилева. Так, Ю.В. Зобнин интерпретирует поведение Адама в соответствии с христианской концепцией, согласно которой первые люди приняли изгнание из рая как заслуженное наказание за нарушение заповеди Бога. В таком случае богоборческие мотивы, связанные с Адамом, истолковываются исследователем как «богословская пошлость» и «досадные “ошибки молодости”»⁴, что, на наш взгляд, свидетельствует о «теоретической односторонности» избранной интерпретации, не дающей целостного понимания образа Адама и его поведения в художественном пространстве гумилевской поэзии. С другой стороны, невозможно отрицать глубокое влияние библейской оценки поступка Адама и Евы на их восприятие поэтом, который «совсем особенно крестился перед церквями»⁵. В связи с этим утверждения М. Баскера о том, что у Гумилева «смертный Адам отрешается от своего бремени <...> становится неуязвимым к возможности дальнейшего падения»⁶, как нам кажется, слишком кардинально переосмысливают авторскую рецепцию ветхозаветного мифа. То же самое следует сказать и о сведении роли Адама к иллюстративной функции «адамистического» аспекта новой литературной школы – эталону поэта, обратившего свой взор к предметному, вещному содержанию мира и радостно принимающего его. Безусловно, этот аспект составляет важную часть семантики образа Адама, но не определяет ее полностью, в пользу чего элементарно говорит хронология гумилевского творчества (образ библейского прародителя появляется уже в книге стихов «Жемчуга», вышедшей за

¹ Раскина Е.Ю. Мифопоэтическое пространство поэзии Н.С. Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000; Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009; Бердоносowa С.Ю. Николай Гумилев: геософический путь поэта: Дисс. ... канд. филол. наук. Сургут, 2005.

² Белобородова А.А. Книга стихов Н.С. Гумилева как художественное целое («Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга»): Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003; Десятов В.В. «Блудный сын», проводник в интегральный мир Николая Гумилева // «Вечные» сюжеты русской литературы: «Блудный сын» и другие. Новосибирск, 1996. С. 114–122; Десятов В.В. Фридрих Ницше в художественном и экзистенциальном мире Николая Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1995.

³ Клинг О.А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М., 2010; Куликова Е.Ю. «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы. Новосибирск, 2015; Тадевосян Т.В. Мифологема героя в поэтическом творчестве Н.С. Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

⁴ Зобнин Ю.В. Творчество Н.С. Гумилева и Православие: Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2001. С. 93.

⁵ Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 417–418.

⁶ Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000. С. 69.

несколько лет до рождения акмеизма-адамизма). О высокой художественной значимости легенды об Адаме во всем творчестве Гумилева пишет С.Ю. Николаева, выделяя в его лирике целую систему мотивов, указывающих на то, что «тема первого человека <...> волновала поэта всю жизнь»¹, однако рамки статьи позволяют ей сфокусироваться только на связях отдельно взятых мотивов с древнерусскими апокрифами. На фоне других исследований выделяется глубокая работа Ирины Делич², автор которой раскрывает первостепенную роль мифологемы Адама для художественного мирозерцания поэта (выступая, скорее, с позиций гностической, а не библейской традиции). Однако синхронический подход к текстам Гумилева, продиктованный, возможно, границами жанра – статьи для учебника по истории литературы Серебряного века, – не позволил Делич показать динамику развития образа Адама в художественном сознании Гумилева и затронуть вопрос о генетических связях мифологической структуры. Также оказались не учтены отражения биографических фактов в мифе, благодаря которым его статус приобретает особое значение.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что идейно-художественная структура, связанная с христианской историей Адама и Евы, нуждается в комплексном изучении, учитывающем ее полигенетичность в творчестве Гумилева и внутреннюю целостность, не исключающую стадиальности развития. Для наиболее полного уяснения значения адамического мифа в творчестве поэта его необходимо рассматривать как результат авторского мифологизирования, основывающегося как на собственном индивидуальном творчестве, так и на различных культурных традициях, а также учитывать фундаментальные свойства мифа, общие для всех исторических этапов его развития (таких, как архаические мифы эпохи синкретизма, мифы мировых религий и мифы Нового времени).

Кроме того, несмотря на большое количество конкретных исследований, ощущается лакуна в теоретическом осмыслении категории «миф» в поэтике Гумилева, в описании мифотворческой концепции поэта-акмеиста, формировавшейся в напряженном диалоге с символистской традицией, и ее практической реализации. Между тем эта тема представляется особенно важной, поскольку литература модернизма осознанно обращалась к мифологии, поэтому актуализация мифологических структур и универсалий в художественных текстах может быть не столько проявлением бессознательного у автора, сколько продуманным поэтическим приемом. В пользу этого говорят работы М. Баскера, Н.Ю. Грякаловой, Л.Г. Кихней, Е. Wang³, в которых рассматриваются принципы мифопоэтики Гумилева в рамках акмеистической эстетики. Дальнейшего осмысления требует и вопрос о месте символа в художественной практике акмеизма, поскольку обращение к художественным ресурсам мифа приводит к неизбежной символизации образов, обретающих новыми означаемыми. При этом выдвигаемая Гумилевым идея мифа как

¹ Николаева С.Ю. Сюжет об Адаме в поэзии Н.С. Гумилева // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века: Материалы регион. научн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Анны Ахматовой (III Ахматовские чтения). Тверь, 2002. С. 20.

² Делич И. Николай Гумилев // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. М., 1995. С. 488–500.

³ См. главу «“Актеон” – “забытый” манифест акмеизма» в уже упоминавшейся книге: Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000. С. 114–154; Грякалова Н.Ю. Н.С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб, 1994. С. 103–123; Wang E. Acmeist Mythopoetics: Nikolai Gumilev, Viacheslav Ivanov, and «Eidology» // The Slavic and East European Journal. 2012. Vol. 56. № 3. P. 415–430.

«самоценного и дееспособного образа»¹ требует критического отношения, так как намеренно упрощает сущность феномена неомифологизма, нивелируя использование мифа в качестве универсального «кода» любой ситуации.

Наконец, обращение к мифопоэтике Гумилева является продуктивным и для исследований художественной аксиосферы поэта. Аксиологическая поляризация мифа делает его мощным инструментом для выражения ценностной ориентации героя (а через него – опосредованно – и автора), а также для манифестации художественного миропонимания. Помимо историко-литературной очевидна и теоретическая востребованность подобных исследований, связанных с разработкой ценностного подхода к изучению художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

Бакулина Ю.Б. Античные мотивы и образы в поэзии Н.С. Гумилева (лирика и драма «Актеон»): Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 198 с.

Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб., 2000. 160 с.

Белобородова А.А. Книга стихов Н.С. Гумилева как художественное целое («Путь конквистадоров», «Романтические цветы», «Жемчуга»): Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 147 с.

Бердоносова С.Ю. Николай Гумилев: геософический путь поэта: Дисс. ... канд. филол. наук. Сургут, 2005. 160 с.

Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 113–145.

Богомолов Н.А. Оккультные мотивы в творчестве Н. Гумилева // Н. Гумилев и Русский Парнас. СПб., 1992. С. 47–50.

Грякалова Н.Ю. Н.С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 103–123.

Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М., 2006. 552 с.

Делич И. Николай Гумилев // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. М., 1995. С. 488–500.

Десятов В.В. «Блудный сын», проводник в интегральный мир Николая Гумилева // «Вечные» сюжеты русской литературы: «Блудный сын» и другие. Новосибирск, 1996. С. 114–122.

Десятов В.В. Фридрих Ницше в художественном и экзистенциальном мире Николая Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1995. 192 с.

Долгополов Л.К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века. Л., 1985. 352 с.

Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. 416 с.

Дубовцев А.Н. Истоки мировой культуры в художественном мышлении Н.С. Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015. 178 с.

Зобнин Ю.В. Творчество Н.С. Гумилева и Православие: Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2001. 398 с.

Зорина Т.С. Поэзия Н.С. Гумилева и античность: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 238 с.

¹ *Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М., 2006. С. 136.

Йованович М. Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и Русский Парнас. СПб., 1992. С. 32–46.

Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М., 2001. 184 с.

Климчукова В.Н. Лирическая поэзия Н.С. Гумилева: духовные основы, мифологические и литературные истоки: Дисс. ... канд. филол. наук М., 2007. 294 с.

Клинг О.А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М., 2010. 356 с.

Колобаева Л.А. Полифункциональность неомифологизма в творчестве символистов (В. Брюсов, Вяч. Иванов, И. Анненский) // Античность и русская культура Серебряного века: Предварительные материалы. М., 2008. С. 27–37.

Колобаева Л.А. Философия и литература: параллели, переключки и отзвуки (Русская литература XX века). М., 2013. 224 с.

Куликова Е.Ю. «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы. Новосибирск, 2015. 272 с.

Лавров А.В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 137–170.

Лавров А.В. Петербург до «Петербурга» в мифопоэтике и творчестве Андрея Белого // Лавров А.В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 143–156.

Лотман М.Ю., Минц З.Г. Статьи о русской и советской поэзии. Таллинн, 1989. 160 с.

Лотман Ю.М., Минц З.Г. Литература и мифология // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам XIII Тарту, 1981. С. 35–55 (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 546).

Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. 221 с.

Максимов Д.Е. О мифопоэтическом начале в лирике Блока // Максимов Д.Е. Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 199–239.

Минц З.Г. «Миф о пути» и эволюция писателей-символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 140–143.

Минц З.Г. К изучению периода «кризиса символизма» (1907–1910) // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 207–222.

Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 59–96.

Минц З.Г. Об эволюции русского символизма. К постановке вопроса: тезисы // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 175–189.

Николаева С.Ю. Сюжет об Адаме в поэзии Н.С. Гумилева // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века: Материалы регион. научн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Анны Ахматовой (III Ахматовские чтения). Тверь, 2002. С. 19–25.

Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М., 2008. 285 с.

Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009. 283 с.

Раскина Е.Ю. Мифопоэтическое пространство поэзии Н.С. Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 166 с.

Скороспелова Е.Б. Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003. 420 с.

Слободнюк С.Л. Русская литература начала XX века и традиции древнего гностицизма. СПб.; Магнитогорск, 1994. 146 с.

Смелова М.В. Онтологические проблемы в творчестве Николая Степановича Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 202 с.

Смелова М.В. Православная традиция в лирике Н.С.Гумилева // Художественные традиции в русской литературе. Тверь, 2003. С. 88–94.

Смелова М.В. Роль христианства в картине мира Н. Гумилева // Ахматовские чтения. Тверь, 1995. С. 27–35.

Смирнов И.П. Место мифопоэтического подхода к литературному произведению среди других толкований текста (о стихотворении Маяковского «Вот так я сделался собакой») // Миф – фольклор – литература. Л., 1978. С. 186–203.

Тадевосян Т.В. Мифологема героя в поэтическом творчестве Н.С. Гумилева: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 172 с.

Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 1. М., 2004. 512 с.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. 624 с.

Чуковский К.И. Дневник. 1901–1929. М., 1991. 544 с.

Wang E. Acmeist Mythopoetics: Nikolai Gumilev, Viacheslav Ivanov, and «Eidology» // The Slavic and East European Journal. 2012. Vol. 56. No 3, pp. 415–430.

REFERENCES

Bakulina Y.B. (2009) Antique Motifs and Images in N.S. Gumilev's Poetry (Lyrics and the Play "Akteon"). Thesis (PhD). Samara. 198 p.

Basker M. (2000) Early Works of Gumilev: the Way to Acmeism. St.-Petersburg. 160 p.

Beloborodova A.A. (2003) Gumilev's Book of Poems as the Artistic Whole ("The Way of Conquistadors", "Romantic Flowers", "The Pearls"). Thesis (PhD). Ekaterinburg. 147 p.

Berdonosova S.Y. (2005) Nikolay Gumilev: the Geosophical Way of the Poet. Thesis (PhD). Surgut. 160 p.

Bogomolov N.A. Gumilev and Occultism. In: Bogomolov N.A. Russian Literature of the Beginning of the XX Century and Occultism. Moscow. 1999, pp. 113–145.

Bogomolov N.A. Occult Motifs in N. Gumilev's Works. In: N. Gumilev and the Russian Parnassus. St.-Petersburg. 1992, pp. 47–50.

Chukovsky K.I. (1991) The Dairy. 1901–1929. Moscow. 544 p.

Delich I. Nikolay Gumilev. In: History of Russian Literature: The 20th Century: The Silver Age / Georges Nivat, Ilia Serman, Vittorio Strada и Efim Etkind (Eds.). Moscow. 1995, pp. 488–500.

Desyatov V.V. (1995) Friedrich Nietzsche in the Artistic and Existential World of Nikolay Gumilev. Thesis (PhD). Tomsk. 192 p.

Desyatov V.V. "The Prodigal Son", a Conductor into the Integrated World of Nikolay Gumilev. In: "Eternal" Plots of Russian Literature: "The Prodigal Son" and Others. Novosibirsk. 1996, pp. 114–122.

Dolgoplov L.K. (1985) At the Turn of the Century. On Russian Literature of the End of the XIX – Beginning of the XX Century. Leningrad. 352 p.

Dolgoplov L.K. (1988) Andrei Bely and his Novel "Petersburg". Leningrad. 416 p.

- Dubovtsev A.N. (2015) *Origins of the World Culture in Artistic Thinking of N.S. Gumilev*. Thesis (PhD). Izhevsk. 178 p.
- Gryakalova N.Y. N.S. Gumilev and Problems of Aesthetic Self-definition of Acmeism. In: *Nikolay Gumilev: Studies and Materials. Bibliography*. St.-Petersburg. 1994, pp. 103–123.
- Gumilev N.S. (2006) *The Complete Set of Works: In 10 vols. Vol. 7. The Articles about Literature and Art. Surveys. Reviews*. Moscow. 552 p.
- Jovanovic M. Nikolay Gumilev and Masonic Doctrine. In: *N. Gumilev and the Russian Parnassus*. St.-Petersburg. 1992, pp. 32–46.
- Kikhney L.G. (2001) *Acmeism: World View and Poetics*. Moscow. 184 p.
- Klimchukova V.N. (2007) *Lyric Poetry of N.S. Gumilev: The Spiritual Foundations, Mythological and Literary Origins*. Thesis (PhD). Moscow. 294 p.
- Kling O.A. (2010) *The Influence of Symbolism on Post-symbolic Poetry in the 1910ies Russia: Problems of Poetics*. Moscow. 2010. 356 p.
- Kolobaeva L.A. (2013) *Philosophy and Literature: Parallels, Echoes and Reverberations (Russian Literature of XX Century)*. Moscow. 224 p.
- Kolobaeva L.A. Polyfunctionality of Neomythologism in the Works of Symbolists (V. Bryusov, V. Ivanov, I. Annensky). In: *Antiquity and Russian Culture of the Silver Age: Preliminary Materials*. Moscow. 2008, pp. 27–37.
- Kulikova E.Y. (2015) “The Distant Skies” of Nikolay Gumilev: Poetry. Prose. Translations. Novosibirsk. 272 p.
- Lavrov A.V. Myth-building of the “Argonauts”. In: *Myth – Folklore – Literature*. Leningrad. 1978, pp. 137–170.
- Lavrov A.V. Petersburg before “Petersburg” in Andrei Bely’s Mythopoetics and Works. In: *Lavrov A.V. Andrei Bely: Studies and Etudes*. Moscow. 2007, pp. 143–156.
- Lotman M.Y., Mints Z.G. (1989) *Articles on Russian and Soviet Poetry*. Tallinn, 160 p.
- Lotman M.Y., Mints Z.G. Literature and Mythology. In: *Semiotics of Culture. Works on Sign Systems XIII*. Tartu. 1981, pp. 35–55.
- Magomedova D.M. (1997) *The Autobiographical Myth in A. Blok’s Works*. Moscow. 221 p.
- Maksimov D.E. On Mythopoetic Origin in Blok’s Lyrics. In: *Maksimov D.E. Russian Poets of the Beginning of the Century*. Leningrad. 1986, pp. 199–239.
- Mints Z.G. “Myth about Way” and the Evolution of Symbolist Writers. In: *Mints Z.G. Poetics of Russian Symbolism*. St.-Petersburg. 2004, pp. 140–143.
- Mints Z.G. On Some “Neomythological” Texts in the Works of Russian Symbolists. In: *Mints Z.G. The Poetics of the Russian Symbolism*. St.-Petersburg. 2004, pp. 59–96.
- Mints Z.G. To Studying the Period of the Crisis of Symbolism (1907–1910). In: *Mints Z.G. Poetics of Russian Symbolism*. St.-Petersburg. 2004, pp. 207–222.
- Mints Z.G. On Evolution of Russian Symbolism. In: *Mints Z.G. Poetics of Russian Symbolism*. St.-Petersburg. 2004, pp. 175–189.
- Nikolaeva S.Y. The Plot about Adam in N.S. Gumilev’s Poetry. In: *Works of N. Gumilev and A. Akhmatova in the Context of Russian Poetry of the 20th Century: Materials of the Regional Academic Conference dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of Anna Akhmatova*. Tver. 2002, pp. 19–25.
- Polonsky V.V. (2008) *Mythopoetics and Genre Dynamics in Russian Literature at the End of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries*. Moscow. 285 p.

- Raskina E.Y. (2000) Mythopoetic Space of N.S. Gumilev's Poetry. Thesis (PhD). St.-Petersburg. 166 p.
- Raskina E.Y. (2009) Geospherical Aspects of N.S. Gumilev's Works. Thesis (PhD). Moscow. 283 p.
- Skorospelova E.B. (2003) Russian Prose of the 20th Century: from A. Bely («Petersburg») to B. Pasternak («Doctor Zhivago»). Moscow. 420 p.
- Slobodnyuk S.L. (1994) Russian Literature at the Beginning of the 20th century and the Tradition of Ancient Gnosticism. St.-Petersburg; Magnitogorsk. 146 p.
- Smelova M.V. (1998) Ontological Problems in N.S. Gumilev's Works. Thesis (PhD). Tver. 202 p.
- Smelova M.V. The Orthodox Tradition in N.S. Gumilev's Lyrics. In: Artistic Traditions in Russian Literature. Tver. 2003, pp. 88–94.
- Smelova M.V. The Role of Christianity in N. Gumilev's World View. In: Akhmatova Conference. Tver. 1995, pp. 27–35.
- Smirnov I.P. The Place of the Mythopoetic Approach to a Literary Work among Other Interpretations of the Text (about Mayakovsky's Poem "That's how I Became a Dog"). In: Myth – Folklore – Literature. Leningrad. 1978, pp. 186–203.
- Tadevosyan T.V. (2008) The Hero Mythologem in N.S. Gumilev's Poetic Works. Thesis (PhD). 172 p.
- Theory of Literature: In 2 vols. Vol. 1. / N.D. Tamarchenko (Ed.). Moscow. 2004. 512 p.
- Toporov V.N. (1995) Myth. Rite. Symbol. Image. Moscow. 624 p.
- Wang E. Acmeist Mythopoetics: Nikolai Gumilev, Viacheslav Ivanov, and "Eidology". *The Slavic and East European Journal*. 2012. Vol. 56. No 3, pp. 415–430.
- Zobnin Y.V. (2001) N.S. Gumilev's Works and Orthodoxy. Thesis (PhD). St.-Petersburg. 398 p.
- Zorina T.S. (2002) N.S. Gumilev's Poetry and Antiquity. Thesis (PhD). St. Petersburg. 238 p.

Сведения об авторе:
Антон Владимирович Филатов,
магистрант
кафедра теории литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anton Filatov,
Graduate Student
Department of Theory of Literature
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
fil201292@yandex.ru

N. GUMILEV'S WORKS IN THE ASPECT OF MYTHOPOETICS: INVESTIGATION TENDENCIES AND PROSPECTS

А.В. Филатов

Содержание понятия «адамизм» и состав адамического мифа Н.С. Гумилева

Аннотация: В статье анализируется содержание понятия «адамизм», традиционно рассматриваемого как альтернативное название акмеизма. Основатели данной литературной школы – С.М. Городецкий и Н.С. Гумилев – определяли «адамизм» по-разному. Городецкий приравнивал его к акмеизму и видел в нем обращение к поэтике предметности и натурализма. Для Гумилева же адамизм является мироощущением, т. е. мировоззренческой, а не художественной категорией. Обосновывается предположение, что именно Гумилев является автором термина «адамизм», поскольку образ Адама появляется в его лирике за несколько лет до основания акмеизма и продолжает быть центральным элементом авторского адамического мифа.

Ключевые слова: Н.С. Гумилев, С.М. Городецкий, адамизм, акмеизм, Адам, мифопоэтика, миф

Abstract: The article discusses the content of the concept “adamism”, which is traditionally considered to be an alternative term for acmeism. The founders of this poetic school – S. Gorodetsky and N. Gumilev – defined adamism in different ways. Gorodetsky equalled it with acmeism and described it as an appeal to the poetics of thingness and naturalism. For Gumilev, however, adamism was a world view, i.e. ideological, but not an aesthetic category. The author substantiates his proposal that Gumilev was the founder of the term “adamism”, because the character of Adam appeared in Gumilev’s poetry several years before the rise of acmeism and this character continued to be the central element of the poet’s Adamic myth.

Key words: N. Gumilev, S. Gorodetsky, adamism, acmeism, Adam, mythopoetics, myth

В 1913 г. в первом номере журнала «Аполлон» С.М. Городецким и Н.С. Гумилевым было провозглашено создание нового литературного течения, получившего название акмеизма. В своих манифестах поэты также использовали термин «адамизм», не объясняя подробно, в чем состоит различие между двумя понятиями. В заявлении Гумилева о том, что «на смену символизма идет новое направление, как бы оно ни называлось, – акмеизм ли (от слова *ακμή* – высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь)»¹, одновременно присутствует разграничение и синонимичное сближение

¹ Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М., 2006. С. 147.

двух терминов. Городецкий же употребляет эти понятия без терминологических уточнений¹. Помимо твердого взгляда на жизнь Гумилев связывал с адамизмом природное, звериное начало: «Как адамисты, мы немного лесные звери и во всяком случае не отдадим того, что в нас есть звериного, в обмен на неврастению»². В том же «зверином» контексте упоминал это слово Городецкий, по большому счету, не видя особой разницы между двумя наименованиями новой школы. Уже после революции он вспоминал: «Имен было предложено два: акмэ (расцвет, вершина) и отсюда – акмеизм – мною, и адамизм – от имени первого жизнерадостника, прародителя – Гумилевым. В первых манифестах оба названия фигурировали параллельно, потом критика и печать усилила первое, акмеизм»³. Однако то, что для Городецкого было поиском броского и запоминающегося названия, представлялось концептуально значимым для Гумилева. Как указал Ю.В. Зобнин, еще до выхода в печать манифестов поэт «подчеркнул смысловую дифференциацию понятий “акмеизм” и “адамизм”»⁴, заявив, что «адамизм, являясь не мирозерцанием, а мироощущением (курсив наш. – А.Ф.), занимает по отношению к акмеизму то же место, что декадентство по отношению к символизму»⁵, т. е. является некоторым комплексом ценностно-мировоззренческих установок, из которых исходит новое эстетическое видение мира и новые принципы поэтики.

Представляется, что стремление Гумилева развести два явления в рамках новой литературной школы и связать адамизм с мироощущением говорит более о его собственной художественной системе ценностей, в частности, о большом значении фигуры библейского Адама в его творчестве. В контексте акмеизма принято соотносить адамистическое мироощущение с поэтикой предметности, вещественности образа, а также с точностью и конкретностью значения слов: «Поэт-акмеист уподоблен первому человеку – Адаму, сотворенному Богом из земли, который стал “душою живущею” <...>. Всматриваясь в предметный мир, “новый Адам” дает вещам “девственные наименованья”, свежие в своей первозданности, не отягощенные какими бы то ни было предшествующими смыслами. Сам мир открывается его взору в своей первозданности, целостности, многокрасочности»⁶. Стоит также отметить, что в научной и критической литературе принято выделять адамистическое и акмеистическое крыло в новой литературной школе: «От акмеизма Гумилева, Ахматовой и Мандельштама существенно отличался адамизм С. Городецкого, М. Зенкевича, В. Нарбута, которые составили натуралистическое крыло движения. Несходство адамистов с триадой Гумилев – Ахматова – Ман-

¹ См.: *Городецкий С.М.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Поэтические течения в русской поэзии конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика: Хрестоматия. М., 1988. С. 90–96.

² *Гумилев Н.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 148.

³ *Городецкий С.М.* Цех поэтов (к годовщине тифлиского «Цеха поэтов») // Закавказское слово. 1919. № 76. 26 апр. Следует с осторожностью относиться к словам Городецкого и помнить версию А. Белого, согласно которой термины «адамизм» и «акмеизм» были придуманы им и Вяч. Ивановым в споре с Гумилевым (см.: *Белый А.* Начало века. Воспоминания: В 3 кн. Кн. 2. М., 1990. С. 356).

⁴ *Зобнин Ю.В.* Творчество Н.С. Гумилева и православие: Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2001. С. 21.

⁵ <Без подписи> Смесь // Аполлон. 1913. № 1. С. 71. Примечательно, что в этом же номере вышли статьи-манифесты Городецкого и Гумилева. Таким образом, данная заметка, написанная по итогам более ранней дискуссии, должна была внести ясность в некоторые аспекты программы акмеистов.

⁶ *Грякалова Н.Ю.* Н.С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 119.

дельштам неоднократно отмечалось в критике»¹. В этом аспекте под адамизмом в узком смысле подразумевают примитивизм², возвращение к древним, докультурным представлениям человека о мире, его единение с природой, выражавшееся в подчеркнутой натуралистичности, «звериности», тогда как адамизм, понятый широко, заключается в обращении к земной реальности и попытке взглянуть на нее незамутненным свежим взглядом и является общим принципом для всех акмеистов. Нетрудно заметить, что наивный, натуралистический адамизм Городецкого не согласовывался с программой правого крыла акмеистов – Гумилева, Ахматовой и Мандельштама. Последний даже писал: «Городецким в свое время была сделана попытка привить акмеизму литературное мировоззрение, “адамизм”, род учения о новой земле и новом Адаме. Попытка не удалась <...>»³. Круг адамистических представлений Городецкого иллюстрирует его повесть «Адам», вышедшая в 1915 г.⁴ Главный герой произведения как раз и являет собой воплощение нового Адама, осознающего себя органической частью природы. Автор всячески подчеркивает его физическое здоровье («Во всем своем невысоком, плотном, коренастом теле чувствовал он систему упругих, прочных жил, наполненных здоровой жаркой кровью»⁵), а его дом со звериными трофеями, оранжереей кактусов, экзотическими фруктами и дорогим вином становится аллегорией земного рая. Как пишет о главном герое Городецкий, «лицо у него было такое, какое должно быть <...> у человека, живущего со зверьми»⁶. Роль Евы отдана обычной девушке – «одной из тех тысяч девушек, которых благодатная Россия <...> щедро сыплет в мир»⁷, причем ее родной уездный город, далекий от шумной столицы, также описывается как рай. В итоге Городецкий подчеркивает земную, материальную сущность человека; рай для писателя – всегда явление здешнего, посюстороннего мира, это прекрасный сад, который может быть экзотичным или коренным, национальным, главное – он противостоит серому и мертвому пространству города. В оппозиции Адаму выступают персонажи, утратившие гармоничную связь с природным началом из-за научных, общественных и иных убеждений.

По всей видимости, фигура Адама ассоциировалась у Городецкого с Гумилевым, которому он приписывал авторство термина «адамизм». В пользу этого говорит тот факт, что стихотворение Городецкого «Адам»⁸, напечатанное в третьем номере «Аполлона» за 1913 г., позже в сокращенном виде вошло в его книгу стихов «Цветущий посох» (1914), где имело посвящение «Н. Гумилеву». Первый человек назван в нем «изобретателем имен», поющим хвалы всему земному – образ, соответствующий расширенному пониманию адамизма. В том, что данное посвящение было неслучайным, можно убедиться, обратившись к другому стихотворному по-

¹ *Скрябина Т.* Акмеизм [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет» [Сайт]: krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/AKMEIZM.html (дата обращения: 16.04.17).

² О различных вариантах адамизма в кругу акмеистов см.: *Rusinko E.* Adamism and Acmeist Primitivism // *Slavic and East European journal*. 1988. Vol. 32. No 1. P. 84–96; *Эткинд Е.* Кризис символизма и акмеизм // *История русской литературы: XX век: Серебряный век* / Под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. М., 1995. С. 468–473; *Лекманов О.А.* Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 62–69.

³ *Мандельштам О.Э.* О природе слова // *Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Проза.* М., 1990. С. 185.

⁴ *Городецкий С.М.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. Проза. М., 1987. С. 568.

⁵ Там же. С. 347.

⁶ Там же. С. 379.

⁷ Там же. С. 360.

⁸ Там же. С. 309.

священнику, появившемуся в 1922 г., когда Городецкий разошелся с Гумилевым не только литературно, но и идеологически. В этом крайне негативном по отношению к расстрелянному поэту тексте сказано, что он «к вершине шел и рай указывал, где первозданный жил Адам, – но под обложкой лупоглазого журнала петербургских дам»¹. Итак, даже в момент противостояния Гумилев оставался для Городецкого образцом нового Адама, искателем рая, что делает более вероятным его авторство в отношении «адамизма». Наконец, в творчестве самого Гумилева образ первого человека встречается в стихотворениях, вошедших в книгу «Жемчуга» 1910 г. («Адам» и «Сон Адама»), т. е. еще до создания акмеизма-адамизма, тогда как приведенные выше произведения Городецкого созданы уже после появления новой литературной школы. По Городецкому, адамизм Гумилева проявлялся в экзотике его стихотворений² и в тяге к путешествиям, однако такое поверхностное соотнесение мировоззренческих и поэтических принципов, на наш взгляд, не в полной мере раскрывает ту роль, которую играет образ Адама в творчестве Гумилева³.

Для него ветхозаветный прародитель является не только первым поэтом и носителем «мужественно-твердого и ясного взгляда на жизнь», но и универсальным мифологическим прототипом для героев его лирики, центральным элементом авторского адамического⁴ мифа, восходящего к библейской книге Бытия. Подобное использование мифа вписывает Гумилева в контекст мифологических исканий модернизма, поскольку в это время «в литературном мифологизме на первый план выступает идея вечной циклической повторяемости первичных мифологических прототипов под разными “масками”, своеобразной замещаемости литературных и мифологических героев»⁵. Гумилев не просто использует в своем творчестве комплекс вполне традиционных ветхозаветных локусов, мотивов и персонажей (Рай, Адам, Ева, Каин, грехопадение, Древо Познания и т. д.), но и видоизменяет их, обращаясь к различным небиблейским источникам и создавая авторскую версию мифа. Именно этот миф является источником адамистических идей, высказанных в манифесте, однако ни в коем случае не сводится к ним и, более того, во многом противостоит той концепции Адама, которую создает в своих произведениях Городецкий.

Личностное прочтение традиционных мифологем является одной из стилевых доминант уже раннего творчества основателя акмеизма, о чем писал О.А. Клинг: «<...> излюбленный прием раннего Гумилева: через мифологемы из чужого текста <...> ввести свои собственные переживания»⁶. Исследователь замечает, что

¹ Полный текст и описание ситуации, в которой Городецкий опубликовал это стихотворение, см.: *Тименчик Р.Д.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М., 2017. С. 504–506, 520–522.

² «Первым этапом выявления этой любви к миру была экзотика. Как бы вновь сотворенные, в поэзию хлынули звери: слоны, жирафы, львы, попугаи с антильских островов наполняли ранние стихи Н. Гумилева» (цит. по: *Городецкий С.М.* Некоторые течения в современной русской поэзии // Поэтические течения в русской поэзии конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика: Хрестоматия. М., 1988. С. 94).

³ Так, Г. Струве указывал, что в поэзии Гумилева «образ и символ Адама играет большую роль – например, стихотворение “Сон Адама” в “Жемчугах”», и не сводится к декларированным принципам адамизма (см.: *Струве Г.П.* Творческий путь Гумилева // Н.С. Гумилев: Pro et Contra. СПб., 2000. С. 560).

⁴ Называя так исследуемый нами миф, мы стремимся избежать смысловой интерференции с прилагательным «адамистический», отсылающим к феномену адамизма, а не к мифологеме Адама.

⁵ *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 8.

⁶ *Клинг О.А.* Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М., 2010. С. 96.

мифологемами зачастую являются литературные реминисценции: «Этот прием используется в стихотворении “Маркиз де Карабас” <...>, где мотив известной сказки переплетается с реальным, биографическим планом»¹. На примере стихотворений «Чужого неба» (1912) Клинг убедительно доказывает, что данный стилистический принцип остается главным приемом и в акмеистический период Гумилева. Более того, мифы, создаваемые поэтом, не всегда ограничиваются пространством одного текста. Так, анализируя «морские» стихотворения Гумилева, Е.Ю. Куликова обнаруживает в них присутствие легенды о Летучем Голландце – устойчивую мифологему корабля-призрака, создающую «особый пространственный континуум»² – мистический и враждебный мир периферии, с которым обречен столкнуться каждый путешественник. Эта мифологема проявляется и в позднем творчестве поэта. По мнению исследовательницы, отголосок «Летучего Голландца» несет в себе и знаменитый «Заблудившийся трамвай»: «<...> поэт практически контаминирует землю и воду, сливая воедино двойственные образы трамвая и корабля»³. Куликова не только устанавливает литературные источники мифологемы «Летучего Голландца», но и показывает, в чем Гумилев отдалается от мифа, творчески переосмысливая легенду и создавая индивидуально-авторскую версию проклятых капитанов – открывателей новых земель, которые наравне с традиционными ожившими мертвецами-призраками присутствуют в микроцикле «Капитаны». Сходным образом данная мифологема трансформируется в «Путешествии в Китай»: плавание корабля утрачивает гибельную атмосферу, поскольку «на роль капитана приглашен Рабле»⁴. Предлагаемые выводы заставляют нас по-новому взглянуть на спор Гумилева с Вяч. Ивановым. Очевидно, что еще до написания поэмы «Блудный сын» Гумилев создавал авторские варианты канонических сюжетов.

Круг текстов, на основе которых в творчестве Гумилева складывается адамический миф, естественно, не ограничивается акмеистическим периодом деятельности и начинается создаваться поэтом еще во времена, когда он был «правоверным символистом» (А.А. Ахматова), и продолжается до самой смерти. Некоторые узнаваемые мифологемы встречаются уже в первой книге стихов «Путь конквистадоров» (1905), например, в поэме «Дева Солнца» главная героиня идет, «как дева пламенного рая, как солнца юная мечта»⁵, а в следующей за ней «Осенней песне» есть строфа с аналогичной синтаксической структурой:

И осень та была полна
Словами жгучего напева,
Как плодоносная жена,
Как прародительница Ева⁶.

Сходство в формальном построении стихов (анафорический повтор сравнительной конструкции) и семантическая близость двух образов (дева рая – это, разумеется, и есть прародительница Ева) говорят о неслучайном использовании молодым поэтом этих мифологем, однако здесь перед нами только зачатки мифа, ибо насто-

¹ Клинг О.А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. С. 96.

² Куликова Е.Ю. «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы. Новосибирск, 2015. С. 11.

³ Там же. С. 59.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М., 1998. С. 47.

⁶ Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1. С. 49.

ящее его рождение потребовало появления в гумилевской лирике центрального героя этого мифа – Адама, что произошло в стихотворении «Сон Адама», впервые напечатанном в февральском номере «Аполлона» в 1910 г., хотя написано оно было раньше¹. Уже в этом тексте реализуется гумилевская стратегия трансформации исходного мифа, поскольку поэт использует мотив пророческого сна-видения Адама, в котором прародителю, еще находящемуся в раю, открывается будущее его и всего человечества. В результате последующее изгнание героя (которое Гумилев уже не показывает в стихотворении) переосмысливается как добровольное принятие своей судьбы, как испытание, данное Богом. При этом авторское «вторжение» в миф не является личным произволом и находит культурное обоснование, так как мотив прозрения Адамом своей судьбы, отсутствующий в Библии, содержится в ряде других источников: апокрифических (древнерусский апокриф о вешем сне Адама²), оккультных (каббалистическое сочинение «Разиэль»³), а также литературных (поэма Дж. Милтона «Потерянный рай»). В итоге Адам становится универсальным прототипом для героев Гумилева: путешественников, воинов, поэтов, которые сумели полюбить этот суровый мир, но не забыли о первозданном рае. Своими жизненными подвигами они должны показать, что достойны снова войти в Эдемский сад.

Тексты, в которых отразился адамический миф, различны по своей мифопоэтической природе, однако в плане содержания восходят к общей мифологической структуре. Для наглядности продуктивно представить корпус этих текстов в концентрической модели. В таком случае семантическим ядром мифа является группа текстов, прямо обращающихся к ветхозаветному нарративу («Сон Адама», «Адам», «Потомки Каина»). В терминах З.Г. Минц, это неомифологические тексты, в которых миф эксплицирован в сюжете и системе образов. Соотношение традиционного и авторского в этих стихотворениях наглядно демонстрирует те трансформации, которые претерпевает исходный миф у Гумилева. К семантическому ядру также примыкают тексты следующего уровня, косвенно апеллирующие к библейским мифологемам через сравнения, развернутые метафоры или аллегории («Баллада», «Ева или Лилит», «Пятистопные ямбы», «Рай», «Два Адама»). По теории Минц, их следует отнести к неомифологическим текстам-мифам, в которых «план выражения задается <...> историей лирического “я”, а план содержания образует соотнесение изображаемого с мифом»⁴. Наконец, в периферийном секторе находятся тексты, в которых миф представлен имплицитно, явлен в самой структуре художественного произведения, в связи с чем границы этого сегмента не поддаются точному определению. Мифологический уровень в этом случае становится глубинным, а на первый план выходит уровень биографический («Она», «Я не прожил, я притомился...», «В скольких земных океанах я плыл...», «Храм Твой, Господи, в небесах...», «Эзбекие», «Мои читатели» и др.). Благодаря соположению двух уровней текста, адамический миф у Гумилева приобретает значение автобиографического, т. е., по словам Д.М. Магомедовой, реализуется как «исходная сюжетная модель, получившая в сознании автора онтологический статус, рассматриваемая им как схема собственной судьбы и по-

¹ См.: *Тименчик Р.Д.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М., 2017. С. 670.

² См.: *Николаева С.Ю.* Сюжет об Адаме в поэзии Н.С. Гумилева // *Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века: Материалы регион. научн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Анны Ахматовой (III Ахматовские чтения)*. Тверь, 2002. С. 21.

³ См.: *Пиотровский М.Б.* Адам // *Мифы народов мира: В 2 т. Т. 1.* М., 1980. С. 42.

⁴ *Минц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // *Минц З.Г. Поэтика русского символизма*. СПб., 2004. С. 73.

стоянно соотносимая со всеми событиями его жизни, а также получающая многообразные трансформации в его художественном творчестве»¹. Это обусловлено не романтическим максимализмом лирического героя, прямо отождествляющим себя с прародителем, а универсальностью фигуры Адама, являющегося для Гумилева архитипической моделью человека (мужчины) вообще, эталоном жизненного поведения в мире земном, реальном. На уместность подобной трактовки указывает библейская история происхождения Адама, а также этимология его имени. Как замечает Дж. Фрезер, «происхождение человеческого рода из праха земного представлялось евреям <...> естественным потому, что на их языке слово “земля” (“адама”) грамматически есть женский род от слова “человек” (“адам”)»². Другими словами, уже в исходном мифе история прародителя ритаулизируется, становясь образцом и повторяясь в жизни каждого человека здесь, на Земле.

Таким образом, в сознании Гумилева понятия «акмеизм» и «адамизм» не были тождественными; последнее поэт определял для себя как мироощущение – комплекс ценностных ориентаций, влиявших не только на его творчество, но и на мировоззрение. Гумилевский адамизм кардинально отличался от омонимичных понятий, созданных «правыми» акмеистами (С.М. Городецкий, В.И. Нарбут, М.А. Зенкевич) и заключавшихся в представлении девственного и не отягощенного культурой «звериного» взгляда на мир. Основу мироощущения Гумилева составляла мифологизированная история Адама, воспринятая одновременно как универсальная модель земного пути человека и как духовно близкая собственным исканиям. В творчестве поэта эта интенция реализовалась в форме адамического мифа – полигенетической художественной структуры, проявляющейся и на эксплицитном уровне (посредством прямо названных мифологем), и на имплицитном (явленном в качестве кода, шифра к стихотворным образам).

ЛИТЕРАТУРА

Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // *Slavic and East European Journal*. 1988. Vol. 32. No 1. P. 84–96.

<Без подписи> Смесь // *Аполлон*. 1913. № 1. С. 70–71.

Белый А. Начало века. Воспоминания: В 3 кн. Кн. 2. М., 1990. 687 с.

Городецкий С.М. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. Проза. М., 1987. 576 с.

Городецкий С.М. Некоторые течения в современной русской поэзии // *Поэтические течения в русской поэзии конца XIX – начала XX века: Литературные манифесты и художественная практика: Хрестоматия*. М., 1988. С. 90–96.

Городецкий С.М. Цех поэтов (к годовщине тифлисского «Цеха поэтов») // *Закавказское слово*. 1919. № 76. 26 апр.

Грякалова Н.Ю. Н.С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // *Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография*. СПб., 1994. С. 103–123.

Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М., 1998. 502 с.

Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. М., 2006. 552 с.

¹ *Магомедова Д.М.* «Я один... и разбитое зеркало...»: литературные маски Сергея Есенина (статья первая) // *Новый филологический вестник*. 2005. № 1. С. 67.

² *Фрезер Дж.* Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. С. 15.

Зобнин Ю.В. Творчество Н.С. Гумилева и православие: Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2001. 398 с.

Клинг О.А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М., 2010. 356 с.

Куликова Е.Ю. «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы. Новосибирск, 2015. 272 с.

Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. 704 с.

Магомедова Д.М. «Я один... и разбитое зеркало...»: литературные маски Сергея Есенина (статья первая) // Новый филологический вестник. 2005. № 1. С. 66–77.

Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. Т. 2. Проза. М., 1990. С. 172–187.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. 408 с.

Миц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Миц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 59–96.

Николаева С.Ю. Сюжет об Адаме в поэзии Н.С. Гумилева // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века: Материалы регион. научн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Анны Ахматовой (III Ахматовские чтения). Тверь, 2002. С. 19–25.

Пиотровский М.Б. Адам // Мифы народов мира: В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 39–43.

Скрябина Т. Акмеизм [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет» [Сайт]: kgu-gosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/AKMEIZM.html (дата обращения: 16.04.2017).

Струве Г.П. Творческий путь Гумилева // Н.С. Гумилев: Pro et Contra. СПб., 2000. С. 555–582.

Тименчик Р.Д. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М., 2017. 776 с.

Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. 511 с.

Эткинд Е. Кризис символизма и акмеизм // История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда. М., 1995. С. 468–473.

REFERENCES

<No Signature> Miscellanea. *Apollon*. 1913. No 1, pp. 70–71.

Bely A. (1990) The Beginning of the Century. Memories: In 3 vols. Vol. 2. Moscow. 687 p.

Etkind E. The Crisis of Symbolism and Acmeism. In: History of Russian Literature: The 20th Century: The Silver Age / Georges Nivat, Ilia Serman, Vittorio Strada and Efim Etkind (Eds.). Moscow. 1995, pp. 468–473.

Frazer J. (1985) Folklore in the Old Testament. Moscow. 511 p.

Gorodetsky S.M. (1987) Selected Works: In 2 vols. Vol. 2. Prose. Moscow. 576 p.

Gorodetsky S.M. Guild of Poets (to the Anniversary of Tiflis “Guild of Poets”). *Zakavkazskoe slovo* [Newspaper]. 1919. No 76. 26 April.

Gorodetsky S.M. On Some Trends in Contemporary Russian Poetry. In: Poetic Trends in Russian Poetry at the End of 19th – Early 20th century: Literary Manifestos and Artistic Practice: Reader. Moscow. 1988, pp. 90–96.

Gryakalova N.Y. N.S. Gumilev and Problems of Aesthetic Self-definition of Acmeism. In: Nikolay Gumilev: Studies and Materials. Bibliography. St.-Petersburg. 1994, pp. 103–123.

Gumilev N.S. (1998) The Complete Set of Works: In 10 vols. Vol. 1. Verses. Poems (1902–1910). Moscow. 502 p.

Gumilev N.S. (2006) The Complete Set of Works: In 10 vols. Vol. 7. Articles about Literature and Art. Surveys. Reviews. Moscow. 552 p.

Kling O.A. (2010) The Influence of Symbolism on Post-symbolic Poetry in the 1910ies in Russia. Moscow. 356 p.

Kulikova E.Y. (2015) "The Distant Skies" of Nikolay Gumilev: Poetry. Prose. Translations. Novosibirsk. 272 p.

Lekmanov O.A. (2000) The Book on Acmeism and Other Works. Tomsk. 704 p.

Magomedova D.M. "I am alone... and a broken mirror...": Literary Masks of Sergei Yesenin (Article One). *The New Philological Bulletin*. 2005. No 1, pp. 66–77.

Mandelshtam O.E. On the Word Nature. In: Mandelshtam O.E. Works: In 2 vols. Vol. 2. Prose. Moscow. 1990, pp. 172–187.

Meletinsky E.M. (1976) The Poetics of Myth. Moscow. 408 p.

Mints Z.G. On Some "Neomythological" Texts in the Works of Russian Symbolists. In: Mints Z.G. The Poetics of the Russian Symbolism. St.-Petersburg. 2004, pp. 59–96.

Nikolaeva S.Y. The Plot about Adam in N.S. Gumilev's poetry. In: Works of N. Gumilev and A. Akhmatova in the Context of Russian Poetry of the 20th Century: Materials of the Regional Academic Conference dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of Anna Akhmatova. Tver. 2002, pp. 19–25.

Piotrovsky M.B. Adam. In: The World Myths: In 2 vols. Vol. 1. Moscow. 1980, pp. 39–43.

Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism. *Slavic and East European Journal*. 1988. Vol. 32. No 1, pp. 84–96.

Skryabina T. Acmeism. In: The Encyclopedia "Krugosvet". Available at: krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/AKMEIZM.html (16.04.2017).

Struve G.P. Gumilev's Creative Career. In: N.S. Gumilev: Pro et contra. St.-Petersburg. 2000, pp. 555–582.

Timenchik R.D. (2017) Underground Classics: Innokentiy Annensky. Nikolay Gumilev. Moscow. 776 p.

Zobnin Y.V. (2001) N.S. Gumilev's Works and Orthodoxy. Thesis (PhD). St.-Petersburg. 398 p.

Сведения об авторе:
Антон Владимирович Филатов,
магистрант
кафедра теории литературы
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anton Filatov,
Graduate Student
Department of Theory of Literature
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
fil201292@yandex.ru

**THE CONTENT OF THE CONCEPT "ADAMISM"
AND TEXTS OF N. GUMILEV CONTAINING THE ADAMIC MYTH**

В.В. Добровольская

Готовимся преподавать РКИ

Аннотация: В статье представлен перечень задач и обязанностей начинающего преподавателя РКИ, построенный на основе анализа содержания дисциплины РКИ. Цель статьи – помочь начинающему преподавателю осознать стоящие перед ним задачи и подготовиться к их решению в ходе обучения своей будущей специальности.

Ключевые слова: РКИ в системе вузовского обучения, прикладная дисциплина, коммуникативная ориентация курса обучения, построение и оснащение курса РКИ, роль преподавателя в процессе обучения РКИ

Abstract: The article revises the author's decades-long personal experience of teaching Russian as a foreign language with the intent to develop a set of objectives for the future teacher of RFL so that they the scope of work to be done while in college.

Key-words: Russian as a foreign language, RFL as a college subject, applied discipline, communication-based approach, structure and technical equipment of a RFL course, RFL teacher's role

Приступая к освоению новой профессии – в нашем случае профессии преподавателя русского языка как иностранного – будущий специалист, естественно, хочет знать, в чем состоят его главные задачи и обязанности, какие стороны предмета и какие условия его преподавания он должен иметь в виду, чтобы сознательно и ответственно выполнить свою работу. Данная публикация адресована начинающему преподавателю РКИ, проходящему очные или дистантные курсы переквалификации и получающему право преподавать РКИ. Небесполезна она будет и для выпускника-филолога, получающего соответствующую подготовку. В ней мы постараемся кратко описать те задачи, которые преподаватель РКИ должен иметь в виду на протяжении всей своей педагогической деятельности и к решению которых он должен по возможности подготовиться уже в процессе обучения своей новой специальности.

Представляется очевидным, что осознание своих задач в рамках профессии преподавателя РКИ нужно начать с определения места, которое занимает эта профессия в системе вузовской подготовки иностранцев, включающей ее в свою программу, и – более широко – в систему преподавания РКИ в целом. РКИ – прикладная дисциплина, поскольку ее преподавание не является самоцелью, а лишь обеспечивает для иностранных учащихся возможность овладеть будущей специальностью, а для других учащихся, овладава-

щих РКИ вне рамок вуза, – подготовку к какой-либо деятельности, осуществляемой на русском языке. Но в то же время РКИ и одна из основных дисциплин вузовского курса для иностранцев или курса подготовки специалистов, поскольку она – и только она – обеспечивает для них реальную возможность овладеть русским языком в достаточной степени для будущей адекватной деятельности на этом языке. Этот двойственный характер дисциплины РКИ требует от преподавателя определенного подхода к предмету преподавания, а именно – осознания того факта, что в целом РКИ очень нужен иностранным учащимся, но нужен настолько и поскольку он обеспечивает им практическое овладение русским языком с учетом целей его изучения конкретным контингентом учащихся. Поэтому первое, что должен иметь преподаватель РКИ, начинающий занятия, – это четкое представление *кого и для чего* (для какой практической цели) он обучает в данном конкретном случае.

Современная методика преподавания РКИ справедливо считает, что наиболее эффективным принципом организации, подачи, отработки и контроля усвоения материала РКИ является коммуникативная ориентация процесса обучения. Учебный материал по РКИ организуется с учетом таких факторов, как практическая ориентация обучения, ситуативно-тематический принцип группировки информативного материала, функциональный подход к организации языкового материала, подача лексики и морфологии на синтаксической основе, концентрическое расположение материала при построении пролонгированного курса обучения, учет родного языка учащихся, наличие методического комментария любой единицы языкового материала, ориентированного (?сфокусированного на практической деятельности...) на практическую речевую деятельность учащихся. Принцип коммуникативной ориентации обучения является одним из главенствующих для всех категорий учащихся на всех стадиях обучения. Поэтому каждый шаг в преподавании РКИ – это продвижение к овладению коммуникативно значимым, реально важным для учащихся материалом, необходимым им для реального общения на изучаемом языке.

Посмотрим теперь, какие конкретные задачи ставит этот принцип перед преподавателем РКИ.

Для правильного отбора, организации и подачи учебного материала курса РКИ преподавателю необходимо:

- углубленное знание системы русского языка, организованной функционально в целях преподавания языка как средства общения. Такие знания дают слушателям очных и дистантных курсов лекции по функциональной фонетике, лексике, грамматике и стилистике, включенные в программу курсов переподготовки. Кроме того, учебники, учебные пособия и материалы по РКИ, по которым производится обучение этому предмету, составлены, как правило, с учетом этого принципа и представляют пользователю функционально организованный материал;
- знание основ системы обучения видам речевой деятельности: чтению, аудированию, говорению и письменной речи – как методической базы организации и изложения языкового материала курса РКИ. В учебные программы подготовки преподавателя РКИ включается курс «Виды речевой деятельности», который является одним из основных в системе подготовки будущих преподавателей;
- представление о содержательной информативной стороне учебного процесса по РКИ, о принципах подбора и организации текстотеки курса РКИ. Преподаватель должен уметь подбирать текстовый материал для работы на занятиях с учётом конкретных задач обучения и обрабатывать его, т. е. создавать учебный аппарат текстов в соответствии с целью их употребления на занятии;

– умение подбирать и организовывать систему заданий по развитию произносительных, лексических и грамматических навыков, а также навыков и умений в четырех видах речевой деятельности в соответствии с закономерностями формирования конкретных навыков или умений, которые могут быть востребованы в процессе обучения. Умение давать адекватную формулировку задания с учетом его целевой направленности, операционного состава и языкового диапазона, определять последовательность расположения заданий в ходе учебного процесса и объединять их в блоки, ведущие к одной цели.

Кроме того, для преподавателя РКИ обязательны:

– знакомство с существующим (и ныне действующим) оснащением учебного процесса по РКИ, умение анализировать учебники, учебные пособия и учебные материалы по РКИ с позиций коммуникативной методики, умение работать по ним системно и выборочно;

– знакомство с лексическими минимумами по РКИ разных этапов и форм обучения, с принципами их составления и закономерностями их использования. Умение производить отбор и коррекцию лексического минимума конкретного курса обучения;

– знакомство с ныне действующей системой тестирования по РКИ как одной из унифицированных форм контроля усвоения материала и определения уровня обученности. Умение использовать на практике существующие тестовые материалы ТРК-1, ТРК-2, ТРК-3 и ТРК-4;

– знакомство с техническим оснащением современного учебного процесса по РКИ. Умение пользоваться интернет-материалами для реализации обучения в курсе РКИ.

Следует также иметь в виду две характерные особенности деятельности преподавателя РКИ, которые связаны с местом этого предмета в системе обучения иностранцев. Первая заключается в том, что преподаватель РКИ решает задачи трех видов. Он выступает как исследователь языкового материала, поскольку материал конкретного курса обучения РКИ нередко может представить его вниманию языковые явления, не описанные в лингвистической литературе и в то же время требующие неотсроченного объяснения в ходе учебного процесса. Он выступает как методист, поскольку каждое изучаемое языковое явление должно быть представлено учащимся в методическом ракурсе, причем предлагаемый преподавателем методический комментарий должен быть понятен и доступен конкретным учащимся. И, наконец, он выступает как собственно преподаватель, т. е. как передатчик знаний и формирователь навыков и умений их употребления посредством адекватных педагогических действий. И эти три вида задач преподаватель РКИ решает с первого и до последнего дня своей педагогической деятельности.

Вторую особенность деятельности преподавателя РКИ важно иметь в виду при работе в группе пролонгированного обучения, где его роль изменяется в зависимости от фазы работы группы. Акцент его работы и характер стоящих перед ним задач меняется по мере перехода от стадии, предшествующей началу работы в группе, к начальной стадии формирования коллектива группы, затем к стадии регулярного обучения с включением обобщающих и контролирующих уроков и, наконец, к завершающей предэкзаменационной фазе обучения. Лишь отчетливо представляя особенности определенного этапа работы группы и его конкретные задачи, преподаватель может добиться максимальной эффективности обучения.

Преподаватель РКИ постоянно работает над своей педагогической речью, которая в дисциплине РКИ является частью (и немаловажной) содержания обучения. Он учитывает, с каких позиций оценивается педагогическая речь преподавателя в процессе обучения

и оптимизирует ее по мере возможности. Особенно значима речь преподавателя РКИ на уроке при обучении вне языковой среды.

Преподавателю РКИ нужно следить за тем, в кругу каких учебных дисциплин, в кругу каких ситуаций практической деятельности учащегося находится его предмет в каждом конкретном случае и искать (или организовывать) связи и контакты, сближающие эти дисциплины и эти ситуации с преподаванием языка, организуя для этого информативный и языковой материал курса.

Заметим, что, выполняя вышеперечисленные задачи, преподаватель РКИ реализует свой творческий и когнитивный потенциал, лишь вырабатывая свое личное отношение к существующим методическим рекомендациям и нерешенным вопросам в преподавании РКИ. Процесс оценки имеющегося опыта преподавания РКИ проходит параллельно с накоплением преподавателем собственного опыта.

В заключение нашего рассуждения приведем две цитаты, тоже носящие, на наш взгляд, характер рекомендаций к деятельности начинающего преподавателя. Так, Ян Амос Коменский говорит: «Следует постоянно освежать в памяти молодых людей золотое правило: ничего лишнего! Дабы можно было бы сохранить их от пресыщения». Слова Коменского в нашем случае можно интерпретировать как соблюдение меры (необходимо и достаточно!) как в объеме материала, предлагаемого учащимся на занятии, так и в пространности объяснения материала, даваемого преподавателем. Дабы у учащихся не возникло пресыщения предметом.

А В.О. Ключевский дает нам краткое определение, что значит вообще быть хорошим преподавателем. Он говорит: «Чтобы быть хорошим преподавателем, надо любить то, что преподаешь, и тех, кому преподаешь». И это, на наш взгляд, совершенно верно и по отношению к предмету нашего рассуждения – преподаванию РКИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрюшина Н.П., Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И. Типовой образ личности инофона как основа разработки лексического минимума // Язык. Литература. Культура. Вып. 7. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 259–266.
2. Добровольская В.В. Исследователь – методист – преподаватель // Язык. Культура. Человек. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 89–96.
3. Добровольская В.В. Роль преподавателя как составная часть содержания учебно-го процесса в курсе РКИ // Пространство языка – пространство культуры. М.: МАРХИ, 2013. С. 101–103.
4. Добровольская В.В. Текстотека курса РКИ (новое прочтение термина) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 15. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 238–243.
5. Добровольская В.В. Коммуникативная направленность обучения в современном курсе РКИ // Stephanos. 2015. № 1 (9). С. 167–172.
6. Подшивалова Е.А. Учебно-методическая разработка по формированию навыков использования нормативных словарей русского языка в иностранной и русскоязычной аудитории // Язык. Литература. Культура. Вып. 11. М.: МАКС Пресс, 2015.

REFERENCES

1. Andryushina N.P., Afanasieva I.N., Dunayeva L.A., Klobukova L.P., Krasilnikova L.V., Yatsenko I.I. A Typical Image of the International Student as the Basis for Making Up a Minimal Glossary. In: Yazyk, Literatura, Kultura. No 7. Moscow. MAKSS Press. 2011, pp. 259–266.
2. Dobrovolskaya V.V. Researcher – Methodologist – Instructor. In: Yazyk, Literatura, Kultura. No 7. Moscow. MAKSS Press. 2008, pp. 89–96.

3. Dobrovolskaya V.V. The Teacher's Role as Part of the Process of Training RFL Tutors. In: The Space of Language – The Space of Culture. Moscow. Moscow Institute of Architecture (State Academy) Press. 2013, pp. 101–103.
4. Dobrovolskaya V.V. The Textoteque of the Course of Russian as a Foreign Language. In: Word, Grammar, Discourse. No 15. Moscow. MAKS Press. 2014, pp. 238–243.
5. Dobrovolskaya V.V. Communicative Orientation of Teaching in the Modern Courses. *Stephanos*. 2015. No 1(9), pp. 167–172.
6. Podshivalova E.A. A Guidebook to the Use of Dictionaries in the Classroom of International Learners of Russian. In: Yazyk, Literatura, Kultura. No 11. Moscow. MAKS Press. 2015. С. 270–281.

Сведения об авторе:
 Валерия Васильевна Добровольская,
 доцент
 кафедра русского языка
 для иностранных учащихся
 естественных факультетов
 филологический факультет
 МГУ имени М.В. Ломоносова

Valeria V. Dobrovolskaya,
 Associate Professor
 Russian Language for Foreign Students
 Natural Faculties
 Lomonosov Moscow State University

THE MAKING OF THE TEACHER OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Ван Юэхань

К вопросу о фонетических и лексических трудностях при изучении русского языка китайскими учащимися

Аннотация: Природа китайского и русского языков различна, поэтому у китайских студентов возникает немало трудностей при изучении русского языка. В данной статье автор анализирует два уровня языковых трудностей, которые возникают у китайских учащихся при изучении русского языка: фонетический (фонетические трудности) и грамматический (морфологические; и синтаксические трудности), чтобы обратить внимание студентов и преподавателей на необходимость учета специфических особенностей русского и китайского языков при организации учебных занятий с китайскими учащимися и при подготовке учебных материалов, ориентированных на китайскую аудиторию.

Ключевые слова: языковые трудности, фонетические трудности, грамматические трудности, китайские учащиеся, обучение русскому языку

Abstract: The nature of the Russian language is completely different from the Chinese language, therefore the difficulties of studying the Russian language of Chinese students are particularly acute. Researchers of the Russian language point out that Chinese learners fail to master the Russian language, both in the vocational and industrial perspective, and in the social sphere of Communication. One of the main reasons for this is the existence of a certain body of difficulties encountered by a Chinese student studying the Russian language. In this article, the author will analyze the difficulties that Chinese students face when studying the Russian language at two levels: the phonetic level (phonetic difficulties) and the grammatical level (morphological and syntactic difficulties). This re-search aims to draw the attention of students and teachers to take specific features of Russian and Chinese languages into account in organizing training sessions with Chinese students and in the preparation of educational materials.

Key words: language difficulties, phonetic difficulties, grammatical difficulties, Chinese students, teaching Russian language

Китай и Россия – великие державы, имеющие тысячелетние дружеские связи в различных сферах. В связи с успешным и перспективным сотрудничеством Китая и России в разных областях: политической, торгово-экономической, образовательной и культурной – возросла потребность в специалистах со знанием русского языка; постоянно растет интерес к его изучению, в том числе в китайских

вузах и школах. После того как Китай и Россия вступили во Всемирную торговую организацию (ВТО), перед китайско-русскими торговыми отношениями открылись новые горизонты, поэтому сейчас на рынке требуются специалисты с хорошим знанием русского языка. В связи с этим в настоящее время в Китае уделяется большое внимание обучению русскому языку, особенно формированию у студентов коммуникативных навыков, что позволит будущим китайским специалистам в различных профессиональных сферах деятельности свободно общаться на русском языке с российскими коллегами.

Однако, несмотря на востребованность русского языка в китайском обществе, наличие в китайских учебных заведениях профессионально подготовленных преподавателей-русистов и программ обучения русскому языку для различных контингентов учащихся, исследователи отмечают недостаточный уровень владения китайцами русским языком как в профессионально-производственной, так и в социально-бытовой сферах общения. Одной из основных причин этого является наличие определенного корпуса трудностей, с которыми сталкивается китайский учащийся, изучающий русский язык.

Сопоставительным изучением русского и китайского языков занимались как российские ученые (В.М. Алексеев, А.Д. Леонтьев, И.С. Гуревич, В.В. Каверина, Р.С. Панова, В.Ф. Щичко и др), так и китайские исследователи (Тань Аошуан, Чэнь Юни, Чжао Юйцзян, Лю Цянь, Лю Лиминь, Лю Ли, Ван Шуан, Чжао Син и др.).

В данной статье рассматриваются характерные трудности в обучении китайских студентов устной русской речи по двум уровням:

на фонетическом уровне (фонетические трудности);

на грамматическом уровне (морфологические; и синтаксические трудности).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

Как известно, наиболее часто китайские студенты сталкиваются с фонетическими трудностями в процессе овладения особенностями устной русской речи. В связи с тем, что в системах двух языков (в ударении, интонации, произношении) существуют большие различия, китайские студенты как правило испытывают большие трудности в ходе коммуникации. Особо следует отметить различия в звуковой, просодической и интонационной системах.

Прежде всего, трудность для китайских студентов при освоении фонологической системы русского языка представляет различие звонких и глухих согласных звуков. При говорении и аудировании китайские студенты легко путают звонкие и глухие согласные, не чувствуют разницы между ними. Это происходит в результате влияния родного языка учащихся: в китайском литературном языке (путунхуа) не существует противопоставления звонких и глухих согласных звуков. Соответствующие смычные согласные образуют пары, различающиеся по наличию / отсутствию придыхания. В китайском языке всего четыре звонких согласных: «т», «п», «л», «г», все остальные – глухие звуки. Это приводит к тому, что в произношении и понимании учащихся сохраняются ошибки типа: «папа» – «баба», «пить» – «бить», «том» – «дом», «кость» – «гость», «собор» – «зобор», «сахар» – «захар» и т. д.

Звук (р) отсутствует в китайском языке, что создает особую трудность для китайских студентов. Они часто произносят звук (л) вместо (р), например: «рыба» – «лыба», «журнал» – «жулнал», «лимон» – «римон».

Сходные ошибки встречаются также в смешениях произношений [ц] / [ч], [м] / [н]. На месте звуков [р], [ц], [ч], [м] китайские студенты часто произносят [л], [ч], [ц], [н] соответственно. Например: «цистый» (правильно: чистый); «улича» (правильно: улица), ц[ц']ашка (правильно: чашка); транвай (правильно: трамвай); инбирь (правильно: имбирь) и т. п.

Русское ударение – это для китайцев особая проблема, вызывающая много ошибок. Приведем несколько примеров: «зáмок / замóк», «úже / ужé», «острoтá / острóта», «жáркoе / жаркóе», «жáркoе лето / вкусное жаркóе», «в крúжке / в кружкé» и т. п. В китайском языке отсутствует явление ударности и безударности, поэтому все гласные произносятся одинаково отчетливо.

Из всех типов русской интонации самой трудной для китайских учащихся является интонация вопросительного предложения без вопросительного слова; в китайском языке вопросы в большинстве случаев образуются с помощью вопросительной частицы. Например: «Она завтра приезжает?»; «Урок начался?» «Экзамен на следующей неделе?», «Спектакль закончился?». В этих случаях китайские студенты легко путают вопросительные предложения с повествовательными предложениями.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ

Русский язык – синтетический язык, отличающийся флективным характером всей грамматической системы: специфика словообразовательных связей, особенности сочетания слов и предложений, сочетание флективных форм изменения слов с предложными формами, сложная видовременная система глагола, а также порядок слов и ритмико-интонационное оформление русских предложений. Китайский язык, в отличие от русского, характеризуется, прежде всего, номинативным строем и грамматически значимым порядком слов, препозицией определения, а также агглютинативным строем: отсутствием числа, предлогов, лица, категории рода, падежа, оформляемых флексиями.

Как справедливо считает Тань Аошун, в отличие от русского языка, грамматическая система китайского языка «не открыта» для непосредственного наблюдения в силу слогоморфемного характера его основной единицы – слова и отсутствия внутренней флексии (Тань Аошун 1991: 72). В связи с этим китайские учащиеся испытывают серьезные трудности на всех этапах обучения русскому языку. Проиллюстрируем эту мысль примерами разных по смыслу предложений, которые составлены из шести иероглифов (в скобках даны их основные значения):

Эти примеры не исчерпывают все возможные варианты предложений, а только представляют наиболее показательные из них:

我wǒ (я), 喜欢xǐhuan (нравиться), 的de (притяжательная частица), 是shì (быть / есть / являться), 好hǎo/hào (хорошо/любить), 人rén (человек).

我喜欢的是好人 Мне нравится хороший человек.

我喜欢人是好的 Мне нравится, что человек хороший.

好的是我喜欢人 Хорошо то, что мне нравится человек.

好的是人喜欢我 Хорошо то, что я нравится человеку.

好人喜欢的是我 То, кто нравится хорошему человеку, это я.

我wǒ (я), 吃chī (кушать / есть), 的de (притяжательная частица), 是shì (быть / есть / являться), 他tā (его / он), 梨lí (груша).

我吃的是他的梨 Я кушаю его грушу.

他吃的是我的梨 Он кушает мою грушу.

Большие трудности у китайцев вызывает категория «виды глагола», которая полностью отсутствует в китайском языке. В отличие от русского языка, где характер протекания действия выражается категорией вида в самой форме глагола, в китайском языке характер протекания действия выражается вне глагола, и для передачи видовых значений русского глагола используются синтетический, аналитический и лексико-семантический способы. Так, например, в китайском языке категории СВ и НСВ выражаются в предложении зависимыми от глагола членами, а не представлены как морфологические категории глагола на лексическом уровне, подобно русскому глаголу совершенного и несовершенного вида, например: zuo – делать, сделать; huan – вернуть, возвращать

В китайском языке не существуют категории переходности. Один глагол может быть и непереходным и переходным, это зависит от его от функции, выполняемой им в контексте. Например: dakai – открывать, открываться; chuan yifu – одевать, одеваться; ganxin – интересоваться, интересоваться.

Еще одну грамматическую трудность у китайских учащихся вызывает лексико-грамматическая тема «Глаголы движения». Глаголы движения вступают в оппозицию по признакам направленности и кратности. Например: идти – пойти – ходить; ехать – поехать – ездить. В китайском языке однонаправленному и разнонаправленному движению соответствует один китайский глагол. Например, zou обозначает глаголы «идти» и «ходить»; xingshi – глаголы «ехать» и «ездить».

В синтаксисе русского и китайского языков основные различия целесообразно проследить на уровнях словосочетания и предложения. Эти различия, прежде всего, связаны с порядком слов. Порядок слов в русском языке представляет собой трудную тему для китайских учащихся. Синтаксис китайского языка характеризуется номинативным строем, относительно фиксированным порядком слов «подлежащее – сказуемое – дополнение»: в русском языке порядок слов относительно свободен. Если в русском предложении подлежащее занимает постпозитивную по отношению к сказуемому позицию, то при переводе на китайский язык оно должно быть переставлено в препозитивную позицию. Например: «Над столом висит лампа» – 灯悬挂在桌子上方; «Единственной целью студентов стала сдача экзамена» – 通过考试成为了学生的唯一目的.

Рассмотренные в данной статье языковые трудности, которые возникают у китайских учащихся при изучении русского языка, имели своей целью привлечь внимание студентов и преподавателей на необходимость учета специфических особенностей русского и китайского языков при организации учебных занятий с китайскими учащимися и при подготовке учебных материалов, ориентированных на китайскую аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ли Дань. Методика обучения профессиональному общению студентов-филологов на русском языке в социокультурных условиях Китая: Автореф. дисс. ... канд. педагог. наук. М., 2008. 199 с.
2. Лю Лиминь. Русский язык в Китае. По материалам газеты «Жэньминь жибао». 14 октября 2004 г. 3 с.

3. Ма Чуньюй. Методические ресурсы Интернета в обучении русскому языку как иностранному в условиях китайского языкового вуза (начальный этап): Дисс. ... канд. педагог. наук. М., 2006. 173 с.
4. Чжан Цзыли. Методические основы использования ресурсов Интернета при обучении русскому языку как иностранному (в условиях китайского языкового вуза): Автореф. дисс. ... канд. педагог. наук. М., 2002. 164 с.
5. Тань Аошуан. Место грамматики в традиционной науке Китая // Филологические науки. 1991. № 5. С. 69–75.
6. Фэн Шисюань. Изучение русского языка китайскими студентами: проблемы, возможности, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 2. С. 70–74.
7. 郑翠玲, 目前大学俄语教学存在的主要问题及对策, 外语研究 2013 (12) / Чжэн Цуйлин. Основные проблемы преподавания русского языка в вузах на современном этапе и пути их решения // Изучение иностранных языков. 2013. № 12. С. 70–74.
8. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М., 1990. 334 с.
9. Остапенко А.И. Обучение русской грамматике иностранцев на начальном этапе. М., 1987. 144 с.
10. Ян Фан. Обучение русскому языку китайских студентов-русистов // Язык и культура. Томск, 2014. № 1. С. 168–173.

REFERENCES

1. Li Dan. The Methods of Teaching the Students-philologists to the Russian Language Professional Communication in the Social and Cultural Conditions of China. Abstract. Diss. Cand. Teacher of Sciences. Moscow. 2008. 199 p.
2. Liu Liming. Russian language in China. According to the newspaper Renmin Ribao. 14 October 2004. 3 p.
3. Ma ChunYu. Methodological Internet Resources in Teaching Russian as a Foreign Language in Chinese Language School (nachalny stage). Diss. Cand. teacher of Sciences. Moscow. 2006. 173 p.
4. Zhang Zili. Methodical Bases of Use of Internet Resources in Teaching Russian as a Foreign Language (Chinese Language School). Abstract. Diss. Cand. teacher of Sciences. Moscow. 2002. 164 p.
5. Tan Aoshuang. The Place of Grammar in the Traditional Science of China. *Philological Sciences*. 1991. No 5, pp. 69–75.
6. Feng Sichuang. The Study of Russian Language to Chinese Students: Problems, Possibilities, Perspectives. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 2015. No 2, pp. 70–74.
7. Zheng Cuiling. The Main Problems of Russian Language Teaching in Universities at the Present Stage and Ways of their Solution. *The Study of Foreign Languages*. 2013. No 12, pp. 70–74.
8. Shchukin A.N. (1990) Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow. 334 p.
9. Ostapenko A.I. (1987) Teaching Russian Grammar to Foreigners at the Initial Stage. Moscow. 144 p.
10. Yang Fan. Teaching Russian to Chinese Students-specialists in Russian Philology Language and Culture. Tomsk, 2014. No 1, pp. 168–173.

Сведения об авторе:
Ван Юэхань,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Wang Yuehan,
Graduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
wang491843999@163.com

**HELPING CHINESE STUDENTS TO MASTER RUSSIAN PHONETICS
AND LEXICOLOGY**

Программы

Programs

В журнале Стефанос (№ 4(18) за 2016 г.) была опубликована программа учебной дисциплины «История лингвистических учений» доц. О.А. Волошиной. Для успешного освоения дисциплины студентам были предложены методические материалы, раскрывающие более подробно отдельные темы курса. В этом номере журнала предлагаются материалы, сопровождающие следующие темы курса: «Языкознание древней Индии», «Языкознание в древней Греции», «Всеобщая рациональная грамматика» Пор-Рояль», «Философия языка Вильгельма фон Гумбольдта» и «Психологическое направление в языкознании XIX в.». Материалы содержат перечень основных вопросов, требующих подробного обсуждения в рамках каждой темы, тексты для дополнительного чтения, список тем для рефератов и коллоквиумов, контрольные вопросы. Материалы предназначены для организации самостоятельной работы студентов, слушающих лекционный курс «История лингвистических учений».

О.А. Волошина

«История лингвистических учений». Вспомогательные материалы по курсу

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Тема 1. Язык и культура древней Индии. Ригведа как фундамент индийской цивилизации, источник литературы, культуры и науки. Совокупность дисциплин, необходимых для чтения и понимания гимнов Ригведы. Роль фонетических трактатов и этимологического анализа слов для правильной трансляции и понимания текстов Ригведы. Алфавит санскрита как результат рефлексии индийских языковедов над артикуляционно-акустическими характеристиками звуков и над ролью звуков в языке¹.

Представление древних индусов о грамматике как царице наук, фундаменте всей человеческой цивилизации².

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волошина О.А.* Языкознание в древней Индии // Русский язык в школе. М., 2015. № 8. С. 49–55.

2. *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука. 1979. С. 36–88.

ВОПРОСЫ

1. Расскажите о составе и содержании Ригведы.
2. Богиня Вач в текстах Ригведы, описание ее функций и места в пантеоне индийских богов.

¹ См. Приложение 1.

² Полужирным шрифтом выделены темы, обязательные для обсуждения, и вопросы, ответы на которые необходимо дать для получения положительной оценки..

3. Почему грамматика (наука о языке) наряду с фонетикой, этимологией и правилами проведения ритуалов считалась необходимой дисциплиной, задачей которой являлось толкование текстов Ригведы?

4. Почему роль грамматиста приравнивалась к роли жреца-брахмана?

5. Прокомментируйте слова Бодуэна де Куртенэ: «Одному только древнеиндийскому (санскритскому) алфавиту... свойственен порядок, основанный на физиологическом и акустическом родстве и на естественной последовательности ассоциируемых с графемами произносительно-слуховых элементов. Поэтому изучение санскритского алфавита может служить прекрасным введением в общую фонетику» [Бодуэн де Куртенэ, 1912: 91]¹.

Тема 2. Восьмикнижие Панини как вершина лингвистической мысли древней Индии.

Принципы описания языка в грамматике Панини. Ступени чередования гласных в корне при словоизменении и словообразовании санскрита.

Понятие морфемы и правила синтеза словоформ в рамках индийской лингвистической традиции. Словоформа как цепочка морфем, понятие нулевой морфемы.

Теория о караках в свете описания семантико-синтаксических особенностей глаголов.

Особенности понятийно-терминологической структуры грамматики Панини. Технические термины в корпусе Восьмикнижия.

ВОПРОСЫ

1. Содержание и композиция грамматики Панини «Восьмикнижие».
2. Шива-сутры как ключ к пониманию грамматики Панини. Морфонология в Восьмикнижии.
3. **Принцип описания языка в грамматике Панини.** Почему грамматика в индийской традиции называется व्याкарана («расчленение, анализ»).
4. **Понятие морфемы (корневой и аффиксальной) и правила синтеза словоформ в рамках индийской лингвистической традиции.**
5. Понятие карака в индийской грамматике.
6. Лингвистическая терминология в грамматике Панини. Понятие пратьяхары и класса языковых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Волошина О.А. О структуре и лингвистической терминологии грамматики Панини // Вестник РГГУ. №9/10, 2010. С. 161–172.

Димри Дж. П. Панини и его «Восьмикнижье» // Народы Азии и Африки. М, 1973. № 6. С. 96–103.

Катенина Т.Е., Рудой В.И. Лингвистические знания в древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980. С. 66–92.

Тема 3. Лексикографическая традиция в древней Индии. Словарь синонимов Амаракоша как отражение представления о мире древних индусов. Содержание первой книги словаря: перечень имен божеств, названия планет, времен года, эмоционального и ментального состояния человека. Представление о речи в словаре Амаракоша.

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.

ВОПРОСЫ

1. Структура словаря тезауруса Амаракоша. Идеографический словарь как отражение национального мировидения.
2. Перечень синонимов как способ представления понятия. Списки имен божеств как свернутые мифологические сюжеты¹.
3. Прокомментируйте слова известного индолога С.Ф. Ольденбурга о значимости заучивания наизусть словаря Амаракоша в системе образования индусов: «Это выучивание... раскрывало перед мальчиком тысячами слов-терминов большую часть того сложного и богатого культурного мира, к которому он приобщался, он как бы сразу получал известное энциклопедическое образование при помощи этих синонимов» (Ольденбург 2009: 131)².

ЛИТЕРАТУРА

Волошина О.А. Словарь Амаракоша как отражение индийского мировоззрения // Риторика. Семиотика. Языкознание: Сборник статей к 70-летию профессора А.А. Волкова. М.: Добросвет, 2016. С. 368–385.

Парибок А.В. О методологических основаниях индийской лингвистики // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981. С. 155–176.

Тема реферата: Структура словаря тезауруса. Тезаурус как отражение мировоззрения (на материале индийского словаря Амаракоша или словаря конца XVIII в. П. Палласа).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА К РЕФЕРАТУ

1. Волошина О.А. «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа // Вестник Нижегородского государственного университета. Филология. Нижний Новгород. 2012. № 6. С. 354–361.

Тема 4. Идеи индийских языковедов в европейской науке о языке. «Санскритские очки» европейской лингвистики. Учение о «внутренней флексии» (грамматическом чередовании гласных в корне слова) в европейской лингвистике первой половины XX века. Зарождение морфонологии в европейской науке о языке.

Представление о морфемном членении слова. Попытка сопоставлять не отдельные слова, а систему морфем (глагольных флексий) как основа методики доказательства языкового родства. Значение понятия морфемы и морфемной структуры слова для развития типологии.

Учение о глубинных (семантических) падежах в языкознании XX в. и теория о караках в древнеиндийской грамматике Панини.

Уникальность грамматики Панини как «грамматики говорящего», как описания механизма порождения всех возможных словоформ санскрита.

Вопрос для коллоквиума: Влияние достижений индийской грамматической мысли на европейское и американское языкознание XIX–XX вв.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ ПО ТЕМЕ

1. Волошина О.А. Судьба древнеиндийского dhātu в европейской лингвистике // Индо-европейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 2015. С. 151–157.

2. Крушевский Н. К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма (1881) // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 71–95.

¹ См. Приложение 2.

² Ольденбург С.Ф. Основы индийской культуры // Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М., 2009.

3. *Топоров В.Н.* О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков // Краткие сообщения Института народов Азии. LVII. М., 1961. С. 123–133.

4. *Филлмор Ч.* Дело о падеже (1968) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.

ВОПРОСЫ

1. Система ступеней древнеиндийского вокализма и попытка осмысления этого чередования как архаичной черты структуры индоевропейских языков (идеи Я. Гримма об аблауте в немецком языке, Н. Крушевский о чередовании в славянских языках и др.).
2. Влияние идей древнеиндийских грамматистов о морфемном членении слова на развитие типологии и сравнительно-исторического языкознания в европейской науке XIX в.
3. Возможная параллель между учением о караках индийских грамматистов и теорией глубинных падежей в американской науке о языке XX в.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Алфавит санскрита

Гласные

Гласные простые краткие и долгие	a	ā	i	ī	u	ū
Сонанты (краткие и долгие)	ṛ	ṝ	ḷ	ḹ		
Гласные дифтонгического происхождения и дифтонги	e	ai	o	au		

Согласные

	Глухой простой	Глухой придыхательный	Звонкий простой	Звонкий придыхательный	Носовой
Велярные	ka	kha	ga	gha	ṅa
Палатальные	ca	cha	ja	jha	ña
Церебральные	ṭa	ṭha	ḍa	ḍha	ṇa
Дентальные	ta	tha	da	dha	na
Лабиальные	pa	pha	ba	bha	va

Неносовые сонанты	ya	ra	la	va
Фрикативные шумные	ṣa	ṣa	sa	ha

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

В начале первой книги словаря Амаракоша представлены имена богов индийского пантеона. Каждое имя тянет за собой длинный ряд синонимов: Вишну *viṣṇu* 46 имен [Amarakosha 1889: 13¹], Шива *śiva* 52 имени [Amarakosha 1889: 20], Индра *indra* 35 имен [Amarakosha 1889: 26], Агни *agni* 34 имени [Amarakosha 1889: 34], Кама *kāma* 19 имен [Amarakosha 1889: 17], Ганеша 8 имен и т. п.

Приведем в качестве примера список имен Ганеши – слоголового бога мудрости и знаний, покровителя студентов.

Имени Ганеша нет в списке синонимов словаря Амаракоша, божество обозначается следующими синонимами:

vināyakovighnarāja-dvaimātura-gaṇādhipāḥ

aryekadanta-heramba-lambodara-gajānanāḥ

- 1) *vināyaka* – Устранитель препятствий, уносящий прочь, удаляющий
 - 2) *vighnarāja* – Владыка препятствий
 - 3) *dvaimātura* – Имеющий 2-х матерей (он сын Шивы и Парвати, а вторая мать – слониха)
 - 4) *gaṇādhipa* – Повелитель свиты
 - 5) *ekadanta* – Имеющий один бивень
 - 6) *heramba* – Хвастающийся
 - 7) *lambodara* – Имеющий большой живот, обладающий свисающим животом
 - 8) *gajānana* – Имеющий голову слона
- apī* – также, кроме того, далее, более того, несомненно, однако.

Имя бога часто представляет собой свернутый рассказ о каком-либо мифологическом сюжете, героем которого выступает именуемое божество. Мифологические сюжеты постоянно повторяются, при упоминании богов употребляются штампы – имена, эпитеты, атрибуты и т. п., причем определенная номинация встречается в контексте конкретного сюжета.

Множество историй объясняют необычную внешность слоноподобного Ганеши. Миф повествует о том, что супруга Шивы Парвати показывала всем своим родственникам прекрасного новорожденного сына. Один из родственников – Шани – обладал смертоносным взглядом: стоило ему посмотреть на несчастного младенца, как голова сына Шивы оказалась испепеленной. Чтобы утешить несчастную Парвати, Шива наделил сына головой белого слона Айраваты – первого существа, встретившегося ему на пути.

Ганеша (Gaṇeśa (gaṇa + īśa)
Владыка свиты, толпы)

¹ The Nāmalingānuçāsana (Amarakosha) of Amarasinha with the Commentary of Bhānuji Dīkshīt. Bombay, 1889.

Другая история сообщает о том, как Ганеша потерял свой бивень, сражаясь с великаном Гаджамукхой: он сам отломил свой бивень и швырнул в противника. Наделенный магической силой бивень превратил великана в крысу, которая стала ездовым животным Ганеши. Согласно другой легенде Ганеша сломал перо, записывая под диктовку Вьясы Махабхарату. Стараясь не упустить ни слова, Ганеша отломил бивень и продолжил писать им.

«Повелителем препятствий», божеством, помогающим преодолевать препятствия разного рода, называют только Ганешу – это его постоянная номинация. Это имя связано со следующей историей: бог луны Сомы воздвиг храм Соманатх, посетив который каждый смертный освобождался от грехов и попадал в небесное царство. Толпы людей ринулись в Соманатх, паломников было так много, что Парвати повелела Ганеше, чтобы тот стал изобретателем препятствий на пути к спасению. Ганеша стал соблазнять людей богатством, омрачать их разум, заставляя забыть о небесном царстве. Люди молят Ганешу избавить их от этих препятствий – и Ганеша благосклонно внимает их мольбам. Не случайно ездовое животное Ганеши – крыса, умная и находчивая, которая преодолевает все препятствия, находит любую щель, чтобы продвинуться вперед и получить желаемое.

Тема 2. Языкознание в Древней Греции. Языковедческая проблематика в учениях древнегреческих философов. Гераклит Эфесский и Демокрит Фракийский о происхождении имен. Рассуждения о принципе номинации предметов и явлений в диалоге Платона «Кратил».

Грамматическая терминология и учение о категориях в «Поэтике» Аристотеля. Учение о частях речи и этимологический анализ в рамках теории языка стоиков.

Александрийские грамматики. Принцип выделения частей речи в работе Дионисия Фракийского. Спор об аналогии и аномалии как отражение разного понимания организации и развития языка.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

1. СПОР ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ ОБ ИМЕНАХ И ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

Одним из важнейших вопросов, стимулировавших развитие теории языка, явился спор античных философов об именах, – речь идет о дух точках зрения на природу вещей: отражает ли имя сущность названной вещи или имена устанавливаются людьми произвольно.

Знаменитым сторонником первой точки зрения, получившей название именования «по природе» (φύσει), был **Гераклит Эфесский** (540–475 до н. э.)¹, считавший, что имена даны вещам от природы: в звучании слова отражаются существенные признаки именуемого предмета, а люди могут более или менее верно угадать истинное имя вещи. Звучание слова не может быть случайным, оно подсказывает значение слова: «Луку (βίος) имя – жизнь (βίος), а дело – смерть» (фр. 39)². Человек не может произвольно поменять имя предмета, значит, это имя присуще самой вещи, является ее свойством.

Вторая точка зрения получила развитие в трудах **Демокрита Фракийского** (ок. 460 до н. э.; год смерти неизвестен), который считал, что имена вещам дают ономотеты (установители имен), т. е. номинация – дело рук человека, вещь именуется по договору, «по установлению, по обычаю» (θέσει, νόμῳ). В доказательство своего мнения Демокрит приводил многозначные слова: одно имя может называть несколько разных вещей; или синонимы – несколько имен называют одну и ту же вещь; кроме того, некоторые вещи вообще не имеют названий. Сторонники Демокрита называли своих рабов частицами и союзами, демонстрируя условность и изменчивость имени, данного человеком.

Этот спор нашел отражение в диалоге Платона (427–347 до н. э.) «Кратил, или О правильности имен», в котором учитель Платона Сократ выносит суждение о споре Кратила и Гермогена. Позиция Кратила: «существует правильность имен, присущая каждой вещи от природы»; Гермоген считает, что «ни одно имя никому не врождено от природы, оно зависит от закона и от обычая тех, кто привык так называть несколько разных вещей» [Платон, 2009: 217]. Сократ сначала поддер-

¹ Гераклит Эфесский считается одним из основателей диалектики, им сформулирован ряд знаменитых положений: «Все течет, все изменяется»; «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку»; «Я познал самого себя»; «Пределы души ты не сможешь обнаружить, даже если пройдешь все пути – столь глубокую сущность имеет она».

² Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996. С. 35.

живаает Кратила, доказывая мотивированность наименований, он обнаруживает связь между звучанием слов и природой обозначаемых вещей. Сократ говорит: «Кратил прав, говоря, что имена у вещей от природы и что не всякий мастер имен, а только тот, кто обращает внимание на присущее каждой вещи по природе имя и может воплотить этот образ в буквах и слогах» [Платон 2009: 225]. Сократ вводит понятие «внутренней формы слова» – одинаковой или сходной идеи, которая лежит в основе наименований. Например, синонимы – слова, которые звучат по-разному, но выражают общую идею: «Астианакс и Гектор не имеют ни одной одинаковой буквы, кроме теты, но тем не менее означают одно и то же... И есть много других имен, которые означают не что иное, как “царь”» [Платон 2009: 230]. Устами Сократа Платон приписывает звукам выражение различных идей:

ρ – обозначает всякое движение, дрожание;

ι – все тонкое, что могло бы проходить через вещи;

α – громадное;

ο – округлое;

λ – скольжение;

ψ, ζ, ξ – дышащие звуки, обозначающие сотрясение, вспенивание и подобные действия и т. п. Далее предполагалось, что комбинация звуков отражает сложную идею, открывающую сущность именуемой вещи: «Имя есть некое подражание вещи» [Платон 2009: 272]. Поскольку ρ – обозначает движение, этот звук встречается в словах *ρεῖν течь*, *ροή течение*, *τραχός неровный* и т. п. «Звук ρ... показался присвоителю имен прекрасным средством выражения движения, порыва, и он много раз использовал его с этой целью... Я думаю, законодатель видел, что во время произнесения этого звука язык совсем не остается в покое и сильнейшим образом сотрясается. Поэтому, мне кажется, он и воспользовался им для выражения соответствующего действия» [Платон 2009: 268].

Однако далее, как это часто и бывает в диалогах Платона, Сократ поддерживает Гермогена, поскольку утверждает, что установитель имен может ошибаться и имя не всегда отражает природу вещи. Имя всего лишь отражение, копия самой вещи, которая может более или менее достоверно отражать сущность именуемой вещи. Где же истина? Она посередине, так как имена – «тени вещей»; первоначально названия, конечно, отражали суть вещей, но постепенно связь звучания и значения становилась все менее ясной, стала казаться произвольной. Мнение Сократа (и Платона) таково: есть нечто важнее имен, нужно исследовать то, что стоит за именами, т. е. идеи («не из имен нужно изучать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них самих» [Платон 2009: 283]).

2. УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ В ТРУДАХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ УЧЕНЫХ

Ученик Платона **Аристотель** (384–322 до н. э.) – философ-энциклопедист, в трудах которого получили развитие все отрасли современной ему науки: логики, физики, политики и др., однако в огромном наследии Аристотеля нет ни одного сочинения, посвященного проблемам языка. Аристотель касается лингвистических проблем тогда, когда явления языка мешают выражению и пониманию мысли: например, Аристотель рассуждает о многозначных словах, неправильное истолкование которых может привести к непониманию. Речь должна правильно, без искажения воплощать и передавать мысль, поэтому Аристотель уделяет речи и ее элементам достаточно внимания. В работе «Поэтика» Аристотель разрабатывает грамматическую терминологию. В 20-й главе «Поэтики» выделяются следу-

ющие части речи: элемент (звук / буква) – (στοιχείον), слог – (συλλαβή), союз – (σύνδεσμος), член – (ἄρθρον), имя – (ὄνομα), глагол – (ῥήμα), падеж – (πτῶσις – «падение»), предложение / речь – (λόγος).

СХЕМА ЧАСТЕЙ РЕЧИ ПО ТРАКТАТУ АРИСТОТЕЛЯ «ПОЭТИКА»

При описании звуков речи Аристотель опирался на их артикуляционные признаки. Использование артикуляционных признаков при описании звуков речи представляет собой значительное достижение Аристотеля. Слог он характеризует как сочетание гласного и согласного. Союз и член – служебные части речи, выделение которых наряду со «значащими» (знаменательными) словами представляет крупное научное достижение. Имя и глагол в «Поэтике» определяются на основе морфологического критерия – выражения категории времени. Имя – «звук сложный, значащий, без признака времени и такой, части которого не имеют самостоятельного значения». Глагол – «звук сложный, значащий, с признаком времени и такой, части которого не имеют самостоятельного значения». Падежами Аристотель называет формы имен и глаголов, которые отличаются от основных форм: это формы косвенных падежей, повелительного наклонения, времен, неличных форм глагола, наречные формы, а также формы, обозначающие вопрос, просьбу или приказание. Речь (λόγος) – «звук сложный, значащий и такой, части которого сами по себе имеют значение». Под этим термином понимается речевой отрезок любой длины (от слова до текста «Иллиады»).

Иногда термин ῥήμα Аристотель употребляет и для обозначения сказуемого (в том числе и именного). Грамматическая теория Аристотеля не отличает части речи от членов предложения, кроме того, наряду с морфологическими и синтаксическими признаками учитываются и логические (смысловые). Отождествление логики и языка отчетливо проявляется в учениях Аристотеля о категориях (см. Приложение I).

Трудами Аристотеля было заложено логико-грамматическое направление в языкознании, которое господствовало в науке вплоть до XVIII в.

УЧЕНИЕ СТОИКОВ О ЯЗЫКЕ

Дальнейшее развитие языкознание получило в трудах **стоиков** (III в. до н. э.), главой которых признается Хрисипп. (280–206 до н. э.). Наследие Хрисиппа огромно, однако до нас дошли лишь фрагменты и пересказ его теории.

Стоики активно развивали диалектику – учение об искусстве спора, об истинном и ложном, об означаемом и означающем. Таким образом, диалектика включала два раздела: об означающем, о форме (т. е. о звучании) – и об означаемом, т. е. о значении. В первом разделе рассматривались буквы, части речи, вопросы о благозвучии, многозначности, об исключениях и варваризмах. Второй раздел был посвящен представлениям и суждениям, типам предложения (простым и сложным, утвердительным, отрицательным, указательным, условным и т. п.), видам высказываний (повеление, клятва, вопрос, сомнение, обращение и т. п.).

Стоики выделяли шесть частей речи:

1. имя собственное, связанное с единичным качеством;
2. нарицание (προσηγορία) – имя, связанное с общим качеством (нарицательное);
3. глагол – несоставное сказуемое;
4. союз – неизменяемая часть речи, соединяющая части речи;
5. член – неизменяемая часть речи, различающая роды и числа;
6. наречие или «посредство» (μεσότης), т. е. нечто среднее между именем и глаголом.

Стоики уточнили многие лингвистические термины, особое внимание уделяли формам слов – акциденциям. Стоики развили учение о падежах: падежи для стоиков – это только категория имени, а не глагола; противопоставили прямой падеж косвенным, составили систему падежей, дали падежам названия: именительный, родительный, дательный, винительный.

В споре о природе названий вещей стоики были на стороне Гераклита: слова изначально истинны. Доказывая эту точку зрения, стоики попытались заложить основы этимологии, так как занимались поисками первоначального названия – этимона (истины).

3. АЛЕКСАНДРИЙСКИЕ ГРАММАТИКИ

Александрийские грамматики. Принцип выделения частей речи в работе Дионисия Фракийского. Спор об аналогии и аномалии как отражение разного понимания организации и развития языка.

Основателем сообщества библиотекарей-филологов считается Зенодот из Эфеса – крупнейший переписчик, исследователь и комментатор текстов Гомера. Среди его учеников **Аристофан Византийский**, **Аристарх Самофракийский** (II в. до н. э.), **Дионисий Фракийский** (II в. до н. э.). Труды александрийских ученых дошли до нас в отрывках и пересказах. Базой для их научных исследований послужила грамматика александрийцев, древнейшее дошедшее до нас изложение которой – «**Наука грамматика**» **Дионисия Фракийского**. Грамматика – это «опытное знание о большей части того, что говорится у поэтов и писателей». Грамматика состоит из шести разделов:

- Искусство чтения с различением просодии
- Толкование, исследование тропов и композиции текста
- Объяснение неясных слов и исторические отсылки
- Выявление происхождения слов
- Изучение аналогии
- Разбор поэзии

Учение об аналогии, которое касалось особенностей сходных форм словоизменения, было разработано **Аристархом Самофракийским**, хотя еще **Аристофан Византийский** говорил об условиях установления аналогии: сходство рода, падежа, окончания, количества слогов и ударения. Первоначально учение об аналогии служило целям установления форм изменения малоупотребительных и редких слов, встречаемых в комментируемых текстах. Между пергамскими и александрийскими филологами возникли споры по вопросу об **аномалии** и **аналогии**. Это было продолжение древнего спора о взаимоотношении вещи и ее названия. Пергамские филологи следовали в своих взглядах на язык за стоиками (название должно соответствовать природе вещи) и, находя сплошные отклонения в языке, противоречащие защищаемой концепции, возводили в абсолют **аномалию**, т. е. несоответствие между словом и вещью.

Александрийские грамматисты тоже видели несоответствия в языке: имена женского рода *черепаха* и *муха* называют особей не только женского, по и мужского пола; Афины – один город, а имеет форму множественного числа и т. д. Но аномалии, как доказывали александрийские грамматисты, – это исключения из общего правила, основанного на грамматической аналогии.

С помощью понятий аналогии и аномалии ученые эпохи эллинизма вскрывали системность языка, не прибегая к самому термину *системность*.

УЧЕНИЕ О ЧАСТЯХ РЕЧИ

В 12 главе излагается учение о частях речи.

Александрийцы выделяли восемь частей речи: имя, глагол, причастие (причастно имени и глаголу), член (артиклъ), местоимение, предлог, наречие, союз (у римлян вместо артикля – междометие). Возглавляют список имя и глагол – главные части речи (они же члены предложения). Потом причастие, совмещающее признаки имени и глагола (род, число, падеж, время, залог). Затем артиклъ и местоимение. Артиклъ может относиться ко всем трем предыдущим частям речи, а местоимение не может замещать глагол. Затем предлог (он относится и к имени и к глаголу – предлог или приставка могли находиться перед глаголом) и наречие (относится к глаголу). Заканчивает список союз – часть речи, которая может соединять в предложении любые другие части речи (члены предложения).

Имя – часть речи, «изменяемая по падежам, обозначающая что-то телесное или бестелесное». Свойства имени – род, вид, форма, число и падеж. Далее приводится громоздкая классификация имен (более 30 видов): простые и производные, притяжательные, сравнительные, ласкательные, собственные, нарицательные и т. п.

Глагол – «слово, не изменяющееся по падежам, а изменяющееся по временам, лицу и числу и обозначающее действие или страдание». Выделялось пять наклонений глагола: изъявительное, желательное, повелительное, подчинительное, неопределенное; три залога, три числа, три лица, два вида глагола: первичный и производный; три времени, рассматривается спряжение глагола. Далее причастие, имеющее те же свойства, что у имени и глагола, кроме лиц и наклонений.

ЛИТЕРАТУРА

История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Канцельсон. Л.: Наука. 1980.

Платон. Кратил // Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2009. С. 216–285.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Флоренский П. Имена. М.: Азбука. 2011.

Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск, 1998. С. 104–114.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 102–117.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

ВОПРОСЫ

1. Прочитайте диалог Платона «Кратил». Какие аргументы в защиту позиции Кратила приводит Сократ? Как он поддерживает мнение Гермогена? Каким выводом заканчивает спор?

3. Почему спор античных философов об именах сыграл огромную роль в становлении теории языка? Какое продолжение он получил в работах последующих ученых?

4. Расскажите об ономастической теории происхождения языка. Что такое «внутренняя форма слова» в учении Г. Штейнталя и А.А. Потебни.

5. Объясните слова В. Вундта: «Языки первобытных народов... в одном отношении, во всяком случае, представляются бесконечно более удобными для психологического исследования: во многих формах выражения понятий в них чаще замечается еще сродство между звуком и его значением, чем это бывает в языках культурных народов» (Вундт В. Проблема психологии народов. М., 2011. С. 8).

6. Расскажите о точке зрения Ф. де Соссюра на природу связи означаемого и означающего в «Курсе общей лингвистики». Почему Соссюр – сторонник понимания языка как семиотической системы – настаивает на условной связи между понятием (значением) и «акустическим образом» (звучанием)? Что пишет Соссюр о звукоподражаниях?

7*¹. Прочитайте работу религиозного мыслителя П. Флоренского «Имена». Какой точки зрения на связь звучания имени и характера его (имени) обладателя придерживается Флоренский? Приведите примеры соответствия звучания имени и черт характера именуемого человека. Считаете ли Вы убедительной точку зрения автора?

8*. Прочитайте работу Р.О. Якобсона «В поисках сущности языка». Какие примеры соответствия звучания и значения обсуждает автор?

9*. Прочитайте стихотворение Рембо «Гласные». Как Вы думаете, можно ли приписать отдельным звукам определенное значение (например, цветное или какое-либо другое).

10*. Что такое фоносемантика (или психофонетика) в контексте психолингвистики?

11. Прокомментируйте слова Э. Бенвениста об Аристотеле: «Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущности языка». (См. Приложение).

¹ «Звездочкой» помечены дополнительные вопросы, работа над которыми проводится факультативно, по желанию студента.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Категории представляются, с одной стороны, как формы бытия и элементы структуры познания, а с другой стороны, как лингвистические феномены.

Анализ соотношения понятийных категорий и способа их отражения в грамматической терминологии и категориях языка в учении Аристотеля предлагает Эмиль Бенвенист. В работе «Категории мысли и категории языка» он пишет: «...мышление стремится устанавливать категории универсальные, языковые же категории всегда являются категориями отдельного языка» [Бенвенист 1998: 106].

«Аристотель выделяет совокупность предикатов, которые можно высказать о бытии, и стремится определить логический статус каждого из них. Однако нам кажется... что такие типы являются прежде всего языковыми категориями и Аристотель, выделяя их как универсальные, на самом деле получает в результате основные и исходные категории языка, на котором он мыслит. Достаточно обратить внимание на именование категорий и иллюстрирующие их примеры...» [Бенвенист 1998: 107].

Аристотель выделяет 10 понятийных категорий, т. е. категорий мысли, и находит им соответствие (выражение) в родном греческом языке:

№	Название категории	Греческий термин	Вопрос	Пример Аристотеля	Соответствие языковой категории
1.	Сущность / субстанция	οὐσία	кто? что?	человек, лошадь	Имя существительное
2.	Количество	ποσότης	сколько?	два локтя	Имя числительное
3.	Качество	ποιότης	какой?	белый, образованный (сведущий в грамматике)	Имя прилагательное
4.	Отношение	πρός τι	в каком отношении?	вдвое, вполовину, больше	Категория сравнительной степени
5.	Место	ποῦ	где?	в Ликее, на площади	Наречия места
6.	Время	πότε	когда?	вчера, в прошлом году	Наречия времени
7.	Положение	κεῖσθαι	в каком положении?	лежит, сидит	Непереходные глаголы
8.	Обладание	ἔχειν	в каком состоянии?	обут, вооружен	Категория перфекта глаголов страдательного залога
9.	Действие	ποιεῖν	что делает?	режет, жжет	Глаголы действительного залога
10.	Страдание	πάσχειν	что испытывает?	разрезается, сжигается	Глаголы страдательного залога

«Понятие οὐσία указывает на класс существительных. Взятые вместе понятиям ποσόν и ποιόν соответствует не просто класс прилагательных вообще, но специально два типа прилагательных, которые в греческом языке тесно объединены» [Бенвенист 1998: 107].

«...Под категорией “отношение” обнаружим еще одну фундаментальную категорию греческих прилагательных: свойство образовывать сравнительную степень, являющуюся “отношением” по функции» [Бенвенист 1998: 108].

«Что касается ποῦ “где” и πότε “когда”, то они включают соответственно классы пространственных и временных обозначений, причем понятия в этом случае

отражают характер соответствующих наименований в греческом языке: противопоставление слов *ποῦ* и *ποτέ* поддерживается не только параллельной оппозицией их производных, представленной в *οὗ ὅτε*, *τοῦ τότε*, – они составляют часть целого класса, в который входят другие наречия (типа *ἐχθές* «вчера», *πέρυσιν* «в прошлом году») или падежные обороты с локативом (как «в Ликее, на площади»)...

Все шесть первых категорий относятся к именным формам. Таким образом, основания для их объединения лежат в особенностях греческой морфологии.

С этой же точки зрения следующие четыре категории также образуют единство: все они глагольные категории. Для нас они особенно интересны тем, что, как кажется, природа двух из них была определена неточно.

Два последние с первого взгляда ясны: *ποιεῖν* «делать» с примерами *τέμνει*, *καίει* «режет, жжет» и *πάσχειν* «испытывать воздействие, терпеть, страдать» с примерами *τέμνεται*, *καίεται* «разрезается, сжигается» («его режут, его жгут»), представляют категории актива и пассива, и сами примеры в данном случае выбраны таким образом, чтобы подчеркнуть языковое противопоставление: эта морфологическая оппозиция двух «залогов», существующих для большинства греческих глаголов, и выступает в виде полярных понятий *ποιεῖν* и *πάσχειν*.

Но что подразумевается под двумя первыми категориями *κεῖσθαι* и *ἔχειν*? Даже перевод их неоднозначен: некоторые приравнивают *ἔχειν* к «иметь». Ну а какой интерес может представлять такая категория, как «положение» (*κεῖσθαι*)? Что это – предикат столь же общий, как «актив» или «пассив» или хотя бы предикат одинаковой с ними природы? А что сказать об *ἔχειν*, иллюстрированном примерами «обут, вооружен»? Комментаторы Аристотеля склонны считать эти категории эпизодическими, полагая, что греческий философ сформулировал их лишь затем, чтобы исчерпать применимые к человеку предикаты...

Мы полагаем, что и эти понятия имеют языковую основу. Возьмем сначала *κεῖσθαι*. Чему может соответствовать логическая категория *κεῖσθαι*? Ответ содержится в приведенных примерах: *ἀνάκειται* «лежит», *κάθεται* «сидит». Они представляют собой образцы глаголов среднего залога. Это важнейшая с точки зрения языка категория. Вопреки тому, что может показаться на первый взгляд, средний залог – понятие более важное, чем пассив, который из него развивается. В глагольной системе древнегреческого языка, в том ее виде, как она сохраняется еще в классическую эпоху, главную роль играет противопоставление активного и среднего залогов. Греческий мыслитель мог с полным правом выделить в самостоятельную категорию предикат, который выражается особым классом глаголов, а именно глаголов, имеющих только форму среднего залога (*media tantum*) и указывающих, в частности, на «положение», «позу». Не сводимый ни к активу, ни к пассиву, средний залог обозначал столь же специфический способ бытия, как и оба других залога.

Подобным же образом обстоит дело с предикатом, названным *ἔχειν*. Его не следует понимать в обычном значении, как «иметь» в смысле материального обладания. Некоторая необычность этой категории, ставя нас сначала в тупик, разъясняется примерами: *υποδέδεται* «обут», *ὀπλισται* «вооружен»... Ключ к интерпретации заложен в природе этих глагольных форм: *υποδέδεται* и *ὀπλισται* – формы перфекта. В строгом смысле они представляют собой перфект среднего залога. Но средний залог, как мы только что видели, уже связан с категорией *κεῖσθαι* и, между прочим, оба иллюстрирующие ее глагола – *ἀνάκειται* и *κάθεται* – не имеют перфектной формы. В предикате же *ἔχειν* и в обеих выбранных для иллюстрации

формах акцентируется как раз категория перфекта. Смысл ἔχειν – одновременно и «иметь» и, в изолированном употреблении, «быть в определенном состоянии» – наилучшим образом гармонирует с категориальным значением перфекта... Для выявления значения перфекта в переводе указанных форм мы должны включить в него идею «обладания», тогда получаем: ὑποδέεται «он имеет обувь на ногах», ὀπλίσται «он имеет при себе оружие». Отметим также, что в соответствии с нашей трактовкой эти две категории следуют в списке одна за другой и, по-видимому, образуют точно такую же пару, как следующие за ними ποιεῖν «делать» и πάσχειν «испытывать (воз) действие, терпеть, страдать». Действительно, между перфектом и средним залогом в греческом языке существуют многочисленные как формальные, так и функциональные связи, восходящие к индоевропейскому периоду и образующие сложную систему» [Бенвенист 1998: 108–110].

«Разрабатывая перечень этих категорий, Аристотель ставил своей целью учесть все возможные в предложении предикаты... Неосознанно он принял в качестве критерия эмпирическую обязательность особого выражения для каждого предиката. Таким образом, сам того не желая, он неизбежно должен был возвратиться к тем различиям, которые сам язык выявляет между основными классами форм... Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущности языка...

В той степени, в какой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить. Язык придает основную форму тем свойствам, которые разум признает за вещами. Таким образом, классификация этих предикатов показывает нам прежде всего структуру классов форм одного конкретного языка» [Бенвенист 1998: 111].

«...Возможность мышления вообще неотрывна от языковой способности, поскольку язык – это структура, несущая значение, а мыслить – значит оперировать знаками языка» [Бенвенист 1998: 114].

Port-Royal-des-Champs

«Всеобщая рациональная грамматика» Пор-Рояля (1660 г.)

Логическое направление в языкознании. Универсальная грамматика Пор-Рояля (*Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*)¹ А. Арно² и К. Лансло³. Принцип грамматической категоризации в грамматике, проблема выражения общих грамматических категорий в конкретных языках.

Влияние грамматики Пор-Рояля на европейскую и американскую лингвистику XX в.

Антуан Арно.
Гравюра Р. Древе

ЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ.
«ВСЕОБЩАЯ РАЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА»
ПОР-РОЯЛЯ А. АРНО И К. ЛАНСЛО

В XVII в. развитие европейской науки о языке проходило под воздействием рационализма как особого направления в логике и философии. В результате влияния рационализма на языкознание сформировалось **логическое направление** в науке о языке, рассматривающее грамматические категории с точки зрения их соответствия логическим категориям.

Поскольку мышление всех людей основано на общих (универсальных) законах логики, а язык есть средство формирования и выражения мысли, то грамматика должна быть тоже, по мнению филосо-

¹ Грамматика получила свое название по местечку под Парижем Пор-Рояль, где располагался женский католический монастырь, основанный в начале XIII в., а к XVII в. ставший крупнейшим центром просвещения. Видные ученые создавали в стенах монастыря философские трактаты, сочинения по физике, математике, логике.

² Антуан Арно (1612–1694) – выдающийся философ, логик и математик, один из авторов труда «Логика или искусство мыслить» (1662), дополнившего вышедшую двумя годами раньше грамматику Пор-Рояля. В трактате «Логика» была выявлена логическая база синтаксических конструкций и окончательно сформулированы идеи всеобщей рациональной грамматики.

³ Клод Лансло (1616–1695) – автор ряда грамматик отдельных языков (латинского, древнегреческого и испанского) под общим названием «Новый метод для изучения...». Книга Лансло «Греческие корни» (*Les Racines grecques*) сыграла в свое время не меньшую роль, чем знаменитая книга У. Уитни «Санскритские корни» в XIX и XX вв.

фов-рационалистов, универсальна для всех языков. Такая всеобщая, рациональная, универсальная грамматика¹ могла быть разработана на материале любого языка. В средневековой Европе в качестве такого языка выбрали латынь, в известных грамматиках XVI в. Скалигер и Санчес подчеркивали внеязыковую (всеобщую, ментальную) основу латинского языка. «За основу принималась универсальная модель, составленная из выделенных в латыни грамматических категорий. Влияние логической мысли (в версии аристотелевой формальной логики) было велико в интерпретации категорий синтаксиса» [Арутюнова 1990: 274].

Однако языки отличаются друг от друга набором формальных способов выражения общих логических категорий. По мнению грамматистов XVII в., одни языки более «правильно» или адекватно выражают логические категории, чем другие. Именно поэтому авторы грамматики Пор-Рояля анализировали грамматики нескольких языков: французского и латинского, итальянского и испанского, греческого и древнееврейского, немецкого, фламандского, нидерландского и английского. Поскольку между логикой и грамматикой нет прямого соответствия, сложные понятия могут выражаться простыми словами и, наоборот, сложные формальные конструкции используются часто для выражения самых простых понятий. Логическая структура мысли, общая для всех народов, напрямую не отражается в грамматике языков: в одном случае грамматика латыни лучше отражает логические категории, в другом случае – грамматика французского или греческого или какого-либо другого языка оказывается более удобной для выражения мысли. Таким образом, авторы грамматики Пор-Рояля признавали своеобразное национальное мировоззрение, отображенное в грамматиках конкретных языков. Рациональная и универсальная грамматика Пор-Рояля решает вопрос взаимосвязи языка и мышления на основе логики.

ПРИНЦИП ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ В ГРАММАТИКЕ,
ПРОБЛЕМА ВЫРАЖЕНИЯ ОБЩИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
В КОНКРЕТНЫХ ЯЗЫКАХ

Мышление не просто осмысляет окружающую действительность, но и структурирует полученные впечатления, эта категоризация напрямую зависит от конкретного языка, ведь «язык есть прежде всего категоризация». Среди языковых категорий самой важной являются грамматические категории как обобщающие, наиболее абстрактные и формально выраженные.

Авторы грамматики Пор-Рояля утверждают, что «знание происходящего в нашем рассудке необходимо для понимания основ грамматики» [Арно, Лансло 1998: 89]. Так, деление слов на части речи основано на важнейшем противопоставлении:

«Объекты мыслей» обозначают имена, артикли, местоимения, причастия, предлоги и наречия;

«Форма и образ мыслей» (ход мысли) выражается глаголами, союзами и междометиями [Арно, Лансло 1998: 93].

Среди имен выделяются существительные, которые называют субстанцию (*земля, солнце* и др.), и прилагательные (акциденции), которые обозначают «способ существования вещей» (*быть круглым, твердым* и т. п.).

¹ Универсальная грамматика отражала всеобщие категории, встречающиеся в любом языке. Например, в главе XXIV Грамматики Пор-Рояль авторы утверждают: «Грамматика любого языка имеет два начала: словарь и синтаксис».

Имена, называющие субстанцию, «могут отражать единичные понятия» (это имена собственные – *Сократ*) и могут обозначать «общую идею» (имена нарицательные – *лошадь*).

Нарицательные имена существительные могут называть один или много предметов, тогда они употребляются в форме единственного или множественного числа. Однако иногда существительные не имеют форм единственного или множественного числа, авторы грамматики пытаются найти этому разумное объяснение. Она пишут: «Названия металлов *золото, серебро, железо* не имеют множественного числа почти во всех языках. Основанием для этого является, на наш взгляд, то, что сходство между различными частями этих металлов заставляет рассматривать каждый вид металла не как вид, воплощающийся в различных конкретных проявлениях, но как целое, делящееся лишь на части. Это свойство выражается во французском языке в том, что для обозначения отдельного металла мы применяем разделительную частицу: *de l'or золото, de l'argent серебро, du fer железо*.

В то же время мы употребляем слово *fer* во множественном числе *fers*, но лишь для обозначения *кандалов*, а не части металла, называемого *железом*. В латинском языке также употреблялось слово *aera*, но для обозначения монеты или музыкальных ударных инструментов, например цимбал. Аналогично обстоит дело и в других языках [Арно, Лансло 1998: 101].

О грамматической категории рода Арно и Лансло пишут так: «Так как имена прилагательные по своей природе относятся ко многим предметам, люди решили, что необходимо сделать речь более ясной и украсить ее многообразием окончаний. Для этого они сделали прилагательные отличными друг от друга в зависимости от тех существительных, к которым они относятся в речи» [Арно, Лансло 1998: 105].

Существительные мужского рода обозначают мужчин (*король, брат*), а женского рода – женщин (*королева, сестра*). Однако авторы грамматики видят и пытаются объяснить многочисленные нарушения этого принципа. Например, «*лисица*, несмотря на то что обозначает и самца и самку лисицы, выступает в латинском языке существительным женского рода... Ведь грамматический род существительного зависит не от значения этого слова, а от того, с каким прилагательным оно согласуется в речи: с прилагательным, имеющим окончание женского рода, или с прилагательным, имеющим окончание мужского рода. Так, в латинском языке *custodiae стражники* или *узники*, *vigiliae часовые* и другие подобные слова принадлежат к женскому роду, хотя и обозначают мужчин. То, что было сказано здесь о роде, относится ко всем языкам.

В греческом и латинском языках наряду с мужским и женским родом был изобретен еще и третий род, который называли средним, ибо он не являлся ни мужским, ни женским. Но так поступили не на разумном основании, как могло бы быть, если бы к среднему роду относили названия вещей, не имеющих никакой связи с полом, мужским или женским, а по прихоти, ибо на самом деле этот род приписывался словам лишь в соответствии с их окончаниями» [Арно Лансло, 1998: 104–105]. Наблюдая латынь и французский языки, авторы грамматики обратили внимание на то, что «иногда род слова может меняться в языке с течением времени».

Глава VI «О падежах и о предлогах, в той мере, в какой необходимо говорить о последних, чтобы изъяснить природу некоторых падежей» посвящена анализу падежных систем разных языков. Авторы объясняют необходимость функционирования грамматической категории падежа в системе языка: «поскольку вещи

часто рассматриваются в самых разных отношениях друг с другом, необходимо было обозначить эти отношения. Для этого именам стали даваться еще различные окончания, названные падежами...

На самом деле из всех языков только греческий и латынь имеют падежи имен в полном смысле этого слова. Тем не менее почти нет языков, которые не имели бы падежей в местоимениях, а также по той причине, что без падежей нельзя было бы в полной мере понять связь слов в предложении, называемую конструкцией, необходимо знать, что такое падеж, прежде чем приступить к изучению любого языка» [Арно Лансло, 1998: 106].

Авторы грамматики предлагают анализ значений пяти падежей латинского языка и приводят примеры выражения перечисленных падежных значений из других языков. Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что в современных языках падежи заменяются конструкциями с предлогами. «Все языки стали прибегать к иному средству, состоящему в том, чтобы изобретать короткие слова, которые должны стоять перед именами и которые были в соответствии с этим названы предлогами. Например, отношение двух вещей, одна из которых помещена внутри другой, выражается в латыни посредством *in*, а во французском с помощью *dans*: *vinum est in dolio*, *le vin est dans le muid* *вино в бочонке*» [Арно, Лансло 1998: 113].

Вот что пишут авторы о «синтаксисе или конструкциях при сочетании слов»: «синтаксис управления... практически чисто произволен, а поэтому весьма различен в разных языках. Так, в одних языках управление осуществляется за счет падежей, в других – вместо падежей используются частички, фактически заменяющие падежи и способные к обозначению некоторых падежей». «...Использование того или иного способа зависит от духа языка» [Арно, Лансло 1998: 205–206].

Очевидно, что авторы грамматики пытаются найти разумные основания выделения отдельных разрядов слов внутри отдельных частей речи и частных грамматических категорий: числа, лица, падежа, залога и др.

Отдельные главы грамматики посвящены артиклям и местоимениям¹, причастиям, супинам и герундиям, конструкциям с вспомогательным глаголом, глагольным категориям (времени, лица и числа, модусам или наклонениям), различным синтаксическим конструкциям.

Анализируя материал древних и новых языков, авторы замечают, что наречия могут образовываться из сочетания предлогов с именами. По мнению Арно и Лансло, это происходит от стремления людей сделать свою речь краткой и лаконичной. Этим же объясняется выражение грамматических категорий (например, глагольных) в одном слове: «...разнообразие лиц и чисел в глаголах происходит оттого, что люди, желая сократить свою речь, стали присоединять в пределах одного слова к утверждению, являющемуся основным свойством глагола, субъект предложения» [Арно, Лансло 1998: 157].

Приведенные примеры позволяют утверждать, что конкретные, но всегда системные объяснения языковых фактов послужили основой нового грамматического метода и созданию новой теории языка.

Граматики разных языков рассматривались с точки зрения выявления общего (универсального) компонента, характеризующего человеческий язык. Авторы доказывают глубинное сходство грамматик разных языков, сравнивая различные

¹ По мнению авторов грамматики, местоимения были изобретены людьми для того, чтобы разнообразить речь и избежать скуки, возникающей при повторении одних и тех же слов.

способы выражения базовых категорий универсальной грамматики (grammatical universalis).

ВЛИЯНИЕ ГРАММАТИКИ ПОР-РОЯЛЯ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ И АМЕРИКАНСКУЮ ЛИНГВИСТИКУ XX ВЕКА

Грамматика Пор-Рояля оказала огромное влияние на становление и развитие европейской и американской теоретической лингвистики XX и XXI вв. «Всеобщая рациональная грамматика» Арно и Лансло послужила образцом для подобного рода логико-философских сочинений.

Великий швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр развивал учение о знаковой (семиотической) природе языка и его системном строении. Новаторство метода лингвистического анализа, предложенного Арно и Лансло, заключалось в системном подходе к объяснению языкового устройства: каждое конкретное явление языка рассматривалось не изолированно, а в связи с другими явлениями, которые в совокупности позволяли языку выполнять коммуникативную и когнитивную функции.

Американский лингвист Ноам Хомский в своей работе «Картезианская лингвистика» с точки зрения современной науки о языке развивает идею авторов грамматики Пор-Рояля о трансформации (различных способах выражения) глубинных (семантических) структур в поверхностные (фонетико-морфологические и/или синтаксические).

Основная задача грамматики Пор-Рояля – выявление связи языка и мышления, соотношения грамматических структур логическим – становится более объемной и получает новые решения в контексте развития когнитивной лингвистики XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / Общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1998.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Логическое направление в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Языкознание древнего Рима // История лингвистических учений. Древний мир / Под ред. А.В. Десницкой и С.Д. Кацнельсона. Л.: Наука, 1980.

Хомский Н. Картезианская лингвистика. М.: КомКнига, 2005. С. 69–106. (Глава из истории рационалистической мысли).

ВОПРОСЫ

1. Объясните название сочинения А. Арно и К. Лансло – **«Грамматика общая и рациональная»¹**, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, **толкование общего в языках и главные различия между ними**, а также – многочисленные новые замечания о французском языке».

2*². Прочитайте главу «Языкознание древнего Рима» в книге «История лингвистических учений. Древний мир» [История лингвистических учений 1980:

¹ Выделено составителем материалов к курсу – О.А. Волошиной.

² «Звездочкой» помечены дополнительные вопросы, работа над которыми проводится факультативно, по желанию студента.

233–256] и прокомментируйте слова Н.Д. Арутюновой: «Всеобщие грамматики обычно не были последовательно логическими, например, в описании формообразования. В этом сказался опыт собственно лингвистических исследований, начатых римскими учеными (Присцианом, Элием Донатом и др.)» [Арутюнова 1990: 274].

3. Объясните слова авторов грамматики Пор-Рояля:

«Говорить – значит объяснять свои мысли при помощи знаков, изобретенных людьми для этой цели.

Оказалось, что наиболее удобными из этих знаков являются звуки и голос.

...Речевые знаки могут быть рассмотрены с двух сторон. Первая – то, чем они являются по своей природе, а именно как звуки и буквы. Вторая – их значение, т. е. способ, каким люди используют их для обозначения своих мыслей» [Арно, Лансло 1998: 71].

Как эти две стороны лингвистического знака характеризовал Фердинанд де Соссюр в работе «Курс общей лингвистики»? Какие особенности устройства и функционирования языка позволили Фердинанду де Соссюру рассматривать язык как семиотическую систему?

4. Прокомментируйте фрагмент Главы XVI («О различных модусах или наклонениях глагола») Грамматики Пор-Рояля:

«...в латыни одни и те же окончания служат для выражения сослагательного и желательного наклонений, и поэтому благоразумным представляется исключение последнего из спряжения латинского глагола, ибо наклонения создаются в глаголе не только за счет различия в значениях (которые могут быть весьма разнообразными), но и за счет различия в окончаниях» [Арно, Лансло 1998: 166].

Можно ли утверждать, что отсутствие формального выражения грамматической категории, по мнению авторов грамматики, свидетельствует об отсутствии в языке этой категории, так как грамматическая категория обязательно должна быть формально выражена.

5. Прочитайте главу IX «О местоимении, называемом относительным, или релятивом» Грамматики Пор-Рояля и главу «Глубинная и поверхностная структура» из книги Н. Хомского «Картезианская лингвистика». Можно ли утверждать, что в грамматике Пор-Рояля заложены предпосылки трансформационного метода Н. Хомского, в рамках которого анализ предложения основан на выявлении глубинной когнитивной структуры, обусловленной мыслительными процессами. *Приложение 1.*

6. Почему Ноам Хомский в XX в. называл авторов универсальной грамматики Пор-Рояля в числе предшественников собственного трансформационного метода, ставшего основой генеративной грамматики? Прокомментируйте слова Н. Хомского:

«Складывается впечатление, что после долгого перерыва лингвистика и когнитивная психология вновь обратились к тем методам изучения языковых структур и мыслительных процессов, которые впервые были отчасти разработаны, а отчасти обновлены в «век гениев», а затем успешно развивались вплоть до начала XIX в. В центре интересов языкознания вновь оказался творческий аспект языкового употребления, поэтому теории универсальной грамматики, сформулированные в XVII–XVIII вв., были возрождены и детально разработаны в теории трансформационной порождающей грамматики» [Хомский 2005: 143].

Можете ли вы привести примеры из грамматики Пор-Рояля, иллюстрирующие сформулированные Хомским положения: «Характерным для картезианской лингвистики является выделение в языке двух аспектов в соответствии с фундаментальным различием между телом и душой. В частности, языковые знаки можно изучать как с точки зрения составляющих их звуков, так и представляющих их букв, или же с точки зрения их “значения”, то есть “способа”, каким люди используют их для означения своих мыслей.

...У языка есть две стороны – внутренняя и внешняя... Используя новейшую терминологию, мы можем сформулировать проведенное различие как различие между “глубинной структурой” предложения и его “поверхностной структурой”. Первая есть базисная абстрактная структура, определяющая семантическую интерпретацию предложения; вторая есть поверхностная организация единиц, которая определяет его фонетическую интерпретацию и связана с физической формой реального высказывания, с его воспринимаемой или производимой формой» [Хомский 2005: 72–73]. И далее «Глубинная структура, выражающая значение, является общей для всех языков, поэтому она считается простым отражением формы мысли. Трансформационные же правила, по которым глубинная структура превращается в поверхностную, могут разниться от языка к языку» [Хомский 2005: 78].

КОЛЛОКВИУМ

Философские основы универсальной грамматики Пор-Рояля.

ВОПРОС К ЭКЗАМЕНУ

Всеобщая (рациональная) грамматика Пор-Рояля. Универсальное и специфическое в языках мира в грамматике Пор-Рояля.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Арно А., Лансло К. **Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля**. М.: Прогресс, 1998.

«Все философы учат, что наш рассудок может производить три операции: Созерцать, Судить и Умозаключать...

Люди говорят совсем не для того, чтобы выразить, что они созерцают, но почти всегда для того, чтобы составить суждения о предметах. Высказанное нами суждение об окружающих предметах, как, например, в случае, когда мы говорим: *земля – круглая*, называется **предложением**. Таким образом, каждое предложение обязательно имеет два члена: один из них, называемый **субъектом**, является тем, о чем что-то утверждается, например, *земля*; другой, называемый **атрибутом**, представляет собой то, что утверждается, например, *круглая* [Арно, Лансло 1998: 90, 92].

«Но эти два члена предложения могут быть либо простыми, как, например, в предложении *Dieu est bon* *Бог есть добр*, либо сложными, как во фразе: *un habile magistrat est un homme utile à la république* *умелый администратор – человек, полезный республике*...

Подобное объединение нескольких слов в пределах субъекта и атрибута предложения является иногда таковым, что несколько не мешает предложению быть простым предложением, содержащим только одно суждение или утверждение... Но в других случаях эти виды предложений (у которых субъект или атрибут состоят из нескольких слов) заключают в себе, по крайней мере в логическом плане, несколько суждений. Таким образом, можно из этого предложения составить столько предложений, сколько содержится в нем суждений. Например,

в случае, когда я говорю *Dieu invisible a créé le monde visible* *Невидимый Бог создал видимый мир*, в моем сознании проходят три суждения, заключенные в этом предложении. Ибо, я утверждаю: 1) что *Бог невидим*; 2) что *он создал мир*; 3) что *мир видим*. Из этих трех предложений второе является основным и главным, в то время как первое и третье являются придаточными, входящими в главное как его составные части; при этом первое предложение составляет часть субъекта, а последнее – часть атрибута этого предложения.

Итак, подобные придаточные предложения часто присутствуют лишь в нашем сознании, но не выражены словами, как в предложенном примере. Но часто мы выражаем эти предложения в речи. Для этого и используется относительное местоимение, как, например, в случае, когда я свожу тот же самый пример к виду: *Dieu, qui est invisible, a créé le monde, qui est visible* *Бог, который невидим, создал мир, который видим*. Это и есть то, что выше мы назвали собственным свойством относительного местоимения; оно может превращать предложение, в которое это местоимение входит, в часть субъекта или атрибута другого предложения» [Арно, Лансло 1998: 129–131].

Хомский Н. Глубинная и поверхностная структура // Картезианская лингвистика. М.: КомКнига. 2005. (Глава из истории рационалистической мысли)

«Короче говоря, у языка есть две стороны – внутренняя и внешняя. Предложение можно изучать с точки зрения того, каким способом оно выражает мысль, и с точки зрения его физического облика, иными словами, в плане его семантической или фонетической интерпретации.

Используя новейшую терминологию, мы можем сформулировать проведенное различие как различие между «глубинной структурой» предложения и его «поверхностной структурой». Первая есть базисная абстрактная структура, определяющая семантическую интерпретацию предложения; вторая есть поверхностная организация единиц, которая определяет его фонетическую интерпретацию и связана с физической формой реального высказывания, с его воспринимаемой или производимой формой. В этих терминах мы можем сформулировать второе фундаментальное положение картезианской лингвистики, а именно: глубинная и поверхностная структуры не обязательно должны быть тождественными. Базисная организация предложения, важная для его семантической интерпретации, не обязательно непосредственно обнаруживается в реальной расстановке и группировке его конкретных компонентов...

Иными словами, глубинная структура, лежащая в основе предложения *Dieu invisible a créé le monde visible*, состоит из трех абстрактных предложений, каждое из которых выражает некое простое суждение, хотя поверхностная форма данного предложения является выражением всего лишь субъектно-атрибутивной структуры. Разумеется, эта глубинная структура только подразумевается, она не находит своего выражения, целиком оставаясь в нашем сознании...

Иногда глубинная структура находит более явное выражение в поверхностной форме... Как бы то ни было, реальность глубинной структуры – это скрытая ментальная реальность, нечто вроде мысленного аккомпанемента высказывания независимо от того, соответствует ли ей поверхностная форма произносимого высказывания простым, однозначным образом или нет.

Одна и та же глубинная структура может по-разному реализоваться в разных языках, например, в латинском мы имеем *Video canem currentem* *Я вижу бегущую собаку*, а во французском *Je vois un chien qui court* *Я вижу собаку, которая бежит*. Позиция относительного местоимения в «привходящем предложении» определяется правилом обращения глубинной структуры в поверхностную.

В каждом из только что рассмотренных предложений глубинная структура состоит из системы [абстрактных] предложений, и она не получает прямого, однозначного выражения в реально производимом материальном объекте. Чтобы образовать из такой глубинной системы элементарных предложений реальное

предложение, мы используем определенные правила (в современных терминах, грамматические трансформации). В приведенных примерах мы применяем правило постановки в препозицию относительного местоимения, которое замещает существительное в придаточном предложении (вместе с предлогом, если он имеется). Затем мы можем при желании опустить относительное местоимение, одновременно опустив и связку (как в примере *Dieu invisible невидимый Бог*) или изменив форму глагола (как в примере *sams currens бегущая собака*). И наконец, в некоторых случаях мы должны поменять местами существительное и прилагательное (как в примере *un habile magistrat способный чиновник*).

Глубинная структура, выражающая значение, является общей для всех языков, поэтому она считается простым отражением формы мысли. Трансформационные же правила, по которым глубинная структура превращается в поверхностную, могут различаться от языка к языку. Поверхностная структура, образующаяся в результате этих трансформаций, разумеется, не выражает непосредственно значимых связей между словами, за исключением простейших случаев. Семантическое содержание предложения передается именно глубинной структурой, лежащей в основе реально произнесенного высказывания. Тем не менее, эта глубинная структура таким образом соотносится с реальными предложениями, что каждое из составляющих ее абстрактных предложений (в вышеприведенных примерах) может быть непосредственно реализовано в виде простого пропозиционального суждения» [Хомский 2005: 73, 75, 77–78].

Философия языка в работах Вильгельма фон Гумбольдта

Представление о языке как «духе народа», форме воплощения национального мировоззрения в работах В. фон Гумбольдта. Описание национального языка как своеобразного «взгляда» конкретного народа на окружающий мир, введение в круг научных исследований малоизвестных языков: языка кави на о. Ява, баскского языка и др.

Попытка определения «внутренней формы языка» – специфического способа выражения мысли, свойственного данному языку.

Классификация языков мира в работах В. фон Гумбольдта. Представители инкорпорирующего типа языков в классификации Гумбольдта.

Вильгельм фон Гумбольдт
(1767–1835)

1. ЯЗЫК И «ДУХ НАРОДА» В УЧЕНИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Гумбольдт убежден, что становление духовного своеобразия конкретной нации происходит в тесной связи с оформлением языковых структур языка. Язык является воплощением национального мировидения, поэтому осмысление окружающего мира конкретным народом накладывает отпечаток на формирование семантических и грамматических категорий национального языка.

Гумбольдт предлагает понимать язык как свойственную человеческому духу способность развиваться и проявляться, воплощаясь в формальные структуры: «Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения...» [Гумбольдт 2001: 51]. Духовная сила народа неразрывно связана с языком, который является формой воплощения духа: «Язык – есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 2001: 68].

Существует мнение, что лишь в последние годы жизни Гумбольдт занимался проблемами языка, оставив немногочисленные работы по языкознанию, однако это один из популярных мифов, которыми окружена деятельность ученого. На самом деле вопросы, связанные с природой человеческого языка, особенностями его развития и национальным своеобразием устройства разных языков, интересовали Гумбольдта на протяжении всей его жизни. «Работа с его рукописями дает доказательства того, как последовательно вырастали, начиная с 1800 года, теоретические положения его философии языка из практических занятий разными языками» [Лобанова 2015: 13]. Особенностью научного творчества Гумбольдта было стремление выдвигать теоретические обобщения исключительно на базе тщательного и всестороннего анализа разнообразного языкового материала. С этой целью Гумбольдт изучал строение самых разных языков мира, описывал словарный состав этих языков, их грамматическое устройство, своеобразие словообра-

зовательных моделей и синтаксических конструкций. Такой предварительный анализ языкового материала он считал необходимой подготовительной работой, предшествующей разного рода теоретическим обобщениям.

Гумбольдт был первым европейцем, который составил подробное описание баскского языка (350 страниц). Его очерк о баскском языке был включен в приложение к четвертому тому словаря «Митридат или общее языкознание» И. Аделунга и И. Фатера (четвертый том вышел в 1817 г.). Гумбольд считал, что индоевропейские языки, имеющие более или менее сходное строение грамматических структур и общий лексический фонд, будут отражать схожее мировоззрение, поэтому наиболее интересно для исследователя анализировать экзотические языки, структура которых кардинальным образом отличается от европейских языков. В частности, самая объемная и знаменитая лингвистическая работа Гумбольдта – трехтомное сочинение «О языке кави на острове Ява»¹ – было посвящено малайскому языку. Гумбольд объясняет выбор языка кави – языка местного населения острова Ява, самого крупного острова в составе цепочки островов Малайского архипелага в северо-восточной части Индийского океана: «...на архипелаг в разные времена оказывали большое влияние три основных очага древних цивилизаций – Китай, Индия и страны семитского ареала. ...В двух первых книгах своего труда я начинаю исследование с той эпохи, когда индийское влияние на духовное развитие малайцев было наиболее глубоким и действенным. Таким кульминационным пунктом является, очевидно, расцвет языка кави как теснейшее переплетение исконной и индийской культур на острове, которым владели древнейшие и многочисленные индийские поселенцы» [Гумбольдт 2001: 45–46]. Гумбольдт не случайно стремится изучать экзотические языки, так как предполагает обнаружить в структурах редких языков своеобразное мировоззрение, картину мира разных народов.

2. УЧЕНИЕ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ ГУМБОЛЬДТА

Понятие внутренней формы языка является важнейшим для теории Гумбольдта, ведь именно эта трудноуловимая характеристика языка, выводимая из его внутреннего устройства, механизма выражения мысли, определяет своеобразный характер каждого языка, причем все единицы языка определяются этой общей формой и целиком зависят от нее. «Характерная форма языка отражается в его мельчайших элементах, и каждый из них тем или иным и не всегда явным образом определяется языковой формой... В этом отношении языки можно сравнить с человеческими физиономиями: сравнивая их между собой, живо чувствуешь, что индивидуальность неоспоримо присутствует, подобию очевидны, но никакие изменения и никакие описания каждой черты в отдельности и в их связи не дают возможности сформулировать их своеобразие в едином понятии. Своеобразие физиономии состоит в совокупности всех черт, но зависит и от индивидуального восприятия; именно поэтому одну и ту же физиономию разные люди воспринимают по-разному. Так как язык, какую бы форму он ни принимал, всегда есть духовное воплощение индивидуальной жизни нации, мы должны учитывать это; и как бы ни фиксировали, как бы ни выделяли, как бы ни дробили, ни расчленяли в языке все то, что в нем воплощено, все-таки многое в нем остается непознанным, и именно здесь скрывается загадка единства и одухотворенной жизненности языка... Таким образом, понятие формы открывает исследователю путь к постижению тайн языка, к выяснению его сущности» [Гумбольдт 2001: 71–72].

¹ Сочинение было опубликовано уже после смерти Гумбольдта – в 1836 г.

Внутренней форме Гумбольдт противопоставляет внешнюю форму – более прозрачную, доступную непосредственному наблюдению: это звуки языка, его словарь, словообразование и синтаксис. «Звуковая форма есть то, на чем главным образом основываются различия языков. Это заключается в самой природе звуковой формы, так как в действительности только материальные, действительно оформленные звуки составляют язык, и звук допускает значительно большее разнообразие различий, чем внутренняя форма языка, которая неизбежно несет в себе больше единообразия» [Гумбольдт 2001: 97]. Внешняя форма доступна непосредственному наблюдению, а внутренняя форма – это нечто «совершенно внутреннее, чисто умственное», это некий посредник между языком и мышлением. Хотя внешняя и внутренняя формы языка четко противопоставлены, их синтез, тесная взаимная обусловленность характеризуют, по Гумбольдту, совершенный язык, достигший вершин своего развития. «По самой своей природе форма языка есть синтез отдельных, в противоположность ей рассматриваемых как материя, элементов языка в их духовном единстве» [Гумбольдт 2001: 73]. В частности, фонетические процессы могут не только принадлежать внешней (звуковой) стороне языка, но и играть определенную роль в грамматическом механизме. Именно такое явление Гумбольдт наблюдает в санскрите и немецком языке: «Звуковые изменения, подобные гуне и вриддхи, невозможно привить языку извне; по удачному выражению Гримма, говорившего о немецком аблауте, они увязают, словно корни, в языковой почве...» [Гумбольдт 2001: 138]. Гумбольдт пишет: «Создание грамматических форм подчиняется законам мышления, совершающегося посредством языка, и опирается на соответствие звуковых форм этим законам» [Гумбольдт 2001: 155].

Именно форма языка определяет принципы его развития, ведь оставаясь в рамках своего грамматического типа (модели внутреннего устройства), язык стремится к идеальной форме, которая органически соответствует духу данного языка. Любой язык может, по мнению Гумбольдта, приблизиться к недостижимому идеалу независимо от принадлежности к грамматическому типу.

Язык есть результат вечной деятельности духа – ненаблюдаемой, внутренней, стремящейся воплотиться в языковую форму, превратив звук в выражение мысли. «Язык есть не **продукт деятельности** (Ergon), а сама **деятельность** (Energeia). Его истинное определение может быть поэтому только генетическим. Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли... Расчленение языка на слова и правила – это лишь мертвый продукт научного анализа» [Гумбольдт 2001: 70]. В языке нет ничего застывшего, мертвого, каждая единица языка оживает в речи, в процессе формулирования мысли и коммуникации. Внутренняя форма языка связывает воедино все разрозненные части языковой системы, способствует проявлению своеобразного характера языка, воплощению национального мировоззрения. «Язык следует рассматривать не как **мертвый продукт**, но как **созидающий процесс**» [Гумбольдт 2001: 69], однако такое рассмотрение языка требует от исследователя «с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью» [Гумбольдт 2001: 68].

3. ВКЛАД ГУМБОЛЬДТА

В РАЗВИТИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ МИРА

В начале XIX в. в Германии трудами Фридриха Шлегеля насаждалась грубая оценочная классификация языков мира: флективные («истинно арийские языки» – немецкий язык, санскрит и др.) признавались совершенными языками божественного происхождения; а аффиксирующие языки (тюркские, финно-угорские и др.) считались грубыми языками отсталых народов. Именно в это время Гумбольдт решительно заявляет о неповторимости каждого языка и его чрезвычайной важности для человеческой культуры. Он поет своеобразную «оду» языкам мира как ярким краскам в палитре великого живописца – человеческого духа, создающего прекрасную и величественную картину материального и ментального мира. Каждый язык, по Гумбольдту, находит неповторимый способ выражения семантики, и этот способ определяет характер языка в целом. «Невозможно отрицать, что китайский язык древнего стиля за счет того, что в нем непосредственно следуют друг за другом важные и весомые понятия, звучит с покоряющим достоинством и, как бы отбрасывая все побочные мелочи и порываясь к чистому полету мысли, достигает благородного величия. Собственно малайский язык справедливо славится подвижностью и крайней простотой своих словосочетаний. Семитские языки обладают поразительным искусством в тонком различении смысла посредством многообразных чередований гласных. Баскскому языку в структуре слова и в словосочетании присуща замечательная сила, проистекающая от краткости и смелости выражения. Язык делаварских индейцев, а также некоторые американские языки с одним-единственным словом связывают такое число понятий, что для выражения их нам понадобилось бы несколько слов. Но все эти примеры показывают только, что, по какому бы одностороннему пути ни направился бы человеческий дух, он всегда может произвести нечто великое и способное в свою очередь оказывать на него самое плодотворное и вдохновляющее воздействие. Все перечисленные нами частности не позволяют говорить о преимуществе тех или других языков... Язык – русло, по которому дух может катить свои волны в надежной уверенности, что питающие его источники не иссякнут» [Гумбольдт, 2001: 163].

Поскольку не отдельные слова, а именно своеобразные способы соединения слов в предложения, принципы составления связной речи определяют языковую форму, ученый предлагает три метода оформления предложения.

1) Неизменяемые слова сочетаются в предложении в строго определенном порядке (изолирующий тип). Яркий пример такого грамматического устройства демонстрирует китайский язык. Гумбольдт пишет: «Языки, которые, подобно китайскому, складывают предложение из жестких, неизменяемых корневых слов... китайские слова выступают совершенно обособленными; однако здесь строить единство предложения помогают рассудку только нефонетические средства, как, например, место слов в предложении или особые, в свою очередь тоже изолированные слова» [Гумбольдт 2001: 144].

2) Грамматические значения выражаются путем изменения формы слова (флективный тип). Этот механизм устройства языка, свойственный древним индоевропейским языкам (санскриту, древнегреческому, латинскому и др.), Гумбольдт считает наиболее совершенным, ведь «флексия способствует более правильному и четкому проникновению в сущность мыслительных связей» [Гумбольдт 2001: 126]. Флексия есть «та ось, вокруг которой обращается весь языковой организм...» [Гум-

больдт 2001: 118]. Совершенство флексии как способа грамматического устройства заключается в том, что слово не только называет предмет, явление и др., но и выражает грамматическое значение, связь с грамматической категорией и роль слова в предложении. Гумбольдт пишет: «...к самому акту обозначения понятия добавляется еще особая работа духа, переводящая понятие в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятийным выражением и упомянутым модифицирующим обозначением» [Гумбольдт 2001: 118]. И далее «Совершенство языка требует, чтобы каждое слово было оформлено как определенная часть речи и несло в себе те свойства, какие выделяет в категории данной части речи философский анализ языка» [Гумбольдт 2001: 155]. Формальная (морфологически выраженная) принадлежность слова к определенной части речи, с одной стороны, определяет роль слова в предложении (ведь флексия «работает» на синтаксис), а с другой стороны, способствует появлению грамматической самостоятельности слова, т. е. возможности выражения и лексического и грамматического значения вне контекста¹. Гумбольдт пишет: «Языки, которые, подобно санскриту, уже в самом словесном единстве содержат указание на связь слова с предложением, позволяют последнему распасться на части, в которых оно, в соответствии со своей природой, предстает перед рассудком; из этих частей они (языки) как бы выстраивают его (предложения) единство» [Гумбольдт 2001: 144].

Гумбольдт постоянно предупреждает о том, что любая классификация является искусственной попыткой человека упорядочить тем или иным образом языковой материал, поэтому ни один язык не является чистым представителем того или иного типа, так как содержит в своей системе элементы самой разнообразной природы. Языки, выражающие грамматическое значение при помощи словоизменятельных морфем, делятся на два типа: флективные и агглютинативные. Флексия – «органическое пристраивание», «агглютинация – механическое добавление» [Гумбольдт 2001: 124]. Если Фридрих Шлегель считал эти языковые типы врожденным устройством, неизменно свойственным конкретному языку на протяжении всей его истории, то Гумбольдт утверждал, что склонность к флексии или агглютинации может по-разному проявляться в языках того или иного типа или меняться по мере развития языков. «По своему опыту я знаю, что ни один язык не является полностью агглютинативным, и в отдельных случаях часто нельзя определить, какую роль играет чувство флексии для того или иного предполагаемого суффикса» [Гумбольдт 2001: 126]. Известно, что в русском языке, например, приставки ведут себя как агглютинативные морфемы, а окончания есть яркий пример флексии. Таким образом, русский язык, будучи флективным, содержит элементы агглютинации. Гумбольдт пишет о приставках: «Слоги, наращиваемые спереди, сливаются со словом в меньшей степени... Это замечание кажется мне особенно важным для оценки тех языков, которые присоединяют наращиваемые слоги, как правило, к началу слов. Они в большей степени оперируют сложением, чем пристраиванием, и ощущение истинной флексии остается для них чуждым» [Гумбольдт 2001: 122].

3) Грамматические значения выражаются внутри предложения, которое можно рассматривать как единое цельнооформленное слово – инкорпорирующий тип.

¹ С одной стороны, флексия служит для связи слов в предложении: *Рыжий мальчик налил свежее молоко пушистому коту*, а с другой стороны, благодаря флективному оформлению каждое слово оказывается достаточно самостоятельным, так как относится к определенной части речи и выражает морфологическое значение; например: *пушистому* – прилагательное, в форме единственного числа, мужского рода, дательного падежа.

Гумбольдт впервые описал этот тип языкового устройства и ввел в лингвистический обиход понятие инкорпорации – стремление «рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово» [Гумбольдт 2001: 144]. В качестве примера инкорпорирующего языка Гумбольдт приводит грамматику мексиканского (ацтекского) языка¹.

Способ инкорпорации, «стремясь сплотить простое предложение в единую, фонетически связную форму, выделяет в качестве его истинного средоточия глагол, присоединяет к нему по мере возможности все управляющие и управляемые части предложения и с помощью фонетического оформления придает этому сочетанию вид связного целого:

1	2	3	1	3	2
<i>ní-</i>	<i>nasa-</i>	<i>qua</i>	<i>я</i>	<i>ем</i>	<i>мясо</i>

...Когда по какой-либо причине само по себе существительное не инкорпорируется, оно заменяется местоимением третьего лица, отчетливо показывающим, что язык требует при глаголе и внутри глагола сразу всей конструкции предложения по общей схеме:

1	2	3	4	5	1	3	2	4	5
<i>ní-</i>	<i>c-</i>	<i>qua-</i>	<i>in-</i>	<i>nacatl</i>	<i>я</i>	<i>ем</i>	<i>его</i>	<i>это</i>	<i>мясо</i>

Все предложение в том, что касается его формы, должно предстать завершенным уже в глаголе... По мексиканским представлениям, глагол вообще немислим без восполняющих его сопутствующих определений» [Гумбольдт 2001: 146]. Инкорпорирующие языки обладают своеобразной грамматической структурой, обусловленной особенностями построения предложения. В частности, «у слов, применяемых при инкорпорировании, язык тщательно различает две формы – абсолютную и инкорпорируемую; это предусмотрительное различие, без которого весь метод инкорпорации оказался бы затруднителен для понимания, надо рассматривать как его основу. Имена при инкорпорировании, как и в составе сложных слов, утрачивают окончания, которые в абсолютной форме всегда сопутствуют им в качестве именных характеристик. Слово *мясо*, которое при инкорпорировании мы встретили выше в форме *nasa*, имеет абсолютную форму *nacatl*» [Гумбольдт 2001: 147]. Инкорпорация скрепляет, как бы цементирует члены предложения в единый монолит, поскольку элементы инкорпорирующего комплекса не имеют флексий, указывающих на принадлежность к части речи, роль каждого элемента определяется его местом в инкорпорирующем комплексе, характеризуемом в силу этого жесткой структурой. «Инкорпорирующий метод... или сцепляет все в подобие единого слова, или, если не может этого сделать, снабжает средоточие предложения указателями – как бы стрелочками, намечающими направление, в каком надлежит отыскивать отдельные части предложения в их отношении к целому... В мексиканском строе предложения скрывается самобытный способ представления. Предложение должно здесь не конструироваться, не выстраиваться постепенно из своих частей, а сразу предъявляться как форма, запечатленная цельной и единой» [Гумбольдт 2001: 148–149].

Справедливо отмечая достоинства и недостатки каждого типа языкового устройства, Гумбольдт пишет об особенностях инкорпорации как способа выра-

¹ «Опыт анализа мексиканского языка» был написан в 1821 г.

жения мысли. «Однако нельзя признать особой удачей народа, если его духовная организация в соединении с внешними обстоятельствами направляет языковой строй по этому пути. Грамматические формы как по своему смыслу, так и по своей фонетике скрепляются в слишком громоздкие и неуклюжие глыбы, речь ощущает себя скованной в своей свободе, поскольку, вместо того чтобы составлять легкоподвижные мыслительные сочетания из отдельных элементов, она большей частью вынуждена пользоваться раз и навсегда отштампованными выражениями, некоторые элементы которых ей в данный момент вовсе и не нужны» [Гумбольдт 2001: 152]. Именно поэтому, по его мнению, «в сравнении с инкорпорированием и с приемом нанизывания слов, лишенных внутри себя подлинного единства, флективный метод предстает гениальным началом, порождением верной языковой интуиции» [Гумбольдт 2001: 160].

Очевидно, что для систематизации многообразия языковых форм Гумбольдт пользуется старой морфологической классификацией языков, разработанной братьями Шлегель. Однако он переосмысляет жесткую классификацию, понимая языковые типы как последовательные ступени в формировании языка – «орудия образования мысли».

Таким образом, в рамках концепции Гумбольдта форма языка понимается как закон его развития, а типологическое разнообразие языков осмысливается как история развития общечеловеческого языка.

4. СИСТЕМНОСТЬ ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Сложность устройства языка и разнообразие его элементов и связей между ними затрудняют восприятие языка как цельной системы. «Язык предстает перед нами в бесконечном множестве своих элементов – слов, правил, всевозможных аналогий и всякого рода исключений, и мы впадаем в немалое замешательство в связи с тем, что все это многообразие явлений, которое, как его ни классифицируй, все же предстает перед нами обескураживающим хаосом, мы должны возвести к единству человеческого духа» [Гумбольдт 2001: 69]. Однако системное устройство языка обусловлено его функционированием как способа мышления и универсального средства коммуникации. Признавая цельность языка его важнейшим свойством, Гумбольдт выступает против теории происхождения языка путем последовательного накопления словарного запаса и усложнения формальных структур. Он утверждает, что не встречал ни одного «примитивного» языка, даже бесписьменные языки кочующих племен демонстрируют удивительные формальные механизмы выражения различных значений, способны передавать самым причудливым образом субъективные впечатления от окружающих предметов и явлений, создавая поэтические картины мира.

Тема реферата: Язык как орудие мышления в лингвистической концепции В. фон Гумбольдта.

КОЛЛОКВИУМ

1. Проблематика общего языкознания в работах В. фон Гумбольдта.
2. Неогумбольдианство в истории европейской и американской лингвистики.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2001.

Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков, применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс. 2001.

Шулежкова С.Г. История лингвистических учений: Учебное пособие. М.: Флинта, 2007. С. 65–77.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.

Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Лобанова Л.П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Волошина О.А. «Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» (к 250-летию со дня рождения Вильгельма фон Гумбольдта) // Русский язык в школе. 2017. № 6. (в печати)

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ТЕМЕ

1. Прокомментируйте слова Гумбольдта: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее... Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение... Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа...» [Гумбольдт 1985: 348].
2. Инкорпорирующие языки как представление особого типа оформления предложения в языках мира.
3. Понятие внутренней и внешней формы языка в учении В. фон Гумбольдта. Представление о внутренней форме языка в концепции Гумбольдта. Развитие идей Гумбольдта о внутренней форме слова в зарубежной и отечественной лингвистике.
4. Философия языка В. фон Гумбольдта: язык как отражение национального мировидения, язык как вечная деятельность человеческого духа.

Психологическое направление в языкознании второй половины XIX века

Язык как продукт человеческой психики. Понятие языкового мышления в концепции Г. Штейнталь. «Психология народов» В. Вундта.

А.А. Потебня – последователь В. фон Гумбольдта и популяризатор гумбольдианства в России. А.А. Потебня об особенностях древних языков как свидетельстве своеобразия мифологического мышления. Развитие синтаксической структуры как отражение работы мышления в работах А.А. Потебни.

Основные подходы к описанию и исследованию языка в трудах И.А.Бодуэна де Куртенэ. Учение о системных отношениях в языке. Критика теории родословного древа в работах Бодуэна де Куртенэ. Идеи о смешанном характере языков, диссертация Бодуэна де Куртенэ «Опыт фонетики резьянских говоров». Социологический и психологические подходы в изучении языка. Учение о фонеме, разные подходы к определению фонемы в наследии Бодуэна де Куртенэ.

Идея структурного устройства языка и попытка объяснения развития языковой системы в работах Н. Крушевского.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Психологическое направление формируется как новая теория языка, противопоставленная, с одной стороны, логическому направлению в языкознании, а с другой стороны, шлейхеровскому натурализму. В центре внимания ученых оказывается теперь не общность логической структуры человеческого языка, а проблема осмысления бесконечного разнообразия языков мира.

Герман Штейнталь (Steinthal) (1823–1899) считается основоположником психологического направления в языкознании. Основные общетеоретические положения Штейнталья касаются проблем взаимоотношения языка и духа народа, строения и развития языков, происхождения языка и т. п.

Герман Штейнталь
(Steinthal)

Г. Штейнталь был учеником и последователем В. фон Гумбольдта, чьи труды по языкознанию он издал в 1884 г., снабдив подробными комментариями. Штейнталь последовательно развивал идеи Гумбольдта о языке как проявлении национального мировидения, психологии народа, «народного духа», неоднократно заявляя о необходимости создания новой науки – «психологии народов»¹.

Психология находилась еще в зачаточном состоянии и не определилась как самостоятельная наука, однако ученые уже предлагали методы анализа проявлений психической жизни человека². Наблюдение и описание психических процессов

¹ Стараниями Штейнталья был основан и издавался журнал «Вопросы этнической психологии и языкознания», в котором затрагивались вопросы «психологии народов».

² Например, И.Ф. Гербарт утверждал, что психика человека управляется тремя законами: 1) ассимиляция – человек подмечает сходство, яркий образ нового впечатления, 2) апперцепция – определяет место новому впечатлению в уже имеющейся картине мира, 3) ассоциация – формирует связи нового впечатления с другими психическими образованиями.

могло основываться лишь на анализе индивидуального сознания, поэтому в языкознании второй половины XIX в. утвердился так называемый индивидуальный психологизм.

Штейнталь выступал против логического направления в языкознании, согласно которому все языки мира имеют одинаковое устройство и легко могут быть сведены к общему каркасу, в основе которого лежит логика, основанная на тождестве человеческого мышления. Важным теоретическим положением Штейнталя было признание неоднородности человеческого мышления: существует несколько типов мышления, у каждого из которых есть своя логика. Языковое мышление – особый тип мышления, поэтому языкознание имеет дело с языковым сознанием, при исследовании которого должно опираться на психологию, а не на логику. Штейнталь считает, что категории логики и грамматики не тождественны, они вообще с трудом могут быть соотнесены друг с другом, как, например, понятие круга и красного цвета. Теория Штейнталя была изложена в работе «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» (1855).

Предметное мышление оперирует представлениями предметов, которые основываются на определенных признаках этих предметов, а языковое мышление оперирует представлениями представлений. Эти вторичные представления есть **внутренняя форма слова**, устанавливающая связь между первыми представлениями и членораздельными звуками. Поэтому если первые представления субъективны, то вторые субъективны вдвойне.

Слово (название цветка – *подснежник*)

Представление (образ цветка)

Предмет – (конкретный цветок)

По мнению Штейнталя, в современных языках происходит «угасание» выражения внутренней формы слова, расцвет которой (множество мотивированных слов) наблюдается в древних языках. Происхождение человеческого языка Штейнталь объяснял звукоподражательной теорией – первыми попытками передать представление о предметах соответствующими звуковыми комплексами. Усложнение языка приводит к «стиранию», «выветриванию» звукоподражательной природы номинации, возрастает немотивированная связь между предметом и акустическим комплексом, однако внутренняя форма еще остается в языках как свидетельство опосредованной номинации через выражение в слове представления о предмете.

ВОПРОСЫ

1. Прокомментируйте слова Штейнталя: «Речь – это духовная деятельность, и, следовательно, языкознание относится к числу психологических наук... Языкознание упирается в область психологии. Однако языковой материал, т. е. отдельные языки, – это особые продукты человеческого ума, принадлежащие уже не психологии, а... языкознанию» [Штейнталь 1964: 129].
2. Прокомментируйте слова Штейнталя: «Современная психология есть индивидуальная психология, т. е. ее предметом является психический индивидуум... Но существенным определением человеческой души является то, что

она принадлежит к определенному народу. Таким образом, индивидуальная психология требует существенного дополнения в виде психологии народов» [Штейнталь 1964: 133].

3. Как Вы понимаете слова Штейнталя: «Дух народа проявляется прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках. В традициях и песнопениях; все это – продукты духа народа» [Штейнталь 1964: 134]. И далее: «Языкознание служит наилучшим введением к психологии народов... Язык является самосознанием, мировоззрением и логикой духа народа» [Штейнталь 1964: 134–135].

4. Можно ли назвать Штейнталя основоположником этнопсихологии и этнолингвистики? Ответ обоснуйте.

5. Подобно Гумбольдту, Штейнталь стремился изучать неиндоевропейские языки, пытаясь обнаружить в строении этих языков отражение своеобразного менталитета их носителей. В Париже Штейнталь изучал китайский язык, преподавал религиозную философию в Высшей школе иудаизма. Какие редкие языки изучал В. фон Гумбольдт и описал эти языки в своих работах? Что дало Гумбольдту описание этих языков для развития теории о связи строения языка с «духом народа»?

6. Дайте определение внутренней форме слова (по Штейнталю). Приведите примеры слов, обладающих внутренней формой в русском языке, латинском, английском и др.

ЛИТЕРАТУРА

Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., Просвещение. 1964. С. 127–135.

Вильгельм Вундт (Wundt) (1832–1920) – немецкий физиолог и психолог, основатель школы экспериментальной психологии и психологии народов (этнопсихологии).

Вундт впервые предлагает использовать методы естественных наук для изучения человеческой психики. Проблемы восприятия информации, ее использования человеческим мышлением – вот темы, которым посвящал Вундт свои лекции, опубликованные в книге «Лекции о разуме человека и животных» в 1863 г¹. Именно в этой работе Вундт формулирует два основных направления своих научных изысканий:

Вильгельм Вундт (Wundt)

¹ По мнению Вундта, и человек, и животное выражают физическими движениями (т. е. физиологически) свои психические состояния: дрожь в конечностях – страх и волнение, расширение зрачков – ужас и т. п. Все эти формы выражения состояния можно наблюдать, однако высшие психические формы человеческого сознания не поддаются, по мнению Вундта, экспериментальному исследованию, так как они скрыты и часто не имеют внешнего выражения. Не случайно, по мнению Вундта, первым и универсальным языком первобытных народов был язык жестов – физическое выражение эмоций и понятий. Вундт считал жестовый язык равным по коммуникативным возможностям естественному языку: в нем есть синтаксис, полисемия, этимология, возможны диалекты и т. п.). Часто жест непосредственно отражает выражаемое им чувство или понятие: эмоциональные жесты, жесты, выражающие отказ, неприятие, категории множественного числа, повторяемости глагольного действия и т. п.

1. наблюдение над сознанием конкретного человека при помощи эксперимента;
2. изучения «психологии народов», т. е. психологии аспектов культуры – языка, мифа, нравы различных народов и т. п.

Очевидно, что Вундт пытается объединить индивидуальный и социологический подходы в психологии: «в языке, мифах и обычаях повторяются, как бы на высшей ступени развития, те же элементы, из которых состоят данные состояния индивидуального сознания»¹. С помощью экспериментальных исследований можно наблюдать лишь сознание конкретных людей, но социальная природа человека во многом определяет его индивидуальное сознание и поведение. Ключ к психологии индивида следует искать в социуме, его культуре, религии и др.

Специалист в области естественных наук, ассистент выдающегося физика и физиолога Г. фон Гельмгольца, Вундт основывает в 1875 г. в Лейпцигском университете первую в мире психологическую лабораторию. Если раньше экспериментальные исследования проводились только с участием животных, Вундт предлагает проводить исследования сознания и психики человека, предложив собственную методику. Психология, по мнению Вундта, подобно химии или физике, имеет дело с объектом (это человеческое сознание), разложимым на отдельно осознаваемые компоненты: чувства, эмоции, идеи, представления, образы, схемы и т. п., изучать которые можно при помощи интроспекции, т. е. метода самонаблюдения. Данные экспериментов Вундт изложил в эпохальной для истории психологии книге «Принципы физиологической психологии» (1874). Психология Вундта именно «физиологическая», потому что состояния сознания индивида предлагалось исследовать при помощи экспериментальных процедур, разработанных в рамках физиологии (особенно физиологии чувств – зрения, слуха и др.).

Именно в это время английский ученый Ф. Гальтон² поставил задачу изучения ассоциаций, вызываемых на слово-стимул. Оказалось, что реакцией на определенное слово могут быть не только слова, но и образы, жесты и т. п. Реакции испытуемых классифицировались, подсчитывались (впервые были применены количественные методы) и обрабатывались, на основе чего формулировались выводы о работе сознания индивида. Именно подобного рода экспериментальные исследования позволили Вундту говорить о психологии как отдельной самостоятельной научной дисциплине со своим объектом исследования, методах и задачах.

Психология народов рассматривалась Вундтом как учение о высшей основе ментальной деятельности. В сочинении «Психология народов» (1900–1929 гг.) Вундт рассматривал этнопсихологию как своеобразие мировоззрения и поведения разных народов. Автор описывал и сравнивал обычаи, мифы, обряды, различные формы искусств и язык разных народов, пытаясь выявить особенности «народного духа», разнообразных проявлений «коллективной воли». Всеобщую историю, историю искусств и этнопсихологию Вундт предлагал считать компонентами единой науки, которая путем объединения различных типов национальных культур, позволит понять философские принципы всей человеческой цивилизации. Вундт пишет: «Язык не только служит вспомогательным средством для объединения духовных сил индивидуумов, но принимает сверх того живейшее участие в

¹ Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: Академический проект. 2010. С. 37.

² Ф. Гальтон (1822 – 17 января 1911) – английский исследователь, географ, антрополог и психолог; основатель дифференциальной психологии, автор метода ассоциативного эксперимента. Именно идеи Гальтона, развитые Вундтом, легли в основу концепции структурной психологии XX в.

находящем себе в речи выражение содержания; язык сам сплошь проникнут тем мифологическим мышлением, которое первоначально бывает его содержанием»¹.

Вундт был сторонником оноματοпоэтической теории происхождения языка. Он считал, что процесс формирования языка, особенности номинации различных предметов, можно наблюдать на материале древних языков, так как именно в древних языках сама языковая форма часто отражает содержание. Речь идет не только о большом количестве звукоподражаний в языках, но и о таких средствах выражения оттенков значения, как удвоение: «...удвоение указывает на увеличение предмета», – пишет Вундт². Свои наблюдения Вундт обобщает в вывод: «Языки первобытных народов... в одном отношении во всяком случае, представляются бесконечно более удобными для психологического исследования: во многих формах выражения понятий в них чаще замечается еще сродство между звуком и его значением, чем это бывает в языках культурных народов»³.

ВОПРОСЫ

1. Почему Вундт считается предтечей современной когнитивной психологии?
2. Вундт стремился отграничить психологию от смежных наук: физиологии, антропологии, этнографии и др. Удалось ли ему это сделать?
3. Как Вы думаете, почему внимание Вундта привлекали в первую очередь языки первобытных народов? Чем можно объяснить интерес Вундта к жестовому языку?

ЛИТЕРАТУРА

1. Вундт В. Проблемы психологии народов // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 170–173.

2. Вундт В. История языка и психология языка // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 174–183.

Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891) – российский языковед, литературовед и философ. А.А. Потебня развивает учение В. фон Гумбольдта⁴ о соотношения языка и мышления. Язык есть особая форма воплощения человеческого духа, мировоззрения целого народа и особенностей мышления каждого отдельного человека. Рассуждения философов об отражении мысли в языке привлекали интерес, завораживали, вызывали сочувствие, однако доказать такую тесную связь мысли и языка на конкретных примерах было непросто. Чтобы продемонстрировать взаимную зависимость языка и мышления В. фон Гумбольд (как и Штейнталь) прибегал

А.А. Потебня

¹ Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 2010. С. 37–38.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 58.

⁴ Первым сочинением А.А. Потебни, сразу сделавшим 27-летнего автора знаменитым, было «Мысль и язык», в котором молодой Потебня разбирал и сопоставлял разные направления в языкознании: логический (Беккера) и психологический (Гумбольдта), полностью поддерживая взгляды последнего. Потебня впервые знакомил русскую читательскую публику с работами В. фон Гумбольдта, приводя множество цитат из работ немецкого философа в переводе на русский язык.

к материалу экзотических языков: баскский, язык кави на острове Ява, китайский и др. – вот формы воплощения своеобразного мировоззрения, мышления, столь отличного от европейского. Именно в структурах экзотических языков стремился Гумбольдт обнаружить сосредоточение национального типа мышления (духа народа). Потебня не прибегает к редким языкам – все свои теоретические построения он основывает на русском, украинском, некоторых других славянских языках, известных древних индоевропейских языках (старославянском, древнегреческом, латинском и санскрите). Тесную, но скрытую связь языка и мышления он стремится обнаружить в лежащих на поверхности, широко известных языковых фактах. Яркое проявление мыслительных операций (говоря современным языком – когнитивных) он находит во внутренней форме слова, в развитии значения слова и в процессе формирования синтаксических структур древних индоевропейских языков и т. п.

1. ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА

Развивая учение Гумбольдта и Штейнтала о внутренней форме слова, А.А. Потебня предлагает различать в слове три компонента:

- 1) **внешнюю форму** – членораздельный звук;
- 2) **содержание** – значение слова;
- 3) **внутреннюю форму** – «ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание»¹.

Внутренняя форма есть семантический и формальный компонент слова, указывающий на осмысление именуемого словом предмета или понятия человеком в процессе номинации, на те связи, которые устанавливает человек, познавая предмет, указывая на его отличительный признак, сравнивая этот предмет с другими. Сам Потебня в своей работе припоминает случай, когда маленький ребенок называет полосатый абажур (незнакомый ребенку предмет) *арбузиком*, основываясь на сходстве незнакомого предмета по цвету и форме с арбузом. Именно так, по мнению Потебни, ведут себя носители древних языков архаичных культур – санскрита, древнегреческого и др. Процесс номинации здесь основан на мыслительном (когнитивном) механизме категоризации по общему признаку. Потебня писал: «Слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак»².

Не случайно Потебня обращался к древним языкам как хранителям внутренней формы слова: в санскрите большинство слов обладает внутренней формой, позволяющей проследить «путь мысли» при назывании, – с чем сравнивается и по какому признаку сравнивается именуемый объект:

dirgha-jihva – змея (букв. *с длинным языком*);

jihma-ga – змея (букв. *движущаяся извиваясь*);

mahā-kaṣa – слон (букв. *обладающий огромным телом*);

jala-kāṅkṣa – слон (букв. *жаждущий воды*);

tura-ga – конь (букв. *быстро идущий*);

rakta-pāda – попугай (букв. *красноногий, с красными ногами*);

kāla-jña – 1) петух (букв. *знающий время*);

¹ Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 160.

² Там же. С. 97.

tāmra-cūḍa – петух (букв. *имеющий красный гребень*);
tāmṛākṣa (tāmra + akṣa) – ворона (букв. *имеющая красные глаза*);
ghūkāri (ghūka + ari) – ворона (букв. *враг совы*) и т. п.

2. ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В УЧЕНИИ А.А. ПОТЕБНИ

Область синтаксиса и семантики привлекала внимание Потебни, потому что именно эти уровни языковой структуры (а не фонетика и морфология) позволяли обнаружить связь языка и мышления.

Потебня еще в конце XIX в. заговорил о том, что в языке первичны семантика и синтаксис, – именно этот тезис станут повторять и отстаивать лингвисты середины XX в. Нельзя от морфологии перейти к пониманию синтаксической структуры, возможно только наоборот – конкретное слово (его форма и значение) осознается лишь как часть предложения: части речи получают осмысление как морфологически закрепленные синтаксические функции слов, значение слова выводимо из его окружения в предложении, т. е. из контекста.

Еще Гумбольдт поставил вопрос о том, как может человек, используя общеупотребительные слова, выражать новые мысли и чувства, формулировать свои собственные идеи. Потебня предлагает следующее понимание: слово обладает двумя типами значений: **ближайшее значение** – общее, зафиксированное в словарях, и **дальнейшее значение** – индивидуальное, личное, которое приобретает слово в контексте реальной речи. Благодаря ближайшему значению слова (общему) возможно взаимопонимание между людьми, а дальнейшее значение (вариация смысла, обусловленная контекстом) позволяет человеку выражать собственные идеи, порождать новые смыслы, создавать новые миры.

А.А. Потебня считает, что многозначность слова бывает только в словарях, в реальной речи слово имеет лишь одно значение, оно живет в контексте здесь и сейчас, обслуживая конкретный коммуникативный акт: «Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения»¹. Под многозначным словом мы понимаем объединение разных значений, выраженных одной и той же звуковой формой, но «единство звука и значения будет не более единства дупла и птиц, которые в нем гнездятся»². Реальна не многозначность, а «однотонность различных слов, т. е. то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки»³.

В языке слово каждый раз оживает заново, обретая новые оттенки значения, ведь «действительная жизнь всякого слова совершается в речи»⁴. Именно это свойство преобразования значения слова является проявлением жизни языка, вечного движения и изменения, т. е. той формы, в которой только и может жить язык, – «энергейя».

3. СИНТАКСИС В УЧЕНИИ А.А. ПОТЕБНИ

Синтаксические изыскания занимают особое место в научном наследии А.А. Потебни, ведь именно синтаксис позволил ученому продемонстрировать изменение языковых структур (синтаксических) для выражения более сложной, дифференцированной мысли.

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Введение. Воронеж, 1874. С. 4.

² Там же. С. 1.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 4.

Потебня предлагает выделять в процессе становления индоевропейского сложного предложения два этапа: паратаксис и гипотаксис. **Паратаксис** представлял собой последовательное соединение (присоединение) однородных членов предложения или простых предложений в составе сложной синтаксической конструкции. О такой структуре Потебня пишет: «Первоначально простые предложения следуют друг за другом так, что формальные отношения между ними вовсе не сознаются и не обозначаются. Ряды их подобны рисунку без перспективы»¹.

Затем, по мнению Потебни, по мере развития человеческого мышления и усложнения синтаксических структур как вербального воплощения этого мышления, возникает потребность выстроить иерархию – выделить главное предложение и зависимое. Такие структуры Потебня называет **гипотаксисом**. В главном предложении предикативность, как правило, выражается глаголом, а синтаксическая структура, которая принимает статус «зависимой», должна отличаться формальными показателями от главного предложения – языки вырабатывают разные формальные механизмы выражения этой зависимости. Поскольку системы союзов и союзных слов в древних языках еще не сформировались, древние языки активно используют конструкции с причастиями, супинами и инфинитивами для выражения сказуемого зависимого предложения. Известные всем древним индоевропейским языкам самостоятельные обороты: *дательный самостоятельный* в старославянском, *ablativus absolutus* в латинском, *locativus absolutus* в санскрите, *genetivus absolutus* в древнегреческом и т. п. использовались для выражения придаточного предложения с обстоятельственным значением. Обособленные конструкции с инфинитивом использовались для формирования конструкции с придаточным изъяснительным. Например, в латинском языке конструкция *accūsātīvus cum infīnītīvō*: *Scīmus scientiam potentia mēsse* (*Мы знаем, что знание – сила*). И в данном случае язык использует морфологические формы для обособления самостоятельного оборота – подлежащее этого оборота оформляется формой винительного падежа, а сказуемое – инфинитивом.

Таким образом, Потебня настаивает на вторичности морфологии по отношению к синтаксису: часть речи используется в синтаксических структурах в определенной функции.

ВОПРОСЫ

1. Объясните слова А.А. Потебни о внутренней форме слова: «Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Это очевидно во всех словах позднейшего образования с ясно определенным этимологическим значением (*бык – ревущий, волк – режущий, медведь – едящий мед, пчела – жужжащая* и проч.)... Признак, выраженный словом, легко упрочивает свое преобладание над всеми остальными... Но этого мало. Слово с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать себя, апперцепировать свои восприятия. Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление»².
2. Приведите примеры слов, сохраняющих прозрачную внутреннюю форму (по Потебне) в современном русском языке.

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Введение. Воронеж, 1874. С. 157.

² Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 130–131.

3. Прокомментируйте слова Потебни: «Части речи возможны только в предложении, в сочетании слов, которые не предполагаем в начале языка»¹.
4. По мнению Потебни, многозначное слово – феномен языка (многозначные слова встречаются только в словарях), в живой речи слово всегда однозначно. Объясните выражение Потебни: «речь – океан омонимов».
5. Какое конструкции старославянского языка соответствует латинская *ablativus absolutus*? Приведите примеры.
6. Как Вы думаете, удалось ли А.А. Потебне доказать зависимость языковых структур от развивающегося мышления человека. Свой ответ обоснуйте.

КОНТРОЛЬНЫЙ ВОПРОС ПО ТЕМЕ

Психологическое направление в языкознании. Лингвистические взгляды Г. Штейн-таля и А.А. Потебни.

Тема для реферата: Понятие «внутренней формы слова» в учении А.А. Потебни. Принцип номинации в древних языках как отражение архаичного мышления в работах Потебни.

И.А. Бодуэн де Куртенэ

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А.А. Мысль и язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 136–141.

2. Потебня А.А. Из записок по русской словесности // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 142–169.

Бодуэн де Куртенэ И.А. (1845–1929).

In initio erat verbum de Boudouin de Courtenay – ученики знаменитого лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ с полным основанием могли повторять эти слова В. Дорошевского, ведь к концу XIX – началу XX в., когда ученые искали новые пути развития науки о языке, именно Бодуэн в своих работах впервые намечал и развивал перспективные направления лингвистических исследований: это системное представление об устройстве языковой системы, учение о причинах языкового развития и определении степени влияния языков друг на друга, психолингвистические и социолингвистические проблемы языкознания, вопрос становления речи ребенка и мн. др.

Задачу науки о языке Бодуэн формулировал широко: «Языковедение исследует жизнь языка во всех ее проявлениях, связывает явления языка, обобщает их в факты, определяет законы развития и существования языка и отыскивает действующие при этом силы»².

¹ Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 135.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.м I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 57.

Не формулируя в явном виде теорию уровней, разработанную структурализмом, Бодуэн, в сущности, показал в своих работах тесную взаимную связь между различными частями языковой системы – смысловоразличительная функция фонемы проявляется в составе морфемы (или слова), отдельная морфема служит узлом, связывающим слова по форме (однокоренные слова и одинаковые аффиксы в словоформах) и по значению (развитие семантики производного слова). Таким образом, широко используемое в теоретических построениях Бодуэна понятие морфемы позволило ему связать все единицы языка в цельную систему – и с точки зрения формы, и с точки зрения значения.

Наряду с признанием системного устройства языка, Бодуэн неоднократно подчеркивал сложный и противоречивый характер самой языковой системы, зависимость языка от различных факторов социального и психического характера, воздействующих в разной степени на язык и вызывающих языковые изменения. Эта сложность и неоднозначность решений проблем языкового устройства и развития, попытка учитывать самые разные внешние влияния на язык, равно как и динамику самой языковой системы изнутри, явилось важным достижением Бодуэна-теоретика.

Задолго до знаменитой оппозиции Ф. де Соссюра синхрония – диахрония, И.А. Бодуэн де Куртенэ предлагает противопоставлять два подхода к изучению языка: статику и динамику. В «Программе чтений по общему курсу языковедения» (1876)¹ он предлагает рассматривать отдельно статику звуков (классификация гласных и согласных, фонетические процессы в звучащей речи и т. п.) и динамику звуков (история возникновения звуков в языках, процессы изменения звуков и т. п.). Бодуэн настаивает на противопоставлении морфологии (науки о типах морфем и о правилах их соединения в слове) и этимологии (науке о происхождении слов и морфем).

Бодуэн формулирует важнейший для компаративистики принцип относительной хронологии: мы не можем датировать звуковое изменение, однако мы можем утверждать, что то или иное изменение звуков произошло раньше другого, т. е. выстроить хронологию звуковых изменений относительно друг друга. Например, в результате первой палатализации заднеязычных (к, г, х) в славянских языках появился ряд шипящих звуков и аффриката Ч:

к > ч (*старик* – *старче*)

г > ж (*Бог* – *Боже*)

х > ш (*дух* – *душе*).

Это звуковое изменение происходило в позиции перед гласным переднего ряда (и, е), в других позициях заднеязычные оставались без изменений. После этого изменения прошел процесс монофтонгизации (слияния) дифтонгов, в результате которого образовались новые гласные переднего ряда, перед которыми заднеязычные опять стали изменяться, но уже в свистящие звуки и аффрикату Ц:

к > ц (*рука* – *в руке*)

г > ж (*Бог* – *в Боже*)

х > ш (*дух* – *о душе*).

Это изменение называли второй палатализацией, согласно принципу относительной хронологии.

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Программа чтений по общему курсу языковедения // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 79–87.

Принцип относительной хронологии позволил определить место каждого фонетического изменения в общей картине последовательного изменения системы звуков изучаемых языков.

Бодуэн писал: «Периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создавал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных периодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями: применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения»¹.

2. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ О СМЕШАННОМ ХАРАКТЕРЕ ЯЗЫКОВ

Процесс дивергентного развития индоевропейских языков (процесс расхождения некогда общего языка), представленный в виде родословного древа Августом Шлейхером еще в середине XIX в., представлялся Бодуэну односторонним и искажающим реальную картину. По мнению Бодуэна, процесс развития языков идет не только по пути дивергентного, но и конвергентного развития, т. е. языки могут не только дробиться, но и объединяться, влиять друг на друга, что приводит к более или менее выраженному «смешению языков». По определению Бодуэна, смешанный язык – это язык «с преобладающим элементом известного племени, но все-таки со значительными видоизменениями под влиянием языка племени, лингвистически ассимилированного»². Бодуэн описывает случаи взаимного влияния друг на друга не только родственных, но и неродственных языков, если это языки соседей. Он настаивает на использовании в традиционной компаративистике методов лингвистической географии, т. е. обращает внимание на территориальное распространение языков в целом и отдельных языковых явлений, предлагает картографировать языковые данные и учитывать взаимное влияние соседних языков. Славянские языки, по мнению Бодуэна, представляют яркий пример языкового смешения. Бодуэн пишет: «Обозревая весь славянский языковой мир, мы замечаем в нем довольно много вполне определенных случаев языкового смешения... Романскому влиянию подвержены некоторые крайние полосы юго-западных славянских областей, прежде всего славяне в Италии... Сильному германскому влиянию подвержены славяне на некоторых юго-западных и на северо-западных окраинах славянского языкового мира, прежде всего лужичане и поляки в Пруссии совместно с кашубами. Мадыарскому влиянию должны подвергаться славяне Венгерского королевства. В пределах России происходит взаимодействие славянского языкового элемента и разных “инородческих”, неславянских: литовского, латышского, эстонского, татарского, чувашского и т. д.»³

Основоположник российской тюркологической школы, Бодуэн исследовал тюркские языки и уточнил типологическую классификацию языков по принципу устройства слова: агглютинативные языки (тюркские и финно-угорские) противопоставил фузийным (индоевропейским)⁴. Однако Бодуэн подчеркивал, что классификация – это схема, а живой язык никогда не укладывается в прокрустово ложе

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 67.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 365.

³ Там же. С. 369–370.

⁴ В учебнике А.А. Реформатского «Введение в языкознание» (М. 1996) прочитайте §46. Агглютинация и фузия, расскажите об отличиях корня, аффиксов и особенностях морфемного шва в языках названных типов.

теоретических построений. И здесь – в разных языках можно найти черты агглютинации и фузии, можно говорить лишь о преобладающей тенденции в строении словоформы того или иного языка.

Яркий пример языкового смешения Бодуэн нашел во время путешествия по Италии – это резьянские говоры, диалектная разновидность словенского языка¹. Из-за особенностей географического распространения эти говоры развивались длительное время изолированно от славянского языкового мира, но испытали, по мнению Бодуэна, сильное «мадьярское влияние» (влияние венгерского языка).

Очевидно, что языки соседей влияют друг на друга, но считалось, что такое влияние распространялось лишь на звуковой строй языка и на словарный состав (имеются в виду лексические заимствования). Бодуэн пытается на примере резьянских говоров показать, что влиянию могут подвергаться самые устойчивые участки языковой системы – морфология и синтаксис, под воздействием соседних языков меняются даже сами принципы структурного устройства языка в целом.

Особенность славянских языков (как и всех индоевропейских языков) – наличие ударения как цементирующего средства индоевропейского слова. В резьянских говорах ударение сохраняет свою объединяющую функцию, однако наряду с ударением говоры приобретают несвойственную славянским (и индоевропейским) языкам структурную черту, широко распространенную в тюркских и финно-угорских языках, – сингармонизм (от греч. *syn* – «вместе» и *harmonia* – «созвучие»). Речь идет о морфонологическом явлении, основанном на принципе единообразного вокалического оформления слова, т. е. на употреблении в слове гласных звуков сходной артикуляционно-акустической характеристики. Самым распространенным является сингармонизм по ряду: в одном слове встречаются только гласные переднего или непереднего ряда (встречается также сингармонизм по подъему и/или по лабиализации).

В языках с сингармонизмом система вокализма строго симметрична – каждый гласный имеет пару по фонетическому признаку (по ряду, подъему и лабиализации). В резьянских говорах все гласные классифицируются по 2-м признакам: по подъему и лабиализации.

Ясные гласные (нелабиализованные)	e	i	o	u	a
Темные гласные (лабиализованные)	œ	y	ö	ü	
Узкие гласные	i	y	u	ü	
Широкие гласные	e	o	œ	ö	a

В резьянских говорах вокалическую характеристику слова определяет ударный гласный, так как в резьянских говорах (как и в других славянских языках) ударный гласный осознается главным.

Таким образом, в резьянских говорах безударные гласные слова повторяют фонетические характеристики ударного гласного. Получаются следующие формы слова «жена»:

¹ Бодуэн де Куртенэ настойчиво призывал лингвистов активно привлекать материал живых языков и диалектов, так как только в живом языке можно обнаружить законы языкового развития. Бодуэн активно занимался диалектологией; в ходе диалектологических экспедиций он собрал и проанализировал богатейший материал различных славянских диалектов, обобщив его в диссертации «Опыт фонетики резьянских говоров» (1875). Новые данные позволили Бодуэну внести коррективы в традиционную теорию сравнительно-исторического языкознания.

Именительный падеж ед. ч.	žaná
Дательный падеж ед. ч.	žæncœ
Родительный падеж мн. ч.	žiní

Смешанный характер резьянских говоров проявляется в том, что они совмещают оба способа объединения слогов (и морфем) в слове: и ударение, и сингармонизм. По словам Бодуэна, слова в резьянских говорах «склеены двойным цементом, состоящим из сочетания ариоевропейского цемента – ударения, с туранским цементом – гармонией гласных»¹.

Итак, именно материал славянских диалектов явился для Бодуэна яркой иллюстрацией языкового смешения. Языки влияют друг на друга не только на уровне лексических заимствований, но и на глубинном уровне языковой структуры. В результате чужеродного влияния язык может приобретать несвойственные ему структурные черты².

Бодуэн протестовал против попыток лингвистов втиснуть материал живых языков в прокрустово ложе узких схем теоретических построений. Он критиковал картинку родословного древа: язык не висит на ветке совершенно изолированно от других языков, он распространен на определенной территории, на него влияют соседние языки; кроме того, язык живет в обществе говорящих на нем людей. Бодуэн предлагал учитывать психологию говорящего коллектива, ставил задачу определить, как психология говорящих влияет на устройство языка. В этом контексте Бодуэн выступал с резкой критикой главного достижения компаративистики – звуковых законов; он поставил задачу обнаружения истинных законов языкового развития, которые, по его мнению, определялись психологической и социальной природой человеческого языка.

Выявленные младограмматиками фонетические законы, показывающие изменения звуков в родственных языках, воспринимались как результат развития конкретного языка изнутри – динамики языкового типа. Бодуэн решительно протестует: «Нет никаких звуковых законов», – по его мнению, звуки не переходят из одного языка в другой, а изменяются в речи говорящих в зависимости от соседних звуков, от положения в слове, от стремления говорящих к экономии усилий при произношении (отсюда возникают такие фонетические процессы, как ассимиляция и аккомодация, диэрезы и т. п.).

Бодуэн стремится найти психические и социальные причины языковых изменений. Язык – система, но эта система постоянно используется людьми в процессе общения, влияние социума в целом и конкретного человека в частности на языковую систему и есть движущая сила языкового развития. Для иллюстрации подобных теоретических положений Бодуэн де Куртенэ изучал просторечие, речь детей, различного рода ошибки и оговорки в процессе речепроизводства, пытаясь доказать роль ассоциации и аналогии в развитии значения слова, в перестройке парадигм словоизменения, моделей словообразования и т. п.

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава, 1875. С. 119.

² Подобным влияние объясняет Бодуэн утрату морфологически подвижного ударения, первоначально свойственного всем славянским языкам, у поляков и чехов. «Только потрясение, вызванное этнографическим смешением с племенами, неспособными к восприятию морфологической подвижности ударения, могло произвести потерю этого ударения у лингвистических предков нынешних словаков, чехов и поляков...» (Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том I. М., 1963. С. 369).

Еще в 1868 г. молодой Бодуэн де Куртенэ в статье «Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении» впервые сформулировал морфологический закон о «переразложении основ в пользу окончаний». Много лет спустя он теоретически обосновал эту идею в работе «Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний».

Наряду с изменением звуков в языке действуют изменения по аналогии, которые, по мнению Бодуэна, есть результат действия в языке «бессознательных психических законов». Бодуэн на материале древнепольского склонения установил, что изменения основ в индоевропейских языках происходили путем включения конечной части основы (часто тематического гласного) в состав следующего аффикса (флексии).

«Это сокращение основ в пользу окончаний должно было начаться еще в ариоевропейском праязыке, именно в тех случаях, когда конечному гласному основы пришлось сталкиваться с начальным гласным окончания и сливаться с ним в один долгий гласный»¹. Окончание способно поглотить часть основы, изменить конечный гласный основы, в результате чего происходит переосмысление морфемной границы слова. Например, в форме *рыба* выделяется корень *рыб-* и окончание *-ах*, потому что в данном случае работает закон аналогии с формами *рыб-ой*, *рыб-у*, *рыб* и т. п., где отсутствует конечный гласный основы *-а*.

Такое переразложение объясняется фузийной природой индоевропейских языков, результатом передвижения морфемной границы и звуковых изменений в составе новых морфем явилось разнообразие флексий в системе склонения и спряжения индоевропейских языков.

3. УЧЕНИЕ О ФОНЕМЕ, РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФОНЕМЫ В НАСЛЕДИИ БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ

Особое значение Бодуэн придавал фонетике – изучению звучащей стороны языка, ведь звуки речи можно исследовать при помощи специального оборудования, ограничивая или совсем исключая субъективизм в наблюдениях и выводах ученого. В своих работах и устных выступлениях Бодуэн неоднократно говорил о «несовпадении **физической природы звуков** с их **значением в чутье народа**». Звук, будучи минимальной, незначимой языковой единицей, является, тем не менее крайне сложным, так как может быть охарактеризован с трех сторон:

1. звук с точки зрения говорящего (*кинема*) – артикуляционная характеристика звука;
2. звук с точки зрения слушающего (*акусма*) – акустическая характеристика звука;
3. звук с точки зрения его функции в системе языка (*фонема*) – функциональная (собственно лингвистическая) характеристика звука.

Звуков речи с точки зрения артикуляционно-акустических особенностей множество, но в сознании говорящих существует сравнительно небольшое количество звуков-эталонов, которые Бодуэн предложил называть фонемами. Бодуэн исходил из психологического понимания фонемы. В работе «Опыт теории фонетических альтернатив» (1895) предлагается такое определение: «Фонема – единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука – психический эквивалент звуков языка»².

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний. Варшава, 1890. С. 7.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт теории фонетических альтернатив. Глава из психофонетики // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 271.

Если звук – единица фонетическая, то фонема связывает фонетику с морфологией, указывая на смысловоразличительную (сигнификативную) функцию фонемы в составе морфемы. В языке именно фонемы позволяют отличать одни морфемы (или слова) от других: *дом – том, сам – сом, кон – конь [н']* и т. п. Бодуэн пишет: «**Морфемы...** разложимы не на звуки, но на **фонемы**»¹.

В других своих работах Бодуэн развивает понимание фонемы и ее функции в языке: «...понятие “**фонема**” разлагается на два существенно различные:

1) просто **обобщение антропофонических (физических и артикуляционных) свойств**,

2) **подвижной компонент морфемы** и признак известной морфологической категории»².

С тех пор учение Бодуэна о фонеме носит двойственный характер.

Итак, с одной стороны, фонема – абстрактная фонетическая единица, в которой обобщены артикуляционные и перцептивные свойства сходных звуков; с другой стороны, фонема – абстрактная фонетическая единица, представляющая собой набор звуков (часто несхожих между собой), которые чередуются в пределах одной морфемы. Ленинградская школа позднее разовьет первое понимание фонемы, Московская – второе.

Общее во всех фонологических школах – признание фонемы смысловоразличительной единицей языка. Дальше каждая школа идет своим путем: ленинградская школа понимает фонему как «психический эквивалент звука», «идеальный звук», а для МФШ фонема – ряд позиционно чередующихся в составе морфемы звуков.

ВОПРОСЫ

1. Почему выделение морфемы как особой единицы языка способствовало зарождению структурного подхода?

2. Расскажите о принципе относительной хронологии в компаративистике. Как Вы понимаете слова Бодуэна: «Результатом языковых изменений являются разные наслоения, разные, так сказать, пласты в составе и строении каждого языка, слои, аналогичные геологическим пластам в строении земной коры... Одной из задач науки является определение хронологической последовательности этих пластов, упорядочение наслоений. Само собой разумеется, что здесь не так важно определение лет и даже веков, в течение которых совершались определенные перемены, как определение простой последовательности, очередности наслоений, следовавших одно за другим»³.

3. За что критиковал Бодуэн де Куртенэ теорию родословного древа А. Шлейхера?

4. Объясните слова Бодуэна: «Армянский язык причисляется к ариоевропейской отрасли языков, и действительно, многими своими сторонами он к ней принадлежит, но вместе с тем по некоторым частностям его сторон и вообще по некоторым основным особенностям его необходимо поставить рядом с языками, если не тюркско-татарскими или урало-алтайскими, то по крайней мере с языками, очень близкими этим по-

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 121.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые отделы «Сравнительной грамматики» славянских языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 122.

³ Бодуэн де Куртенэ И.А. Об общих причинах языковых изменений // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 248.

следним»¹. Более подробно о точке зрения Бодуэна на смешанный характер армянского языка; см. *Приложение 1*².

5. Что такое сингармонизм? Каким языкам свойственно это морфонологическое явление и в чем оно проявляется? Подробнее о сингармонизме в казахском языке; см. *Приложение 2*³.

6. Объясните принцип устройства словоформы в агглютинативных языках. Что нового для типологической классификации языков мира позволил дать описанный Бодуэном материал тюркских языков?

7. Продемонстрируйте закон переразложения основ на материале древнерусского или латинского языка; см. *Приложение 3*⁴.

8. Что такое фонема? Почему Бодуэн де Куртенэ настаивал на введении в науку нового понятия (и термина), противопоставленного звуку речи? Чем отличается фонология от фонетики по мнению Бодуэна?

9. Сравните разные определения фонемы, которые предложил Бодуэн де Куртенэ в своих работах? Объясните возможность развития двух разных отечественных фонологических школ из общего наследия Бодуэна де Куртенэ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М. 1963. С. 362–372.

2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые отделы «Сравнительной грамматики» славянских языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 118–126.

Историки языкознания считают **Н. Крушевского** (1851–1887) «прямым вдохновителем современного структурализма». В его работах впервые была предпринята попытка описания языка как взаимосвязанной системы и определены причины и пути развития этой системы.

Получив место преподавателя в классической гимназии провинциального г. Троицка Оренбургской губернии, Крушевский оказался вдали от Казанского университета, от библиотек, от общения с коллегами. В письмах своему учителю Бодуэну Крушевский жаловался на отсутствие необходимых научных трудов по древним индоевропейским языкам, однако в ответ Бодуэн предлагает Крушевскому внимательно наблюдать живой русский язык, который (как и любой другой язык) предлагает богатейший материал для обнаружения законов языкового развития.

Н. Крушевский

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 365.

² Приложение 1 см.: Стефанос. 2016. № 4(18). С. 224–225.

³ Приложение 2 см.: Стефанос. 2016. № 4(18). С. 225–226.

⁴ Приложение 3 см.: Стефанос. 2016. № 4(18). С. 227–228.

В работе «К вопросу о гуне¹. Исследование в области старославянского вокализма» (1881) Крушевский ставит задачу описать язык как взаимосвязанную систему отдельных элементов; в частности, он указывает на «морфологическую» (грамматическую) природу некоторых фонетических чередований, что позволяет рассматривать роль фонетических чередований при выражении грамматических значений.

Крушевский предлагает выделять 3 типа фонетических чередований:

1. *свет* [т] – на *свет* [т'] *е* – «перед палатальными гласными *е, i* встретим только согласные с небным резонансовым оттенком»² (т. е. мягкие). «Минимальное изменение первоначальных звуков, какое мы видим в чередованиях первой категории, есть изменение комбинационное и происходит от причин антропофонических, т. е. чисто физических» (с. 75), т. е. чередующиеся звуки близки с точки зрения артикуляционно-акустических характеристик;

2. *муха* – *мошка* – в первом слове при безударном аффиксе *-а* корень имеет гласный *-у*, а ударный гласный аффикса *-kā* сопутствует корню с огласовкой *-о*. «Чередование является некоторым образом закрепленным за известными морфологическими категориями» (с. 77). Причины (условия) таких чередований трудно установить, часто это возможно лишь с помощью исторического исследования (исторические чередования), кроме того, эти чередования не являются обязательными и имеется много исключений из подобного рода чередований. Например, *мошка* – *мушка*, *душка* и т. п. Чередующиеся таким образом звуки очень отличаются друг от друга с точки зрения артикуляционно-акустических характеристик: *г/ж/з* – *друг* – *дружба* – *друзья* и т. п.;

3. *воз* // *вез*, *ноша* // *нес*, *ток* // *тек*, *мор* // *умереть*, *умирать*, *собор* // *собирать*, *собрать*, *гроб* // *погребать* – «мы можем здесь говорить не о чередовании звуков, а о чередовании форм» (с. 79) (огласовка *-о* характерна для имен, а *е/и/ѳ* для глагольных форм).

«Первоначальную причину такого чередования можно найти только с помощью исторического исследования... Не может быть и речи о повсеместности такого чередования в языке» (с. 79). Такой тип чередований «дает начало связи фонетических явлений с морфологическими категориями» (с. 81).

УСТРОЙСТВО И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Причину исторической изменчивости языка Крушевский видит в психологической природе языка, которую можно объяснить законами ассоциации. Языковая система не существует отдельно от говорящего индивида, а реализуется лишь в конкретном речевом акте, поэтому основана на действии психологических законов. Как выявить эти законы и определить их природу? Для ответа на этот вопрос Крушевский пытается разобраться, как хранится языковая система в памяти говорящих и как используется язык в процессе коммуникации. Он выдвигает концепцию о двух способах группировки слов: ассоциации по сходству и ассоциации по смежности³.

¹ Гуна – одна из ступеней чередований гласных в санскрите, которая используется для образования форм словообразования и словоизменения.

² Крушевский Н. К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М., 1998. С. 75. Здесь и далее цит. по этому изданию; страницы указаны в скобках.

³ Задолго до работы Ф. де Соссюра «Курс общей лингвистики» Крушевский говорит о том, что любая языковая единица вступает в отношения, основанные на законах ассоциации, образуя строй-

«Всякое слово связано с другими словами узами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, то есть звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое. Или другими словами: всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами»¹.

Например, слово *подосиновик* вызывает в сознании группы слов, относящихся к одному лексико-семантическому полю – *грибы*: *подберезовик, боровик, груздь, опенок, лисичка* и т. п. Кроме того, это слово тянет за собой ряд слов с такими же (или похожими) морфемами – *подберезовик, подстаканник, подоконник* и т. п., выстраивая различные (с разной степенью близости) семасиологические и морфологические связи. По своему звучанию слово вызывает также фонетические ассоциации.

С другой стороны, каждое слово имеет тесные связи с последующими словами, оно как бы тянет за собой соседей по предложению (и с точки зрения формы, и с точки зрения семантики): за переходным глаголом следует существительное в винительном падеже (*читать книгу*), слово *одержать* вызывает в сознании слово *победу, нанести – поражение* и т. п. «Такая способность слов возбуждать друг друга основана на психическом законе ассоциации по смежности: мы привыкаем употреблять данное слово чаще с одним, нежели с другим словом» (с. 145).

Итак, Крушевский устанавливает системные связи между словами (и морфемами) в языке: «Вследствие закона ассоциации по сходству, слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, то, благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды. Итак, каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов» (с. 145).

По мнению Крушевского, закон ассоциации по сходству способствует самоорганизации системы, ее упорядочению (воспроизводству), а закон ассоциации по смежности стимулирует появление нового в языке. Взаимодействие этих двух законов обеспечивает, по мнению Крушевского, развитие языка. «Процесс развития языка... представляется нам как вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциациями по сходству, и консервативной, обусловливаемой ассоциациями по смежности» (с. 187).

Крушевский утверждает, что не только в фонетике и грамматике, но и в семасиологии (науке о значении) можно обнаружить систему и установить законы ее исторического развития.

ВОПРОСЫ

1. Как вы думаете, удалось ли Н. Крушевскому «сделать из морфологии путеводную мысль при исследованиях фонетических» (Крушевский 1880: 5). Ответ обоснуйте.
2. Сформулируйте основную идею работы Н. Крушевского «К вопросу о гуне» (1881). Что такое «внутренняя флексия» индоевропейских языков?

ную систему. Ассоциации по смежности Крушевского аналогичны синтагматическим отношениям языковых единиц в терминологии Соссюра, а ассоциации по сходству – ассоциативным отношениям у Соссюра (парадигматическим отношениям в терминологии современной лингвистики).

¹ Крушевский Н. Очерк науки о языке // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М., 1998. С. 145. Здесь и далее цит. по этому изданию. Страницы указаны в скобках.

3. Какие два принципа устройства языковой системы обнаружил Н. Крушевский. Приведите примеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крушевский Н.* Очерк науки о языке // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М., 1998. С. 96–222.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. С. 362–372.

2. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 84–93, 116–128.

3. *Шулежкова С.Г.* История лингвистических учений: Учебное пособие. М.: Флинта, 2007. С. 101–117, 140–146, 147–168.

4. Психологическое направление // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 405–406.

5. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 1. М.: Просвещение, 1964. С. 127–135, 136–169, 170–183, 263–294.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО ТЕМЕ

1. И.А. Бодуэн де Куртенэ о системном устройстве языка. Противопоставление звука и фонемы в работах Бодуэна. Учение Бодуэна де Куртенэ о фонеме.

2. Агглютинативные и фузийные языки. Закон переразложения основ в пользу окончаний как следствие фузии. Понятие смешения языков в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Сведения об авторе:
Оксана Анатольевна Волошина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Oksana A. Voloshina,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

**“HISTORY OF LINGUISTIC STUDIES”.
AUXILIARY MATERIALS FOR THE COURSE**

Библиографии

Bibliography

В.А. Воропаев

Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке

2016

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 348, [2] с. – (Азбука-классика).

Мертвые души: [поэма.] М.: Изд-во АСТ, 2016. 352 с. – (Эксклюзив: Русская классика).

Мертвые души: [поэма: для среднего школьного возраста.] СПб.; Киев: Азбука, Азбука-Аттикус, Махаон-Украина, 2016. 349, [2] с. – (Азбука-классика; Школьная библиотека).

Мертвые души: поэма [ил. А.А. Агина и др.]. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2016. 445 с.: ил. – (Сокровища русской литературы).

Мертвые души: поэма. М.: Мартин, 2016. 286, [1] с. – (Избранная классика; Pocket book).

Мертвые души: поэма. М.: МАРТИН, 2016. 317, [2] с. – (Избранная культовая классика: ИКК).

[Повести.] Мертвые души. М.: Изд-во «Э», 2016. 708 с. – (Сер. 100 главных книг).

Из содерж.:

Розанов В.В. Гоголь. С. 7–13.

[Статья 1902 г.]

Нос: [повесть.] М.: Э, 2016. 61, [1] – (Minibook).

Ночь перед Рождеством: [для среднего школьного возраста] / Худож. Ирина Петелина]. М.: Дельфин, 2016. 70, [5] с.: цв. ил.

Нужно любить Россию / Сост., предисл. и коммент. В.А. Воропаева / Отв. ред. О. Платонов. Изд. 2-е. М.: Институт русской цивилизации, 2016. 672 с.

Предисл. С. 5–15.

Содерж.:

Статьи из «Арабесок»:

Скульптура, живопись и музыка. С. 16–20.

О преподавании всеобщей истории. С. 20–34.

Взгляд на составлении Малороссии. С. 35–45.

Несколько слов о Пушкине. С. 45–51.

Ал-Мамун. С. 51–57.

Жизнь. С. 57–60.
 Шлецер, Миллер и Гердер. С. 60–65.
 Мысли о географии. С. 65–74.
 Последний день Помпеи. С. 74–81.
 Тарас Бульба. С. 82–203.
 Выбранные места из переписки с друзьями. С. 204–424.
 Духовная проза:
 <Авторская исповедь.> С. 425–463.
 Искусство есть примирение с жизнью. С. 463–468.
 Правило жития в мире. С. 468–473.
 О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии. С. 473–482.
 <О благодарности.> С. 483–484.
 О ссловиях в государстве. С. 584–489.
 Размышления о Божественной Литургии. С. 489–541.
 Молитвы, духовное завещание, предсмертные записи. С. 541–546.
 Комментарий. С. 547–667.

Петербургские повести: [для среднего школьного возраста.] СПб. [и др.:] Азбука [и др.,] 2016. 380, [2] с. – (Азбука-классика; Школьная библиотека).

Содерж.:
 Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Записки сумасшедшего; Коляска; Рим (отрывок).

Ревизор: комедия в пяти действиях / Вступ. статья В.А. Воропаева; коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева; худож. В. Бритвин. М.: Детская литература, 2016. 125 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Над чем смеялся Гоголь. О духовном смысле комедии «Ревизор». С. 5–20.
 Комментарий. С. 120–126.

Ревизор: комедии [коммент. А.Д. Степанова]. СПб.: Азбука Азбука-Аттикус, 2016. 317, [2] с. – (Азбука-классика).

Содерж.: Ревизор; Женидьба; Игроки; Утро делового человека; Тяжба; Лакейская; Отрывок; Театральный разъезд после представления новой комедии.
 Комментарий. С. 298–318.

Рождественские традиции: рассказы, очерки, воспоминания [Худож. Анна Кольцова]. М.: Ника, 2016. 230, [1] с.: ил. – (Сер. «Рождественский подарок»).

Тарас Бульба: повесть / Вступ. статья В. Воропаева; коммент. И. Виноградова; худож. Е. А. Кибрик. М.: Детская литература, 2016. 190 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. вступ. статьи: Гражданин земли Русской. С. 5–12.
 Комментарий. С. 167–188.

Тарас Бульба: [сборник.] М.: АСТ, 2016. 317, [2] с. – (Эксклюзив. Русская классика).

Содерж.: Миргород.

ЛИТЕРАТУРА

Акимов М.С. Н.В. Гоголь: между усадьбой и городом // Гений места. Человек. Усадьба. Литература: Материалы научной конференции (Ярославль, 30 июня – 1 июля 2016 г.) / Департамент культуры Ярославской области; Гос. литературно-мемориальный музей-заповедник Н.А. Некрасова «Карабиха». Ярославль, 2016. С. 5–11.

Акулова Л.В. Пространственно-временная структура художественной прозы Н.В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 2(56). Ч. 2. С. 17–20.

Алексеева А.И. Как влюблялись, творили и шалили наши классики. М.: Вече, 2016. 288 с.: ил. – (Странности великих людей).

Горел камин, трещали свечи... (Николай Васильевич Гоголь, 1809–1852). С. 43–64.

Ананьина К.А. Внедрение ФГОС ООО нового поколения при изучении творчества Н.В. Гоголя в 5 классе средней школы // Теоретические и методические аспекты изучения художественного текста: традиции и инновации: Материалы межрегиональной заочной научно-практической конференции (Елец, 10 ноября 2016 г.) / Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина. Елец, 2016. С. 63–68.

Анашкевич М. Летописец живого отечества. Памяти Петра Паламарчука // Литературные знакомства. М., 2016. № 1(24). С. 229–231.

[В частности, о книге ««Ключ» к Гоголю».]

Антонова Д.И. Проблема адекватности в переводе отрывка из произведения Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Язык: категории, функции, речевое действие: Материалы девятой научной конференции с международным участием (Москва, 14–15 апреля 2016 г. / Московский пед. гос. ун-т; Гос. социально-гуманитарный ун-т. В 3 ч. Вып. 9. Ч. 2. М., 2016. С. 16–18.

Ахмадова Т.Х. Комическое и ужасное в произведениях фольклора и в повестях Н.В. Гоголя // 5 ежегодная итоговая конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского гос. ун-та. Гуманитарные науки (Грозный, 25 февраля 2016 г.) / Отв. ред. Р.А. Кутуев. Грозный, 2016. С. 108–113.

[На примере раннего творчества писателя.]

Багратион-Мухранели И.Л. Пути христианской праведности в повестях «Старосветские помещики Н.В. Гоголя и «Человек ли он?» И. Чавчавадзе // «Пир – это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре. М.: ББИ [Библейско-богословский институт св. апостола Андрея], 2016. С. 158–169.

Бархота М.А. Решение проблемы поиска справедливости: от Гоголя до Мейринка // Гуманитарное образование в экономическом вузе: Материалы IV международной научно-практической заочной интернет-конференции (Москва, 1 октября – 10 ноября 2015 г.) / Российский экономический ун-т им. Г.В. Плеханова. М., 2016. С. 464–469.

[На материале произведений Гоголя («Повесть о капитане Копейкине»), Ф. Кафки («У врат закона») и Г. Мейринка.]

Башкеева В.В., Гармаева С.С. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в трудах российских литературоведов XX в. // Вестник Бурятского гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. Улан-Удэ, 2016. № 2. С. 74–79.

[Рассмотрены, в частности, работы А. Белого, Ю.В. Манна, С.Г. Бочарова.]

Беляков С.С. Тень Мазепы: Украинская нация в эпоху Гоголя. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 768 с.

Ч. XIII. Нация и Гоголь. С. 575–669.

[Указ. имен.]

Бобякова И.В. Пушкин, Гоголь и Шевченко: особенности осмысления личности и творчества в украинских учебниках // Украинский кризис: вызовы и угрозы национальным интересам Российской Федерации: Материалы круглого стола (Ростов на Дону, 11 мая 2016 г.) / Южный научный центр РАН; отв. ред. академик Г.Г. Матишов. Ростов на Дону, 2016. С. 254–267.

Богданова О.В. «Мне отмщение и Аз воздам...»: повесть Н.В. Гоголя «Шинель» / Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2016. 39 с. – (Литературные направления и течения: анализ литературного произведения; вып. 78).

Богданова О.В. Свадебный мотив в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Современные проблемы гуманитарных наук в мире: сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Казань, 11 июня 2016 г.). Вып. 3. Казань, 2016. С. 23–25.

Болотникова О.Н. Дом, дверь и окно в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя и восточнославянская семиотика жилища // Имагология и компаративистика / Томский гос. ун-т. Томск, 2016. № 1(5). С. 153–176.

[Гоголевская мифопоэтика дома в контексте восточнославянской обрядовой культуры.]

Большакова Н.В. Гоголь и среда пребывания. М.: Издательский дом «Сказочная дорога», 2016. 232 с.

Большакова Н.В. Портновское искусство в русской литературе конца XVIII–XIX веков. Тексты: поэзия, проза. М.: Издательский дом «Сказочная дорога», 2016. 560 с. Гоголь Николай Васильевич. С. 522–524.

Булатая Е.В. Ирония в произведениях Н.В. Гоголя как способ отражения русской языковой культуры (на материале повести «Старосветские помещики») // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород, 2016. № 10. С. 23–26.

Булатая Е.В. Ирония как способ выражения имплицитного смысла в художественном тексте (на материале произведений Н.В. Гоголя) // Общество, познание и современность: научные исследования: сб. научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции. НОО «Профессиональная наука» (Нижний Новгород, 30 ноября 2016 г.). Нижний Новгород, 2016. С. 42–48.

[Основные механизмы актуализации иронического смысла в произведениях Гоголя.]

Булатая Е.В. Способы выражения неявной оценки персонажей в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводе на немецкий язык // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. Калининград, 2016. № 1. С. 37–42.

Булатая Е.В. Средства актуализации иронии в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» и ее переводе на немецкий язык // Общественные науки. М., 2016. № 2. Ч. 1. С. 25–35.

Бурцева Е.А., Шагалина О.Б. Лексико-стилистические особенности повести «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. М., 2016. № 8(47). С. 66–69.

Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности / Предисл. А. Синявского. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. 352 с.

Из содерж.:

Русский Бог. Гоголь.

Время маленького человека. Гоголь.

Васькин А.А. Лермонтов, Гоголь, Погодин // Аспирант и соискатель. М., 2016. № 1(91). С. 8–15.

Вертоград старчества. Оптинский патерик на фоне истории обители / Автор-сост. монах Лазарь (Афанасьев). М.: Изд-во Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2016. 704 с.

Из содерж.:

Гл. 13: Издательское дело. Создание библиотеки. Русские писатели в Оптиной: Жуковский, Снегирёв, Гоголь, Муравьёв, Шевырёв. С. 183–200 (195–197).

Виноградов И.А. «Величественная ода»: Гоголь о стихотворении Пушкина «К Н***» // Проблемы исторической поэтики / М-во образования и науки РФ, Петрозаводский гос. ун-т; [редкол.: В.Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. Вып. 14: Анализ, интерпретации, понимание. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 140–154.

Виноградов И.А. «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А.П. Сумароков и Н.М. Карамзин в литературном процессе России XVIII – первой трети XIX в. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; отв. ред. М.И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.

Виноградов И.А. Отеческое попечение: император Николай I в судьбе Гоголя // *Studia Litterarum*: научный журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. № 1–2. С. 269–277.

Виноградов И.А. Сборник Гоголя «Каноны и песни церковные» (обстоятельства и время составления) // Тезисы докладов II международной научной конференции «Литературный процесс в России XVIII–XIX веков. Светская и духовная словесность» 18 октября 2016 г. ИМЛИ РАН. Отдел русской классической литературы [Эл. издание] <http://imli.ru/info/show/Informacionnye-bloki-dlya-sobytij/Tezisy-dokladov-II-mezhdunarodnoj-nauchnoj-konferencii/>

Виноградов И.А. Смысл игры в комедии Н.В. Гоголя «Игроки» // Вестник славянских культур. М., 2016. № 2(40). С. 154–162.

Виноградов И.А. Почитание преподобного Серафима Саровского в ближайшем окружении Н.В. Гоголя: Москва и Оптина пустынь // Оптинский альманах «Добродетель ангелов». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2016. С. 86–93.

Волконский С.М. Очерки русской истории и русской литературы: Публичные лекции, читанные в Америке. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 360 с.
[Указ. имен.]

Волоконская Т.А. Категории времени и вечности в поэтике «Арабесок» Н.В. Гоголя // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых: В 3 ч. / Совет молодых ученых Института филологии и журналистики; Саратовский гос. ун-т: отв. редактор Г.М. Алтынбаева. Саратов, 2016. С. 21–29.

[Материалы всероссийской конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященной 100-летию проф. Л.И. Баранниковой (Саратов, 22–24 апреля 2015 г.).]

Волосков И.В. Православная символика в художественном мире Н.В. Гоголя // Новшества в области гуманитарных наук: сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Тюмень, 25 декабря 2016 г.). Нижний Новгород, 2016. С. 15–17.

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 1990–1997 // *Stephanos*. М., 2016. № 1(15). Январь. С. 141–219.

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 1998–2001 // *Stephanos*. М., 2016. № 2(16). Март. С. 199–280.

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 2002–2004 // *Stephanos*. М., 2016. № 3(17). Май. С. 262–346.

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 2005–2006 // *Stephanos*. М., 2016. № 4(18). Июль. С. 260–321.

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 2007–2008 // *Stephanos*. М., 2016. № 5(19). Сентябрь. С. 180–256.

Воропаев В.А. Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке. 2014 // *Stephanos*. М., 2016. № 6(20). Ноябрь. С. 242–274.

Воропаев В.А. «Благодать видимо там присутствует»: Оптиная Пустынь в судьбе Н.В. Гоголя // *Вестник славянских культур*. М., 2016. Т. 41. № 3. С. 125–138.

Воропаев В.А. «Благодать видимо там присутствует»: Гоголь и Оптиная Пустынь // *Литературная учеба*. Литературно-просветительский журнал. М., 2016. № 2. Март – Апрель. С. 76–92.

Воропаев В.А. Был ли Гоголь в Испании: современный взгляд // *Universum Humanitarium*: Научный журнал / Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2016. № 1(2). С. 96–107.

Воропаев В.А. [Выступление на презентации книги ректора Курской Духовной семинарии архимандрита Симеона (Томачинского) «Мягкая сила искусства»] // *Православное книжное обозрение*. М., 2016. Январь. № 1(056). С. 49.

Воропаев В. Гоголь и Белинский / Подгот. Виталий Каплан, рис. Екатерины Ватель // *Фома*. М., 2016. № 8(160). Август. С. 72–79.

Воропаев В. «Доминантой должна быть единая святыня – язык Пушкина...» Из книги «Однажды Гоголь...» Рассказы из жизни писателя // *Духовно-нравственное воспитание*. Научно-просветительский журнал. М., 2016. № 1. С. 81 [обложка].
[О Тарасе Шевченко; Русская душа; Мощи святого Спиридона Тримифунтского.]

Воропаев В.А. Духовник Гоголя. К 225-летию со дня рождения протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857) // *Даниловский благовестник*. М.: Изд-во Данилова мужского монастыря, 2016. № 31. С. 21–32.

Воропаев В.А. Жизнь и смерть протоиерея Матфея Константиновского // *Православный собеседник: Журнал Татарстанской митрополии*. Казань, 2016. № 3(03). Ноябрь. С. 94–101.

[К 225-летию со дня рождения протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857), духовника Гоголя.]

Воропаев В.А. Каждого из нас звание свято. Гоголь и Император Николай I. К 160-летию со дня смерти Государя Николая Павловича // *Преподаватель XXI век*. М., 2016. № 3. Ч. 2. С. 399–411.

Воропаев В. Как нужно любить Россию? // *Путеводная звезда*. Школьное чтение: гуманитарный образовательный журнал. М., 2016. № 1 (238). С. 38–40.
[Гоголь о патриотизме.]

Воропаев В. Протоиерей Матфей Ржевский // *Православное книжное обозрение*. М., 2016. № 10(064). Октябрь. С. 38–43.
[К 225-летию со дня рождения.]

Воропаев В.А. Ради Самого Христа, молитесь обо мне... Оптинский адресат Н.В. Гоголя // Даниловский благовестник. М.: Изд-во Данилова мужского монастыря, 2016. № 30. С. 31–37.

Воропаев В.А. [Рецензия] // Stephanos. М., 2016. № 5(19). Сентябрь. С. 274–276.
[Рец. на кн.: Илюшина Л.А., Кимягарова Р.С., Баш Л.М. Словарь языка комедии Гоголя «Ревизор» / Ред. Т.Л. Беркович. М.: МАКС Пресс, 2016. 808 с.]

Воропаев В.А. Ржевский протоиерей Матфей как проповедник // Православный собеседник: Журнал Татарстанской митрополии. Казань, 2016. № 1(01). Май. С. 52–55.
[К 225-летию со дня рождения протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857), духовника Гоголя.]

Воропаев В. Рубцов и Гоголь // Православное книжное обозрение. М., 2016. Январь. № 1(056). С. 44–45.
[К 80-летию со дня рождения Н.М. Рубцова.]

Воропаев В. Русский Афон в судьбе Гоголя // Православное книжное обозрение. М., 2016. Март. № 3(058). С. 44–51.

Воропаев В. Русский Веймар // Православный Паломник. Журнал-путеводитель. М., 2016. № 5. Май. С. 78–83.
[Гоголь в Веймаре.]

Воропаев В.А. Русский Веймар // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. научных и научно-методических статей / Редкол. Л.П. Клобукова и др. Вып. 12. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 117–124.

Воропаев В. Святая Гора Афон и Гоголь // Церковная православная газета. Официальное издание Русской Православной Церкви. Киев, 2016. Март. № 6(400). С. 10–11.

<Воропаев В.А.> Владимир Воропаев: «Спор Гоголя с Белинским все еще не окончен»: [интервью с литературоведом В.А. Воропаевым / Беседовала Татьяна Медведева] // Культура. М., 2016. 22 декабря.

Воропаев В.А. «Умереть с пенем на устах...» Молитва Гоголя ко Пресвятой Богородице в славянском фольклоре и литературном предании // Проблемы исторической поэтики / М-во образования и науки РФ, Петрозаводский гос. ун-т; [редкол.: В.Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. Вып. 14: Анализ, интерпретации, понимание. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 155–171.

Воропаев В.А. Фундаментальное издание сочинений «изгнанника из изгнанников» – Ю.Н. Говорухи-Отрока // Москва. Журнал русской культуры. М., 2016. № 2. С. 214–216.
[Рец. на кн.: Говоруха-Отрок Ю.Н. **Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская публицистика: В 2 т.** / Под общ. ред. Е.В. Ивановой; сост., подгот. текстов, коммент., библиография и указ. имен А.П. Дмитриева; сост., подгот. текстов, преамбулы к разделам Е.В. Ивановой; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2012.]

Воропаев В.А. Эсхатология Н.В. Гоголя [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 9–24. doi:10.17759/langt.2016030402

Воропаев В.А. Эсхатология Н.В. Гоголя: документальное и художественное // Научная конференция «Документально-художественная литература в России XVIII–XIX веков [Электронный ресурс] <http://imli.ru/nauka/materialy-sotrudnikov/1967-xviii-xix-20-2016>

Вранчан Е.В. Роль рекламной вывески в художественном тексте (на материале произведений Н. В. Гоголя) // Интерэкспо Гео-Сибирь / Новосибирский гос. ун-т геосистем и технологий. Новосибирск, 2016. Т. 6. № 2. С. 46–50.

[Рекламная вывеска как значимая предметная деталь гоголевского вещного мира.]

Высоцкая В.В. Что и кому кажется в произведениях Гоголя // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XXI международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2016 г.) / Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. СПб., 2016. С. 332–337.

[Употребления глагола «казаться» в произведениях Гоголя.]

Галкина Т.И. Еще раз о Гоголе и Пушкине. К 180-летию выхода «Ревизора» // *Studia Culturae* / Санкт-Петербургское философское общество. СПб., 2016. № 28. С. 15–22.

«...Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3: 17): Материалы XI международного форума: Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения (Липецк; Задонск, 11–12 декабря 2015 г.) / Липецкий гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; отв. ред. Н.В. Стюфляева. Липецк, 2016. 380 с.

Из содерж.:

Рузанова Н.П. Влияние православной духовности на русскую словесность (Н.В. Гоголь и старцы Оптиной Пустыни). С. 178–180.

Ряполов С. В. Метафизика пространства в русской философской культуре: на примере творчества Н.В. Гоголя, архимандрита Феофана (Авсенева), Н.А. Бердяева, И.А. Ильина. С. 217–219.

Гиленсон Б.А. Русская классика в мировом литературном процессе: XIX–начало XX века: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, Вузовский учебник, 2016. 394 с.

Гоголевская тетрадь // Литературная учеба. Литературно-просветительский журнал. М., 2016. № 2. Март – Апрель. С. 75–108.

Воропаев В. «Благодать видимо там присутствует»: Гоголь и Оптина Пустынь. С. 76–92.

Ничипоров И.Б. А. Белый о гоголевской традиции в русской литературе XIX–XX вв. С. 93–100.

Филимошкина Н. Провинциал. С. 101–104.

Киселёв А. С.Л. Франк о религиозном сознании Гоголя. С. 105–108.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь и Православие: сб. статей о творчестве Н.В. Гоголя / Международный общественный Фонд единства православных народов; сост. В.А. Алексеев. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Издательский дом «К единству!», 2016. 510 с. – (Русские писатели и Православие).

Содерж.:

Алексеев В. Ко Христу взыскующее сердце (Вместо предисловия). С. 3–12.

Воропаев В. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. С. 13–118.

Виноградов И. Узы небесного братства. Повесть Гоголя «Тарас Бульба» и ее судьба. С. 119–208.

Вениамин (Федченко), митрополит. Взгляд Н.В. Гоголя на литературное творчество / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. С. 209–211.

Зеньковский Василий, протопресвитер. Памяти Н.В. Гоголя. К 150-летию со дня рождения / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. С. 212–215.

Феодор (Бухарев), архимандрит. О героях поэмы «Мертвые души» / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. С. 216–242.

Серединский Тарасий, протоиерей. Мысли при чтении сочинения: «Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя 1847 года / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. С. 243–251.

Томачинский В. Путеводитель к Светлому Воскресению. Н.В. Гоголь и его «Выбранные места из переписки с друзьями». С. 252–288.

Споров Б. Гоголь – новое прочтение. Заметки на полях книг. С. 289–344.

Булгаков Николай, иерей. Н.В. Гоголь – про нас. С. 345–352.

Есаулов И. Пасхальность в поэтике Гоголя. С. 353–366.

Гуминский В. Гоголь и четыре урока «Миргорода». С. 367–376.

Лепяхин В. Икона, религиозная и светская живопись в творчестве Н.В. Гоголя. С. 377–418.

Дунаев М. Николай Васильевич Гоголь. Из книги «Православие и русская литература». С. 419–432.

Георгиевский Г. Оптинские письма Гоголя / Подгот. текста В. Воропаева, [О. Щербаковой], [примеч.] В. Воропаева. С. 433–452.

Малиновский Д. О том, как надо разуме́ть смешное в произведениях Гоголя / Подгот. текста [и примеч.] И. Виноградова. С. 453–506.

Голдовская Н.Д. О верных друзьях и вере. Живые портреты классиков. М.: Никея, 2016. – 240 с.: ил.

Из содерж.:

Гоголь хотел познакомиться с Пушкиным. С. 36–46.

Храни Бог всякого от битвы с друзьями. С. 47–55.

[О книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями».]

Гольденберг А.Х. Ночной гость. Мифопоэтический комментарий к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Литература в школе. М., 2016. № 8. С. 5–9.

Гончаров С.А. Мистика и мистификация Гоголя // Творчество и субъективность: труды научно-образовательного центра «Философия современности и стратегии гуманитарной экспертизы». Сер. «αγορά». Вып. 1 / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена; отв. ред. А.А. Грякалов. СПб., 2016. С. 86–96.

Горбацкая О.Ю. Мотив женитьбы в повестях Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. технического ун-та. Комсомольск-на-Амуре, 2016. Т. 2. № 4 (28). С. 32–37.

Горбацкая О.Ю. Мотив женитьбы в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Амурский научный вестник / Амурский гуманитарно-педагогический гос. ун-т. Комсомольск-на-Амуре, 2016. № 3. С. 23–28.

Гордеев В.А. Осень. Рыжики. Гоголь. М.: Изд-во Российского союза писателей, 2016. 112, [2] с. – (Лауреаты премии «Народный писатель»).

Грико К.В. Трансформация художественного пространства в повестях Н.В. Гоголя // Научные перспективы XXI века: Материалы международной (заочной) научно-практической конференции: В 2 т. (Уфа, 25 февраля 2016 г.) / Под общ. ред. А.И. Вострецова. Нефтекамск, 2016. С. 69–78.

Гуминский В.М. «... И я был в Иерусалиме» (Гоголь на Святой Земле) // Православный палестинский сборник. Вып. 112. М.: Индрик, 2016. С. 41–88.

Гуревич П.С. Романтическая организация духа (рецензии на книги Н. Котляревского «Михаил Юрьевич Лермонтов» и «Николай Васильевич Гоголь») // Litera. М., 2016. № 1. С. 45–53.

Денисов В.Д. Малороссийский исторический роман и главы исторической повести Н.В. Гоголя // Культура и текст / Алтайский гос. пед. ун-т. Барнаул, 2016. № 2(25). С. 80–100.

Денисов В.Д. О малороссийском историческом романе Н.В. Гоголя // Культура и текст / Алтайский гос. пед. ун-т. Барнаул, 2016. № 1(24). С. 30–49.
[Замысел малороссийского исторического романа «Гетьман» (начало 1830-х гг.).]

Деревяшкина А.П. Художественная реализация архетипического образа воды в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» // Культура и цивилизация. М., 2016. № 1. С. 243–254.

Джулиани Р. Гоголь – Гете – Рим, или треугольник с арабесками // Имагология и компаративистика / Томский гос. ун-т. Томск, 2016. № 1(5). С. 82–102.
[Сопоставительный анализ пребывания Гете и Гоголя в Риме в 1780-е и 1830-е годы.]

Джулиани Р. Прогулки по Риму Гоголя и Жуковского. Из книги «Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай» (М.: Новое литературное обозрение, 2009) // Литература в школе. М., 2016. № 5. С. 10–12.

Дмитриева Е. Гоголь: претворение эмблемы // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре: коллективная монография / Под ред. А.Е. Махова. М.: Intrada, 2016. С. 184–216.

Дмитриева Е.Е. Эпизод рецепции Мольера в России (Гоголь – переводчик фарса «Снагель, или Воображаемый рогоносец») // Русская литература. СПб., 2016. № 4. С. 63–69.

Долгушин Д.В. В каком переводе цитирует Библию Гоголь? // Universum Humanitarium: Научный журнал / Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 2016. № 1(2). С. 142–149.

Донскова И.В. Жанровые традиции фольклорной прозы в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Студенческий электронный журнал СтРИЖ / Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т. Волгоград, 2016. № 4(8). С. 97–102.

Дорош А.А. Образ человека экономического в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Современные тенденции развития науки и технологий / По материалам XII международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (Белгород, 31 марта 2016 г.). Белгород, 2016. № 3–9. С. 52–55.

[Экономическая интерпретация произведения сквозь призму концепций классической политической экономии. Покупка мертвых душ рассматривается как сделка со специфическим активом, отражающим характер экономических агентов и их склонность к риску.]

Евдокимов А.А. Шекспир в творчестве позднего Гоголя // Знание. Понимание. Умение. М., 2016. № 1. С. 286–296.

Егорова С.О. Миф и история в эсхатологии гоголевского «Вия» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Ростов на Дону, 2016. № 3. С. 26–35.

Егорова С.О. О двойном значении эсхатологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. Волгоград, 2016. № 8(112). С. 180–186.

Егорова С.О. «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя: мир после конца // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. Русская филология. М., 2016. № 5. С. 225–232.
[Эсхатологические значения повести Гоголя.]

Еремина В.И. Художественный мир народной поэзии. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 628 с.
Н.В. Гоголь. С. 445–504.

Жаворонкова М.Ю. Брачный мотив в драматургии Н.В. Гоголя // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Кемерово, 2016. № 1(65). С. 171–175.
[На материале комедий «Женитьба» и «Ревизор».]

Жидкова Н.Д. Продуктивное (смысловое чтение) повести «Шинель» Н.В. Гоголя на уроках литературы // Педагогическое образование в современных условиях: Материалы IV всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Куйбышев, 3 декабря 2015 г.) / Министерство образования и науки РФ; Новосибирский гос. пед. ун-т, Куйбышевский филиал. Новосибирск, 2016. С. 249–255.

Завгородний А.М. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» во французской критической рецепции 1840–1880-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 8(62). Ч. 1. С. 26–34.

Завгородний А.М. Французская рецепция поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в эпоху франко-русского союза: конец XIX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 9(63). Ч. 3. С. 21–27.

Захаров К.М. Аделаида Ивановна Кругель // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. Саратов, 2016. Т. 16. № 1. С. 60–62.

Захаров К.М. Религия Сквозника-Дмухановского // Научное обозрение: Гуманитарные исследования. М.: Издательский дом «Наука образования», 2016. № 7. С. 114–118.
[Интерпретации образа Городничего и его отношения к религии в комедии Гоголя «Ревизор».]

Зинина М.В. Образ Англии в творческом сознании Н.В. Гоголя // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Сер. Филологические науки. Волгоград, 2016. № 8(112). С. 173–179.

Зинина Т.Е. Урок литературы по теме: «Городничий и Хлестаков в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». «Миражная интрига» в комедии» // Эксперимент и инновации в школе. М., 2016. № 3. С. 34–39.

Золотарев И.Л. Гротескный реализм в «Ревизоре» Н.В. Гоголя // Известия Южного федерального ун-та. Филологические науки. Ростов на Дону, 2016. № 1. С. 43–50.

Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А. Рецепция Н.В. Гоголя в драматургии Н. Коляды // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. научных статей / Сибирский федеральный ун-т. Красноярск, 2016. Т. 7. № 7. С. 78–82.

[Особенности рецепции поэмы Гоголя «Мертвые души» в драматургии Н. Коляды: пьесы «Коробочка» и «Мертвые души» как типологические разновидности римейка-фантазии.]

Иванова Л.П. Арабский мир глазами Н.В. Гоголя (лингвоимагологический аспект) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М., 2016. № 6. С. 33–43.

[На материале статей Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» и «Ал-Мамун».]

Илюшина Л.А., Кимягарова Р.С., Баш Л.М. Словарь языка комедии Гоголя «Ревизор» / Ред. Т.Л. Беркович. М.: МАКС Пресс, 2016. 808 с.

Предисл. С. 3–17.

[Справочное издание.]

[Рец.: Воронаев В.А. // Stephanos. М., 2016. № 5 (19). Сентябрь. С. 274–276 (эл. изд.; www.stephanos.ru).]

История русской литературы второй трети XIX века: В 2 ч. Ч. 1: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой, В.Б. Катаева. 3-е изд., доп. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 234 с. – (Сер. Бакалавр. Академический курс.)

[Указ. имен.]

История русской литературы второй трети XIX века: В 2 ч. Ч. 2: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой, В.Б. Катаева. 3-е изд., доп. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 234 с. – (Сер. Бакалавр. Академический курс.)

[Указ. имен.]

История русской литературы XIX века: В 3 т. Т. 1: Литература 1800–1840-х годов; Учебник для академического бакалавриата / Н.М. Фортунатов, М.Г. Уртминцева, И.С. Юхнова; под ред. Н.М. Фортунатова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 202 с. – (Сер. Бакалавр. Академический курс.)

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 176–199.

Калганова Т.А. Н.В. Гоголь в диалоге культур мира // Литература в школе. М., 2016. № 5. С. 7–9.

[Итоги деятельности Культурной ассоциации «Премия имени Н.В. Гоголя в Италии».]

Камышина В.А. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» на уроках литературы в 9 классе в контексте православной культуры XIX века // Православие и русская литература: сб. научных статей / Материалы V всероссийской научно-практической конференции «Православие и русская литература: вузовский и школьный аспект изучения» (Арзамас, 25–27 мая 2016 г.) / Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал. Арзамас, 2016. С. 344–350.

Кан Е.В. Изобразительно-выразительные средства, формирующие художественный текст повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологический аспект. Нижний Новгород, 2016. № 7. С. 46–52.

Кан Е.В., Шумейко Ю.А. Лексические особенности разговорной речи в тексте повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологический аспект. Нижний Новгород, 2016. № 7. С. 55–59.

Кан Е.В., Шумейко Ю.А. Основные лексико-тематические группы повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Филологический аспект. Нижний Новгород, 2016. № 7. С. 52–55.

Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские в Неаполе. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2016. 576 с.

Николай Васильевич Гоголь. С. 91–105.

Карасик О.Б. Мотив превращения у Николая Гоголя и Филипа Рота: от реализма к постмодернизму // Филология и культура / Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Казань, 2016. № 1(43). С. 218–222.

[Повесть Гоголя «Нос» и роман современного американского писателя Ф. Рота «Грудь».]

Карташов В.С. Доктор Н.Ф. Арендт, врач из окружения Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. М., 2016. № 3(88). С. 63–64.

Карташов В.С. Н.В. Гоголь и И.В. Гете в саду аптекаря П. Зальцведела во Франкфурте-на-Майне // Актуальные проблемы современной науки. М., 2016. № 3(88). С. 65–66.

Карташов В.С. Растения в выписке из книги П.С. Палласа о Даурском крае Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. М., 2016. № 3(88). С. 67–68.

Карташов В.С., Карташов А.В. Доктор Иоган Фибинг, гимназический врач Николая Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. 2016. № 1(86). С. 59–60.

Карташов В.С., Карташов А.В. Доктор М.Я. Трохимовский, первый врач Н.В. Гоголя // Актуальные проблемы современной науки. М., 2016. № 1(86). С. 61–62.

Каур К.А., Агапова С.А. Передача имен собственных в произведении Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Стратегия и тактика письменного перевода: традиции и инновации: Материалы V всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием / Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева; отв. ред. И.П. Селезнева. Красноярск, 2016. С. 69–74.

[Анализ говорящих имен собственных и трудностей их адекватной передачи на английский язык.]

Кашапова Р.Н. «Еда» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: опыт лингвокультурологического анализа // Мир науки и инноваций. Иваново: Изд-во ООО «Научный мир», 2016. № 1(3). С. 64–69.

[Место концепта «Еда» в картине мира писателя и современных читателей.]

Кашапова Р.Н. «Еда» в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»: опыт лингвокультурологического анализа // Научный взгляд в будущее. Одесса, 2016. Т. 10. № 2(2). С. 64–69.

Кириллина О.М. Опыт прочтения повести Н.В. Гоголя «Шинель» в Российской государственной специализированной академии искусств // Художественное образование и наука. М., 2016. № 2. С. 78–84.

[Обобщение опыта преподавания истории литературы студентам с инвалидностью по зрению и слуху на творческих факультетах РГСАИ.]

Киселева Н.А., Зубова Е.Н. Номинации человека в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Теория и практика современной науки. Саратов, 2016. № 8(14). С. 186–191.

Консерватизм: pro et contra: Антология / Сост., вступ. статья, коммент. А.Я. Кожурина; ред., предисл. А.А. Сеницына. СПб.: РХГА [Русская христианская гуманитарная академия], 2016. 1120 с. – (Русский Путь).

Из содерж.:

Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями (Письмо XIII. Карамзин). С. 167–168. Коммент. С. 930–931.

<Гоголь Н.В.> Из письма Н.В. Гоголя к А.С. Пушкину. <Фрагмент.> С. 183.

Коммент. С. 935.

[Указ. имен.]

<Константиновский Матфей, протоиерей> Пасхальные проповеди протоиерея Матфея Константиновского [Публ. В.А. Воропаева] // Православный собеседник: Журнал Татарстанской митрополии. Казань, 2016. № 1(01). Май. С. 56–59.

<Константиновский Матфей, протоиерей> Слово протоиерея Матфея Константиновского на Преображение Господне / Публ. В.А. Воропаева // Православный собеседник: Журнал Татарстанской митрополии. Казань, 2016. № 2(02). Август. С. 44–45.

Кравцова Н.С. Авторское лукавство в «Развязке “Ревизора”» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. Саратов, 2016. Т. 16. № 1. С. 63–65.

Кривонос В.Ш. [Рецензия] // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 2016. Т. 75. № 2. С. 66–67. [Рец. на кн.: Видугирите И. Географическое воображение. Гоголь. Vilnius: Vilnius Universitetas, 2015. 296 с.: ил.]

Кривонос В.Ш. Фантастика и гротескная реальность у Гоголя // Третьи Лемовские чтения: сб. материалов всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лемма (Самара, 24–26 марта 2016 г.) / Самарский национальный исследовательский ун-т им. академика С.П. Королева. Самара, 2016. С. 145–161.

[На материале повести «Записки сумасшедшего».]

Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской (1853–1856) / ИРЛИ РАН; изд. подгот. Андрей Дмитриев и Денис Федоров. СПб.: ООО «Изд-во Росток», 2016. 464 с.: ил. – (Сер. Крым в истории, культуре и экономике России).

[Указ. имен.]

Кряжева В.Е., Карзаева Н.Н. Мошенничество в пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» (Часть I) // Проблемы анализа, экономической безопасности и аудита в современной России: Материалы международной научно-практической конференции студентов и преподавателей (Москва, 27–30 октября 2015 г.) / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Российский гос. аграрный ун-т – МСХА [Московская сельскохозяйственная академия] им. К.А. Тимирязева, кафедра экономического анализа и аудита. М., 2016. С. 176–179.

Кряжева В.Е., Карзаева Н.Н. Мошенничество в пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор» (Часть II) // Проблемы анализа, экономической безопасности и аудита в современной России: Материалы международной научно-практической конференции студентов и преподавателей (Москва, 27–30 октября 2015 г.) / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации; Российский гос. аграрный ун-т – МСХА им. К.А. Тимирязева, кафедра экономического анализа и аудита. М., 2016. С. 179–181.

Кублановский Ю.М. «Ослепительные клубы облаков...» [стихотворение] // Литературная учеба. М., 2016. № 3. Май – Июнь. С. 26–27.

[О Гоголе.]

Курилов А.С. К построению новой «Истории литературы» / РАН. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Литературная Россия, 2016. 352 с.

Лукманова Е.К. Гоголь в эстетике современного театра // Мировая литература глазами современной молодежи: сб. материалов международной студенческой научно-практической конференции (Магнитогорск, 25 ноября 2016 г.) / Магнитогорский гос. технический ун-т им. Г.И. Носова. Магнитогорск, 2016. С. 315–320.

[Сценическая интерпретация произведений Гоголя методами и приемами постдраматического театра (на примере спектакля «Город. Женитьба. Гоголь» Юрия Бутусова).]

Лысаков П.В. Д.С. Мережковский и Федор Сологуб: гоголевский «след» в диалоге о пошлости // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. Калининград, 2016. № 2. С. 27–35.

Люсый А.П. С широко закрытыми глазами: опыты фиксации венского текста русской литературы // Имагология и компаративистика / Томский гос. ун-т. Томск, 2016. № 1(5). С. 64–81. [В частности, пребывание Гоголя в Вене.]

Майданова М.Н. Структура жизненно-конкретного типа в сценической реализации образа Городничего в русском театре 1830-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 6(68). Ч. 1. С. 102–109.

Макенко К.И. Н.В. Гоголь в творческой судьбе Ивана Аксакова // Литература и История. XIX век: сб. научных трудов к 85-летию МГОУ [Московский гос. областной ун-т] и 190-летию Дома Трудолюбия (Елизаветинского училища) / Сост. В.Н. Аношкина-Касаткина, А.В. Шмелева. М., 2016. С. 164–168.

Малыгин П.Д. Н.В. Гоголь о Риме и Италии // Современные тенденции развития мировой, национальной и региональной индустрии гостеприимства: сб. статей участников V международной научно-практической конференции / Тверской гос. ун-т; отв. ред. А.В. Винник, О.К. Ермишкина. Тверь, 2016. С. 167–176.

Манн Ю.В. Гоголь: академический, полный // Studia Litterarum: научный журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 1. № 3–4. С. 205–215.

[Об издании Полного собрания сочинений и писем Гоголя, осуществляемом Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН.]

Манн Ю.В. О литературе и не только // Казанский педагогический журнал. Казань, 2016. № 4(117). С. 8–11.

Маслова Н.Н. Элементы формирования когнитивного образа в процессе интерпретивной деятельности языковой личности (кинопересказ повести Н.В. Гоголя «Шинель») // Наука как движущая антикризисная сила: инновационные преобразования, приоритетные направления и тенденции развития фундаментальных и прикладных научных исследований: сб. научных статей по итогам международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15–16 января 2016 г.) / Негосударственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургский институт проектного менеджмента». СПб., 2016. С. 124–126.

[В качестве объекта исследования – фильм режиссера Г. Козинцева (1926 г.) и фильм режиссера А. Баталова (1959 г.).]

Масютин В.Н. Иллюстрации к повести «Нос» Н.В. Гоголя // Литературная учеба. Литературно-просветительский журнал. М., 2016. № 2. Март – Апрель. С. 109–112.

Матвеев П.А. Николай Васильевич Гоголь и его переписка с друзьями: Историко-литературный очерк. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. XXI, 152 с.

[Репринт. воспроизв.: СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1894.]

Мешков В.М. Николай Гоголь и Михаил Бахтин // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования / Национальный исследовательский Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарёва. Саранск, 2016. № 1(33). С. 24–30.

[Культурологический анализ творчества Гоголя сквозь призму идей карнавальной культуры М.М. Бахтина.]

Минералов Ю.И. История русской литературы 1800–1830-е годы: Учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 392 с. – (Сер. Бакалавр. Академический курс).

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). С. 250–284.

Михед П.В. «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет...» // Культура и текст / Алтайский гос. пед. ун-т. Барнаул, 2016. № 1(24). С. 141–153.

[Интервью с П.В. Михедом, литературоведом, доктором филологических наук, профессором, заведующим отделом славянских литератур Института литературы им. Т.Г. Шевченко, исследователем творчества Гоголя.]

Молчанова М.Г. Смысл немой сцены в «Ревизоре» Н.В. Гоголя // Наука, образование и инновации: сб. статей международной научно-практической конференции (Томск, 25 июня 2016 г.) / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2016. Ч. 3. С. 126–128.

Монахова И.Р. Душеполезные письма Н.В. Гоголя // Тезисы докладов II международной научной конференции «Литературный процесс в России XVIII–XIX веков. Светская и духовная словесность» 18 октября 2016 г. ИМЛИ РАН. Отдел русской классической литературы [Эл. издание] <http://imli.ru/info/show/Informacionnye-bloki-dlya-sobytij/Tezisy-dokladov-II-mezhdunarodnoj-nauchnoj-konferencii/>

Монахова И.Р. Народная песня в жизни Н.В. Гоголя // Литература в школе. М., 2016. № 12. С. 5–7.

Мундер М.К. Функции диалектной лексики в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // V Селищевские чтения: международный сб. научных трудов, посвященный 130-летию со дня рождения А.М. Селищева / Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина. Елец, 2016. С. 40–44.

Набоков В.В. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 384 с. – (Культурный код).

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) / Пер. Е. Голышевой под ред. В. Голышева. С. 39–96.

Неклюдова Е.М., Дронова Е.А., Кузьмина А.И. Трудности интерпретации произведений Н.В. Гоголя при переводе на английский и немецкий языки // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: международный сб. научных статей. Нижний Новгород, 2016. Вып. 6. С. 167–173.

Некрасова А.В. «Смирение» в произведениях Н.В. Гоголя // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. Тверь, 2016. № 1. С. 314–318.

Николаева С. Литературные связи повести А.П. Чехова «Степь» (древнерусские источники, Н.В. Гоголь, В.С. Соловьев) // Исследовательский журнал русского языка и литературы / Иранская ассоциация русского языка и литературы. Тегеран, 2016. № 1(7). С. 49–64.

Николай Гоголь: История за час / Авт.-сост. В. Калмыкова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. 96 с.

Николай Гоголь (1809–1852): Завещаю вообще никому не оплакивать меня // Родина. М., 2016. № 8. С. 66.

Овчинников Д.П. «Вижу милую родину»: к «малороссийскому» локусу Н.В. Гоголя // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых «Университет – новой

школе»: Материалы IX международной научной конференции (Шуя, 2–3 июня 2016 г.) / Шуйский филиал Ивановского гос. ун-та; отв. ред. А.А. Червова. Шуя, 2016. С. 224–225.

Овчинников Д.П. «Где выход, где дорога?»: Сверхтекстуальный культурный потенциал творчества Н.В. Гоголя // Научный поиск. Шуя, 2016. № 2. С. 49–52.

Овчинников Д.П. Об одном устойчивом сочетании в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Наука XXI века: проблемы и перспективы. Уфа, 2016. № 1(4). С. 75–77.

Овчинников Д.П. Образ русского мира в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Научный поиск. Шуя, 2016. № 1. С. 29–32.

Оптина Пустынь в воспоминаниях очевидцев: [сб.] Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2016. 392 с.: ил. – (Библиотека Оптиной Пустыни).

Из содерж.:

Богданов Д.Н. Оптиная Пустынь и паломничество в нее русских писателей. С. 255–273.

[Гоголь в Оптиной Пустыни.]

[Впервые: Исторический Вестник. 1910. № 10.]

Острова любви БорФеда: сб. в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Санкт-Петербургский институт истории РАН; Союз писателей Санкт-Петербурга; под ред. А.П. Дмитриева, П.С. Глушакова. СПб.: Изд-во «Росток», 2016. 1056 с.

Из содерж.:

Дмитриева Е.Е. Продолжение «Мертвых душ»: специфика национальной утопии. С. 338–343.

Падерина Е.Г. О первом драматическом опыте Белинского в контексте литературного диалога с Гоголем. С. 663–678.

Папилова Е.В. Образ немца в «Невском проспекте» Н.В. Гоголя // Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI веков: коллективная монография / Национальный исследовательский Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского; отв. ред. Т.А. Шарыпина, И.К. Полуяхтова, М.К. Меньщикова. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2016. С. 154–160.

Овчинников Д.П. Малороссия и малороссийский текст в творчестве Н.В. Гоголя (введение в тему) // Язык и культура. Новосибирск, 2016. № 26. С. 194–199.

От авангарда до соц-арта: культура советского времени: сб. статей в честь 75-летия профессора Ханса Гюнтера / Ред.-сост. Корнелия Ичин и Илья Кукуй. Белград: Изд-во Филологического факультета в Белграде, 2016. 272 с.: ил.

Из содерж.:

Войводиц Ясмина. Функция и семантика удвоенных форм в повестях Н.В. Гоголя «Старосветские помещики», «Страшная месть» и «Нос». С. 7–15.

Отрошенко В.О. Гоголиана. Писатель и пространство. М.: Изд-во АСТ, 2016. 320 с.

Гоголиана: Корпус эссе-новелл.

Гоголь и паспорт.

Гоголь и рай.

Гоголь и воздух.

Гоголь и ад.

Гоголь и призрак точки.

Гоголь и Гоголь.

Гоголь и смерть.

Гоголь и элементарные частицы.

Палиевский П.В. Развитие русской литературы XIX – начала XX века. Панорама. СПб.: Росток, 2016. 288 с.

Гоголь. С. 88–99.

Приложение 4. Н.В. Гоголь. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность. С. 218–265.

[Указ. имен.]

Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876) / Подгот. изд. Т.Ф. Пирожковой, О.Л. Фетисенко и В.Ю. Шведова; вступ. статья Т.Ф. Пирожковой; подгот. текстов Т.Ф. Пирожковой и О.Л. Фетисенко; примеч. Т.Ф. Пирожковой и В.Ю. Шведова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 712 с.: [16] с. ил. – (Славянофильский архив. Кн. 3). [Указ. имен.]

Писарева Е. У Никитских ворот поселился «Новый ревизор». Марк Розовский: «Если я с Гоголем вместе, то мне трусить непозволительно» // Московский комсомолец. М., 2016. 16 марта. № 53. – С. 7.

[Интервью М.К. Розовского о новом спектакле по мотивам произведений Гоголя.]

Попова Е.Б. Семантика предложений со структурной схемой №1 Vfrgrer №6 (в повести Н.В. Гоголя «Портрет» и рассказе Ф.М. Достоевского «Кроткая») // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. Новосибирск, 2016. Т. 15. № 2. С. 24–29.

Попов Михаил. Блеск глаз. Стихи // Москва. Журнал русской культуры. М., 2016. № 6. С. 41–47.

И Гоголь затеял комедию / Божественней, чем у Данта. С. 43–44.

Райкина М. Александр Калягин сыграет Хлестакова // Московский комсомолец. М., 2016. 30 августа. № 188. С. 7.

[Московский театр «Et Cetera» под руководством Александра Калягина готовит премьеру – «Ревизор» Гоголя (режиссер Роберт Стура).]

Райкина М. Гордость, пиво, Гоголь, предубеждение. Новый театральный сезон вступает в борьбу за зрителя // Московский комсомолец. М., 2016. 19 августа. № 179(267). С. 1, 11.

[В частности, режиссер Дмитрий Крымов (Школа драматического искусства) ставит спектакль для детей «Мертвые души. История подарка». В основе исторический факт: Пушкин подарил Гоголю сюжет «Мертвых душ».]

Райкина М. За что Гоголь мстит «Школе современной пьесы»? У Райхельгауза пятый год пытаются сыграть «Шинель» // Московский комсомолец. М., 2016. 18 ноября. № 255. С. 11.

[О предстоящей премьере спектакля «Шинель / Пальто» по повести Гоголя в театре «Школа современной пьесы» (художественный руководитель И. Райхельгауз).]

Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 632 с. – (Сер. Научная библиотека).

Гоголь и Булгарин: К истории литературных взаимоотношений. С. 188–223.

Приложение

Указатель публикаций Булгарина о Гоголе в газете «Северная пчела»

[Указ. имен.]

Рождественская И.Е. О формировании гоголевского толковательного канона в Польше // Буття канону: зб. наукових праць / Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України; відп. ред. П.В. Михед; упоряд. Н.М. Сквіра. Ніжин: ФОП Лук'яненко В.В.; ТПК «Орхідея», 2016. С. 299–309.

Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 томах. Т. 3. О писательстве и писателях: Статьи 1901–1907 годов / Сост. и ред. А.Н. Николукин. СПб.: Росток 2016. 925 с.

Рудова О.С. Проблема пошлости: взгляды Н.В. Гоголя и В.В. Набокова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Новосибирск, 2016. Т. 4. № 1. С. 134–138.

[Рецепция В.В. Набоковым проблемы пошлости в контексте идей Гоголя.]

Рудяк И.И. Островский как эманация Гоголя и как предчувствие Чехова: драматургия трансцендентального разрыва // Язык и культура. Новосибирск, 2016. № 25. С. 101–108. [Творчество А.Н. Островского на фоне образов русской культуры.]

Румянцев М.В. Проблема преломления языкового сознания автора при переводе метафорических сравнений (на материале произведений Н.В. Гоголя) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы VIII международной научной конференции (Челябинск, 20–22 апреля 2016 г.): В 2 т. / Министерство образования и науки Российской Федерации; Челябинский гос. ун-т; отв. ред. Л.А. Нефедова. Челябинск, 2016. С. 478–480.

Русская словесность: научно-методический журнал. М., 2016. № 2. 80 с.
[Специальный номер, посвященный творчеству Гоголя, подготовленный совместно с кафедрой истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.]

Из содерж.:

Посохов А. «Малахитовые склоны, вишен белая фата...»: [стихотворение, посвященное Гоголю.] 2 с. обложки.

Смирновский П. Гоголь (примеры периодов). Из книги «Сборник периодов, выбранных из произведений русских писателей (1789–1880)» (СПб., 1881). С. 3–5. [Начало. Окончание (теоретическая часть труда П. Смирновского) см. в приложении к журналу – электронном периодическом издании «Русская словесность». № 2. 2016.]

[«Если сложное предложение, при более или менее значительном объеме, отличается достаточною полнотою и законченностью мысли и вместе с тем художественностью отделки, – его называют **периодом**» (Петр Смирновский).]

Гоголь Н.В. «Одна любовь к русскому слову, которая жила во мне с младенчества...». Предисловие к «Материалам для «объяснительного словаря» русского языка». С. 6–7.

[Печатается по IX т. Полного собр. соч. и писем Гоголя в 17 т. (М.; Киев, 2009). «Материалы для «объяснительного словаря» русского языка» см. в приложении к номеру – электронном периодическом издании «Русская словесность». № 2. 2016.]

Воропаев В.А. Новое в гоголеведении: источниковедческий обзор. С. 8–11.

[О Полном собрании сочинений и писем Гоголя в 17 т. и систематическом своде мемуаров и документальных свидетельств о Гоголе в 3 т.]

Голубева Е. Истинные и ложные сокровища в повести Н.В. Гоголя «Шинель». С. 12–16.

[Отражение евангельских слов о небесных и земных сокровищах в повести.]

Воропаев В. Лепажевское ружье. С. 16.

[Из кн.: Воропаев В.А. Однажды Гоголь...: Рассказы из жизни писателя. М., 2014.]

Посохов А. Гоголевский Акакий Акакиевич и китайские каллиграфы. С. 17–20.

Воропаев В.А. «Кажется, был когда-то Гоголем». С. 20.

[Из кн.: Воропаев В.А. Однажды Гоголь...: Рассказы из жизни писателя. М., 2014.]

Панин Л. «Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века...». Методические разработки к урокам по повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» для учащихся 6–7 классов. С. 21–27.

Андрейко Н., Елисеева Л. «Читают Гоголя и убеждаются, что да, действительно, могуч язык!...». Игра-викторина по творчеству Н.В. Гоголя. Обобщающий урок. С. 28–32.

Улитин В. Антибытийная лексика героев Н.В. Гоголя. Диалог с учениками. С. 33–36.

Гуминский В. Гомеровское у Гоголя. К проблеме мифологизации истории и пространства в «Мертвых душах». С. 37–40.

[Начало. Окончание см. в приложении к номеру – электронном периодическом издании «Русская словесность». № 2. 2016.]

Виноградов И. Святые «Вечера...». «Услаждение и назидательность» «Ночи перед Рождеством». С. 41–48.

Брюсов В.Я. «Он сотворил свой собственный мир и своих особенных людей...». С. 48.

[Из статьи В.Я. Брюсова «Испепеленный».]

Манянина Е. Мемориальная топонимика Н.В. Гоголя: история вопроса. С. 49–54.

[Перечень главных мемориальных мест, связанных с именем Гоголя в России и за границей; история их изучения.]

Шаргина К. Занятия Н.В. Гоголя иностранными языками. С. 55–61.

[В частности, описаны неизданные автографы Гоголя на иностранных языках, хранящиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской гос. библиотеки. Материалы касаются занятий писателя итальянским, латинским древнегреческим и английским языками.]

Берг Н.В. «И снова забросьте тетрадь...» Гоголь о работе над художественным произведением. С. 61.

[Из «Воспоминаний о Н.В. Гоголе» Н.В. Берга.]

Воропаев В.А. Последнее свидание: [К 225-летию со дня рождения духовника Н.В. Гоголя протоиерея Матфея Константиновского (1791–1857).] С. 62–66. [Начало. Окончание см. в приложении к номеру – электронном периодическом издании «Русская словесность». № 2. 2016.]

[Глава из книги «Духовник Гоголя».]

Виноградова В. «Родина души». Автобиографический отрывок Гоголя «Рим». С. 67–69.

[Из кн. *Виноградова В.* По Римским адресам Гоголя (записки журналиста). М.: Старая Басманная, 2014.]

Есенин С. «Это не я, а Гоголь...». С. 69.

[Стихотворение С.А. Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...», написанное под влиянием одного из лирических отступлений в «Мертвых душах» Гоголя.]

Голубева Е. «Откуда брани и свары?» Как читал Библию Н.В. Гоголь. С. 70–72.

[Маргиналии Гоголя на принадлежавшей ему Библии, их связь с художественными произведениями писателя («Страшная месть», «Мертвые души» и др.)]

Посохов А. «Мы изучаем Гоголя – изучаем Россию, изучаем себя...». 3 с. обложки.

[Другие материалы, опубликованные в приложении к номеру – электронном периодическом издании «Русская словесность». № 2. 2016:]

Виноградов И. «Всякое звание и место требует богатства...» К изучению «Тараса Бульбы» и «Шинели».

Михайлова И. «Шинель – его небо, вера, смысл...» Уроки-исследования по повести Н.В. Гоголя «Шинель» (Опыт совместного прочтения – в поисках концепции).

Гоголь Н.В. Гербарий. Комментарий.

[Печатается по XVI и VIII т. Полного собр. соч. и писем Гоголя в 17 т. (М.; Киев, 2009).]

Виноградов И. Классное сочинение Гоголя по теории словесности (1828).

Виноградова В. Город, в котором были написаны «Мертвые души».

Олсуфьева-Боргезе Дария. Гоголь в Риме (фрагменты). Публ. и пер. с итал. М.Г. Талалая.

[Из кн. *Виноградова В.* По Римским адресам Гоголя (записки журналиста). М.: Старая Басманная, 2014.]

Евдокимов А. Молодой Гоголь как читатель Шекспира.

Угрюмов В. Художественная деталь в воспоминаниях С.Т. Аксакова о Н.В. Гоголе.

[Из кн.: *Угрюмов В.Е.* Смыслы и ценности мировоззрения русского человека в произведениях С.Т. Аксакова: монография / Сибирский гос. индустриальный ун-т. Новокузнецк: Изд. центр СибГИУ, 2012.]

Русские фольклористы. Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. Т. 1: А – Г / Под ред. Т.Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин. 2016. 960 с.

Гоголь Николай Васильевич. С. 827–832.

Русское слово на Северном Кавказе: история и современность: Международная научно-практическая конференция для молодых преподавателей, российских и иностранных студентов, магистрантов и аспирантов (Пятигорск, 19 октября 2016 г.) / Пятигорский гос. ун-т. Пятигорск, 2016. 283 с.

Из содерж.:

Акопян В.С. Проблема «маленького человека» в повестях А.С. Пушкина «Станционный смотритель» и Н.В. Гоголя «Шинель». С. 210–212.

Голокозова Т.Ю. Саморазоблачение персонажей как один из приемов сатирической типизации в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». С. 220–222.

Панина Н.О. Гротеск в повести Н.В. Гоголя «Нос». С. 248–250.

Савело Е.Г. Сатирические средства характеристики помещиков в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 252–254.

Смирнова О.А. Проблематика повести Н.В. Гоголя «Портрет». С. 255–257.

Савельева М.Ю. «Бедный, бедный черт» (петербургский контекст творчества Гоголя и Достоевского) // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. СПб., 2016. № 20. С. 110–119.

Савинков С.В. Мое слово и слово без меня в творческой биографии Гоголя // Культура и текст / Алтайский гос. пед. ун-т. Барнаул, 2016. № 2(25). С. 122–131.

Савостьянов А.И. Театральные взгляды Гоголя на искусство актера // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. Чебоксары, 2016. № 3(9). С. 13–20.

Саломатина М.С. Герои Гоголя // Культура общения и её формирование: межвузовский сб. научных трудов / Воронежский гос. ун-т, Центр коммуникативных исследований ВГУ; Воронежский институт развития образования; Воронежская риторическая ассоциация; Воронежская психолингвистическая ассоциация; под ред. И.А. Стернина. Вып. 32. Воронеж, 2016. С. 181–182.

[Рец. на кн.: *Инютин В.В.* Герои Гоголя. Изд-во LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 96 с.]

Самарин Д.А. Наречия времени в творчестве Н.В. Гоголя // Новая наука: Стратегии и векторы развития. Уфа, 2016. № 5. Ч. 3(82). С. 166–169.

Сапожникова Н.В. «Русский Танатос»: Н.В. Гоголь в письмах о цене жизни, смерти и бессмертия // Международный журнал исследований культуры. СПб.: Эйдос, 2016. № 1(22). С. 78–82.

Сарычева А.М. Русская литература. Курс лекций: учебное пособие. М.: Проспект, 2016. 192 с.

Лекция № 23. Проблематика комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». С. 84–86.

Лекция № 24. Полемика вокруг комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Взгляды Гоголя на искусство. С. 87–88.

Лекция № 25. Значение антитезы в образной системе поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». С. 89–91.

Лекция № 26. Чиновничество в изображении Н. В. Гоголя. С. 92–94.

Лекция № 27. Жанровое своеобразие «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. С. 95–96.

Лекция № 28. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». С. 97–99.

Лекция № 29. Повесть Н. В. Гоголя «Шинель»: проблематика и образ главного героя. С. 100–104.

Лекция № 30. Образ Петербурга в повести Н. В. Гоголя «Шинель». С. 105–108.

Севрюгина Е.В. Присоединенные компоненты как формы выражения авторской интенции в творчестве М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя // Преподаватель XXI век / Московский пед. гос. ун-т. М., 2016. Т. 2. № 2. С. 401–406.

Синцов Е.В., Синцова С.В. Гоголевская «Женитьба» как «пародийное» переосмысление мотивной структуры «Онегина» // Филология и культура / Казанский (Приволжский) федеральный ун-т. Казань, 2016. № 1(43). С. 256–261.

Скороходова С.И. Эстетические идеи Ю.Ф. Самарина и Н.В. Гоголя // Философия и культура. М., 2016. № 2. С. 275–281.

Софейченко А.В. Мистические мотивы в творчестве Н.В. Гоголя // Молодость. Интеллект. Инициатива: Материалы IV международной научно-практической конференции студентов и магистрантов (Витебск, 29 апреля 2016 г.) / Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова; гл. ред. И.М. Прищепа. Витебск, 2016. С. 233–234.

Стрельникова Ю.Е., Крисанова И.В. Значение цветowych прилагательных, функционирующих в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира / Амурский гуманитарно-педагогический гос. ун-т. Комсомольск на Амуре, 2016. № 1. С. 126–130.

Сун Инънань Сун. Межкультурное взаимодействие через века гуманистических идей Конфуция и Гоголя // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному: сб. статей / Московский гос. областной ун-т; отв. ред. Л.С. Крючкова. М., 2016. С. 231–238.

Сухова Д.В. Тематическая классификация потенциальных агнонимов в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Материалы региональной школы молодых ученых по филологическим наукам «Philologos» (Елец, 26–27 мая 2016 г.) / Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина. Елец, 2016. С. 137–140.

[Русские агнонимы – слова, которые мы не знаем.]

Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения: сб. научных статей по материалам международной научной конференции, Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Н.В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В.П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2016. 320 с.: ил.

Содерж.

Summary. Аннотированное содержание на английском языке. С. 6–12.

Викулова В.П. Предисловие. С. 13–16.

Гоголь и культура Западной Европы:

Гуминский В.М. Гоголевские обращения к Гомеру. С. 18–27.

Патапенко С.Н. Античный след в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». С. 28–33.

Гольденберг А.Х. Европейская барочная традиция в поэтике Гоголя. С. 34–41.

Воропаев В.А. Путешествие Гоголя в Испанию и Португалию. С. 42–49.

Анненкова Е.И. Письма Н.В. Гоголя из Германии в контексте корреспонденций русских путешественников первой половины XIX века. С. 50–61.

Савинков С.В. *Немецкое versus русское* в мышлении Н.В. Гоголя. С. 62–66.

Рясов Д.Л. Раннее творчество Н.В. Гоголя и произведения Людвиг Тика: некоторые параллели. С. 67–72.

Захаров К.М. Аделаида Ивановна Кругель (немецкие мотивы в комедии Гоголя «Игроки»). С. 73–77.

Падерина Е.Г. «Игроки» Гоголя как художественная критика принципа «хорошо сделанной пьесы» Э. Скриба. С. 78–87.

Шульц С.А. «Мертвые души» Гоголя в контексте сюжета о Фаусте (К. Марло, И.В. Гете, Т. Манн). С. 88–95.

Дмитриева Е.Е. «...Познакомленные с Европой посредники»: европейская цивилизация и второй том «Мертвых душ». С. 96–104.

Сапченко Л.А. Образ Андрея Ивановича Тентетникова и традиции европейского романа воспитания. С. 105–113.

Мацанура В.И. Творчество Н.В. Гоголя в критической рецепции П. Мериме. С. 114–121.

Кобленкова Д.В. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в авторском переложении С. Скотта для людей с ограниченными возможностями. С. 122–126.

Сартаков Е.В. Гоголь и Иероним Босх: к проблеме гротеска. С. 127–135.

Робинов О.Ю. Традиции Родена в скульптурных интерпретациях образа Гоголя. С. 136–138.

Карташов В.С. Имена европейских ученых в названиях растений из списка Н.В. Гоголя. С. 139–142.

Италия Гоголя:

Джулиани Рита. Гоголь и Гете в Риме / Пер. с ит. О.Б. Лебедевой. С. 144–152.

Барабаш Ю.Я. Между Миргородом и Рим-городом (Гоголь: к проблеме этнокультурного пограничья). С. 153–168.

Мусатова Т.Л. Гоголь и римские художественные школы его времени. С. 169–179.

Голубева Е.И. Гоголь и Рим: в поисках небесного. С. 180–185.

Ефремычева Л.А. Гоголевский речевой портрет Рима: молва и безмолвие. С. 186–191.

Шаргина К.В. Автографы Н.В. Гоголя на итальянском языке. С. 192–198.

Поэтика Гоголя:

Манн Ю.В. «Женитьба» Гоголя: третье измерение. С. 200–207.

Джафарова К.К. Идиллия в творческом наследии Гоголя и Шиллера. С. 207–215.

- Бароти Тибор.* Искусство и религия в творчестве Гоголя. С. 216–225.
- Виноградов И.А.* Гоголь о поэзии и схоластике (к авторскому определению жанра «Мертвых душ»). С. 226–233.
- Кравченко О.А.* «...К верховной вечной красоте»: духовные основы города в творчестве Гоголя. С. 234–240.
- Тулякова Е.И.* Эволюция «сезонного» текста в творчестве Н.В. Гоголя 1825–1835 годов. С. 241–245.
- Плешкова О.И.* Гоголь, Гофман, Тынянов: к теории пародии. С. 246–252.
- Гоголь и славянская культура:**
- Репонь Антон.* Николай Гоголь и Ян Коллар о славянском духовном единстве. С. 254–260.
- Кишицова Дануше.* Чешские переводы произведений Н.В. Гоголя. С. 261–267.
- Кривонос В.Ш.* Творчество Гоголя и мифологический тип ‘человек / нечеловек’ в славянской культуре. С. 268–274.
- Есаулов И.А.* Богатырская доблесть казаков и удаль ляхов: типы героики в художественном мире Гоголя. С. 275–283.
- Денисов В.Д.* Славянские и европейские корни «Вия». С. 284–291.
- Мильдон В.И.* Чичиков и Обломов (ещё раз на тему «Гоголь и Гончаров»). С. 292–299.
- Вайскопф М.* Значительное лицо в изображении Льва Толстого, или Гоголевский след в «Войне и мире». С. 300–304.
- Розанов Ю.В.* Гоголеведение Дяди Гиляя. С. 305–312.
- Требина Е.Ю., Носырева Г.А.* Урок по теме «Мифологема яйца в поэме Гоголя «Мертвые души»» // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики. Чебоксары, 2016. № 3(8). С. 37–40.
- Филаткина Н.А.* «Воспоминания личные...» По страницам мемуаров дворян Арсеньевых // Московский журнал. История государства Российского. М., 2016. Февраль. № 2(302). С. 2–12.
- [И.А. Арсеньев о Гоголе: С. 10.]
- Филонова Ю.* Причины сожжения Н.В. Гоголем второго тома «Мертвых душ» // Русская словесность. М., 2016. № 6. С. 21–29.
- [Разработка сценария и проведение в 9 классе ток-шоу на тему «Причины сожжения Н.В. Гоголем второго тома «Мертвых душ»».]
- Фомичев С.А.* Повесть «Шинель» в контексте творчества Н.В. Гоголя // Русская литература. СПб., 2016. № 1. С. 57–64.
- Фролова Е.А.* Языковые средства создания экспрессии имен собственных в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Русский язык в школе. М., 2016. № 4. С. 34–39.
- Хвалин А.* «Душевный портрет» с клеймами. О книге В.А. Воропаева «Однажды Гоголь...» // К единству! Журнал Международного общественного Фонда единства православных народов. М., 2016. Март – Апрель. № 2(107). С. 46.
- [Рец. на кн.: Однажды Гоголь...: Рассказы из жизни писателя. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. 112 с.: ил.]
- Холкина А.С.* Первый перевод «Мертвых душ» Н.В. Гоголя на английский язык: особенности передачи реалий // Электронный научный журнал. М., 2016. № 4(7). С. 239–242.
- Холондович Е.Н.* Кризисы на жизненном пути и в творчестве Н.В. Гоголя // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. М., 2016. Т. 1. № 1. С. 105–125.
- Холондович Е.Н.* Психологические аспекты художественного творчества Н.В. Гоголя // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. Тверь, 2016. № 2(78). С. 31–36.
- Холондович Е.Н.* Феномен духовности гениев // Наука. Культура. Общество / Российская академия социальных наук. М., 2016. № 2. С. 17–30.
- [Особенности духовных исканий Гоголя и Ф.М. Достоевского.]

Хондзинский П., протоиерей. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. 480 с.

Гл. 3: Внеакадемическое богословие 40–50-х г. XIX в. 3.2.8. Н.В. Гоголь. С. 226–238.

Примеч. С. 286–291.

Чепухова Е.М. Мотив пути в повести Н.В. Гоголя «Вий» // Филологические этюды: сб. научных статей молодых ученых: В 3 ч. / Совет молодых учёных Института филологии и журналистики; Саратовский гос. ун-т: отв. редактор Г.М. Алтынбаева. Саратов, 2016. С. 29–33.

[Материалы всероссийской конференция молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке», посвященной 100-летию проф. Л.И. Баранниковой (Саратов, 22–24 апреля 2015 г.).]

Чжоу Сяовэй. Исследование творчества Н.В. Гоголя в Китае // Гуманитарный вектор / Забайкальский гос. ун-т. Сер. Философия, культурология. Чита, 2016. Т. 11. № 2. С. 143–146.

Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с. – (Культурный код).

[Указ. имен.]

Шабалдина Е.В. Н.В. Гоголь и М.А. Булгаков: мотив безумия в повестях «Записки сумасшедшего», «Портрет» и романе «Мастер и Маргарита» // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. № 2(36). С. 186–189.

Шаталова О.В. Диалектика бытия и языкового отображения личности автора и повествователя в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: Материалы XXI международной научной конференции (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2016 г.) / Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. СПб., 2016. С. 337–344.

Шелестова З.А. Н.В. Гоголь в искусстве звучащего слова // Литература в школе. 2016. № 5. С. 29–31.

[Особенности чтения Гоголем своих произведений; характеристика исполнения произведений писателя мастерами художественного слова.]

Шипицына Г.М. Художественная деталь в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Литература в школе. М., 2016. № 5. С. 13–15.

Шифрин Б.Ф. Зачеркивание, отталкивание и тому подобное в мотивике культуры (от «Носа» Гоголя к фенотипической рефлексии) // *Mixtura verborum* 2015: образы настоящего: философский ежегодник / Под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара, 2016. С. 99–122.

Шубакова Е.А. Описание ночи в повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Первые Щеулинские чтения: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти профессора В.В. Щеулина (Липецк, 25 марта 2016 г.) / Липецкий гос. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; отв. ред. Е.А. Попова. Липецк, 2016. С. 103–108.

Шубакова Е.А. Языковые особенности описания ночной природы (на материале повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница») // Материалы региональной школы молодых ученых по филологическим наукам «*Philologos*» (Елец, 26–27 мая 2016 г.) / Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина. Елец, 2016. С. 80–85.

Шульц С.А. Гоголь и проблемы «философии хозяйства» (И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой, С.Н. Булгаков) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2016. № 2. С. 459–468.

Шульц С.А. Гоголь и Шеллинг о душе // Человек. М., 2016. № 1. С. 155–163.

[Онтологический, спиритуалистический и психологистический аспекты понимания души Гоголем и Ф. Шеллингом, связь данных аспектов с историософией.]

Шумейко Ю.А. Словообразовательные и морфологические особенности разговорной речи в тексте повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» // Гуманитарные научные исследования. М., 2016. № 7(59). С. 186–188.

Щеголева И.А. В поиске души. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: опыт интертекстуального анализа. IX класс. Статья первая // Литература в школе. М., 2016. № 4. С. 32–34.

Щеголева И.А. В поиске души. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: опыт интертекстуального анализа. IX класс. Статья вторая // Литература в школе. М., 2016. № 5. С. 32–37.

Щербаков А.Б. «К читателю от сочинителя» Н.В. Гоголя: проблема диалога // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сб. статей международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15 ноября 2016 г.): В 6 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. С. 229–231.

Щербаков А.Б. Контекст «Прощальной повести» Гоголя // Новая наука: Стратегии и векторы развития. Уфа, 2016. № 11. С. 120–124.

Щербаков А.Б. Проблема рамочного текста «Мертвых душ» Гоголя // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. Уфа, 2016. № 11. Ч. 2. С. 84–86.

Явари Ю.В. Реалии и локализмы в повестях Н.В. Гоголя и их перевод на английский язык // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. Филология. Тверь, 2016. № 4. С. 195–200.
[Способы передачи реалий и локализмов на английский язык в «украинских» повестях Гоголя.]

Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века: Учебное пособие. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 752 с.
Творчество Н.В. Гоголя (1809–1852). С. 592–715.

Яркина С.В., Рябых Е.Б. Особенности перевода русских фразеологизмов на немецкий язык (на материале комедии Н.В. Гоголя «Ревизор») // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. М., 2016. № 5(33). С. 15–19.

Автор-составитель:
Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Author-composer: Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
voropaevvl@bk.ru

**THE BIBLIOGRAPHY OF N.V. GOGOL'S WORKS
AND LITERATURE ABOUT HIM IN RUSSIAN. 2016**

В.А. Воропаев

Список авторефератов диссертаций, посвященных творчеству Н.В. Гоголя (2014–2016)

2014

Бабенко И.А. Формирование поэтики гротеска в отечественной драматургии второй половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Северо-Кавказский федеральный ун-т. М., 2014. 21 с.

[О Гоголе: С. 8, 11–12, 16 и др.]

Бычкова А.Ю. Ринология Н.В. Гоголя: типологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Томский гос. ун-т. Томск, 2014. 18 с.

Волоконская Т.А. Странные превращения в мотивной структуре малой прозы Н.В. Гоголя 1830–1840-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2014. 22 с.

Голубева С.В. Нравственные константы в творчестве Николая Васильевича Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ивановский гос. ун-т. Шуйский филиал. Иваново, 2014. 23 с.

Дьячковская Е.Н. Традиции Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева в прозе Н.Д. Неустроева (к проблеме русско-якутских литературных связей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Северо-Восточный федеральный ун-т им. М.К. Амосова. Якутск, 2014. 23 с.

Йылмаз М.К. Традиции русского комизма в малой прозе Азиза Несина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский гос. пед. ун-т. М., 2014. 17 с.

Гоголевские мотивы в малой прозе А. Несина. С. 11–12.

См. также С. 6–7, 13–14.

Налобин А.В. Литературный апокриф в русской прозе XIX – начала XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Литературный ин-т им. А.М. Горького. М., 2014. 16 с.

Гл. 2. Литературный апокрифический сюжет с устной и книжной стилиевой доминантой в повестях Н.В. Гоголя («Страшная месть», «Портрет») и в повести А.П. Чехова «Черный монах». С. 9–12.

Незовибатько О.Е. «Внутренний человек» в русской и французской литературной традиции (Паскаль, Радищев, Гоголь): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Поволжская гос. социально-гуманитарная академия. Саратов, 2014. 19 с.

Радь Э.А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Поволжская гос. социально-гуманитарная академия. Саратов, 2014. 45 с.

Гл. 4. § 2: Трансформация «вечного текста» в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: модель «Детубийство». С. 32–33.

Смекалина В.В. Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2014. 32 с.

Смирнова С.И. Реализация иронии в констатирующих текстах «описание» и «повествование» (на материале русскоязычного текста поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и англоязычного текста романа Ч. Диккенса «Домби и сын»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бурятский гос. ун-т. Улан-Уде, 2014. 21 с.

Станичук И.А. Феномен ночи в творчестве Н. В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2014. 24 с.

Стебунова К.К. Когнитивно-дискурсивные механизмы фразеологической номинации в близкородственных и не близкородственных языках (на материале текстов произведений Н.В. Гоголя и их переводов на украинский и английский языки): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белгородский гос. национальный исследовательский ун-т. Белгород, 2014. 22 с.

Третьяков Е.О. Философия и поэтика четырех стихий в творческой системе Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Томский гос. ун-т. Томск, 2014. 26 с.

Филонов Е.А. Эволюция повествовательной системы Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2014. 22 с.

Холодова М.В. Музыкальный театр Г.И. Банщикова: Жанрово-драматургические особенности произведений на сюжеты русской классической литературы: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. / Красноярская гос. академия музыки и театра. Новосибирск, 2014. 22 с.
Гл. 2: Опера о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. – С. 8–10.

2015

Двоеглазов В.В. Категория «праведничества» в русской литературе первой половины XIX века / Вятский гос. гуманитарный ун-т. Киров, 2015. 24 с.
Гл. 2. §5: «Праведническая» концепция бытия в творчестве Н.В. Гоголя. С. 16–17.

Ефремычева Л.А. Мотивы молвы в повестях Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2015. 19 с.

Рясов Д.Н. Образ Германии в творческом сознании Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2015. 21 с.

Сабадаж Н.П. Польская тема в русской литературе николаевской эпохи (1826–1855 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2015. 26 с.
Ч. 2. Гл. 4. § 1.4. Н.В. Гоголь. С. 18–19.

2016

Голубева Е.И. Библийский текст в творчестве Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2016. 22 с.

Звягина С.В. Художественный мир А.Ф. Писемского в контексте магистральных сюжетов русской литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нижегородский гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина. Нижний Новгород, 2016. 24 с.
Гл. 2: Трансформация устойчивых образов и мотивов в романе А.Ф. Писемского «Тысяча душ». §2: Гоголевская составляющая в смысловом наполнении романа. С. 14–15.

Зыховская Н.Л. Ольфакторий русской прозы XIX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Уральский федеральный ун-т им. Первого президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016. 40 с.

Гл. 2. §2: Классификация источников запаха: Гоголь. С. 24–25.

Тихомиров Д.С. Гоголевская традиция в прозе Л. Андреева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Астраханский гос. ун-т. Астрахань, 2016. 19 с.

Автор-составитель:
Владимир Алексеевич Воропаев,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Author-composer: Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
voropaevvl@bk.ru

**A LIST OF PUBLISHED DISSERTATION SUMMARIES
ON NIKOLAY GOGOL (2014–2016)**

Научная жизнь

Academic Life

Д.П. Ивинский

Научная конференция к 225-летию со дня рождения князя П.А. Вяземского (1792–1878)

18 мая 2017 г. кафедра истории русской литературы филологического факультета провела научную конференцию «Князь П.А. Вяземский и русская литература», приуроченную к 225-летию со дня рождения известного поэта, литературного критика, историка литературы и литературной жизни, мемуариста, переводчика, политического и общественного деятеля, в течении нескольких десятилетий – с 1810-х по 1870-е гг. – оказывавшего влияние на русский историко-литературный процесс.

С приветственным словом к участникам конференции обратился заведующий кафедрой профессор В.Б. Катаев.

Вступительное слово «Князь Вяземский и Московский университет» произнес профессор Д.П. Ивинский, отметивший, что конференция его памяти, впервые проводимая в Московском университете, имеет дополнительные, кроме чисто научных, основания: Вяземский собственноручно связал свою биографию с Московским университетом – в письме 1855 г., направленном им тогдашнему ректору А.А. Альфонскому в дни, когда университет отмечал свое столетие.

Приведем здесь фрагмент этого письма:

Хотя не могу похвалиться, что с самых молодых лет моих принадлежал к нему официально в звании студента, но могу, однако ж, сказать, что частью образования своего я ему обязан. Родителем моим был я отдан на попечение профессору Рейсу и жил у него в университетском доме у него и слушал я частным образом лекции профессоров: Булле и Рейнгардта и гг. Богданова и Загорского. Следовательно, и я могу праздновать без малого пятидесятилетие моих университетских преданий. Ныне, когда по Всемилостивейшей воле Госу-

П.А. Вяземский. Акварель Т. Райта

даря Императора <...> удостоился я лестного звания товарища министра народного просвещения, отношения мои к Московскому университету укрепляются и, можно сказать, освящаются новой силой и новыми для меня обязанностями. <...> Поручаю себя <...> Вашему благорасположению и покорнейше прошу передать Вашим и моим сослуживцам чувство преданности и любви моей к делу нам общему и к тем, которые письменными трудами своими и преподаванием служат государству и отечеству на поприще просвещения: не прибавляю благого, ибо нет иного просвещения, как то, которое основано на незыблемых и возвышенных началах чувства религиозного и чувства нравственного. Вне этих условий могут быть сведения, познания, ученость, но просвещения не будет. Наш разумный и логический язык прекрасно выразил и обозначил словом просвещение истинные свойства науки и учения, которые должны умственно и духовно просвещать человека.

А.А. Евдокимов (филологический факультет МГУ) в докладе «“Раздражительный Сумароков”»: личность и творчество поэта в оценке князя П.А. Вяземского» рассмотрел тексты Вяземского, в которых он обсуждал творчество и литературную личность А.П. Сумарокова, в связи с литературной жизнью его эпохи, а вместе с тем в контексте современных Вяземскому литературных контекстов. Выяснилось, в частности, что Сумароков Вяземского оказался включен в специфический контекст литературных мнений времен предромантизма и романтизма и соотнесен с В.А. Озеровым, И.И. Дмитриевым, В.А. Жуковским и А.С. Пушкиным. Особое внимание в связи с Сумароковым и его восприятием в эпоху Жуковского и Пушкина докладчик уделил проблемам подражания образцам и обретения и сохранения собственного поэтического стиля.

В.Л. Коровин (филологический факультет МГУ) в докладе «Князь Вяземский и С.С. Бобров» напомнил о ранних литературно-полемиических выступлениях П.А. Вяземского (антибобровские эпиграммы, «Запрос от современников и потомков к г. В. Жуковскому» и др.), а в особенности о «Письме к издателю о поэте Боброве» (1810, изд. 1994). Докладчик указал на двусмысленность этого сочинения, которое может быть интерпретировано не только в контексте «споров о языке», но и в связи с вопросом о гибели императора Павла I. Лица, цитирующие стихи Боброва в этом тексте, идентифицируются с К.Н. Батюшковым, В.А. Жуковским и самим Вяземским.

С.И. Панов (ИМЛИ РАН) прочел доклад «Вяземский, Дурылин и «Литературное наследство»», посвященный неопубликованному посланию П.А. Вяземского к А.О. Россет (Смирновой) (1809–1882). Вяземский оказался первым русским поэтом, который воспел в стихах ее «черные очи», его реплику подхватил А.С. Пушкин, поэтический венок Россет сплетали П.А. Плетнев, В.А. Жуковский, В.И. Туманский, А.С. Хомяков, И.П. Мятлев и многие другие. Беседой с ней дорожили Иван Аксаков и Н.В. Гоголь, ценивший письма Смирновой и включивший послания к ней в «Выбранные места из переписки с друзьями». Стихи Вяземского относятся к девичеству героини (1829 г.), почти век назад их обнаружил в старом альбоме известный писатель, историк культуры, духовный деятель С.Н. Дурылин (1886–1954). Подготовленная им статья так и не увидела свет – даже дружественное автору «Литературное наследство» отклонило ее как «старомодную». Докладчик проследил за аргументацией С.Н. Дурылина, который видел в этом стихотворении прямой ответ А.С. Хомякову; выяснилось, что сумма сегодняшних данных только отчасти подтверждает выводы ученого.

Д.П. Ивинский (филологический факультет МГУ) в докладе «Князь Вяземский, Мицкевич, Пушкин: из комментария к письму Мицкевича к Вяземскому от первой половины марта 1839 г.» представил некоторые результаты изучения вопроса о влиянии произведений А.С. Пушкина на историософскую и историко-литературную концепцию «Лекций о славянских литературах» (1840–1844) Адама Мицкевича. Было показано, во-первых, что Мицкевич мог быть знаком с ему посвященным стихотворением Пушкина «Он между нами жил...» или по крайней мере с его проблематикой со времени его встреч с Вяземским в Париже в 1839 г. Во-вторых, по мнению докладчика, статья Вяземского «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» (1847) оказалась своеобразным откликом на лекции Мицкевича, одновременно комплиментарным и полемическим.

В выступлении профессора В.А. Воропаева (филологический факультет МГУ) были охарактеризованы личные и творческие взаимоотношения Н.В. Гоголя и князя П.А. Вяземского. Докладчик представил краткий очерк истории их литературных отношений, остановившись на восприятии Вяземским «Ревизора», «Мертвых душ», «Выбранных мест из переписки с друзьями».

И.Е. Прохорова (факультет журналистики МГУ) в докладе «Еще раз о “последних песнях” П.А. Вяземского и Н.А. Некрасова», кратко охарактеризовав современное состояние литературы вопроса, рассмотрела поздние лирические стихотворения Вяземского в некрасовском контексте. Особое внимание при этом было уделено циклу Вяземскому «Хандра с проблесками». Одновременное было показано хорошее знание Некрасовым лирики Вяземского и выявлены некоторые скрытые цитаты из его произведений в творчестве автора «Последних песен».

Доклад С.В. Мыслякова (РГСУ) «Князь П.А. Вяземский и полемика Ф.М. Достоевского с “Русским вестником”» был посвящен полемике, развернувшейся в 1861 г. между Ф.М. Достоевским и М.Н. Катковым на страницах журналов «Время» и «Русский вестник». В эту полемику заочно оказался вовлечен и кн. Вяземский, чье стихотворение «Заметки» Катков поместил в своем журнале. Достоевский усмотрел в этом произведении персональные выпады, что побудило его «атаковать» не только «Русский вестник», но и Вяземского, причем иронической оценке удостоились как идеологические, так и художественные достоинства стихотворения. Это не помешало Достоевскому годы спустя думать в личном знакомстве с Вяземским, так, впрочем, и не состоявшемся.

Л.Ф. Кацис (РГГУ) обратился к предположению проф. В.С. Баевского о том, что строки О.Э. Мандельштама «Я пью за военные астры...» с большой вероятностью восходят к стихам Вяземского «Я пью за здоровье немногих...». Эта догадка осталась лишь в мемуарах филолога, так как классики мандельштамоведения 1960–1970-х гг. К.Ф. Тарановский, Л.Я. Гинзбург и Б.Я. Бухштаб этой догадки не одобрили. Между тем Баевский до конца своих дней продолжал верить в свою правоту, не выводя ее на научный уровень из почтения к коллегам. В связи с этим докладчик предложил сравнить две формулы «Я пью...» Вяземского – Мандельштама и «Я пил...» Б.Л. Пастернака. По предположению Кациса, в случае Мандельштама мы имеем дело с использованием хорошо узнаваемой формулы, а в случае Пастернака необходимо сопоставить окончание стихотворения Вяземского о мертвых друзьях и стихи Пастернака «Душа моя печальница...», которые восходят к заключительной части стихотворения «Я пью за здоровье немногих...». В этом случае стихотворение Пастернака, обращенное к мертвым друзьям («душа усыпальница замученных живьем») окажется завершением диалога с мертвыми предшественниками («Пока

я с Байроном курил», «пока я пил с Эдгаром По», упоминание о Лермонтове), в круг которых включаются погибшие русские поэты XX в., а само стихотворение Пастернака оказывается репликой в посмертном диалоге с Мандельштамом. Таким образом давняя догадка В.С. Баевского нашла свое подтверждение.

О.Л. Довгий (факультет журналистики МГУ; РГГУ) выступила с докладом «Бестиарные коды поэзии князя Вяземского», в котором подробно обсуждалась его поэтическая фауна, соотнесенная исследовательницей с соответствующей образностью в произведениях русских поэтов XVIII–XX вв. В частности, обсуждалась поэтика острословия Вяземского, преимущественно в аспекте его «бестиарной метафорики». В качестве дополнительного материала привлекались его письма, тексты мемуарного характера, а вместе с тем некоторые выразительные биографические и литературные факты, характеризующие его отношения с «Беседой», А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским и др.

В обсуждении докладов принимали участие преподаватели, аспиранты, студенты филологического факультета.

Сведения об авторе:
Дмитрий Павлович Ивинский,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Dmitry P. Ivinsky,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
dmitrij_ivinskij@mail.ru

**SCIENTIFIC CONFERENCE ON THE 225th ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF PRINCE P.A. VYAZEMSKY (1792–1878)**

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

Е. Старостина

День Святого Патрика на филологическом факультете МГУ

17 марта 2017 года в Пушкинской гостиной на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась однодневная конференция, приуроченная ко дню Святого Патрика, крестителя Ирландии, ее святого покровителя и вообще очень значимого персонажа. В честь этого праздника на кафедре ежегодно проходит торжественное собрание, однако в этом году было решено провести его в необычном формате: на этот раз получился не просто праздник с танцами и ирландской музыкой, а практически круглый стол, посвященный истории христианизации в разных кельтских странах, и не только в Ирландии.

С помощью неизвестно откуда взявшихся щитов удалось импровизированно прикрыть окна, чтобы было лучше видно экран проектора с презентациями. На стену за спиной докладчика повесили плакат с изумрудными холмами и поздравлением с праздником на ирландском языке (нарисовали это маленькое чудо собственноручно студентки второго курса ирландской группы бакалавриата), и праздник начался.

Гостей собралось много – как слушателей, так и докладчиков. Пришли и коллеги-германисты с кафедры германской и кельтской филологии, и историки, и религиоведы – всем едва хватило места в аудитории. Праздничное заседание проходило в очень уютной и непринужденной обстановке. Вела его профессор Татьяна Андреевна Михайлова. Гости в своих докладах касались как средневековой, так и современной культуры, создавая ощущение, будто на конференции сплелось несколько стран и эпох.

Так, Григорий Бондаренко рассказал о деятельности епископа Тирехана, автора одного из первых житий Святого Патрика, концентрируясь на самом тексте и любопытных эпизодах, иллюстрирующих представления ученого человека VII века о том, как происходила христианизация его родины.

Мария Королева, в свою очередь, повествовала об истории шотландской церкви (строго говоря, ее доклад был посвящен Святому Сервану, но докладчик не ограничился одной его личностью), оглядываясь и на современное ее состояние. Например, рассказывая о почитании Святого Кентигерна (он же Святой Мунго), показала зрителям фотографию современного панно в Глазго, на котором изображен трогательный образ этого святого с одним из его символов – маленькой ожившей малиновкой.

Об особенностях процесса христианизации в Бретани рассказала Анна Мурадова, и акценты в ее рассказе были в основном расставлены так, чтобы у слушателей сложилось впечатление не столько об ученой, сколько о народной составляющей

истории бытования традиции: чрезвычайно интересно, например, было узнать о фольклорных элементах в формировании образов бретонских «коллег» Патрика.

Журналист и путешественник Виталий Ковальчук поднял и частично осветил вопрос имен ирландских святых в топонимике Дингла, что на западном побережье Ирландии, начав со знаменитейшего мореплавателя Святого Брендана. Его доклад был наиболее живописен с точки зрения наглядности представления материала: сопровождался рассказом о местных преданиях и красивейшими фотографиями, полученными непосредственно «с места событий» самим докладчиком.

Наконец, собственно современности коснулся в своем рассказе Юрий Андрейчук: он представил вниманию слушателей традицию молитвы среди современных носителей ирландского языка. В его хэнд-аут вошел целый блок текстов: от перевода «Отче наш» до совершенно чудесных окказиональных молитв на все случаи жизни.

Все прочитанные доклады были приняты с живым интересом; помимо прочего гости получили возможность поучаствовать в небольшой лотерее с розыгрышем чудесного зеленого палантина, послушать музыкальный гитарно-флейтовый дуэт (не мог ведь день Святого Патрика пройти без музыки?) и посмотреть фильм, который подготовили студентки-бакалавры. Он был смонтирован как серия параллельных интервью: девушки задались целью выяснить, какое представление об Ирландии бытует среди студентов МГУ. Оказалось (или, по крайней мере, по выборке респондентов сложилось такое впечатление), что у знатоков Ирландии есть широкий простор для просветительской деятельности. Фильм получился любительский, но живой, и порадовал аудиторию совершенно неожиданным финалом.

На конференцию пришли также представители издательского дома «Василиса», которые презентовали новую книгу о святых Ирландии.

Хотя формат встречи не предполагал активного общения между собой его участников, все равно она дала молодым ученым возможность в тесном кругу пообщаться со своими старшими коллегами, поближе познакомиться с ними, узнать о поле их деятельности и возможных направлениях своего дальнейшего профессионального развития. Для старших же сотрудников вечер стал отличным поводом, собравшись вместе, поделиться актуальными новостями и результатами своих исследований, материалами последних поездок. Даже после завершения торжественной части вечера многие гости, освободив помещение гостиной, отправились не по домам, а пить чай на кафедру.

Сведения об авторе:
Елена Старостина,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena Starostina,
Graduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

**ST. PATRICK'S DAY AT THE FACULTY OF PHILOLOGY
(LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY)**

Заметки. Впечатления

Notes. Impressions

Интервью с Марией Александровной Бургановой¹

Екатерина Венедиктова: В последние годы в нашей стране отмечается повышенный интерес к посещению музеев, выставок и разнообразных экспозиций. Отвечая на этот социальный запрос, по мнению современных исследователей, многие музеи перешли к коммуникативной модели функционирования, которая привела к ориентации на восприятие произведений искусства различными категориями посетителей. Но анализ коммуникативности музейных экспозиций показывает, что она нередко значительно отстаёт от требований полноты и качественности связей между зрителем и экспозицией, зрителем и произведением искусства. Воспринимается далеко не все и не то, что сообщается. Не все экспонаты «говорят» с посетителем, передают ему культурную информацию. Возникает непонимание и, как следствие, или равнодушие или, ещё хуже, обесценивание произведения искусства, отрицание его исторической и культурной значимости. Задумываетесь ли Вы над проблемой отсутствия связи художника со зрителем при создании своих произведений?

Мария Александровна Бурганова: Когда мы смотрим на произведение искусства, что мы от него ждём? Искусство ведь принадлежит всем, если оно публично и если художник решил выставить свое произведение. Но в какой-то начальный момент искусство принадлежит только художнику. И здесь хотелось бы привлечь ваше внимание к такому странному феномену: часто зритель и художник не понимают друг друга, как бы говорят на разных языках.

У каждого вида искусства свой лексикон, который часто не очень интересен зрителю, но который составляет само существо каждого вида искусства. Живопись оперирует колоритом, взаимоотношениями оттенков цвета. Скульптор выше всего ставит форму и пространство, выражая в этих категориях художественный образ. Но зритель, когда подходит к произведению скульптуры или живописи, очень часто пытается распознать только сюжет: о чем тут, собственно? Он пытается узнать, а кто этот человек? Это кто? И, как правило, бывает удовлетворен ответом, например: «это Пушкин» или «это портрет Пушкина». Ну, или «это девочка с персиками», «это Верочка Мамонтова». Оказавшись перед произведением изобразительного искусства, художник и зритель видят совершенно разное.

Хотелось бы, чтобы зритель не был простым потребителем, хотелось бы, чтобы зритель осознал профессиональный словарь художника или хотя бы прикоснулся к нему.

Например, вот стоят прекрасные кариатиды Эрехтейона. Хотелось бы, чтобы зритель увидел красоту их пластического языка, их величественность и монументальность; оценил, как гармоничны они в синтезе с архитектурой; увидел, как прекрасно падают складки этих задрапированных хитонов, как они абсолютно созвучны канелюрам колонн.

А то художник зрителю говорит о формообразовании, а зритель этого не понимает, не хочет этого видеть. Он хочет знать, как их зовут. А художник совершенно равнодушен к их именам. Перед ним другая задача – он превращает женскую

¹ Мария Александровна Бурганова – советский и российский скульптор, искусствовед, доктор искусствоведения, профессор кафедры монументально-декоративной скульптуры МГХПА им. Строганова, заслуженный художник Российской Федерации, действительный член РАХ.

фигуру в колонну и делает это так виртуозно, что создается гармония синтеза архитектуры и скульптуры.

Итак, есть Автор, который создал произведение искусства, и есть зритель. И, хочется сказать, для которого он это сделал, но это не всегда так. Это разные совершенно точки зрения: у автора и у зрителя такие «разные глаза», разное восприятие, разный культурный подход. И художник в самом процессе создания произведения совершенно не думает о зрителе.

Кроме зрителя, в диалоге с произведением искусства участвует еще и государство. Это тоже участник процесса.

Например установка памятника. Государство предъявило свою идею, выраженную в образе культурного героя; скульптор создает художественный образ; общество, выражая свое мнение, тоже участвует в процессе. И вот все эти три участника данного действия должны в счастливом каком-то расположении прийти к общему мнению. Всем должно это нравиться.

Все знают историю создания Роденом памятника Бальзаку. Он автор. У него была своя концепция видения. Заказчик – Общество литераторов Франции, большая общественная организация. У них было свое представление о памятнике: Бальзак – олицетворение французской литературы, и заказчики захотели презентовать его образ руками великого французского скульптора Родена. Пока всё складывается. Зрители – это в основном французы, общество, ну и, конечно, гости столицы: это те, кто читал, знает, слышал имя Бальзака, или не слышал, или просто будет доволен, увидев эту прекрасную статую. Что получилось на самом деле? Все участники действия разошлись во мнении. Роден создал памятник. Союз писателей отказался принять скульптуру, назвав ее «бесформенной массой». Зрители разделились на приверженцев памятника (они оказались в меньшинстве) и тех, кто выступил с резким осуждением. Роден заявил, что он останется единственным счастливым обладателем этого великого произведения и вернул гонорар. Прошло время, и теперь памятник Бальзаку установлен в Париже. И зрители, и государство, и Общество французских литераторов довольны. Только раненого непониманием, насмешками, злым словом в самое сердце Родена с ними нет. Он так и не узнал, что памятник установлен.

А в общем-то, все получилось, как и задумывалось: Бальзак – олицетворение французской литературы – создан великим французским скульптором Роденом.

Е.В.: Задумывается ли художник при создании своего произведения над тем, что его произведение искусства должно решать важную социальную задачу – оказывать благотворное влияние на душевный микроклимат зрителя? Задача ли это произведения искусства?

М.А.Б.: Когда скульптор создает свое произведение, он вообще не рассчитывает ни на какое бальзамическое благотворное действие на зрителя. Он не принимает зрителя в расчет.

Может быть, и есть такие задачи, но только если перед художником они поставлены специально. На самом деле сначала создается лексикон конкретно вот этой, например, скульптурной группы: что это будет как пластическая идея? это будет вертикаль? какой будет силуэт, ритм расположения масс? скульптура будет поддерживать в своей пластике диалог с классической традицией или отрицать ее? Здесь нет ни зрителя, ни общества, ни заказчика. Художник один на один со

скульптурой. Он решает абсолютно профессиональные задачи в области скульптуры. Там никакой литературы нет.

Могу даже сказать, что когда делаются выставки и беседуют с художниками, чтобы сделать их каталог или собрать на выставке их произведения, каждый из них будет мучительно думать, как назвать свое произведение. И в конце концов знаете, чем это закончится? Очень небольшим перечнем: женский портрет, мужской портрет, лето, зима, утро, юность, любовь... – боюсь двигаться дальше, потому что почти все названия закончились: рабочий, солдат... Это говорит о том, что последняя стадия – стадия называния произведения – была ими как бы пропущена. Конечно, здесь не идет речь о конкретно поставленной задаче выполнения конкретно обозначенного образа.

А так, если это отвлеченный образ, скульптор оперирует ритмом, массой, светом, силуэтом, формой – своим профессиональным лексиконом. И тут пришел зритель, который хочет распознать сюжет. В абстракции, например, вообще сюжета нет. Как с этим быть?

Е.В.: Да, наш массовый российский зритель и вообще зритель, связанный с европейским искусством, почти всегда ищет сюжет. Восточный зритель не будет так исступленно искать литературу в произведении искусства. Люди Востока традиционно иначе воспринимают искусство – невербально и более чувственно.

М.А.Б.: Мы сами воспитываем у зрителя, я имею в виду мы – искусствоведы, вот такой очень какой-то обедненный потребительский подход. Мы не даем ему самому ни подумать, ни поразмышлять, ни поискать. Ведь человек, который делает какие-то открытия, получает массу радости и удовольствия от познания. А тут получается, что мы не даем ему подумать. Мы сами за него подумали и сказали: «Вот здесь вы видите сюжет...» – и начинаем перечислять персонажи.

Зритель пришел в музей, в котором, собственно говоря, понятных ему сюжетов и героев не так много, а уж профессиональный лексикон искусства ему почти не известен. И мы обедняем его восприятие, когда начинаем пересказывать ему сюжет.

Вспомните выставку Серова. Помните, там этикетки были очень развернутые, содержащие, кроме названия, развернутые биографические справки портретируемых. И, к сожалению, комментарии экскурсовода ограничивалось лишь пересказом этих биографий. Может быть, надо было акцентировать внимание зрителя на другом? Например, о живописи что-то сказать: «Вот здесь художник пишет...

Мария Бурганова. Гостеприимство Авраама

в такой жемчужной серой гамме.... а тут все бесцветное... и только... лицо рдеет чуть-чуть легким румянцем... И вот этот серый с розовым создают необычайную тему сдержанности, нежности. Как легок мазок. Как точно он положен...». Может быть, экскурсоводу надо было обратить внимание на живопись?

Понимаете, когда у Серова на фоне общего жемчужного колорита полотна горят один-два мазка розового и еще ярко светится совершенно чистый белый цвет на воротнике, это никакого отношения к биографии портретируемого не имеет. Это абсолютная задача живописи. И он в данном случае ее решает как профессионал. Понятно, что была задача написать конкретный портрет. Но он подумал, когда писал Орлову, про эти перья на шляпе, и про эти цветковые пятна, и про это колоссальное пустое пространство на ее голове. Биография Орловой к этому не имела никакого отношения. Он работал со своим профессиональным лексиконом, со своим личностным почерком, по которому мы узнаем, что это Серов, а не Репин. Его талант выделил именно вот эти маркеры красоты в пространстве и в колорите.

Е.В.: Согласна. Не анкетные данные я, как зритель, ищу в произведении искусства, не это мне нужно понять. Ведь художник в академическом искусстве традиционно обращается к каким-то сверхвозвышенным категориям. И когда он творит, в процессе создания какого-то произведения он из себя излучает, исходит какие-то свои лучшие мотивы, у него происходит некий эмоциональный подъем. Он этим произведением хочет что-то сказать мирозданию. Он ведет диалог с Возвышенным. И я, как зритель, через произведение искусства хочу понять механизм этого подключения к высшим материям. Мне необходимо понять и ощутить, что художник хотел донести, передать, сообщить Вселенной и что Вселенная ему ответила. Так как понимание этого диалога поможет и мне ощутить сопричастность и соприкоснуться с Вечными Ценностями.

М.А.Б.: Эмоциональное состояние художника в момент создания картины ничем не отличается от эмоционального состояния *не-художника* в такой же момент. Дилетант тоже так прочувствовал сюжет. Ярко так вспыхнул. Но у одного получилось, а у другого – нет. То есть эмоциональный подъем не критерий. Его чувственность и направление к высшим эмоциональным сферам: он возгорел, вспыхнул, – не делает его профессионалом.

Я читала сочинение одного ребенка четвертого класса, написанное в 1914 г. Вопрос там был: кем он хотел быть? И мальчик написал, что он хочет быть художником, потому что он видел, как люди в храме смотрят на образ Богородицы. Четверокласник смог описать выражение их лиц: они любовались, глядя, какое у Богородицы прекрасное лицо. Он тоже любовался этим образом, описал и как она голову склонила, и как младенец прижался к матери. Этот образ видели, конечно, все прихожане. Но кто-то увидел только религиозный сюжет. А мальчик отметил восхитительную красоту, помнил это чувство, пронес это чувство и потом, – уже находясь дистанцированно и во времени и на расстоянии от этого образа, совершенно в другой ситуации (он ведь писал школьное сочинение «Кем я хочу быть»), – смог выразить это воспоминание. У него было талант художественного чувствования и видения прекрасного в окружающем его мире.

А есть другие люди, которые очень талантливо выделяют звуки: пение птиц, ритмы речи, мелодии. У них к этому предрасположенность. И в этом они видят и чувствуют красоту и ритм. Кто-то наделен чувством к звуку, к мелодике речи,

к ритмике. Вот в этом талант. В этом можно искать чувство озарения, когда луч света заставляет играть румянец, и это становится импульсом к трактовке образа. Все остальное – профессионализм.

Но как донести это до зрителя?

Е.В.: Скульптура является пространственным видом искусства. Для нее существенным является пространственное построение в раскрытии художественного образа. Что есть, по-вашему, пространство искусства и пространство в искусстве?

М.А.Б.: Искусство – это отражение действительности. Искусство создается художником, который имманентно является очень чувствительной субстанцией. Он не понимает, он чувствует, он предчувствует. Поэтому глупо ругать художника, побивать его камнями за то, что он просто – порой неосознанно – ощущает накал окружающего пространства: его стрессовость или нежность, страх или любовь, кончину или витальность. Художник – зеркало. Но также он чувствует и то, что будет немножко впереди.

Если говорить о пространствах в искусстве, то есть разные пространства.

Есть очень гармоничные пространства. Вот общество созидает храм. Храм – это же презентация лучших гуманистических, идеалистических представлений общества, где есть и вера, и мораль, и искусства, и красота – все лучшее. И это пространство по сути своей гармонично и благотворно: оно выправляет человека. Пришел весь нервный, в грехах, в болезнях, в обидах, вошел – и вот эта гармонично выстроенная структура, эта архитектура, эти образы гармонизируют человека. Храм создается как некий идеал. И создается средствами искусства.

А есть пространства ужасные, которые тоже формируют художественные образы, созданные в их контексте. Например, студентам бельгийской Академии художеств выделили в качестве экспозиционного пространства брошенные фабрики. И они там делают свои курсовые работы. Брошенная фабрика сама есть художественный образ. И студенты делают там адекватные пространству произведения. Денег у них нет, и они еще подтаскивают всякий мусор, из которого и создают инсталляции. Сделали. Потом пришли зрителей, и что они увидели? Брошенную фабрику, внутри которой нервные рефлексирующие молодые люди выставили какие-то страшные вещи из того, что было. Общество ведь само срежиссировало эту выставку. Общество ведь не предложило им храм, не предложило создать алтарь. Общество выделило брошенную фабрику в дальнем криминальном районе. И художник в такой ситуации просто был зеркалом всей ситуации, отражением этого действия общества, отражением этого пространства с его памятью, временем, историей, которые, может быть, не видны зрителю, но ясно ощутимы художником и воссозданы им в произведении.

А у общества есть и лучшие черты, и если бы художнику дали храм – он был бы отражением его лучших черт. Если бы ему предложили не храм, не музей, а хотя бы какое-нибудь общественное здание, библиотеку. И он бы делал уже другое. Всё взаимосвязано.

Е.В.: Можно ли провести какие-то аналогии между древнерусской деревянной скульптурой и Вашими работами в дереве, представленными в Красном зале Дома Бурганова?

М.А.Б.: Это разные вещи – древнерусская скульптура и скульптура, которая находится в Красном зале. Единственное, что их роднит, – они сделаны из дерева.

Мой интерес к древнерусской деревянной скульптуре – это чисто научный, искусствоведческий, музейный интерес. Есть люди, которые говорят: «Боже, какие у них руки и ноги грубые! Вот посмотрите, как итальянцы изящно вырезают». А я вижу, что для художника, который создал этот грубый образ, это был прежде всего сакральный образ, знаковый. Он очень красиво сделал эти огромные ноги, очень архитектурно. Эта фигура хорошо стоит на этих больших ногах. Я, как художник, вижу эти ритмы. Человека, который этого не видит, интересует сюжет. В его багаже есть итальянские воспоминания об изящных ногах. И то и другое сделано из дерева, но на этом всё и закончилось.

Е.В.: Являются ли ваши скульптуры отражением чего-то?

М.А.Б.: В данном случае общество мне не предложило никакого условия. Я свободна от него. То есть в данном случае я привела в пример фабрику потому, что из всех элементов композиции, которые бельгийские студенты еще только собирались придумать, один им был уже задан обществом: это стены брошенной фабрики. Они туда пришли и начали создавать свои произведения, принимая во внимание окружение. У меня такого условия не было, собственно говоря, никогда. У меня есть мастерская, и я внутри нее просто что-то делаю. Иногда показываю это на выставке, иногда нет. Потом выставка прошла, три недели, месяц – и скульптура возвращается. Она не живет там бесконечно, как древнерусская скульптура в храмах. Практически моя работа – это размышления художника в мастерской, это его диалоги с прошлым, с настоящим, это не общественный заказ, не государственный, это творческая работа.

Е.В.: Творчество – это портрет художника?

М.А.Б.: Ну, отчасти, да, конечно. Вы смотрите и видите его образование, его воспитание, его приоритеты, его диалоги. С кем он разговаривает? Кто-то с русским авангардом разговаривает, кто-то с академическим пространством, кто-то с античностью. Мне нравится, например, такое простое формообразование. Мне нравится тот период поиска начала XX в., когда произошло расставание с академической традицией в Европе и когда живописцы и скульпторы начали активно искать новый художественный язык.

Поиск идет от простых форм. В момент поиска художник часто обращается назад, к архаике, когда земля мыслилось как куб, небо как сфера, как шар. Если посмотреть на архаичные деревянные скульптуры, видно, как хорошо, как мощно взяты формы. Шеи как цилиндры, грудные клетки как кубы, головы как шары. Они стоят по осям, руки такие настоящие, очень большие. Важны объемы, масса, форма. Вот эта возможность интерпретации, деформации пластики для подчеркивания эмоции, вот это интересная для меня тема.

Е.В.: Расскажите, как идет работа с формой в ваших произведениях?

М.А.Б.: Ну, во-первых, дерево мне во многом помогает. Приходится работать с кусками дерева и из них составлять композицию. То есть руку придется сделать отдельно, торс – отдельно. Потому что нет таких огромных деревьев, чтобы сделать целиком фигуру. Это и не нужно. Я никогда не скрываю соединительных швов. Я, наоборот, люблю оставить какое-нибудь пространство между рукой и торсом, чтобы не делать каких-то имитаций, замазывания щелей. Раз оно складывалось вот так, то пусть это будет видно и входит в часть художественного образа. И тогда, если мне нужна длинная шея, я могу ее серьезно удлинить, потому что она всего лишь формальный деревянный брусок на кубе торса. Она стоит сама,

самостоятельно, свободно. Академическую статую, конечно, так невозможно порезать или разделить на объемы – она цельная. Она есть абсолютный отпечаток, более гармоничный, более красивый, но все-таки человеческого тела. А у меня более свободное формообразование.

Е.В.: Какова роль художника в обществе?

М.А.Б.: Тут есть, знаете, какой момент... Художник как предчувствователь и прочувствователь какого-то явления, человека, явления времени, процесса. Он предлагает зрителю, условно говоря, свои очки. Он предлагает ему посмотреть на эту женщину с ребенком, как на Мадонну. Он предлагает увидеть в ней только прекрасное. Некий зритель пришел в музей с семьей, с женой, только что они орали друг на друга, ребенок плохо учится, машина не заводится, опаздывают, или еще что-то... И вот они идут мимо, а там на картине изображена похожая на жену женщина, она щека к щеке с младенцем. И у зрителя возникает какое-то другое чувство. У каждого человека есть внутри чувства нежности, гармонии. И вот эта вот сиюминутная обыденность отступает, когда он видит какие-то маркеры высокого, идеального в искусстве.

Или ему художник показывает какую-то совершенно безобразную сцену. Сколько, например, в храме мы видим безобразных сцен в композиции Страшного суда. Это же не для умиления написано – это предчувствие. Художник говорит: «Будьте осторожнее!»

Вот как-то я ехала в Петербурге. Таксист меня подвозил от вокзала в Эрмитаж на какую-то конференцию. Спрашивает: откуда, куда? Из Москвы. Вот мы едем, и он всю дорогу говорит про все плохое. Вот вы – московские... а я вот... а вы... Я вообще не отвечаю, сижу и все. И ехать-то в общем не так далеко, а он мне всё рассказывает, какие московские плохие. И как он учился в Москве, как студентом был, как женился, как пришлось им квартиру снимать. Ребенок родился. Бабушка какая-то их пустила к себе. Жили впроголодь. Хорошо, что не очень много брала. Как в институте им на пеленки собирали. И как трудно жилось тогда. «А сейчас я вернулся в свой город, и у меня здесь все есть, – говорит он, – машина у меня есть; теперь у меня уже двое детей, и они уже большие, и я уже дедушка». Он почему-то зло так говорит. И злится, что я не отвечаю ему.

Доехали мы. Небо синее совершенно. Река синяя. Дворцовая площадь такая просторная. Я говорю: «Красиво у вас. Но в нашем городе все-таки вы провели лучшие годы своей жизни. Вы там поступили в институт, влюбились, женились, у вас там родился ребенок, какие-то московские вам там пеленки собирали, денег с вас не брали в трудные какие-то моменты, с ребенком вашим эта бабушка московская сидела. Вообще-то хорошее ведь это было время. Спрашиваю его: «Сколько должна». Молчит. Думаю, разругается сейчас еще сильнее. Дверь у машины держу – не могу открыть. Пошел, открыл дверь, денег не взял, уехал.

Вот такой эпизод. Он рассказывает мне эту историю, а я – как художник – во всей этой картине просто вижу его лучшие годы, просторную площадь, Неву.

Вот иногда на выставке зритель тоже злится, что художник не отвечает. Он вьется, ругается, а произведение искусства ему не отвечает – и его это сердит, что он не понимает.

Е.В.: Получается, социальная задача художника – перенастроить сознание зрителя и художник – это камертон, который перенастраивает зрителя на какую-то другую волну?

М.А.Б.: Да, он именно камертон. И он является им помимо своего желания.

Задача художника дать импульс к его тем или иным воспоминаниям или чувствам.

Можно же создать политический плакат, условно говоря, и вызвать у зрителя чувство гнева, чувство гордости или создать какую-нибудь лирическую сцену и вызвать у зрителя чувство нежности. Инструмент художника широк.

Но зритель тоже должен потрудиться. Он пришел на встречу с произведениями искусства для того, чтобы как-то интеллектуально развиваться и эмоционально обогащаться. И речь не идет о каком-то специальном образовании.

Ребенок, который, посмотрев на Богоматерь с младенцем, увидел в ней ее нежность, или какую-то яркость, или что-то такое особенное, совсем не подготовлен. Но он увидел то, что хотел сказать художник. Чтобы увидеть это прикосновение щека к щеке совсем не надо быть образованным. Надо на одной волне с художником чувствовать.

Е.В.: Но у современных людей, особенно в условиях мегаполисов, все эмоции забиты, сплющены, на чувства не остается ни сил ни времени. Разве уставший от жизни зритель не нуждается в каком-то индуцировании чувств при контакте с произведением искусства?

Мария Бурганова. Сон

М.А.Б.: Вокруг нас нет ни одной вещи, которая была бы сделана без участия художника. Ни одной. Если только вы сами не связали себе этот шарф, условно говоря. Во всем остальном принимал участие художник, в его конечном результате. И даже над этим печеньем работал художник: была сделана форма, надпись. Художник сделал эти чашки. Дети начинают свое прикосновение к искусству именно дома, просто с чашки, которую мама ставит на стол. Она выбирает эти чашки, опосредованно осуществляется соприкосновение с искусством, с результатами

работы художников. А потом, пережив эти соприкосновения, ребенок идет в музей или на выставку – перед ним объекты, картины, скульптуры, но он уже готов их чувствовать. Он может увидеть эту чашку в натюрморте на картине: какая она белоснежная или какая она голубая. Он может увидеть снег на картинах, и он уже подготовлен осознать его цветность и, вопреки простому словосочетанию «белый снег», может увидеть его синим, желтым, розовым.

Е.В.: В музеях, работая волонтером, я сталкивалась с такой ситуацией, когда люди с порога, не заходя, мельком осматривали зал и уходили. И только когда я привлекала их внимание к какому-то произведению и начинала разговор о форме и каких-то общечеловеческих символах, они останавливались и начинали смотреть и включаться. То есть в момент этой инициации им нужна была «литература» для подключения. Но для этого там стоял человек, который им что-то говорил, который дал какой-то импульс. И меня интересует именно вот этот момент инициации зрителя.

М.А.Б.: Мы все члены одного сообщества. И это распознавание, этот код, который вы дали зрителю, – или кто-то, прочтя название, начал искать и нашел, – показывает, что мы находимся в едином культурном пространстве. И художник говорит со зрителями на одном языке. Зрители смогли распознать художественный образ, имея свой интеллектуальный фундамент. А художник нашел верное выражение, раз зрители его поняли. Единая культурная платформа – вот это и есть важная вещь. Другое дело, необходим ли некий мост между зрителем и художником, людьми и искусством, нужен ли им переводчик.

Е.В.: По моему мнению, мост нужен. Потому что, когда путем каких-то сообщений или диалогов помогаешь зрителю подключиться к этому культурно-историческому эгрегору, зритель начинает ощущать сопричастность культуре, стране, сопричастность Мирозданию, т. е. начинает ощущать себя частью вселенной. И это чувство сопричастности крайне важно, потому что оно облагораживает не только духовную составляющую личности, но и, как следствие, облагораживается весь окружающий физический мир. Я видела, как важен этот мост-диалог для очень многих людей, проходящих в музейное или выставочное пространство. И здесь возникает важный стратегический вопрос: как подключить к этому знанию не только взрослых, но и детей и подростков?

М.А.Б.: У нас это не так развито. А вот в западных музеях я постоянно вижу, как такой урок в музее выглядит. Дети приходят в музей постоянно. То есть у них культурно-образовательная норма срежиссирована так, что они все время приходят в музей.

Я знаю специальные музейные программы с заданиями для первого класса, где детям предлагают на уровне, адаптированном к их возрасту, найти все картины, на которых изображены люди. Нужно побегать, найти, прочесть фамилию автора, название картины и записать в нужную графу. И у ребенка проходит какая-то интеллектуальная работа, хоть и на очень примитивном уровне. Их учат разглядывать, связывать одно с другим, и они, возможно, кого-то запомнят из тех, кого они выписали в столбик. Я видела, как они сопят, как старательно пишут.

У нас есть такая манера: раз пришли в музей, надо весь музей быстро обойти. Вы говорите люди заходят, взглянули в зал и пошли дальше. Мы тоже когда туристами приезжаем куда-то, а у нас есть только один день, чтобы все посмотреть, а надо, например, Лувр обойти, беглый взгляд – и побежал дальше: у нас же маршрут.

А вот эти дети обосновались в одном только зале, и они в этом зале проведут час – и всё. Потом они уйдут. Они больше не пойдут в другие залы, их мозг будет настроен только на это небольшое пространство. Вот, знакомство состоялось.

На следующих этапах они уже по-другому разглядывают эти уже виденные прежде знакомые произведения. Они уже помнят имя художника и распознают, что это натюрморт, а это портрет. И потом я уже вижу старшекласников, и там идет разговор про Брегеля. Вот они сидят в этом брюссельском зале и ведут такой взрослый разговор. И я в этом брюссельском музее увидела и таких и таких: и маленьких, и старшекласников. Школа включила музей в образовательный проект. То есть школа учит их видеть, слышать, думать, разглядывать. И, конечно, они шагают дальше. Вот вы правильно сказали в начале разговора, что у нас нет такого, нашему человеку нужен навязанный сюжет. А эти рассматривают, изучают. Потом я вижу, как они зарисовывают этого Брейгеля, – по какому-то чудовищу, по какой-то фигурке, очень стараются.

Дальше я вижу совершенно другую возрастную группу, очень пожилые люди, у которых уже все: и семья, и обязательства, и работа, и трудности, и все остальное уже прожито. И вот у них есть какое-то время, и они проводят его в музее. И они сидят на таких складных стульчиках в зале и тоже зарисовывают произведения искусства, и тоже разглядывают. То есть этот музей, который создан для этого общества, живет вместе с ними. Они живут в музее, музей живет в них. У меня когда-то был текст «Общество создает музей – музей создает общество». Вот такое зеркальное название. И это правда. Это такая бесконечная цепочка. А у нас пока есть такой момент: к музею относятся как к хранилищу – собрали и положили. Этот подход немного дистанцирован от общества, поэтому, может быть, так трудно нашему зрителю рассматривать произведения художников.

К тому же сейчас появилась такая трактовка, мне она очень не нравится, в музеях говорят: «Какие услуги вы предоставляете?» Какие услуги? Или в школе теперь тоже «предоставляют образовательные услуги». Но это невозможно. Воспитание, гармонизация, произведения искусства – это не услуги совсем. Это не обслуживание никак. Это часть биографии страны, общества и каждого из нас.

Е.В.: С самого начала, с момента, когда создавались те или иные прототипы современного музея, всегда существовал некий человек с указкой, который гостям музея разъяснял значение экспонатов и давал какие-то комментарии. Как, по-вашему, должно выглядеть взаимодействие зрителя и человека с указкой в музее?

М.А.Б.: Комментатор был всегда. Общество всегда изымало из своего бытового пространства какой-то объект и переносило его в другое пространство. И этот объект всегда был связан у общества с каким-то сакральным явлением, с историческим фактом или с безусловным отражением гениального. Информация о том, что хранится в музее, должна, конечно, передаваться из поколения в поколение. И «мост» так или иначе существовал всегда, это правда. Но просто не хотелось бы, чтобы человек, воплощающий это связующее звено, видел своей задачей только пересказ биографии изображаемого. К сожалению, часто мы можем видеть именно такой подход в презентации произведений искусства.

Е.В.: Когда художник объясняет мотивы своей деятельности, объясняет свое жизненное кредо, чем он живет, то его работы начинают видиться по-другому и начинаешь понимать его видение реальности. Иногда это просто тщательное наблюдение за моделью, иногда художник в своих произведениях облагораживает

повседневную реальность и создает не социальный манифест, а провозглашает красоту простого видения.

М.А.Б.: Ну художник еще может быть беглецом от реальности. Он не хочет видеть реальность и просто уходит от нее и работает в области натюрмортного жанра или пейзажного жанра. Вот вы говорите, что художник должен исправлять что-то. Вот происходит что-то ужасное, а он пишет пейзажи, золотую осень, какой-нибудь пруд, лилии, букеты. Может быть, свое неприятие этого страха и ужаса он транслирует таким образом зрителю. И зритель через созерцание таких отрешенных сюжетов, может быть, тоже как-то отключается от ужасов реальности.

Е.В.: Расскажите про Ваши «натюрморты 3D», как я их для себя назвала. Для меня это была очень интересная коллизия, когда сюжет, традиционно создаваемый в 2D, был переведен Вами в 3D. Что это было: игра, ребус? Какую задачу вы ставили перед собой?

М.А.Б.: Знаете, есть такое мнение, что ряд тем для живописи и графики возможен, а для скульптуры невозможен. Очень часто говорят: «Ну как пейзаж или натюрморт в скульптуре сделать?» Но почему это невозможно? Почему нельзя пейзаж или натюрморт сделать средствами скульптуры? И возникли «Шепот травы», «Летний вечер» и другие работы.

Объекты окружающего нас мира в своей первооснове трехмерные. То есть натюрморт в первооснове трехмерный. И на самом деле эта тема натюрморта интересна для скульптора, так как она нечасто делается. И вот она меня заинтересовала.

Есть у меня один натюрморт – «Гостеприимство Авраама». Он, собственно, был первый в этой серии натюрмортов. И дальше уже от него пошли другие натюрморты. Сначала я не конкретно натюрморт делала. Это изображение Святой Троицы. Я пыталась средствами скульптуры сделать *неизобразимый* объект. Я решала задачу: можно ли изобразить неизобразимое? Ведь Господь неизобразим, Он предстал в виде трех Ангелов. И я, рассчитывая на узнавание, подумала, что зрители ведь тоже знают этот сюжет: они читали Ветхий Завет, они знают, что пришли три Ангела, сели за стол... Этот сюжет многократно изображен в иконах, и я решила изобразить его в скульптуре. С условием, что Ангел неизобразим – у него нет плоти, он состоит из звука и света. И я решила так: изображу пространство этого события – и все поймут, что это Троица пришла.

Конечно, у меня есть и иерархия величин фигур, как в иконописи: когда сидят главные, то они огромные, остальные присутствующие – маленькие, а уж тот, который тельца забивает, он вообще никакой не святой персонаж, он совсем маленький. Поэтому я решила, что он совсем маленький будет где-то в основании стола, на земле. Потом начинается сам стол, и виден только один его сегмент, потому что остальная часть, если Ангелы облокотились или руки положили, эта часть уже отсутствует, и я не могу ее изобразить. Но как показать, что они присутствуют? И я изобразила эту взлетевшую, вздымающуюся скатерть, которая и показывает колыхание воздуха от присутствия Троицы. И вот из этих элементов сложилась композиция. И дальше я начала прикидывать, как смотрится силуэт: как справа, как слева, насколько вертикаль будет уравновешена горизонталью, вот диагональ пошла – это их складки, виден ли будет этот юноша и эта сцена заклания тельца, как она будет видна сверху. У юноши огромные руки, у него нет тела почти, нога только одна видна. Но действие-то понятно, понятно, что он делает: у него нож,

телец. Понятно, что не обязательно вторую ногу изображать. Вот так я расставалась с частями его тела, с частью стола, это не надо, это не надо. Вот так это было.

Е.В.: Как долго длился процесс придумывания идеи этого произведения?

М.А.Б.: Я придумываю как-то сразу, потом я долго это прорисовываю, у меня то времени нет, то материала нет, то еще чего-то нет. И вот я без конца возвращаюсь к этой теме. Я на каких-нибудь полях, на бумажках без конца возвращаюсь и возвращаюсь. Потом я отвлекаюсь, что-то делаю – и опять могу что-нибудь там уточнить. Скульптура ведь как делается? Сначала делается эскиз. Если это дерево, то очень часто эскиз не делается. Под бронзу, конечно, нужен эскиз. А для дерева – прямо сразу кусок подтаскивается. Но сцену заклания я слепила, была модель. А все остальное так ставилось. У меня был большой плоский кусок дерева, и я думала, что мне нужно сделать эту скатерть. И вот эта скатерть как кусок натюрморта сначала у меня все время лежала, ведь скатерть она у всех лежит. Я ее сдвигала как-то. Потом, когда я ее поставила вертикально, вопрос решился. То есть когда вы работаете с таким материалом, как дерево, все происходит в какой-то тактильный момент – это не придумывается абстрактно.

Е.В.: А сколько времени занял весь процесс от первичной задумки до реализации этой скульптуры?

М.А.Б.: Год, может быть. Да, где-то год. Потом, вы знаете, скульптура живет своей жизнью.

Вот, например, сзади вас стоит скульптура. У меня была мысль сделать такую вазу как образ – *Вазу-Женщину*. В нее кладут яблоки, вынимают яблоки, кладут и вынимают, и ей уже 100 лет, а она все равно стоит и ждет этих фруктов, ждет наполнения и забирая. В момент, когда эта скульптура делалась, от нее что-то откололось, и я подумала: какая удачная мысль. Ваза за годы разбилась, треснула, поэтому сделаю-ка я осколки и руку, которая будет соединять эти осколки. И дело пошло дальше.

Дерево все-таки колкий материал, но я не унывала. Я думала: все правильно, все движется само собой. Даже хорошо, будут видны яблоки внутри вазы, и я еще сверху салфетку положу. Мне нравятся складки. Но потом все пошло иначе. Образ уже сам начал жить какой-то своей жизнью, и из простого натюрморта он начал превращаться во что-то другое. Потом еще откололся кусок. И от первоначальной идеи осталось мало. То есть видите, материал сам двигал меня туда, сюда. И вот так получилось, – ну, вообще-то немножко не то, что я изначально предполагала.

Но это довольно часто бывает. Во всяком случае с деревом. Я придумываю какую-то вещь, а потом оказывается, что этот кусок великоват, этот маловат. Я подтаскиваю материал и стою, смотрю...

Е.В.: В центре Красного зала стоит очень экспрессивная скульптура арфистки. О чем она?

М.А.Б.: Там реализованы абсолютно низменные, обычные правила скульптуры: есть силуэт, статика, динамика, масса. Там решалась абсолютно профессиональная задача. И она со всех точек смотрится. Я хотела сделать просто большую арфистку. Такую аллегорическую

*Мария Бурганова.
Арфистка*

музыки. И чтобы в этой аллегории музыки сам музыкальный инструмент присутствовал. Я его сделала из огромной чугунной станины рояля с натянутыми струнами. Там был сложный инженерный расчет, потому что Арфистка своими деревянными руками поднимала над головой деталь колоссальной тяжести. Потом эта арфа оказалась не нужна: перегружала композицию, отвлекала от Арфистки. Пришлось убрать. Собственно, музыкального инструмента теперь там нет, он эфемерен, и зритель может додумать любое. Гораздо более ценным оказалось то, что арфистка извлекает звук как бы из окружающего пространства. Она как бы играет на гораздо более величественной арфе.

Е.В.: Может быть эти слова, раскрывающие смысл образа, и есть ключ к контакту зрителя и художника? Я думаю, что если бы зритель услышал или прочел такую авторскую трактовку произведения, то произошло бы подключение.

М.А.Б.: Возможно.

Давайте подведем итог беседе. Мы точно все сошлись на мнении, что некоторые развернутые комментарии необходимы. Не описательного характера. Это должно быть дополнением к произведению искусства, которое обогащает его. Которое решает задачу создания некоего полифонического пространства вокруг произведения искусства. И нужно, чтобы в этом пространстве были и разговор о первичных замыслах, и чувства художника, и комментарии профессионала. В результате восприятие зрителем работы художника станет более емким и многогранным.

Е.В.: Мария Александровна, большое спасибо за беседу!

2017

Интервью провела и подготовила к публикации:

Екатерина Владимировна Венедиктова,
магистрант
МГХПА им.С.Г. Строганова

Ekaterina V. Venediktova,
Graduate Student
Moscow State Stroganov Academy of Industrial and Applied Arts
face-on@mail.ru

INTERVIEW WITH MARIA BURGANOVA

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

Д.Б. Никуличева

Чекалина Е.М. Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. М.: МАКС Пресс, 2017. 196 с.

Ключевые слова: шведский язык, функциональная грамматика, прагматика, семантическое варьирование, аспектология, контрастивная типология

Key words: Swedish language, functional grammar, pragmatics, semantic variation, aspectology, contrastive typology

Жанр опубликованной в этом году книги известного отечественного скандинависта Елены Михайловны Чекалиной своеобразен. С одной стороны, это сборник статей, поскольку формально в него вошли 12 отдельных публикаций по грамматике шведского языка, изданных автором за последнее десятилетие (с 2006 по 2016 г). С другой стороны, в силу того что сборник создан одним автором и посвящен четко очерченной проблематике, его можно было бы назвать «Очерки по функциональной грамматике современного шведского языка». Однако и жанр фрагментарных «очерков» не совсем отвечает специфике рецензируемого труда, приближающегося по стройности концепции, глубине охвата языкового материала и широте межъязыковых сопоставлений к целостной научной монографии.

Концептуальным стержнем рецензируемой работы является глубокое исследование характерных для шведского языка явлений вариативности в выборе языковых средств выражения релевантных для шведской языковой культуры прагматических смыслов.

Сборник открывается статьей, имеющей обобщающий характер. В ней на широком грамматическом материале демонстрируется, что различие в выражении установки говорящего связано с передачей его объективного либо субъективного взгляда на вещи. Обусловленное этим прагматическое варьирование особенно наглядно и системно проявляется в тех случаях, когда в шведском языке имеется грамматическая синтетическая форма определенной семантики и близкая ей аналитическая форма.

Во всех дальнейших статьях автор последовательно показывает, что существующая формальная вариативность не случайна, а служит средством семантической дифференциации. При этом убедительно доказывается однонаправленность вектора этой семантической дифференциации. В основе ее лежит противопоставление субъективации и объективации высказывания, когда за счет грамматических

(и не только!) языковых средств носитель шведского языка получает возможность представить свое высказывание или как актуальное, перцептивно и/или концептуально близкое говорящему, или, напротив, как дистанцированное и, таким образом, представляемое в объективированном виде.

Такой подход позволяет дать целостное объяснение множеству фактов функционально-семантической вариативности, как, например, использование форм перфекта или претерита для описания прошлых событий, выбор форм аналитического и синтетического пассива, варьирование форм презентного и аналитического выражения будущего времени (с *komma att*), колебание между презентным и претеритальным выражением эмоциональной оценки. Варьирование именных категорий – например, выражение неопределенности посредством либо неопределенного артикля, либо неопределенного местоимения – также связывается с противопоставлением актуальности (близости) / неактуальности (дистанцированности) сообщаемого с точки зрения говорящего, точно так же как и варьирование в выборе либо притяжательного, либо возвратно-притяжательного местоимения. Использование указательных местоимений с артиклевой / безартиклевой формой существительного также получает объяснение вследствие противопоставления прагматической близости / дистанцированности, как и множество других грамматических явлений, анализируемых в разных статьях сборника.

Цельносистемный подход к анализу языковых явлений проявляется в книге в том, что автор выходит за рамки грамматического варьирования, неоднократно показывая, что противопоставление, на первый взгляд, синонимических словообразовательных моделей подчинено тому же прагматическому принципу (как, например, наречные дубликаты на *-t* и на *-ligen*).

Феномен языкового варьирования осмысливается как пронизывающий всю систему языка в целях дополнительной смысловой дифференциации, как, например, варьирование сильного и слабого спряжения одного и того же глагола для противопоставления прямого и переносного, переходного и непереходного значений или смысловое варьирование композитных основ с соединительной морфемой и без нее.

В центре внимания везде находится шведский язык, с изучением и преподаванием которого на филологическом факультете Московского университета связана вся научная биография автора. Вместе с тем важным аспектом изучения семантического варьирования в шведском служит его сопоставление с соотнесенными явлениями в русском языке. Так, субъективная и объективная интерпретация событий в скандинавских языках сопоставляется с видовыми противопоставлениями русского глагола, выявляются функциональные особенности категории возвратности в русском и шведском языках, анализируются варианты перевода шведских неопределенно-личных конструкций на русский язык.

Все наблюдения и выводы подкреплены глубоким анализом обширнейшего материала, в первую очередь, тщательным анализом примеров из художественной литературы. В орбиту обсуждения вовлекается широкий круг исследований шведских лингвистов по обсуждаемой тематике, взгляды которых автор успешно синтезирует и развивает применительно к собственной грамматической теории.

Теоретические и практические результаты исследования, предложенные в книге Е.М. Чекалиной, будут востребованы как преподавателями и изучающими шведский язык студентами, так и другими скандинавистами, а также специалистами в области грамматической типологии языков мира.

Сведения об авторе:
Дина Борисовна Никуличева,
докт. филол. наук
профессор
гл. научный сотрудник
ИЯз РАН,
профессор
кафедра скандинавских, финского, нидерландского языков
МГЛУ

Dina Nikulicheva,
Doctor of Philology
Professor
Leading Researcher
Department of Germanic Languages
Institute of linguistics, RAS,
Professor
Moscow State Linguistic University
nikoulitcheva@yandex.ru

**CHEKALINA E.M. SEMANTIC ASPECTS OF SWEDISH GRAMMAR:
A SYSTEMIC-FUNCTIONAL AND CONTRASTIVE-TYPOLOGICAL ANALYSIS.
MOSCOW. MAKSPRESS, 2017. 196 p.**

Т.Н. Белова

«Литература русской эмиграции»: подводя итоги

В 2016 г. на филологическом факультете чешского университета им. Палацкого (Оломоуц) был подготовлен и вышел в печать сборник докладов участников XXIII Международной научной конференции «Оломоуцкие дни русистов» (2015 г.), главной

темой которого стала литература русской эмиграции как первой волны, так и следующих волн послевоенного периода¹.

Целью конференции, по словам главного редактора сборника, известного чешского ученого З. Пехала, явилась весьма актуальная проблема – современное состояние изучения литературы представителей русского зарубежья, как и различных форм и структур их объединения, определение статуса эмигранта, а также оценка духовной и политической деятельности литераторов русской и, в целом, славянской эмиграции.

Сборник открывает обстоятельная обзорная статья польского исследователя Б. Кодзиса «Литература русской эмиграции в современной критике. Итоги и перспективы изучения». В ней подводятся основные итоги исследования литературы русского зарубежья за последние четверть века в России, Польше, Болгарии, Чехии, Франции, Германии, а также дается информация о новых научных центрах в Греции, Италии, Израиле, Турции, Эстонии и других странах.

В ней четко обозначены четыре главных этапа изучения литературного наследия русской эмиграции, вызванных резкими изменениями общественно-политической обстановки в Европе, как-то: Октябрьская революция в России, I и II Мировые войны, распад СССР; охарактеризована научная деятельность как российских, так и зарубежных ученых во Франции, Германии, Польше, Чехии, Болгарии. Справедлив вывод автора статьи о том, что, несмотря на обилие и разнообразие существующих научных работ, литературное наследие русской эмиграции всё же недостаточно хорошо изучено за исключением творчества самых известных писателей. Однако, по его мнению, свой вклад в устранение существующих «белых пятен» в этой сфере сможет внести созданная 2013 г. Комиссия славянской эмигрантологии, в составе которой десятки русистов из разных стран, а также печатный орган Комиссии «Emigrantologia Słowian», главным редактором которого

¹ Литература русской эмиграции / Под ред. З. Пехала. Olomouc, 2016. 236 с.

является сам Б. Кодзис. По его словам, первый номер этого журнала готовится к печати в Польше. Статье предпослана обширная библиография трудов исследователей литературы русского зарубежья на русском, болгарском и польском языках¹.

В статье Н.С. Гордиенко, зам. директора Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства в г. Минске, «Белорусская эмигрантология 2004–2014: темы, проблемы и перспективы» рассмотрены как успехи в изучении белорусского зарубежья, так и объективные факторы, мешающие полноценным научным изысканиям. В частности, в стране нет специальных структур, систематически изучающих проблемы эмиграции, за исключением общественных, как и отдельных ученых-энтузиастов. По словам исследовательницы, проблемы белорусской эмигрантологии «не вписываются в идеологию белорусской государственности» (с. 32), а потому исследовательские центры вынесены за географические рамки страны – в частности, это Белорусский институт науки и искусства, находящийся в Нью-Йорке, как и Объединение белорусов мира «Бацьковщина», где публикуются до 50% трудов по эмиграции; 25% публикуются в Литве и Польше – там же находится интеллектуальный центр белорусской диаспоры. Как считает автор, изучение крайне затруднено тем, что исследователи белорусской эмиграции не имеют доступа к собраниям белорусских эмиграционных документов в США, Канаде, Великобритании, не обладают финансовой и институциональной поддержкой, а также, к сожалению, у них отсутствуют контакты с учеными западных стран.

Представленная читателю картина, на наш взгляд, отличается объективностью анализа и наглядностью изложения материала о критическом состоянии эмигрантологии в Белоруссии.

Об оценке творчества русской литературной эмиграции в межвоенной Чехословакии известными чешскими славистами и русистами А.А. Врзалом и Й. Йирасеком пишет в своей статье маститый чешский ученый Иво Поспишил. Он считает, что проблемы научной и литературной эмиграции (или иммиграции) – это коренной вопрос современности, когда исходная культурная и ментальная структура эмигрантов тесно связана с рецепцией воспринимающей среды и весьма зависима от нее. В этом процессе исследователь выделяет разные реакции «гостей» и «хозяев», их взаимосвязи и разногласия, проблемы приспособления, интеграции, ассимиляции, инерции и резистентности. Так, А.А. Врзал (1864–1930) начал переводить произведения русских писателей и переписываться с ними еще в начале 1890-х гг. Среди его корреспондентов были А.П. Чехов, В.Г. Короленко, А. Эртель, Б. Зайцев, А. Скабичевский, М. Горький и др. Однако он отказался от перевода произведений знаменитых русских писателей в пользу Н.С. Лескова,

¹ К сожалению, труды российских ученых в указанной библиографии в основном ограничиваются 1990-ми гг. и редко выходят за пределы начала 2000-х гг., хотя за последние годы в России вышло немало серьезных научных работ по изучению наследия русского зарубежья, в частности: Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.): Аннотированная библиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 96 с.; История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.): Учебник для вузов. М., 2011. 706 с.; *Злочевская А.В.* Художественный мир Владимира Набокова и русская литература XIX в., 2002. 240 с.; *Леденёв А.В.* Набоков и другие: Поэтика и стилистика Владимира Набокова в контексте художественных исканий первой половины XX века. М.; Ярославль, 2004. 255 с.; *Сорокина В.В.* Литературная критика русского Берлина 20-х годов XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 328 с.; *Шешкен А.Г.* Русская и югославская литературы в свете компаративистики. М., 2003 (о вкладе русской эмиграции в развитие русистики в Югославии см.: стр. 8–17); *Шешкен А.Г.* Значение «Русского Белграда» для развития русско-сербских связей XX века // *Studa Rossica III. Literatura rosyjska na emigracji: Materiały konferencji naukowej (9–10 listopada 1995).* Warszawa, 1996. S. 111–120.

М.Е. Салтыкова-Щедрина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, В.Г. Короленко, В.М. Гаршина и др., которые в ту пору не были известны чешскому читателю.

Он также является автором историко-литературного труда «Обзор истории новой русской литературы» (1926), в которой дана оценка не только русского модернизма и новой советской литературы, но и произведений русской литературной эмиграции (И. Бунина, Д. Мережковского, И. Шмелева, П. Струве). Автор статьи представляет читателю этого исследователя как независимого, объективного и постоянно отстаивающего свою точку зрения, заключающуюся в том, что современные писатели обязательно вернуться к русской религиозной и нравственной традиции, «возобновят ее преемственность» (с. 159).

Книга другого историка русской литературы – Й. Йирасека – «Обзор истории русской литературы» (1945; в 4-х томах) сыграла, по мнению Поспишила, очень важную роль «в формировании представлений широкой чешской общественности о русской литературе» (с. 159), хотя в ней присутствовали и существенные недостатки: эклектизм, излишняя популяризация, фактографизм. Однако он правильно оценил огромное значение русской и советской литературы для жизни русского народа. И хотя оба историка используют совершенно разные критерии в оценке русской и советской литературы, основанные на их столь непохожем мирозерцании, их объединяет, по справедливому замечанию критика, «пространственное видение литературы как продукта национальной жизни» (с. 161), что очевидно и для русской литературной эмиграции первой волны, изучая которую оба они демонстрируют свой несомненный скепсис по отношению к возможности дальнейшего развития русской литературы в эмигрантских рамках.

Статья Иво Поспишила отличается прежде всего новизной подачи материала, глубокой аналитичностью; она затрагивает самые насущные проблемы современности, связанные с ломкой экономических и политических систем, вынужденных выдерживать натиск новых эмигрантов – выходцев из Азии и Африки, внутренне дифференцированных от жителей Европы с точки зрения этноса, религии, культуры и т. д. Статье предпослана солидная библиография его собственных работ по теме исследования, а также трудов А.А. Врзала, Й. Йирасека и ряда других русистов, упомянутых в ней.

В работе чешской русистки Я. Костинцовой «Зачем мы здесь? Голос молодых поэтов русской Праги в дискуссиях о смысле эмиграции» исследуется литературная жизнь деятелей первой волны русской эмиграции в 1920–1930-е гг., а также представления о миссии русской эмиграции в статьях Г.П. Федотова, З. Гиппиус, В. Лебедева, В. Набокова, А. Эйснера и других – «нести наследие культуры», защищать традиции русской литературы, воспитывать будущие поколения России, «учиться свободе», изучать европейскую культуру и литературу, быть открытыми по отношению к ней и интегрироваться в этой области. К сожалению, голоса пражских поэтов В. Лебедева и А. Эйснера (из пражского объединения «Скит поэтов») хотя и прозвучали в статье, однако большая ее часть – это высказывания представителей берлинской и парижской эмиграции, а также современных исследователей: российского набоковеда А.В. Леденёва и американского специалиста по русскому Парижу Л. Ливака. Вместе с тем акцент на творчество и взгляды пражских поэтов, которые выбрали свой собственный путь и внесли свой вклад в развитие русской эмигрантской мысли, – важная составляющая часть этой работы. Знакомство с ними обогащает наши представления о русской эмиграции в Праге.

О малоизвестном поэте-младоземigrante В. Андрееве (сыне Л.Н. Андреева), чья проза и поэзия практически не изучены, пишет российская исследовательница О. Дашевская в статье «Автобиографический миф в поэтическом творчестве Вадима Андреева».

Она считает, что структурно-семантической основой его поэзии является автобиографический миф – история возвращения блудного сына, которая возникает в поэме «Возвращение» (1936) и завершается в тексте поэмы «Обетованная земля» итоговой книги «На рубеже» (1977). Исследовательница подробно рассматривает пушкинско-лермонтовско-блоковские аллюзии, благодаря которым развивается автобиографический миф о поэте как изгнаннике, мечтающем вернуться в Россию – на «землю обетованную», а также концепт «мифологема зерна»: поэт возвращается в историю русской культуры «по законам органического произрастания» – в результате его «физическое» невозвращение на родину оборачивается его духовным возвращением. Эта доминанта сознания, как справедливо констатирует О. Дашевская, доминанта взаимоотношения с Россией, и отличает поэта от других младоземigrантов. Ее работа содержит тонкий и точный анализ поэзии В. Андреева, вскрывает ее глубинную связь с поэзией метрополии и показывает тесную связь образной системы поэта с его мировоззрением, облеченным в форму автобиографического мифа.

Оригинальный взгляд на поэзию некоторых представителей русской эмиграции, в частности С. Чёрного, И. Чиннова, В. Набокова, Н. Тuroверова и др., представлен в статье отечественной исследовательницы Н. Осиповой «Пассеизм в системе художественной онтологии поэзии русской эмиграции». Критик находит истоки пассаистического сознания поэтов эмиграции еще в дооктябрьской русской культуре – это традиции Серебряного века: мирозерцание ретроспективного символизма, дополненное чисто эмигрантским эскапизмом в идеализированное прошлое, своеобразный «потерянный рай», который включен ими в систему автобиографического текста, – это идиллия «усадебного мифа». Однако враждебная эмиграции реальность, как справедливо отмечает автор, постоянно соотносится с идеализированным прошлым по принципу палимпсеста: эпохи «просвечивают» в тексте повествования, преломляясь в авторском сознании, создавая «трагическую идиллию», «двойной хронотоп». Убедительным представляется и вывод исследовательницы о том, что в творчестве представителей более поздних волн эмиграции «пассеизм изживает себя как тип мировосприятия – постмодернизм перевел его на уровень пастишизации и иронии» (с. 113).

В статье чешской исследовательницы Г.А. Косых «Ю.К. Терапиано – «историограф» русской литературной эмиграции» рассматривается творческое наследие этого поэта, прозаика и критика русской литературы с точки зрения на него как на «летописца» эпохи русского литературного зарубежья. Являясь представителем «незамеченного поколения» литераторов русской эмиграции, разделяя эстетические предпочтения «парижской ноты» и будучи председателем Союза молодых поэтов и писателей, он отдал много сил, чтобы иметь возможность помочь молодому поколению писателей и поэтов реализовать себя, участвуя в литературных собраниях и объединениях, встречах, дискуссиях, спорах. Кроме того, в своих эссе, воспоминаниях, письмах, критических статьях, литературных портретах и книгах (например: Встречи. Н.-Й., 1953) он раскрывает незабываемую атмосферу существования первой волны русской эмиграции в Париже (1924–1940 гг.), что довольно подробно

описывает в своей статье Г.А. Косых, говоря о вкладе Ю. Терапиано в историографию «парижского» периода русской литературной эмиграции.

Новую страницу в изучении литературы русской эмиграции открывают российские исследователи А.А. и А.П. Забияко в статье «Стереотипы мышления и ментальность дальневосточного фронта в художественном сознании писателей-эмигрантов (Н.А. Байков и П.В. Шкуркин)». На примере произведений указанных писателей ими в значительной мере раскрываются специфика и особенности воплощения ментальности дальневосточного фронта – новой контактной зоны в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XX в. Начиная с середины XIX в. там происходило постоянное межэтническое взаимодействие русского и китайского, корейского и тунгусо-маньчжурского населения, в результате чего сформировались психологические, культурные и языковые границы этнической совместимости этих народов, что нашло свое отражение в литературе дальневосточного зарубежья. Исследователями рассмотрены особенности фундаментальных образов тамошней ментальности, как-то: образа пространства и времени, образа «нестрашного Китая»; охарактеризованы образы и новый тип русских дальневосточного фронта, образ писателя-исследователя и т. д.

Эти проблемы, рассмотренные в статье, еще более полно и подробно исследуются в книге «Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта» (2015) на материале творчества писателей-эмигрантов разных поколений, что в значительной мере позволяет стереть «белые пятна» в исследовании фронтирной специфики художественной эмигрантологии Дальнего Востока.

Польская исследовательница А. Зывэрт в статье «Образ России и Америки в творчестве Юрия Дружникова», анализируя целый ряд его произведений, написанных как еще до эмиграции в США, так и после, приходит к выводу, что образ России в них «с ходом времени не подвергается качественным изменениям», в то время как образ Америки, вначале идеалистический и глубоко субъективный, стремится к объективности, становясь «более широким и многоаспектным» (с. 75). Собственный убедительный анализ исследовательницы и привлечение работ других польских и отечественных ученых (Л. Суханека, А. Мальской, В. Ольбрых, Л. Звонаревой, Л. Аннинского) доказывают, что ее выводы справедливы и объективны, и подобная эволюция образа Америки в менталитете русского эмигранта в 1970–1980 гг. оказывается весьма типичной.

Целый ряд статей сборника посвящен творческому наследию крупных писателей русского зарубежья (И. Бунина, В. Набокова, М. Цветаевой, З. Гиппиус, Н. Берберовой).

Так, чешский русист О. Рихтерек в своей работе поднимает актуальную проблему восприятия у себя на родине поэзии и прозы И. Бунина, произведения которого стали известны в чешской культурной среде в 1920–1930-е гг. Переводы его произведений на чешский язык – как прозы, так и поэтических сборников – насчитывают 26 изданий начиная с 1935 г., когда вышел перевод его романа «Жизнь Арсеньева». Исследователь считает, что в послевоенное время (в 1950–1960-е гг.) в Чехословакии существовали весьма противоречивые подходы к оценке значения творчества писателя в истории русской литературы в связи с политическими причинами и его разноречивой оценкой в СССР. Однако тот факт, что Бунин весьма самобытным способом продолжил художественные традиции русской классики и обогатил чешское восприятие русской культуры поэтическим изображением

ем менталитета писателя-странника в водовороте мировой войны и революции, а затем ввергнутого в зарубежную реальность, по мнению О. Рихтерека, до сих пор привлекает внимание и читателя, и переводчика. Исследователь справедливо отмечает, что писатель и в атмосфере зарубежной эмиграции сохранял в своих произведениях «русские корни», родную природу, русскую действительность, психологию русского пространства, атмосферу русского быта и русского менталитета своих героев. По его мнению, почти весь творческий путь писателя представляет собой «симбиоз» прозы с «поэтическим зрением» (с. 170); в ней чувствуется присутствие «поэтической оптики», «поэтического подтекста» (с. 172). И, анализируя фрагменты ряда талантливых переводов поэзии и прозы Бунина на чешский язык (И. Славика, Я. Кабичека, Я. Забрана, Т. Гашковой и др.), О. Рихтерек доказывает, что бунинское «поэтическое зрение», присутствующее и в его всемирно известной прозе, его «художественное завещание» бережно сохранено и передано в чешских переводах «высокоэквивалентным способом» (с. 169). На наш взгляд, удача приведенных в статье фрагментов талантливых переводов кроется еще и в удивительном созвучии слов русского и чешского языков, успешно подобранных переводчиками, что, думается, абсолютно невозможно в переводах на неславянские языки. Статью отмечает высокий исследовательский профессионализм, страстная увлеченность автора творчеством Бунина и глубокое проникновение в поэтический мир его произведений.

Четыре статьи сборника поднимают и успешно решают некоторые малоизученные проблемы творческого наследия В. Набокова. Свежий взгляд на конфликт «своего» и «чужого» в романе «Машенька» представил известный чешский ученый З. Пехал. В отличие от Ю. Левина, который в романе Набокова усматривает два противопоставленных мира – мир «родного дома» и мир «чужбины», автор статьи считает, что эти миры не только не изолированы друг от друга, но взаимно переплетены; исследователь справедливо подчеркивает их «беспрерывную взаимосвязь», «плодотворное взаимодействие», «взаимную смысловую событийность» (с. 118). Именно благодаря этому из «своего» и «чужого», по его мнению, и рождается возможность для главного героя романа Л. Ганина резко изменить свою судьбу – уехать из Берлина «в никуда». В конце романа Ганин решает без визы перейти границу с Францией и добраться через Прованс до моря, порвав с постылой жизнью в Германии. Критик справедливо рассматривает его неожиданное решение как свободный творческий акт: тем самым, по его мнению, герой «внес в роман идиллии и гармонии прошлого иронию» (с. 119), с чем также можно согласиться.

Неожиданный ракурс исследования содержится и в статье российского набоковеда Е. Полевой «Функции писательства в самоопределении героя романа В. Набокова “Приглашение на казнь”». Интерпретируя эволюцию позиции главного героя романа Цинцинната Ц. в его предсмертных записках, исследовательница пишет о безуспешных попытках героя выразить свое «я» в их тексте, а также спасти себя и свои записи от уничтожения. Однако, по ее мнению, ему это не удастся, но автор романа в знак уважения дарует ему бессмертие – как человеку, достойно принявшему смерть и «обретшему в том числе через писательство» экзистенциальное (неутопическое) сознание (с. 142), разделяя в какой-то мере точку зрения В. Ерофеева и полемизируя с В.Е. Александровым, который в книге «Nabokov's Otherworld» (1991) успешно доказал, что во всех романах писателя,

как правило, присутствует категория потусторонности. Поэтому протагонисты его романов: Цинциннат Ц., Ф. Годунов-Чердынцев, А. Круг, Дж. Шейд – явно ощущают «сквозняк потусторонности», т. е. очевидное существование инобытия на другом трансцендентном уровне. Обретение героем истинного мира после его физической смерти и гибель недолжного мира масок и человеческих пародий и является, на наш взгляд, пафосом данного романа.

В этой связи читательский интерес представляет и статья И. Шатовой (Украина) «Карнавальные и гротескные формы в романе В. Набокова “Лолита”», которая подробно проанализировала разнообразные группы подобных форм, как-то: люди-автоматы, манекены, куклы-марионетки; люди-клоуны, шуты, арлекины; в романе также присутствуют зооморфные гротескные образы, гротескные метаморфозы; монстры и фантазмы Гумберта; двойники, маски; словесные гротески, а также гротескно-фарсовые эпизоды и гротескные деформации. Как справедливо отмечает автор статьи, все они – проявление обостренных, напряженно-эмоциональных состояний героя, атрибут его «извращенно-адского безумного мира» (с. 217). Действительно, этот мир «лиловой и черной Гумбрии» очень далек от реалий настоящей американской жизни, так же как и мир мировой литературы и искусства, который тоже нашел свое отражение в произведении, – это мир разветвленной интертекстуальности, придающей роману Набокова эмоциональную насыщенность и поэтическую выразительность. Как раз наоборот, он тесно связан с упомянутыми автором двойниками и словесными гротесками в романе, о чем надо было хотя бы упомянуть в статье.

Наконец, четвертая статья сборника – это глубокий сравнительный анализ критической мысли В. Набокова и Ю. Айхенвальда, предпринятый набоковедом из России А.В. Злочевской. Она подробно исследует субъективно-импрессионистический метод Ю. Айхенвальда, который тот противопоставлял методу «реальной критики», его шеллингианско-гегельянские истоки и его недостатки и считает, что хотя эстетика Набокова очевидно коррелирует с его субъективной критикой, между ними есть и существенные различия относительно роли бессознательного в творческом процессе, имманентного метода анализа сотворчества автора и читателя, а также метода «остранения», поскольку Набоков соединяет два принципа критического анализа: формалистический и субъективный. Статью А.В. Злочевской отмечает аналитичность подхода, великолепное знание русской критики XIX в. и профессиональное владение материалом исследования.

Две статьи посвящены творческому наследию М. Цветаевой периода эмиграции. Так, японский исследователь Синъити Мурата увлеченно и успешно анализирует драматургию метафоры в ее стихотворных пьесах «Ариадна» и «Федра» – соединение и слияние звукописи и метафоризма с целью выявления своеобразия ее художественного неосинкретизма. А М. Полехина (Россия) рассматривает авторские коннотации поэтессы в концептуальной картине мира чешского периода. В ее содержательной статье показано, как с изменением системы ценностных установок в 1922–1925 гг. происходит напряженный поиск поэтессой новых форм художественной выразительности. В центре художественной концептосферы М. Цветаевой концепт «чужбина», объединяющий также такие важные концепты, как «жизнь», «смерть», «любовь», «судьба», «творчество», «земля», «роди-

на», «путь», «финал», «конец», «гибель», «небытие» и др. М. Полехина весьма плодотворно исследует данные ключевые концепты в поэзии М. Цветаевой как философско-эстетические феномены, имеющие социо-психическую природу и нравственно-этическую значимость, раскрывая особенности авторского художественного сознания, его самоаффектацию, тем самым демонстрируя новые грани литературного дарования русской поэтессы.

Две статьи сборника связаны с творческим наследием З. Гиппиус. Российский исследователь В.А. Поздеев скрупулезно анализирует психологию детского «страха и удовольствия» в рассказах З. Гиппиус 1920–1930 гг. Он считает, что обращение к теме детства и отрочества писателей-эмигрантов в те годы было вызвано тоской по Родине, а художники Серебряного века воспринимали детство в качестве главного нравственного ориентира, точки опоры как в судьбе отдельного человека, так и целого народа (с. 129). Исследователь рассматривает целый ряд рассказов З. Гиппиус об эмоциональном состоянии детей, многие из которых, по его мнению, автобиографичны. Он приходит к закономерному выводу, что мир чувств ребенка многогранен, амбивалентен, очень изменчив; в нем присутствует символистское двоемирие – «страх и удовольствие», постоянно раскрываемое в духовных, социальных, морально-нравственных конфликтах ребенка (подростка) с окружающим миром.

Другая отечественная исследовательница Н.В. Шкурина подробно анализирует взаимодействие речевых жанров (дневниковых записей и воспоминаний) последней главы книги «Эмиграция» З. Гиппиус, охватывающей 1917–1920-е гг. Книга вышла в Париже в 1951 г. По мнению автора статьи, ожидалось, что контаминация двух речевых жанров придаст главе, с одной стороны, обращение к глубоко личным переживаниям, а с другой – «приглашение» читателя к сопереживанию личным обстоятельствам. Однако, как оказалось, воссоздание картин прошлого отличается «ярко выраженным эгоцентризмом» (с. 222). Вместо книги о муже – Д.С.Мережковском – получилась книга о себе, так как большинство комментариев и объяснений, воспоминаний и описаний З. Гиппиус начинает именно со своего участия, со своей точки зрения и личного отношения к происходящему, излишне комментируя свои дневниковые записи, т. е. происходит своеобразный крен в пользу собственных воспоминаний и оценки явлений.

Эти наблюдения Н.В. Шкуриной, думается, очень важны читателю для составления психологического портрета З.Н. Гиппиус, автора последней главы книги «Эмиграция», написанной уже после смерти Д.С. Мережковского.

Российская исследовательница М. Хатямова в обращении к прозе Н.Н. Берберовой ставит и успешно решает проблему соотношения литературности и документальности ее творческого наследия. Рассматривая художественные традиции, которым следовала Н. Берберова на протяжении своего творческого пути («стилизация эгодокументального дискурса», форма характерного сказа, «символистская житнетворческая логика», литературные мистификации, мифологизация судеб в жанре биографии и др.), автор статьи успешно демонстрирует читателю сильные и слабые стороны ее беллетристики, а также мемуарной и биографической прозы, тем самым внося свой вклад в изучение ее художественного наследия, которое так мало изучено. К сожалению, в статье присутствует досадная описка о Н. Берберовой: «Явившаяся **на свет** “женой Ходасевича”...» (с. 187), где предлог «**на**»

необходимо заменить предлогом «в», поскольку «явиться на свет» означает «родиться», – вряд ли новорожденная девочка могла уже быть женой поэта, которому в то время едва исполнилось 15 лет. Подобные стилистические погрешности, конечно же, не снижают высокий исследовательский уровень работы.

Помимо обращения к творчеству отдельных писателей первой волны, есть сквозные работы, например статья немецкого исследователя Ф. Геблера об использовании ими всемирно известного образа – образа Дон Жуана – «литературного мифа». Он анализирует различного рода обращения к этому образу в произведениях П. Потемкина и С. Полякова (комедия «Дон Жуан – супруг смерти»), в стихотворениях В. Набокова «Гость», а также Г. Адамовича «Дон Жуан, патрон и покровитель...» и З. Гиппиус «Ответ Дон Жуана», а также в драматической поэме В. Пиотровского, продолжающей сюжет «Каменного гостя» Пушкина, с целью изучения тенденций литературы русского зарубежья первой волны и их связи с политическими событиями того времени. Автор приходит к выводу о глубоко индивидуальном и подчас личном использовании образа Дон Жуана в произведениях писателей и поэтов русской эмиграции первой волны; тексты, в которых присутствует образ Дон Жуана, зачастую «поражают многообразием и оригинальностью» (с. 29). Интересно, что образ Дон Жуана в этих произведениях никак не связан с собственно эмигрантской тематикой, а его использование литераторами скорее продолжает пушкинские традиции русской литературы.

К данной тематике явно примыкает и проблема рецепции и интерпретации русской литературы в XX в., затронутая в статье З. Чубраковой (Россия) об оценке творческого наследия И.С. Тургенева в статьях А. Ремизова (1930–1940-х гг.), объединенных в цикл «Тургенев – сновидец» в его книге «Огонь вещей. Сны и предсонья» (1954). Эти статьи, по справедливому мнению З. Чубраковой, являют собой «синтез эссеистики, критической риторики, художественной условности и лирической исповедальности» (с. 206). А. Ремизовым создается свой собственный миф о тургеневском творчестве, с «неслиянностью и неразделенностью» в нем «своего» – русской «темной души» и «чужого» – традиций французской литературы. Ремизов считает, что Тургенев создает гармоничный, но искусственный мир, демонстрируя тем самым свою интернациональную ментальность; в противовес ему исконно сущностные качества русской литературы выражает бунтарь и страдалец Ф.М. Достоевский. Однако чувства и эмоции произведений Тургенева, «крик всхлестнутого сердца» после прочтения Ремизовым повести «Первая любовь» заставил его искренне полюбить произведения русского писателя. На наш взгляд, З. Чубраковой удалось решить весьма сложную задачу – увидеть сильные и слабые стороны А. Ремизова, исследователя и мифотворца. Статья российской исследовательницы с ее тонким анализом восприятия творчества Тургенева А. Ремизовым позволяет проследить эволюцию эстетических и историко-литературных представлений этого критика-модерниста и оценить его оригинальную версию осмысления классики в культурной среде эмигрантской диаспоры.

Чешский исследователь Войтех Пиха исследует реальный факт «двойной эмиграции» «толстовца» В. Булгакова в сообществе русского зарубежья. Высланный из России в 1923 г. за «антисоветскую деятельность», он тем не менее стремился в эмиграции, как справедливо пишет автор статьи, «уравновешивать окружающие

его острые мейнстримовские позиции» (с. 126), например, в написанной им брошюре «Толстой, Ленин, Ганди»; будучи пацифистом, В. Булгаков уже в эмиграции смягчил свое отрицательное отношение к церкви как институции; будучи крайне аполитичным, он сознательно стал «внутренним эмигрантом» русской диаспоры, участвуя только в работе европейских антимилитаристских организаций. Эти грани мировоззрения В. Булгакова успешно проанализированы и объективно представлены в статье В. Пихи, где также упоминается факт его плодотворного общения с чехословацкими религиозными мыслителями пацифистского толка. Автор статьи внес существенный вклад в изучение указанных проблем и представил их нам в весьма объективном изложении.

В статье О.В. Чадаевой (Чехия) подробно анализируется труд прот. Г. Флоровского «Пути русского богословия», где его автором достаточно эмоционально интерпретируются события духовной и культурной жизни XVII в.: смута, раскол русской церкви, «встреча с Западом», «отречение от Византии» и т. д. Исследовательницей тонко подмечен ряд факторов, затрудняющих работу историка русской мысли в условиях эмиграции (отрыв от источников, упор на церковную историю и др.). Она отмечает, что Г. Флоровский в этой книге явно балансирует между исторической наукой, теологией и философией, стремясь к «историческому синтезу», герменевтическому методу; сам труд испытал, по ее мнению, влияние «веховства», а евразийство повлияло на саму идею произведения – попытку постичь загадку русской души. Книга Флоровского, по словам О.В. Чадаевой, несет некую печать субъективности, однако историческая перспектива, открываемая автором, весьма плодотворна для дальнейшего изучения данного периода, поскольку в ней поставлена и тщательно разработана проблема русского религиозного сознания.

Интересную тему поднимает в своей небольшой статье отечественная исследовательница Е. Ефимова «Устная словесность Русской Православной Церкви Заграницей». С ее точки зрения, в условиях эмиграции не столько сохранялась прежняя культура метрополии, сколько формировалась новая – с иной системой ценностей и новой картиной мира. В XX в. субкультура РПЦЗ сохраняла традиции 1910–1920-х гг., утраченные в СССР, и вместе с тем переосмысливала символы РПЦ, а также библейские и евангельские тексты; в ее среде возникали неканонические ритуалы, устные рассказы легендарного характера и т. д. Интересно, что Е. Ефимова воспринимает понятие «культура» не как модель, а как некий процесс, подобный тому, как, погружаясь в раствор, «культурные «модели» трансформируются, а традиционные символы меняют свою семантическую окраску» (с. 47), обретая новые оттенки значений. Оригинальный взгляд исследовательницы на изменение и переосмысливание церковных символов и ценностей в системе устной словесности РПЦЗ подробно излагается и подкрепляется целым рядом фактов и наблюдений.

Таким образом, рецензируемое издание прежде всего свидетельствует о широте научных интересов и многообразии поставленных в нем проблем в связи с изучением литературы русской эмиграции в Европе, как и о высоком научном потенциале авторов представленных в нем работ, которые в большинстве своем актуальны, оригинальны и призваны устранить пока еще остающиеся «белые пятна» на карте зарубежной русистики.

Сведения об авторе:
Татьяна Николаевна Белова,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana N. Belova,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tnbelova@yandex.ru

LITERATURE OF RUSSIAN EMIGRATION: SUMMING UP

Н.А. Ганина

Эрфуртская историзованная Библия: издание и исследования Рудольфа Бентцингера

Die Erfurter Historienbibel
(Historienbibel Gruppe VI),
hg. von Rudolf Benthinger. Berlin / Boston:
De Gruyter, 2016 (Deutsche Texte des Mittelalters 95). XCVI + 534 S.

22 мая 2017 г. в Берлин-Бранденбургской Академии наук состоялась торжественная презентация книги Рудольфа Бентцингера «Эрфуртская историзованная Библия», организованная Центром Средневековья Академии наук в зале Эйнштейна. В презентации приняли участие 80 исследователей, в том числе молодых ученых, из Германии и других стран. Это мероприятие, анонсированное в средствах массовой информации, вызвало большой интерес, как показало обсуждение докладов руководителя проекта «Немецкие тексты Средневековья» проф. д-ра Мартина Шуберта (университет Дуйсбург / Эссен) и автора, проф. д-ра Рудольфа Бентцингера (Берлин / Эрфурт).

Рудольф Бентцингер (род. в 1936 г. в Эрфурте) – один из тех ученых, с которыми связана целая эпоха немецкой германистики. Он изучал германистику в Эрфурте и Йене, после пяти лет преподавания в школе в долине Унштрута близ Наумбурга стал научным ассистентом Педагогической Высшей школы Лейпцига (1961–1976), а с 1976 г. – научным сотрудником Берлинской Академии наук (до 1990 г. – Академия наук ГДР, с 1994 г. – Берлин-Бранденбургская Академия наук), Центрального института языкознания (сектор истории языка), позднее – руководителем отдела «Немецкие тексты Средневековья». Рудольф Бентцингер много лет преподавал в университетах Лейпцига, Майнца, Оснабрюка, Эрфурта, является почетным профессором Берлинского Технического университета. Международное признание получили его многочисленные публикации по истории немецкого языка XV–XVI вв., по теории эдичий и истории германистики и издания немецких текстов XV–XVI вв. Рудольф Бентцингер – постоянный член «Немецко-русской рабочей группы по истории книги» (Университет Филиппа, Марбург, МГУ имени М.В. Ломоносова) и издатель серии «Немецко-русские исследования по истории книги» («Особые публикации Эрфуртской Академии общепольных наук»).

Новый труд Рудольфа Бентцингера представляет собой критическое издание Эрфуртской историзованной Библии. Историзованные Библии были в XIV–

XV вв. наиболее распространенной формой немецкого перевода Библии во всем немецкоязычном пространстве. Подобные тексты содержали существенные части Ветхого Завета (реже также Нового Завета) и толковали важные пассажи посредством исторических комментариев, легенд и т. п. Они были популярны среди белого духовенства, представителей городской элиты и знати. В настоящем томе предлагается полное синоптическое издание обеих хорошо сохранившихся эрфуртских рукописей историзованной Библии средненемецкой группы VI (1420-е гг.). Обе другие рукописи (olim Мейнинген, 1439 г., и Вроцлав, 1465 г.) представлены согласно рукописной традиции. В издании текста обозначены соотношения с Вульгатой и другими источниками. Во введении обсуждается соответствующая проблематика библейской истории, кодикологии и истории языка. Издание сопровождается комментированным указателем имен и подробным тематическим указателем с учетом латинских соответствий, а также латинско-немецким указателем. Этот труд вносит существенный вклад в историю немецкого языка и литературы. Книга представляет интерес для богословов, германистов и историков Средневековья как издание и исследование важного памятника позднесредневековой библейской традиции.

Am 22. Mai 2017 fand in der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften eine festliche Präsentation des Buches von Rudolf Bentzinger 'Die Erfurter Historienbibel' statt. Die Präsentation wurde vom Mittelalter-Zentrum der Akademie im Einstein-Saal durchgeführt, Teilnehmer waren rund 80 Wissenschaftler und Nachwuchswissenschaftler aus dem In- und Ausland. Die in den Medien angekündigte Veranstaltung stieß auf reges Interesse, wie die Diskussionen im Anschluss an die Vorträge des Projektleiters 'Deutsche Texte des Mittelalters', Prof. Dr. Martin Schubert (Universität Duisburg / Essen), und des Autors, Prof. Dr. Rudolf Bentzinger (Berlin / Erfurt) zeigten.

Rudolf Bentzinger (geb. 1936 in Erfurt) gehört zu den Wissenschaftlern, mit denen eine ganze Epoche der deutschen Germanistik verbunden ist. Er studierte Germanistik in Erfurt und Jena, wurde nach fünfjähriger Tätigkeit als Lehrer im Unstruttal bei Naumburg wissenschaftlicher Assistent und Lektor an der Pädagogischen Hochschule Leipzig (1961–1976). Seit 1976 war er als wissenschaftlicher Mitarbeiter an der Berliner Akademie der Wissenschaften (bis 1990 Akademie der Wissenschaften der DDR, seit 1994 Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften) am Zentralinstitut für Sprachwissenschaft, Bereich Sprachgeschichte tätig, später als Leiter der Arbeitsstelle Deutsche Texte des Mittelalters. Professor Bentzinger unterrichtete an den Universitäten Leipzig, Mainz, Osnabrück und Erfurt, er ist Honorarprofessor an der Technischen Universität Berlin. International anerkannt sind seine zahlreichen Veröffentlichungen zur deutschen Sprachgeschichte des 15./16. Jahrhunderts, zur Editionswissenschaft und Germanistikgeschichte sowie seine Editionen deutscher Texte des 15. und 16. Jahrhunderts. Rudolf Bentzinger ist ständiges Mitglied der 'Deutsch-Russischen Arbeitsgruppe zur Buchgeschichte' (Philipps-Universität Marburg, Moskauer Staatliche Lomonossov-Universität) und Reihenherausgeber der 'Deutsch-Russischen Arbeitsforschungen zur Buchgeschichte' (Sonderschriften der Akademie der gemeinnützigen Wissenschaften zu Erfurt).

Das neue Werk von Rudolf Bentzinger bietet eine kritische Edition der Erfurter Historienbibel. Die Historienbibeln waren im 14./15. Jahrhundert die häufigste Form deutscher Bibelübersetzung im gesamten deutschen Sprachraum. Solche Texte enthielten wesentliche Teile des Alten Testaments (selten auch des Neuen Testaments) und erläu-

terten wichtige Stellen durch historische Kommentare, Legenden u. Ä. Sie waren bei Weltgeistlichen, Angehörigen der städtischen Oberschicht und des Adels im Gebrauch. Im vorliegenden Band werden die beiden gut erhaltenen Erfurter Handschriften der Historienbibel von der mitteldeutschen Gruppe VI (1420er Jahre) vollständig synoptisch wiedergegeben. Die beiden anderen Handschriften (olim Meiningen, 1439, und Breslau, 1465) werden entsprechend der Überlieferungslage vorgestellt. Der Textabdruck weist die Bezüge zur Vulgata und zu anderen Quellen nach. In der Einleitung wird relevante bibelgeschichtliche, kodikologische und sprachgeschichtliche Problematik behandelt. Die Edition ist durch ein kommentierendes Namenverzeichnis und ein ausführliches Wortverzeichnis mit Angabe der lateinischen Entsprechungen sowie einen lateinisch-deutschen Index erschlossen. Dieses Werk ist als ein wesentlicher Beitrag zur deutschen Sprach- und Literaturgeschichte einzuschätzen. Für Theologen, Germanisten und Historiker wird das Buch von Interesse als eine Edition und Untersuchung eines wichtigen Textzeugen spätmittelalterlicher Bibelgeschichte.

Сведения об авторе:

Наталия Александровна Ганина,
докт. филол. наук
профессор
кафедра германской и кельтской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ganina Natalija,
Doctor of Philology
Professor
Department of Germanic and Celtic Philology
Philological Faculty,
Lomonosov Moscow State University
ganina@philol.msu.ru

**THE ERFURT POPULAR BIBLE:
EDITION AND STUDIES BY RUDOLF BENTZINGER**

А.Г. Шешкен

Ильина Г.Я. Библиография переводов хорватской литературы на русский язык. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 78 с.

Библиография переводов произведений хорватской художественной литературы на русский язык издается в России впервые. Ее автор – профессор, доктор филологических наук Галина Яковлевна Ильина – принадлежит к числу корифеев отечественной славистики, труды которого широко известны как в нашей стране, так и за рубежом. Она более полувека работает в Институте славяноведения РАН, изучает и популяризирует культуру и литературу славянских народов. Хорватская литература находится в центре ее научных интересов. Издание библиографии служит важным дополнением к недавно вышедшей монографии Г.Я. Ильиной «Хорватская литература XX века» (2015). Библиография охватывает более 400 единиц переведенных на русский язык произведений поэзии, прозы и драмы, написанных хорватскими авторами с эпохи Возрождения до начала XXI в.

Библиография построена по хронологическому принципу, с выделением двух частей. Первая часть охватывает переводы с последней четверти XIX в. по 1981 г., когда в русской культуре сформировался и приобрел систематический характер интерес к славянским, в том числе хорватской, литературам. Вторая часть – переводы с 1982 по 2016 г. По справедливому мнению составителя, «каждая из частей дает представление о количестве изданий за этот период, их характере, объеме и выборе писателей. А это позволяет увидеть те изменения, которые происходили в переводческой и издательской практике хорватской литературы в СССР, а затем в Российской Федерации» (с. 3). В свою очередь в каждой из частей выделены антологии и сборники, в которые включены произведения хорватских писателей, и персоналии, представленные в алфавитном порядке. В скобках приводится написание имен хорватских авторов на родном языке и, что особенно ценно, указывается название произведений в оригинале. Известно, насколько может отличаться название лирического стихотворения, а иногда и романа, в переводе и как это затрудняет поиск оригинала. В прошлом хорватские авторы писали также на латинском и итальянском языках, в связи с этим в библиографии указывается, с какого языка сделан перевод.

Библиография дает представление об устойчивом интересе русских переводчиков к хорватской литературе. Многие из них были признанными специалистами по культуре славянских народов. Поэзию эпохи Возрождения переводил глу-

бокий знаток славянских литератур и один из крупнейших в Европе специалистов по сравнительно-историческому литературоведению, итальянской литературе и творчеству Данте И.Н. Голенищев-Кутузов. Из числа переводчиков прозы и драмы выделяются выпускники славянского отделения филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: Т. Попова, А. Романенко, Н. Вагапова, Л. Савельева и др. Они же нередко были и составителями сборников и антологий, выступали авторами предисловий, послесловий и комментариев (А. Романенко, О. Кутасова, Н. Корневская), как и сама автор библиографии, тоже выпускница кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ. Большой вклад в популяризацию хорватской лирики внесли крупные русские поэты: Л. Мартынов, В. Корнилов, Б. Слуцкий, С. Куняев, Д. Самойлов, Ю. Друнина, М. Павлова, Ю. Мориц, А. Кушнер, Н. Горбаневская и др.

Библиография систематизирует сведения о почти полуторавековой традиции перевода хорватской литературы в России. Она будет полезна студентам, преподавателям и специалистам, а также поклонникам художественного слова славянских народов.

Сведения об авторе:
Алла Геннадьевна Шешкен,
доктор филол. наук
профессор
кафедра славянской филологии
филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

Alla Sheshken,
Doctor of Philology
Professor
Department of Slavic Philology
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
asheshken@yandex.ru

**ILYINA G.YA. BIBLIOGRAPHY OF TRANSLATIONS
OF CROATIAN LITERATURE INTO RUSSIAN.
MOSCOW: INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, 2016. 78 p.**

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2017-23-3-1-259

STEPHANOS
2017
№3 (23)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2017
Май — May